

Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПЕРМСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
И АРХЕОЛОГИИ
ГОУ ВПО «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

М. С. Каменских

Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в.

издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

Санкт-Петербург
2011

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(235.55)
К 18

Автор:
Каменских Михаил Сергеевич

Перевод на китайский язык
Вань Нин

Научные редакторы:
доктор исторических наук **А. В. Черных**,
доктор исторических наук **Г. Е. Корнилов**

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. **В. Г. Дацышен** (г. Красноярск),
канд. ист. наук, доц. **С. В. Смирнов** (г. Екатеринбург)

Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории
и археологии УрО РАН.

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ
для государственной поддержки молодых российских ученых.
Проект «Этническая история и традиционная культура народов
Урала в XVI – начале XXI в.» № МД-590.2009.6.

В монографии на основе не публиковавшихся ранее архивных материалов, материалов периодических изданий и этнографических источников рассматриваются особенности формирования, становления и развития китайской этнической группы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. Впервые рассмотрены основные этапы формирования и миграций китайцев на Средний Урал, их численность и расселение, особенности сохранения национальной культуры и адаптации в местном сообществе.

Издание рассчитано на специалистов в области истории и этнографии, будет интересно и широкому кругу читателей, неравнодушных к истории и этнической культуре Китая.

ISBN 978-5-91076-046-6

© Каменских М.С., 2011.
© Издательство «Маматов»,
оформление, 2011.

卡门斯基赫·米哈伊尔

十九世纪末至二十世纪初 乌拉尔中部地区的中国人

P u b l i s h i n g
MAMATOV
www.mamatov.ru

Sankt-Peterburg
2011

К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаемая любознательному читателю монография «Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в.» продолжает серию работ по проекту «Этнодисперсные группы народов Среднего Урала», который реализуется пермскими этнографами под эгидой Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН.

Монографическое исследование о китайцах на Среднем Урале – четвертая книга в данной серии: в предыдущих работах рассматривались вопросы формирования и этнокультурного развития немцев, поляков, эстонцев на территории Пермского края¹. Основная задача, поставленная авторами проекта, – изучить становление и этнокультурное развитие некоренных, дисперсно расселенных этнолокальных групп Среднего Урала в XIX – начале XXI в. В рамках проекта удалось проследить историю формирования отдельных народов в регионе, выявить в миграционных процессах общие и особенные черты. Представители разных народов, оказавшиеся в силу разных исторических причин на территории Среднего Урала в рассматриваемый период, становились частью общей истории региона (участвовали в заселении территории, Гражданской и Великой Отечественной войнах, мероприятиях советской власти в различные годы и пр.), сохраняя при этом свою этнокультурную специфику, что позволяло им при относительной малочисленности быть заметными в социокультурном пространстве региона.

Предлагаемая монография о китайцах на Среднем Урале – особенная в этом ряду исследований. Предыдущие работы были посвящены европейским народам, миграционный поток которых шел с запада. Книга о китайцах – первое исследование азиатского этнического сообщества Урала, представляющего восточный вектор миграции. Кроме того, монография о китайцах – первая книга об этом народе в регионе, она закрывает существенный пробел в изучении почти столетнего пребывания лиц китайской национальности на Среднем Урале. В работе рассматриваются основные миграционные потоки китайцев в регион, особенности их пребывания и адаптации к местному сообществу. На примере китайской этнической группы изучены модели диаспоральных процессов внутри этнодисперсной группы и факторы, влияющие на их появление, протекание и завершение. В китайской этнической группе в силу ряда причин диаспоральный процесс начинался трижды и лишь к рубежу XX–XXI веков вступил в завершающую стадию, характеризующуюся ростом национального самосознания, появлением социальных институтов в рамках этнодисперсной группы. Окончательное становление китайской диаспоры на Урале произошло лишь к концу первого десятилетия XXI в.

Книга о китайском сообществе на Урале – это еще и первое исследование молодого историка и этнографа, плодотворно разрабатывавшего китайскую тематику на протяжении нескольких последних лет. Исследование основано на обширном комплексе архивных и полевых этнографических, впервые вводимых в научный оборот, источников. Хочется пожелать автору продолжить исследование проблем истории и этнографии народов Урала.

А. В. Черных, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Пермского филиала
Института истории и археологии УрО РАН,
научный редактор книги

ВВЕДЕНИЕ

Исследование миграционных потоков, резко увеличившихся во второй половине XX в., сегодня считается одним из перспективных направлений в гуманитарных науках, поскольку создает возможности для анализа целого ряда социальных процессов. Ценность представляет изучение динамики и направлений перемещения социумов, проблемы их адаптации в принимающем обществе, отношения прибывающих с местным населением.

Один из важнейших аспектов в изучении миграций – их этническая составляющая, поскольку часто причинами передвижений людских масс (например, трудовых) становится неравномерное экономическое развитие отдельных государств и населяющих их народов². В этом случае страны с большими людскими ресурсами и низко развитой экономикой становятся источниками миграционных потоков, направляемых туда, где существует объективная необходимость в трудовых ресурсах для дальнейшего развития. В случае таких миграций происходят изменения в национальной структуре принимающего сообщества, и эти изменения могут повлечь за собой серьезные социальные и политические последствия. По этой причине этнические миграции сегодня становятся предметом изучения для целого ряда гуманитарных дисциплин, таких как история, этнология, политология, конфликтология, экономика и др.

Россия с ее огромными пространствами и ресурсами на протяжении последних нескольких столетий становилась одним из крупнейших центров притяжения иммигрантских потоков. Свою

роль здесь играет и слабая заселенность отдельных территорий страны, требующая для своего развития привлечения людских ресурсов извне, и неоднократное административное регулирование миграционных потоков со стороны государства, приведшее к формированию на территории России нескольких десятков анклавов компактного проживания некоренных, дисперсно расселенных народов (немцев, поляков, китайцев, народов Прибалтики и др.), история которых насчитывает несколько столетий. За это время сложилась огромная эмпирическая база по истории, культуре, быту и адаптации данных народов в России. Однако в советское время различные аспекты их истории изучались неравномерно³. Либерализация общественной жизни в начале 1990-х годов, раскрытие целого ряда засекреченных ранее документов позволили по-новому взглянуть на целые пласты в истории некоренных народов России, таких, как обстоятельства их пребывания, условия жизни и адаптации, отношения с местным населением. Учитывая, что на 1990-е годы пришелся очередной пик иммиграций в нашу страну, исследования истории, способов и механизмов адаптации некоренных народов на территории России представляются особенно актуальными.

Изучение истории некоренных народов возможно сегодня с позиций концепции этнической истории и этнических диаспорных групп, согласно которой часть этноса, оторванная от своей исторической родины, рассматривается как единый этносоциальный организм, обладающий собственными принципами становления и развития. Одним из направлений данной концепции выступает выявление специфики отдельных дисперсно расселенных локальных этнических групп, являющихся составной частью более крупного этноса⁴.

Наибольшее развитие концепция этнодисперсных групп в настоящий момент получила в работах российских этнографов. Омский исследователь Т. Б. Смирнова в своей монографии, посвященной истории немцев Сибири, отметила, что перед современными историей и этнографией «встает задача исследования путей и специфики этнического развития групп, оторванных от

своего этноса и оказавшихся в иноэтничном окружении, а также факторов, определяющих это развитие»⁵. Сегодня можно назвать целый ряд исследований по этническим процессам в переселенческих группах некоренного населения Сибири, Урала, центральных и южных регионов России⁶. Концепция этнодисперсных групп уже легла в основу исследования нескольких народов Среднего Урала⁷.

В рамках данной концепции авторами исследуются следующие аспекты: характер появления и пополнения этнодисперсной группы; обстоятельства приезда и численность; социально-демографические характеристики; адаптационные процессы; деятельность; особенности культуры и быта.

Сам термин «этнодисперсная группа» является своего рода реакцией на дискуссию по поводу категории «диаспора», под которой принято понимать часть этноса, оторванную от места своей исторической родины, проживающую на территории другого государства, при этом сохраняющую и воспроизводящую свою национальную культуру и имеющую собственные социальные институты и общественные организации⁸. Такое определение характерно, в первую очередь, для диаспор США, где данный термин и зародился⁹. Применение термина «диаспора» к некоренным народам других государств, в частности к России, наткнулось на серьезные дискуссии (проблемы принадлежности к диаспоре трудовых мигрантов, связей локальных этнических общин и т. д.). Сторонники использования термина «диаспора» указывают, что до диаспоры в классическом понимании термина этническая группа должна пройти определенную стадию в развитии. Качественно диаспора отличается от этнической группы. В этой ситуации приходится говорить об элементах диаспоры, диаспоральных группах, процессах становления диаспоры и т. д.

Термин «этнодисперсная группа», не отвергая понятие «диаспора», учитывает возможности нескольких мест компактного проживания и различных условий формирования этноса. При этом в рамках этнодисперсной группы, находящейся в процессе непрерывной эволюции, возможно появление социальных инсти-

тутов, выражающих интересы социума, – признаков оформления диаспоры. В данном случае в структуре этнодисперсной группы возможно появление диаспоры.

Одним из примеров некоренных, дисперсно расселенных этносов России в XIX–XX вв., особенно в ее восточной части, являются китайцы. Необходимо отметить, что Китай исторически является крупнейшей страной по количеству эмигрантов в мире. Население этого государства в начале 2000-х годов превысило 1,3 млрд человек, а китайская диаспора в мире насчитывает сегодня до 40 млн человек¹⁰. Крупные диаспоры сформировались в США (13 млн человек), Канаде (7 млн человек), а в некоторых странах Юго-Восточной Азии, таких как Малайзия или Таиланд, китайцы уже составляют до 20% населения¹¹. По причине географической близости появление китайцев на территории России (особенно в Сибири и на Дальнем Востоке) в различные периоды истории выглядит вполне закономерным.

В России первые китайцы массово появились еще в XIX в. Во второй половине XIX в. их численность на Дальнем Востоке измерялась десятками тысяч человек, а в XX в. китайская иммиграция стала массовым явлением уже для всей страны. Всего в этом столетии можно выделить три волны иммиграции китайцев на территорию России, каждая из которых находится в тесной связи с основными этапами социально-экономического развития и межгосударственного взаимодействия России (СССР) и Китая.

Первая массовая иммиграция китайцев в Россию охватывает рубеж с конца XIX в. до установления советской власти в 1917–1918 гг. Известно, что в начале XX в. китайские купцы вели активную торговлю на территории Российской империи, а в годы Первой мировой войны на оборонных заводах и стройках страны трудилось несколько десятков тысяч китайцев.

После Октябрьского переворота 1917 г., приведшего к значительным социальным и политическим изменениям, начинается второй этап пребывания китайцев в нашей стране. В период Гражданской войны многие из них воевали в интернациональных подразделениях Красной Армии, а в 1920-е годы занимались тор-

говлей, участвовали в кооперативном и общественном движении. Кроме этого, в 1920-е годы в СССР начинают активно прибывать новые китайские иммигранты (как правило, студенты и общественные деятели), что знаменует новый этап иммиграции.

Во второй половине 1930-х годов большинство из оставшихся от этой волны китайцев были репрессированы либо вернулись на родину.

Вторая иммиграционная волна относится к периоду начала 1950-х – середины 1960-х годов – эпохе т. н. «Большой дружбы», когда для обучения и работы в СССР вновь прибыло несколько десятков тысяч китайцев. Большинство из них покинули страну к 1964 г. после охлаждения отношений между СССР и КНР.

Последний из этапов истории китайцев в нашей стране связан с распадом СССР и начавшейся после этого волной трудовой иммиграции из КНР в Россию, общие размеры которой измеряются сегодня несколькими миллионами человек. Активная миграция китайцев в Россию продолжается и сегодня.

Изучение истории каждой из волн иммиграции китайцев, их сравнение, сопоставление с общероссийскими иммиграционными процессами представляется сегодня особенно актуальным, поскольку позволяет не только ответить на вопросы о сущности, причинах и динамике иммиграции самого крупного этноса в мире на территорию России, но и осветить общие проблемы этнической ситуации в России, спрогнозировать эволюцию миграционных потоков, что особенно важно в условиях убыли населения нашей страны на современном этапе.

Данная работа посвящена изучению истории китайской этнодисперсной группы на территории Среднего Урала. Этот регион является крупным промышленным узлом России, роль которого в развитии страны в XX в. существенно возросла. Кроме этого, Урал традиционно является связующим звеном России между Европой и Азией, и изучение китайской иммиграции, идущей с Востока на Запад, именно на территории Среднего Урала представляется особенно актуальным¹².

Урал интересен еще и тем, что здесь довольно четко прослеживаются все три иммиграционные волны китайцев. Так, в годы Первой мировой войны на заводах Среднего Урала трудилось до 10 тыс. китайцев. После 1917 года многие из них принимали участие в Гражданской войне, а в 1920-е годы на Урале при губкомах существовали китайские национальные ячейки, создавались кооперативные артели с участием китайцев. Не обошли китайцев Урала и репрессии 1930-х годов. С 1955 по 1964 год вновь прибывшие на Урал китайцы жили, учились и работали на таких крупных предприятиях региона, как Уралмаш, Молотовстрой, проходили обучение в Уральском политехническом институте. Большинство из них уехали в Китай после 1964 года. В 1990-е годы на территорию Среднего Урала, как и во многие другие регионы, хлынула волна китайских иммигрантов, занимающихся индивидуальной торговлей, что знаменовало собой новый этап в истории китайской иммиграции в России.

Таким образом, объектом данного исследования выступает китайская этнодисперсная группа Среднего Урала, а предметом – процесс ее становления и развития на Среднем Урале в период с конца XIX до начала XXI в. Процесс становления и развития в данном случае включает в себя анализ таких аспектов, как обстоятельства появления в регионе, правовой статус, социально-демографические характеристики, формы адаптации и взаимодействие с местным населением.

Территориальные рамки исследования охватывают пространства современных Свердловской области и Пермского края, которые обозначены в исследовании как «Средний Урал». Учитывая дискуссионность категории, хотелось подчеркнуть, что в данном исследовании Средний Урал представляется не как отдельный регион, привязанный к конкретным территориальным и хронологическим рамкам, а как некая условная историко-географическая область, характеризующаяся рядом признаков, таких как: общность хозяйственно-исторического освоения, экономического уклада, социально-экономических, а также этнических процессов, происходящих на данной территории.

Поскольку в течение XX в. административное деление Урала неоднократно менялось, необходимо представить более уточненные комментарии относительно исследуемых территорий в различные периоды XX в. В данном исследовании в период до 1918 г. рассматривается территория Пермской губернии¹³, в период с 1919 по 1923 г. – уезды Пермской и Екатеринбургской губерний. С 1923 по 1934 г., когда территория бывшей Пермской губернии была разделена на округа в рамках одной Уральской области, в поле исследования попали территории Верхнекамского, Пермского, Кунгурского, Свердловского, Нижнетагильского, Коми-Пермяцкого и отчасти Сарапульского округов. Далее до 1938 г. рассматриваются территории Свердловской, а с 1938 г. – Свердловской и Пермской областей (с 1940 по 1957 г. Пермская область именовалась Молотовской)¹⁴. Для удобства изложения понятия «Урал» и «Средний Урал» в работе используются в качестве синонимов.

Определены также хронологические рамки исследования: конец XIX – начало XXI в. Они отражают качественные изменения внутри китайской этнической группы в России и на Среднем Урале. Так, сведения о первых китайцах, а, следовательно, и о формировании китайской этнической группы на Среднем Урале относятся к концу XIX в., о чем свидетельствуют материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Заканчивается исследование второй половиной первого десятилетия XXI в.

По рассматриваемой проблеме уже сложилась определенная исследовательская традиция¹⁵. В основу историографического обзора предлагаемой работы положен проблемно-хронологический принцип: вся исследовательская традиция разделена на досоветскую, советскую (с разделением на три подпериода) и постсоветскую. В работе представлен историографический анализ каждого из этапов.

Досоветский период охватывает рубеж с конца XIX в. до 1918 г. Труды этого времени неоднократно изучались в исторической науке¹⁶. Исследователи отмечают, что большая часть всех работ этого периода носит публицистический характер и направ-

лена, в первую очередь, на изучение китайцев Сибири и Дальнего Востока. В данном случае можно выделить неоднократно переиздававшиеся труды исследователей и путешественников В. К. Арсеньева и Ф. Нансена. Оба не раз бывали на Дальнем Востоке в начале XX в. Отметим, что в работах этих исследователей большое внимание уделяется бытовым сторонам жизни китайцев в России, особенностям их поведения и способов адаптации в нашей стране¹⁷. Эта была первая попытка в историографии изучить китайцев как этническое миграционное сообщество. Тем не менее, работы основаны преимущественно на личных наблюдениях. Вне поля зрения авторов остались такие вопросы, как: статус китайцев в России и их численность по материалам переписей, роль в экономической жизни региона, их отношения с местным населением, не проводился анализ социальных и демографических характеристик китайской этнической группы.

Второй этап в историографии иммиграции китайцев на территорию России относится к началу 1920-х – концу 1940-х годов. В этот период исследователями раскрываются такие проблемы, как статус китайцев в царской России и СССР, история их появления в стране, роль китайцев в работе оборонных предприятий в годы Первой мировой войны. Однако в историографии этого периода история китайцев в России еще не оформилась как предмет отдельного исследования. Авторы рассматривают ее в контексте таких проблем, как советско-китайские отношения, история Китая в целом и т. д.¹⁸

Китайским рабочим Пермской губернии посвящена отдельная глава в труде уральского историка А. П. Таняева «Рабочее движение в годы войны»¹⁹. Автор касается вопросов появления китайцев на Среднем Урале, их положения и быта, отношений с местной администрацией. Однако А. П. Таняевым использованы не все источники, не рассмотрены такие проблемы, как адаптация китайцев, отношение к ним местного населения, повседневные занятия и быт.

Следует отметить, что представления о китайцах Среднего Урала как об отдельной специфической группе формируются в ис-

ториографии именно в первые годы советской власти. Но, в целом, работы историков этого периода носят описательный характер.

Следующий этап советской историографии по заданной проблеме относится к периоду «Большой дружбы» (начало 1950-х – середина 1960-х годов). В это время количество исследований, посвященных Китаю, увеличилось. В трудах историков этого времени история китайцев в России была представлена преимущественно через призму двух эпизодов – положения китайцев в годы Первой мировой войны и их участия в Гражданской войне, а также истории китайцев в СССР непосредственно в период «Большой дружбы». В первой группе исследований история китайцев представлена в контексте боевого пути интернациональных подразделений Красной Армии в период Гражданской войны. В частности, положение китайцев до Гражданской войны на заводах Пермской губернии, а также их участие в Гражданской войне на Урале подробно представлены в монографии Л. И. Жарова и В. Н. Устинова²⁰. А уральские историки В. А. Данилов и И. М. Шакино в своих исследованиях дают оценку роли китайцев в формировании интернациональных подразделений Красной Армии²¹. В монографиях Г. С. Новогрудского и А. М. Дунаевского²² собраны воспоминания об участии китайцев на всех фронтах Гражданской войны. Боевой путь самого крупного формирования китайцев на Урале – 225-го китайского полка 3-й Армии Восточного фронта, командовал которым китаец Жень Фучен²³, подробно исследован в трудах А. А. Спасского и А. А. Иглицкого²⁴.

Несмотря на обилие работ, многие вопросы этого периода остались нераскрытыми²⁵. Исторические труды, как и ранее, по большей части сводились к описанию хронологии событий, публикации источников. Авторы практически не обращаются к истории китайцев в период до Гражданской войны.

Поскольку на 1950-е годы приходится вторая волна иммиграции китайцев в СССР, появляются и новые аспекты для исследований, связанные с историей и трудом китайцев в СССР в послевоенный период. Об этом говорится, например, в моногра-

фии Пын Мина и др.²⁶ Исследователи неоднократно упоминают о более чем десяти тысячах китайских студентов и практикантов, прибывших в этот период в СССР. Однако об их жизни, расселении по стране, условиях адаптации, судьбах в работах этого времени практически ничего не говорится.

Период со второй половины 1960-х – до начала 1980-х годов характеризуется переменами в отношениях между КНР и СССР, что находит свое отражение в третьем этапе советской историографии истории китайцев. В этот период исследований, связанных с различными аспектами истории Китая и китайцев, выходило значительно меньше²⁷. Основная часть работ по-прежнему касалась участия китайцев в Гражданской войне, многие из которых просто переиздавались²⁸.

В целом, в советской историографии подняты проблемы истории китайцев в России, выделены некоторые ее наиболее актуальные аспекты. Но историография этого периода не смогла отойти от описательного принципа к проблемному. Многие источники не были введены в научный оборот (в том числе из идеологических соображений), а целые периоды китайской иммиграции в России и СССР оставались за рамками исторических исследований.

Принципиально новый этап в изучении истории китайцев в России начался в конце 1980-х годов и длится по сей день. Он связан с оживлением и дальнейшим улучшением отношений между КНР и Россией. В конце 1990-х – начале 2000-х годов в стране выходят первые монографии по общей истории китайцев в России. Авторы заложили методiku изучения истории китайцев России, вписали ее в контекст российско-китайских отношений, выделили основные периоды в истории китайской иммиграции как в Россию в целом, так и в ее отдельные регионы²⁹. С этого времени можно говорить о формировании в исторической науке представления об истории китайцев в России, как об отдельном предмете исследования. В этот период поднимаются вопросы о закономерностях становления и развития китайской этнической группы в России, способах адаптации китайцев, отношения к ним

местного населения и др. В 2000-е годы в стране было защищено сразу несколько диссертаций по различным аспектам китайской иммиграции в Россию³⁰.

На данном этапе история китайцев также органично вписывается в общий контекст иммиграционных потоков в Россию, что создает благоприятные условия для обобщающих и сравнительных исследований. Наиболее крупными исследователями современного периода являются В. Г. Гельбрас, В. Г. Дацышен, С. Н. Гончаров, А. Г. Ларин, В. Л. Ларин, В. Я. Портяков, В. И. Дятлов и др.³¹

Следует отметить, что первые комплексные работы по истории китайцев обнаружили большое количество эмпирического материала практически во всех крупных географических областях страны. Таким образом, были сформированы предпосылки для проведения исследований по истории китайцев уже не на уровне России, а в рамках отдельных регионов. Сибирский исследователь диаспор В. И. Дятлов по этому поводу написал, что сегодня «необходимо изучать процесс китайского проникновения и отношения к этому процессу как на макроуровне, так и в отдельных проявлениях, в конкретных регионах, на локальном уровне»³².

На сегодняшний день история китайцев наиболее полно изучена в регионах Сибири и Дальнего Востока³³. Конечно, это связано с географической близостью указанных территорий к Китаю, а также продолжительностью и масштабами пребывания в них китайцев. В Сибири, например, различные аспекты истории пребывания китайцев рассматривает в своих работах В. Г. Дацышен³⁴. Его исследование истории китайцев Сибири – первое комплексное «региональное» исследование китайской иммиграции.

На Среднем Урале в конце 1980-х годов китайцы еще рассматривались местными историками как одна из категорий «угнетенного» рабочего класса Урала в годы Первой мировой войны³⁵. Однако к концу 1990-х годов интерес к теме, как и по всей стране, заметно возрос, появились новые аспекты для исследований (история появления китайцев на Урале, условия их труда и

адаптации, отношения с местным населением и т. д.), в научный оборот введены не публиковавшиеся ранее источники. В частности, проблемы труда китайцев в Пермской губернии в начале XX в. осветил С. В. Смирнов³⁶. Различные аспекты пребывания китайцев на Среднем Урале в годы Первой мировой войны исследовали в своих статьях Г. Н. Шумкин и Е. Ю. Рукоусев³⁷. Авторы собрали большое количество архивных материалов, в том числе и на территориях, выходящих за рамки Среднего Урала. Г. Н. Шумкин в 2009 г. первым из уральских ученых составил историографический обзор по истории китайцев на Урале в годы Первой мировой войны³⁸. Об условиях труда китайцев и корейцев на основании условий трудовых договоров начала XX в. писала Л. А. Чемезова³⁹. Исследователь А. В. Бушмаков в 2008 г. рассмотрел проблемы противостояния китайцев с администрациями заводов с позиции конфликтологии⁴⁰. Л. С. Бортник в своих статьях обращается не только к периоду Первой мировой войны, но затрагивает и годы советской власти, репрессии в отношении китайцев⁴¹. Историю китайцев Урала в годы Первой мировой войны изучал и В. Г. Дацышен⁴².

Очерки современного положения китайцев, истории первых контактов Среднего Урала с городами КНР в 1990-е годы издавались по инициативе министерства внешнеэкономических связей Свердловской области⁴³ и УГТУ–УПИ⁴⁴. В Пермском крае несколько публикаций по современной китайской диаспоре (в контексте других диаспор) принадлежат А. А. Борисову и Ю. В. Василенко⁴⁵.

Положение китайцев на Среднем Урале нашло свое отражение и в ряде работ зарубежных исследователей. Однако следует отметить, что китайцы Урала в этих трудах не выделяются в качестве отдельного объекта, а упоминаются лишь в связи с рассмотрением общей истории китайцев в России. О положении японцев и китайцев в Пермской губернии в начале XX в. писал японский ученый Хасэгава Син⁴⁶. Китайский исследователь Ли Юнчан в конце 1980-х годов описал период пребывания китайцев

в России в годы Гражданской войны. В том числе в своем исследовании Ли Юнчан касается и Среднего Урала⁴⁷.

Как видно, на современном этапе история китайцев активно изучается. Одним из ключевых направлений для дальнейшего развития этой темы в исторической науке является ее «регионализация», когда характерные для всей страны процессы в истории китайцев рассматриваются на примере отдельных регионов с учетом их историко-географической специфики. На Среднем Урале комплексного изучения истории пребывания китайцев в регионе пока не проводилось. Данная работа призвана отчасти решить эту проблему.

Целью предлагаемой работы с учетом научной разработанности темы является всесторонний анализ процесса становления и развития китайской этнодисперсной группы Среднего Урала в конце XIX – начале XXI в.

Для достижения данной цели был поставлен ряд задач:

- выявить основные причины и этапы (волны) иммиграции китайцев на территорию Среднего Урала, проследить их связь с уровнем социально-экономического развития России (СССР) и Китая;
- проанализировать и сравнить нормативную базу в отношении китайских иммигрантов в России и на Среднем Урале в досоветский, советский и постсоветский периоды;
- рассмотреть и сравнить численность и социально-демографические характеристики китайцев в различные периоды их пребывания на Среднем Урале;
- проанализировать формы адаптации китайцев каждой иммиграционной «волны» на Среднем Урале, выявить общее и особенное;
- реконструировать на основании источников повседневный быт китайских иммигрантов на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. с целью рассмотрения проблем интеграции китайцев в местное сообщество;
- оценить специфику Среднего Урала как одного из центров китайской иммиграции в России;

– определить степень завершенности диаспоральных процессов в китайской этнической группе Среднего Урала в период каждой из иммиграционных волн.

К написанию предлагаемого исследования был привлечен обширный корпус источников, большая часть которых впервые выявлена и введена в научный оборот.

Неопубликованные источники по теме выявлены и отобраны для исследования в 11 государственных и региональных архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Государственном архиве Пермского края (ГАПК), Государственном архиве новейшей истории Пермского края (ПермГАНИ), Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО), Государственном архиве в г. Ирбите и архивном отделе администрации Серовского городского округа. Работа с опубликованными источниками проводилась в Российской национальной библиотеке (РНБ), библиотеке МГУ, Пермской краевой универсальной библиотеке им. А. М. Горького, Свердловской областной библиотеке им. В. Г. Белинского, Пермском краевом музее, Музее истории Уралмаша (г. Екатеринбург).

В предлагаемой работе использована классификация письменных источников, учитывающая специфику появления источника и характер информации, содержащейся в нем⁴⁸.

Для изучения вопросов организации труда, паспортного контроля, статуса китайцев большую роль сыграли законы и нормативные акты, выделенные в первую группу источников. Правовой статус китайцев в Пермской губернии в годы русско-японской войны представлен в опубликованных Правилах, которыми Россия намерена руководствоваться во время войны с Японией, Временном положении о военнопленных русско-японской войны

и Портсмутском мирном договоре, заключенном между Россией и Японией⁴⁹. В фондах ГАРФ отложились принимаемые законы о статусе китайцев в Российской империи. Наиболее важными документами этого периода стали правила «Об условиях применения в империи труда рабочих желтой расы»⁵⁰, а также утвержденные 27 сентября 1916 г. Правила о найме и перевозке лиц желтой расы⁵¹.

Аналогичные документы принимались и на уровне Пермской губернии. Имеются в виду Обязательное постановление от 26 октября 1916 г. «Об условиях допущения на работы в промышленных и горнозаводских предприятиях Пермской губернии рабочих китайцев и корейцев»⁵² и Обязательное постановление от 10 декабря 1915 г. «Об условиях допущения китайцев, корейцев и персов на работы в промышленных, горнозаводских и иных предприятиях, куренные и по заготовке лесных материалов, а также и по найму у частных лиц в пределах Пермской губернии»⁵³.

По истории советского периода основным документом данной группы источников является Постановление Совета Министров СССР от 17 января 1955 г. № 92-49/с «О наборе в КНР рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР»⁵⁴. В документе отражены условия труда и пребывания китайцев в СССР.

В 1990-е годы между правительствами РФ и КНР был подписан целый ряд договоров об установлении взаимоотношений, о труде китайцев в России⁵⁵. На региональном уровне также принимались законы о труде и статусе китайцев⁵⁶.

Несмотря на то, что вышеперечисленные документы позволяют довольно полно реконструировать условия пребывания и правовой статус китайцев в России и на Среднем Урале, они не всегда отражали всю полноту изучаемых социальных явлений и процессов. В этом отношении представляет ценность делопроизводственная документация – официальные переписки, циркуляры, протоколы и рапорты, отнесенные в предлагаемой работе ко второй группе источников. Полноценное изучение «китайского

вопроса» в царском правительстве начала XX в., например, возможно только при анализе фондов Департамента полиции Министерства внутренних дел (МВД)⁵⁷ и Горного департамента⁵⁸. Именно эти ведомства вели дискуссии о целесообразности привлечения китайцев в Россию в начале XX в. Сегодня также опубликованы документы о решении «китайского вопроса» в Государственной Думе⁵⁹.

Практически вся информация о положении китайцев в Пермской губернии в начале XX в. отложилась в фонде Канцелярии Пермского губернатора (ГАПК. Ф. 65). В материалах сохранились сведения о причинах появления китайцев, их быте, содержании, проблемах, а также переписка губернатора с Департаментом полиции МВД по вопросам пребывания китайцев в Пермской губернии в годы русско-японской и Первой мировой войн⁶⁰.

Сведения о положении китайцев на конкретных предприятиях отложились и в ГАСО. В архивных фондах практически всех заводов (в первую очередь, необходимо отметить хорошую сохранность документов заводов Богословского горного округа – ГАСО. Ф. 45), где трудились китайцы, отложились дела об их найме, положении, поведении, отношениях с администрацией и других аспектах⁶¹. Сохранившиеся копии договоров китайцев с отдельными предприятиями позволяют анализировать условия их труда, а также оценить, насколько уральские заводчики следовали предписаниям Правительства⁶². В ГАСО сохранилась переписка губернатора с уездными исправниками и особоуполномоченным по охране в Екатеринбургском и Верхотурском уездах о контроле за работающими китайцами⁶³.

Особо среди документов ГАСО нужно отметить материалы правительственной комиссии по обследованию быта китайцев, которая работала в Пермской губернии в ноябре 1916 г. В отчетах и рапортах членов этой комиссии представлены уникальные сведения о быте, жилищных условиях, санитарном состоянии, здоровье и прочих аспектах жизни китайских рабочих⁶⁴.

По периоду 1920–30-х годов в центральных архивах отложилась переписка наркоматов советского правительства о статусе китайских общественных организаций⁶⁵. А в архивах местного значения выявлены протоколы и справки об общественных организациях китайцев. Наибольший интерес здесь представляют фонды агитпропотделов, входивших в структуру губкомов⁶⁶.

Материалы о характере участия китайцев в кооперативном движении конца 1920-х годов отложились в фонде артели «Китайский рабочий» (ГАСО. Ф. 171-р), работавшей в Свердловске в 1928–30 гг. Выявленные источники 1920–30-х годов позволяют оценить проблемы, волновавшие китайцев в этот период, выяснить отношение к ним местного сообщества⁶⁷.

По периоду «Большой дружбы» в ГАПК и РГАЭ сохранилась переписка по поводу приезда китайских рабочих, отчеты администрации завода в Министерство строительства предприятий нефтяной промышленности, справки об отдельных сторонах быта китайцев в Молотовской области⁶⁸. При работе с этими источниками принималось во внимание, что многие из них проходили предварительную цензуру перед публикацией. Однако данные документы позволяют оценить численность китайцев, их социально-демографические характеристики, изучить сферы деятельности.

В отдельную группу делопроизводственной документации выделены судебно-следственные источники. Имеются в виду личные дела китайцев, пострадавших от репрессий в 1930-е годы. В ходе исследования были проанализированы все доступные дела, хранящиеся в ПермГАНИ⁶⁹ и ГААОСО⁷⁰. Большая часть информации, содержащаяся в этих документах, – сфабрикованные обвинения в шпионаже. Осложняется исследование и тем фактом, что значительная часть дел на сегодняшний день засекречена. Однако, если учесть, что дела репрессированных – фактически единственный из доступных источников по периоду 1930-х годов, их использование внесло ощутимый вклад в написание работы. В личных делах репрессированных китайцев содержится достоверная информация о месте их проживания, возрасте, про-

фессии, классовой принадлежности и т. п. Эти данные позволяют хотя бы частично восстановить облик китайской этнической группы Среднего Урала в 1930-е годы.

Следующая группа источников – статистические материалы. В первую очередь, речь идет о переписях населения, материалы которых были использованы при написании работы, – 1897, 1920, 1923, 1939, 1959, 1989 и 2002 гг.⁷¹ Данные статистики позволяют оценить численность и социально-демографический состав китайцев на Урале в разные периоды, проследить динамику и эволюцию китайской этнической группы. Кроме этого, как в местных⁷², так и в центральных архивах⁷³ сохранились документы по численности китайцев в различных населенных пунктах и организациях в разные периоды времени.

В работе использовались также источники личного происхождения. В эпоху «Большой дружбы» в СССР активно публиковались воспоминания китайцев – участников Гражданской войны, часть которых принимала участие в боевых действиях на Урале⁷⁴. Их воспоминания не изобилуют цифрами и не отличаются последовательностью изложения, но могут быть использованы как подтверждение некоторых документов. В этих источниках также содержится немало полезной информации о быте китайцев в первые годы советской власти.

Важным источником для изучения периода «Большой дружбы» служат воспоминания Н. С. Хрущева, который в начале 1950-х годов принимал участие в переговорных процессах между СССР и КНР⁷⁵.

При написании работы активно использовались материалы периодической печати. Статьи в газетах и журналах не всегда отвечают критериям объективности, однако они выступают важным дополнением к имеющимся документам. Из данных периодики почерпнуты сведения о поведении китайцев, их повседневной жизни, а также о том отношении, которое формировалось к ним у принимающего сообщества. Публикации также играют важную роль при отсутствии достаточного количества архивных документов. По досоветскому периоду наибольшую ценность в ходе

исследования представляли материалы газет «Пермские губернские ведомости» (особенно – о китайцах, живших в Перми в годы русско-японской войны), «Зауральский край», «Уральская жизнь», журнала «Нива». Сведения о китайцах 1920–40-х годов отложились в газетах «Уральский рабочий», «Известия Пермского губернского исполнительного комитета», «Известия Екатеринбургского исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». О китайских студентах УГТУ в 1950-е годы писали газеты «За индустриальные кадры», «Уральский рабочий», о китайцах-практикантах Молотовстроя – «Уральская стройка» и «Звезда». Несмотря на «идеологизированность» публикаций того времени, в них отражены данные о месте жительства и работы китайцев, их повседневных занятиях, отношениях с местным населением и т. д.

Материалы периодических изданий сыграли важную роль при написании четвертой главы. Хорошая сохранность, резкое увеличение количества печатных изданий, отсутствие сформировавшейся архивной базы делают публикации в СМИ одним из ключевых источников по истории китайцев Среднего Урала в 1990-е годы. В ходе работы над четвертой главой в качестве источников были использованы следующие газеты и журналы: в Пермском крае – «Звезда», «Пермские новости», «Досье 02», «Пятница»; в Свердловской области – «Областная газета», «Уральский рабочий», «Аргументы и факты» (региональная вкладка), «Курсив», «На смену», «Вечерний Екатеринбург», «Вечерние ведомости из Екатеринбурга», «VIP консультант», «Подробности», «Деловой квартал», «Тагильский рабочий».

Кроме письменных источников к написанию работы были привлечены источники устного происхождения. Большую ценность для изучения истории и быта китайцев на Урале в 1950–1960-е гг. представляют записанные воспоминания китайцев, работавших на Молотовстрое – Вэй Сибина, Чжан Сифу, Мын Сянлина, Чжан Ляндына и членов их семей. Данные источники позволяют глубже взглянуть на особенности советско-китайской «Большой дружбы», причины ее стремительного развития и прекращения, представляют

ценность для изучения практически неизвестного периода о жизни китайцев в СССР после «Большой дружбы».

В отдельную категорию источников выделены материалы этносоциологического исследования (анкетирования), проведенного в 2008–2010 гг. на территории Пермского края и Свердловской области среди китайских студентов и предпринимателей.

В целом, используемые источники позволили довольно точно реконструировать историю китайцев, всесторонне охарактеризовать процессы, происходящие внутри китайской этнической группы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в.

Описанные выше три иммиграционные волны из Китая в Россию (СССР) отражены в структуре исследования. Представленная работа построена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из четырех глав, в основе каждой из которых лежит отдельный этап в развитии китайской этнической или этнодисперсной группы Среднего Урала. В первой главе рассмотрена история китайцев, работавших и живших в Пермской губернии в период с конца XIX в. до 1918 г. Вторая глава посвящена периоду от начала Гражданской войны до конца 1930-х годов, когда жившие на Среднем Урале китайцы принимали участие в Гражданской войне, общественном и кооперативном движении. Большинство из них в 1930-е годы либо вернулись на родину, либо стали жертвами репрессий. Третья глава охватывает период «Большой дружбы» – с начала 1950-х до середины 1960 годов, когда китайские иммигранты второй волны работали и учились на предприятиях Среднего Урала. В четвертой главе речь идет о периоде с конца 1980-х до второй половины первого десятилетия XXI в., когда китайская этнодисперсная группа начала пополняться за счет китайских иммигрантов, массово появившихся в России в начале 1990-х годов.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые дается комплексная и всесторонняя характеристика процессов становления и развития китайской этнодисперсной группы на территории Среднего Урала. История китайцев на Урале впервые рассматривается в контексте общей истории китайцев в России, а также истории российско- и советско-китайских отношений.

В работе впервые анализируются такие аспекты истории китайцев на Среднем Урале, как их быт в Пермской губернии в период русско-японской войны, работа и жизнь китайцев на Урале в конце 1920-х гг., влияние на китайскую этническую группу Урала репрессий 1930-х гг., жизнь, учеба и работа китайцев в регионе в эпоху «Большой дружбы». В центральных и региональных архивах выявлено большое количество источников, не публиковавшихся ранее и не использовавшихся для исследований.

Результаты исследования могут быть использованы этнографами, и историками для разработки учебных курсов и учебно-методических пособий для вузов, при написании коллективных трудов по истории региона. Выводы автора также могут найти применение в деятельности административных структур и национально-культурных общественных объединений. Полученный материал может оказаться полезным при подготовке музейных выставок и экспозиций.

¹ Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: История и традиционная культура (XX – начало XXI в.). СПб., 2008; Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии / Под ред. А. В. Черных. СПб., 2009; Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А. Эстонцы в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. СПб., 2010.

² См.: Castles S. Migration and Community Formation under Conditions of Globalization // International Migration Review. 2002. Vol. 36. No. 4. Host societies and Reception of immigrants: Institutions, Markets and Policies. PP. 1143–1168.

³ История некоренных народов СССР часто изучалась только с позиций советской идеологии интернационализма. Кроме этого, судьбы многих народов связаны с репрессиями, изучение которых в Советском Союзе также было под запретом.

⁴ Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74–78; Тишков В. А. Антропология российских трансформаций // Там же. С. 3–18.

⁵ Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск, 2002. С. 3.

⁶ Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и этнокультурная адаптация). Новосибирск, 2003; Колоткин М. Н. Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа. Новосибирск, 1994; Засека М. Л. Система социализации у эстонцев-переселенцев Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Из истории Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб., 1997; Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.): Учебное пособие. Иркутск, 1995; Базылев Л. Поляки в Петербурге. СПб., 2003; Боголюбов А. А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008; Селицкий А. И. Поляки на Кубани: Исторические очерки. Краснодар, 2008; и др.

⁷ Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии / Колл. авт. СПб., 2009; Черных А. В. Этносоциальные процессы в таджикской диаспоре Пермского края на современном этапе (по материалам этносоциологического исследования). Пермь,

2006; Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А. Эстонцы в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. СПб., 2010; Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: История и традиционная культура (XX – начало XXI в.). СПб., 2008.

⁸ Диаспора // Нации и этносы в современном мире. Словарь-справочник. СПб., 2002. С. 251.

⁹ О зарождении диаспор и представлениях о них: Лозанский Э. Д. Этносы и лоббизм в США. М., 2004.

¹⁰ Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 484.

¹¹ Здоровец А. И., Мухин А. А. Диаспоры и землячества: вопросы влияния. М., 2005. С. 99.

¹² Анализ общероссийских миграционных процессов, происходящих на Урале, очень важен и для региональной истории, поскольку позволяет оценить роль Уральского региона в масштабах страны, проследить его специфику.

¹³ Имеются в виду следующие уезды Пермской губернии: Пермский, Чердынский, Верхотурский, Екатеринбургский, Камышловский, Кунгурский, Оханский, Соликамский, Красноуфимский, Осинский и Ирбитский.

¹⁴ Екатеринбургская губерния // Административно-политическое строение СССР. Ч. 1. Изменения административно-территориального деления СССР за период с 1917 г. по 1924 г. Ленинград, 1924. С. 38, 61, 237–238.

¹⁵ Подр. об исследователях см.: Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. М., 2007. С. 124–145; Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 199–219; Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири XVII–XX: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008. С. 289–305.

¹⁶ См.: Лайнгер С. Р. Из истории китайского эмиграционного движения: сер. XIX – нач. XX в. М., 1972. С. 25–42; Лукин А. В. Указ. соч. С. 124–145.

¹⁷ Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае / В. К. Арсеньев. Китайцы в Уссурийском крае / Ф. Нансен. В страну будущего. М., 2004.

¹⁸ Аникст А. А. Организация распределения рабочей силы в 1920 году. М., 1921. С. 40–43.

¹⁹ Таняев А. П. Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны // Рабочее движение в годы войны. Свердловск, 1927. С. 5–34.

²⁰ Жаров Л. И., Устинов В. Н. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной интервенции и Гражданской войны в СССР. М., 1960.

²¹ Данилов В. А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972; Шакино И. М. Об участии интернациональных отрядов в Гражданской войне на Урале // Труды Свердловского областного краеведческого музея. Свердловск, 1962. № 2. С. 3–15.

²² Новогрудский Г. С., Дунаевский А. М. Товарищи китайские бойцы. М., 1959; Они же. По следам Пау: История одного литературного поиска. М., 1962.

²³ Общие принципы кириллического написания китайских имен в XX в. изменялись несколько раз. В настоящий момент общепризнанной формой является написание имени и фамилии раздельно (сначала фамилия, потом – имя) с большой буквы каждое слово.

²⁴ Иглицкий А. А. Боевые действия китайского полка Красной Армии в период Гражданской войны // Вопросы истории. 1961. № 10. С. 211–213; Спасский А. А. Третья армия. Пермь, 1958.

²⁵ В частности, никто из исследователей не упомянул, что герой войны Жень Фу-чен до Октябрьского переворота был одним из самых жестоких китайских подрывчиков и участвовал в подавлении Алапаевского бунта в мае 1916 г.

²⁶ *Пын Мин.* История китайско-советской дружбы. М., 1959; *Международная жизнь КНР в датах и фактах (хроника событий).* М., 1959.

²⁷ *Борисов О. Б., Колосков Б. Т.* Советско-китайские отношения. М., 1980; *Капица М. С.* Эскалация вероломства. М., 1970; *Анисимов А. Н.* Гегемонистские лже теории на службе антисоветизма. Киев, 1980; *Китай и соседи в новое и новейшее время.* М., 1982. *Филатов Л. В.* Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю. 1949–1966 гг. М., 1980.

²⁸ *Интернационалисты в боях за власть Советов.* М., 1965; *Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке Республики.* М., 1971.

²⁹ *Петров А. И.* История китайцев в России 1856–1917 годы. СПб., 2003; *Ларин А. Г.* Указ. соч.; *Лукин А. В.* Указ. соч.

³⁰ *Лю Цзайи.* Китайско-российские отношения в 1991–2003 гг.: Политико-дипломатические аспекты: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Фролов А. В.* Развитие советско-китайских приграничных отношений на Дальнем Востоке СССР: 1949–1969 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Комсомольск-на-Амуре; *Низенко А. А.* Китайские и корейские граждане в Советской России и их деятельность в 1917–1922 гг.: Проблемы интернациональной солидарности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Гун Ляньхуа.* Международная трудовая миграция в условиях глобализации: на примере России и Китая: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2008; *Ян Хунмэй.* Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к регулированию: Автореф. дис. ... канд. эк. наук. М., 2008; *Ван И.* Приграничное экономическое сотрудничество между Россией и Китаем: Автореф. дис. ... канд. эк. наук. М., 2009; *Ли Зизхонг.* Проблемы и перспективы развития отношений РФ и КНР в условиях формирования нового миропорядка: Автореф. дис. ... канд. пол. наук. СПб, 2009.

³¹ Основные исследования, в том числе использовавшиеся при написании работы: *Гельбрас В. Г.* Китайская реальность России. М., 1996; *Он же.* Мигранты из Китая и становление китайских землячеств в России // *Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений.* М., 2004; *Ларин В. Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). М., 2005; *Гончаров С. Н.* Китайцы в России – кто они // *Проблемы Дальнего Востока.* 2003. № 4. С. 13–31; *Дятлов В. И.* Новая китайская диаспора Сибири как вызов национальной безопасности России // *Восток*, 1999. № 1. С. 118–129; *Портяков В. Я.* Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги // *Проблемы Дальнего Востока.* 2004. № 3. С. 39–49; *Ян Хунмэй.* Миграция из Китая и китайская диаспора // *Международная экономика.* 2005. № 3. С. 61–65. Трансграничные миграции и принимающее сообщество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики. Иркутск, 2009.

³² *Дятлов В. И.* Новая китайская диаспора Сибири как вызов национальной безопасности России // *Восток.* 1999. № 1. С. 118.

³³ Подр. об исследователях см.: *Лукин А. В.* Указ. соч. С. 569–592. *Дацышен В. Г.* Указ. соч. С. 289–305; *Башкуева Е. Ю.* Китайские мигранты в Забайкальской области: 1860–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004; *Жданова Н. Н.* Развитие приграничного и межрегионального сотрудничества Забайкалья с провинциями КНР в 1950–1980-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005; *Вла-*

димирова В. А. Проблемы этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия китайцев и русских на российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая: вторая половина XIX – начало XXI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005; Теслесенко С. А. Китайская и корейская миграция на Дальний Восток России и ее влияние на социально-экономическое развитие региона: 1860–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2007.

³⁴ Дацышен В. Г. Указ соч.; *Он же*. Уссурийские купцы. Судьба китайцев в дореволюционной России // Родина. 1995. № 7. С. 54–57; *Он же*. Китайские студенты в Российской империи. // Вестник Международного Центра Азиатских Исследований. М.-Иркутск, 2002. № 1. С. 69–73; *Он же*. Гастарбайтеры на востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара / Под ред. В. И. Дятлова; Пер. с англ. О. А. Бакшеевой. М., 2004. С. 49–61; *Он же*. Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 99–104.

³⁵ См., напр.: Дмитриев А. В. Рабочие угольной промышленности Урала в период империализма (1900–1917) // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1989. С. 76.

³⁶ Смирнов С. В. Китайские и корейские рабочие Урала в годы Первой мировой войны: проблемы взаимоотношений с русскими // Вторые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1999. С. 146–149.

³⁷ Шумкин Г. Н. Трудовая миграция китайцев на Урал в начале XX в. По материалам официальной переписки канцелярии пермского губернатора // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН, 2008. С. 353–359; Шумкин Г. Н., Рукосуев Е. Ю. Политика пермского губернатора в отношении китайской миграции на Урал в начале XX в. / Г. Н. Шумкин // Материалы межрегиональной научно-практической конференции: Административно-территориальные реформы в России. Пермь, 2006. С. 193–196; Рукосуев Е. Ю. Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX – начале XX веков. Екатеринбург, 2004.

³⁸ Шумкин Г. Н. Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны: историография проблемы Урал Индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы IX Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 172–177.

³⁹ Чемзова Л. А. Дело корейцев по найму: рабочие Богословского горного округа Пермской губернии 1916–1917 гг. // Уральское востоковедение: международный альманах. Вып. 1. Екатеринбург, 2005. С. 60–66.

⁴⁰ Бушмаков А. В. Китайские и корейские рабочие в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Федеральная миграционная служба и миграционные процессы в регионах России: история и современность. Материалы интернет-конференции (май–июнь, 2008 г.). Пермь, 2008. С. 75–81.

⁴¹ Бортник Л. С. Китайцы в Прикамье в XX веке // Федеральная миграционная служба и миграционные процессы в регионах России: история и современность. Материалы интернет-конференции (май–июнь, 2008). Пермь, 2008. С. 98–108; *Она же*. Великие соседи – дружба навек? / Л. Бортник // Федеральный вестник Прикамья. 2006. № 12. С. 34–39.

⁴² Дацышен В. Г. Китайский труд на Урале в годы Первой мировой войны // Уральское востоковедение: международный альманах. Екатеринбург, 2007. Вып. 2. С. 49–59.

⁴³ Мурташина К. Г., Хими́на С. А. Торгово-экономическое сотрудничество Свердловской области и Китайской Народной Республики в 1992–2005 гг. // Уральское востоковедение: международный альманах. Вып. 2. Екатеринбург, 2007. С. 49–59.

⁴⁴ УГТУ–УПИ: Очерки истории 1920–2005. Екатеринбург, 2005.

⁴⁵ Борисов А. А., Васи́ленко Ю. В. Иммиграционные сообщества России: модели интеграции. Екатеринбург, 2007; Борисов А. А. Иммигрантские общины Пермской области: социальная структура и проблемы адаптации. Пермь, 2005. С. 130–142.

⁴⁶ Син Хасэгава. Пленники войны / Пер. с яп. Каринэ Маранджян. М., 2006.

⁴⁷ 李永昌. 旅俄华工与十月革命 (Ли Юнчан. Китайские рабочие в России в период Октябрьской революции) – Шицзячжуан, 1988.

⁴⁸ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М, 2004.

⁴⁹ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. М., 2004. С. 522–526; Собрание узаконений и распоряжений правительства, изданных при правительствующем Сенате. СПб, 1904. С. 1389–1398; Иллюстрированная летопись русско-японской войны. СПб, 1904. С. 47.

⁵⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 73 а. Д. 301. Л. 142–144; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 56. Л. 70.

⁵¹ Правительственный вестник. 1916. 12 окт.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 26. Ч. 10. Л. 57–61.

⁵² ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5590. Л. 7, 17.

⁵³ Пермские губернские ведомости. 1915. 10 дек.; ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 252. Л. 1.

⁵⁴ На сегодняшний день текст постановления засекречен, хранится в ГАРФ и АВП МИД РФ. Отрывочные сведения о содержании документа сохранились также в фондах ГАПК: Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 12. Л. 2. Копия документа отложилась в некоторых архивах Сибири (См.: Дацышен В. Г. Указ. соч. С. 254–256).

⁵⁵ О принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики: Соглашение между Правительством Рос. Федерации и Правительством Китайской Народной Республики от 10 ноября 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: // http://www.altaiinter.info/legislation/971110_ru-cn/ (дата обращения: 15.01.2010); «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»: Федер. закон Рос. Федерации от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собрания Рос. Федерации 2 декабря 1998 г. // Российская газета. 1999. 16 янв.; О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы: Указ Президента Рос. Федерации от 16 декабря 1993 г. № 2146 // Российская газета. 1993. 30 дек.

⁵⁶ О порядке регистрации иностранных граждан на территории Свердловской области: Закон Свердловской области от 24 ноября 1994 г. № 9-ОЗ // Областная газета. 1994. 7 дек.; Об исполнении областного закона «О порядке регистрации иностранных граждан на территории Свердловской области»: Постановление председателя Областной Думы Свердловской области от 9 июля 1997 г. № 378 // Областная газета. 1997. 23 июля; Об упорядочении пребывания на территории Пермской области граждан Социалистической Республики Вьетнам и Китайской Народной Респуб-

лики: Постановление губернатора Пермской области от 21 ноября 1997 г. № 414 // Пермские новости. 1997. 21 ноября.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 159; Оп. 73. Ч. 1. Д. 10. Ч. 56; Оп. 75. Д. 29.

⁵⁸ ГРИА. Ф. 37. Оп. 73 а. Д. 301.

⁵⁹ Рабочее движение в годы войны. Свердловск, 1927. С. 173–174.

⁶⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 62, 165; Оп. 3. Д. 595; Оп. 5. Д. 10, 10 а, 11, 11 а, 152, 154, 155, 165, 167, 569, 570, 1366.

⁶¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4512; Ф. 45. Оп. 1. Д. 252, 274, 297, 298.

⁶² Там же. Д. 273, 333 а.

⁶³ Там же. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5; Ф. 183. Оп. 1. Д. 72; Ф. 529. Оп. 1. Д. 5.

⁶⁴ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388, 395.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. р. 1318. Оп. 1. Д. 1267; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 5, 121.

⁶⁶ ПермГАНИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 165, 166, 249; Ф. 577. Оп. 2. Д. 169; ГАСО. Ф. 122-р. Оп. 1. Д. 31; Ф. 511 р. Оп. 1. Д. 16; ЦДООСО Ф. 9. Оп. 1. Д. 276, 908, 1051.

⁶⁷ ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 6, 7, 8, 16, 18, 43.

⁶⁸ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 207, 720; ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 17, 201.

⁶⁹ В ПермГАНИ проанализировано 80 дел. См. Список литературы.

⁷⁰ В ГААОСО проанализировано 28 дел (на момент проведения исследования данные о делах репрессированных еще не были полностью опубликованы, что значительно снизило количество использованных источников). См. Список литературы.

⁷¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. СПб, 1904; Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. // Труды ЦСУ. Т. 8. Вып. 5. М., 1924 г. С. 48, 50; Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. / Сер. 1. Т. 1. Свердловск, 1925. С. 33; Труды ЦСУ СССР. Отдел демографии. Т. 20.4.4. М., 1927. С. 38–39; Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. 4 // Труды центрального статистического управления СССР. Отдел демографии. Т. 20. Ч. 4. М., 1927; Социальная статистика Урала 1926 г. Свердловск, 1926. С. 76; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел 1. М., 1928. С. 106–147; Всесоюзная перепись населения СССР: 1939: Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 334; Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1960. С. 11–12; Всероссийская перепись населения 2002. Т. 3. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2004. С. 1890, 2000, 2012; Национальный состав и владение языками, гражданство населения Свердловской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: стат. сб. Екатеринбург, 2005. С. 13; Национальный состав населения Пермской области // Федеральная служба государственной статистики России, Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Пермской области. Пермь, 2005. С. 5–6, 99.

⁷² ГАПК. Ф. 167. Оп. 1. Д. 12; Оп. 2. Д. 41; Ф. 45. Оп. 1. Д. 1033, 1099; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5628.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 107, 152, 316, 370.

⁷⁴ В боях и походах: воспоминания участников гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959. С. 507–524; Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). М., 1961. С. 62–77.

⁷⁵ Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1999. С. 342–358.

Глава I

Китайцы на Урале

в период с конца XIX в. до 1918 г.

ГЛАВА I

КИТАЙЦЫ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД С КОНЦА XIX в. – ДО 1918 г.

Первый период пребывания китайцев в России относится к концу XIX – началу XX в. Иммиграция из Китая в это время происходила по двум причинам: прибывшие китайцы либо занимались транзитной торговлей, либо работали в качестве наемных рабочих. В годы русско-японской войны китайцы, оказавшиеся на момент начала боевых действий на Дальнем Востоке, жившие на Дальнем Востоке, были водворены в центральных губерниях страны, в том числе в Пермской губернии.

В годы Первой мировой войны в связи с дефицитом рабочих рук на оборонные предприятия страны было призвано свыше 100 тыс. китайцев. Особенности иммиграционных процессов и пребывания китайцев в России в этот период можно проследить и на примере Пермской губернии.

Имеющиеся источники позволяют всесторонне осветить обстоятельства приезда, численность, занятия, отношения с местным населением, повседневную жизнь и особенности проявления менталитета китайцев на Среднем Урале в этот период.

1.1. КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Первые сведения о китайцах на Среднем Урале относятся к концу XIX в. По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в графе «иностранцы подданные» было записано 7 китайцев. Все семеро проживали в Екатеринбурге¹. Кроме этого, в г. Ирбите двое из постоянно проживавших указали на китайский язык в качестве родного, т. е., скорее всего, тоже были китайцами². Учитывая, что в начале XX в. китайские купцы вели в Рос-

сии активную торговлю, можно предположить, что эти два человека из Ирбита торговали традиционными для Китая товарами – тканями и одеждой.

В целом, в конце XIX в. о китайцах в регионе почти ничего не было известно. Реально заметными китайцы на Среднем Урале стали в 1904–1905 годах, когда Пермская губерния стала одним из мест «водворения» китайцев, высланных в годы русско-японской войны с театра военных действий на Дальнем Востоке.

Очевидно, что еще до начала русско-японской войны власти Российской империи, особенно в дальневосточных губерниях, столкнулись с фактами массовой нелегальной миграции, и отношение к китайцам можно определить, как весьма осторожное. Китайцы на российском Дальнем Востоке в начале XX в. подчинялись общим для всех иностранцев правилам въезда и проживания: при переходе границы они должны были предъявлять национальные паспорта, визированные русским консульством за границей. Если виза в паспорте отсутствовала, ее ставили пограничные власти. Однако с 1902 г. порядок визирования был изменен. Из-за прибывавшего в край большого количества преступников визирование паспортов на въезд китайцев в пределы Российской империи было поручено исключительно представителям МИДа за границей. Все это требовало дополнительного времени и затрат. По этой причине усилился поток нелегальной иммиграции³.

В случаях обнаружения китайцев, проживающих под чужими паспортами и билетами, выяснялось, что часто предъявленные документы были вручены отнюдь не их владельцам, причем китайцы, получившие чужие паспорта, не придавали этому значения и проживали по ним: «Высылка за границу китайцев, нарушавших паспортный режим, беспаспортных или безбилетных, не приносила должных результатов, так как они через некоторое время снова переходили границу и появлялись на территории края»⁴.

С началом русско-японской войны пересечение границы китайцами было ужесточено. 14 февраля 1904 г. (через несколько дней после начала военных действий) российским правительством были изданы Правила, которыми Россия намерена руково-

дствоваться во время войны с Японией. В документе, помимо прочего, говорилось, что «подданным Японии разрешается, под защитой действующих законов, продолжать во время войны свое пребывание в пределах Империи, за исключением областей, входящих в состав наместничества на Дальнем Востоке»⁵. Тех, кто на момент начала боевых действий оказался на Дальнем Востоке, во избежание случаев шпионажа арестовывали. В январе 1905 г. петербургский журнал «Нива» сообщал: «Когда вспыхнула на Дальнем Востоке война, всем проживающим в районах боевых действий корейцам и японцам [сюда же относятся и китайцы. — М. К.] было предложено немедленно выехать в свое отечество. Но некоторые из них не пожелали или не смогли вернуться туда, и тогда их отправили внутрь России»⁶. Судя по дальнейшему развитию событий, даже с мирными гражданами решили поступать как с военнопленными. Их арестовывали, а затем подвергали водворению в глубь страны. С этого момента к арестованным начинают применять термин «водворенные» или «высланные с театра военных действий»⁷. О неожиданно начавшихся арестах пишет в своей книге японский исследователь Хасэгава Син. По его словам, «до этого дня [14 февраля. — М. К.] они считались резидентами, с этого момента отношение к ним изменилось. С ними начали обращаться как с пленниками»⁸. Как видно из писем самих арестованных, направленных на имя Пермского губернатора, аресты коснулись не только японцев, заключению подлежали и китайцы, и корейцы⁹, как принадлежащие к категории «желтолицых»¹⁰.

Когда стало понятно, что война затягивается, а количество арестованных растет, 13 мая 1904 г. Совет Министров Российской империи издал за подписью императора «Временное положение о военнопленных русско-японской войны», в котором местным властям была дана инструкция о том, как нужно вести себя с арестованными «желтолицыми» на период военных действий. В документе сообщалось, что «военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте, с обязательством не удаляться за известные опре-

деленные границы; но собственно заключению под стражу они могут быть подвергаемы лишь при наличии особой к тому необходимости»¹¹.

Одним из мест водворения по решению Министерства внутренних дел стала Пермская губерния. Точная дата прибытия первой партии арестованных неизвестна. 2 июня 1904 г. «Пермские губернские ведомости» писали: «На днях в Пермь прибывает партия японцев в количестве 308 человек: из них мужчин 308, женщин 150, детей 20. В партии кроме японцев находятся еще 13 китайцев и 15 корейцев. Вслед за этой партией прибудет еще одна в количестве 409 человек. Все они будут расселены в пределах Пермской губернии»¹². А 8 июня газета сообщала о том, что «мирные пленники» уже размещены в Перми¹³.

Пермский губернатор А. П. Наумов получил 12 июня 1904 г. с грифом «секретно» телеграмму министра внутренних дел В. К. Плеве, который сообщал, что прибывших в губернию нужно направлять «преимущественно в города, расположенные на железной дороге и водных путях»¹⁴. А 9 августа 1904 г. А. П. Наумов получил с припиской «Срочно. Секретно» Высочайший указ Его императорского величества, в котором сообщалось, что «начальником губернии должна быть представляема ежемесячно ведомость с точными сведениями о числе и месте водворенных в Империи военнопленных «желтолицых» с подразделением на национальности»¹⁵. Во исполнение этого указа Департамент полиции МВД потребовал от губернатора доставлять «по телеграфу к первому числу каждого месяца точные сведения о прибывших во вверенную вам губернию удаленных с Дальнего Востока желтолицых с указанием мест водворения в губернии с подразделением на японцев, китайцев и корейцев»¹⁶.

Первых из прибывших китайцев расселили в Перми, Екатеринбурге, Камышловe, Оханске и Соликамске¹⁷. В этих городах многие из них прожили до конца войны.

К началу сентября 1904 г. в Пермской губернии уже находилось около 700 японцев и до полутора сотен китайцев и корейцев¹⁸. Присвоенный им статус водворенных подразумевал казен-

ное содержание. На ходатайство пермского губернатора от 25 августа 1905 г. Департамент полиции МВД ответил, что на содержание высланных с театра войны японцев и китайцев выделено «3010 р. 96 к., в том числе 297 р. 36 к. на довольствие 443 лиц низших состояний, 27 р. 60 к. – других лиц привилегированного сословия, по расчету на три месяца, начиная с первого минувшего июля, и 9 рублей квартирных, считая по пять копеек в сутки лицам только высшего сословия, так как лицам низших состояний 513, 514 ст., 2 ч., Т. 16 пособия определены в размере одной арестантской дачи, без квартирных»¹⁹. В разные периоды заключенным полагалось содержание от 7 до 9 коп. в сутки²⁰.

Таким образом, очевидно, что в первые дни войны перед российскими властями возникла проблема статуса мирных японцев, китайцев и корейцев, арестованных на Дальнем Востоке после начала военных действий. Правительство приняло решение относиться к ним как к простым военнопленным, которых «Временное положение» разрешало водворять в глубине страны. Попавшим в водворение выдавалось необходимое пособие, определялось место для жительства, местные власти обязывались следить за соблюдением их прав.

Японцы пробыли в водворении недолго. В сентябре 1904 г. все они были выкуплены своим правительством. В своем отчете в Департамент полиции МВД 7 октября 1904 г. пермский губернатор писал, что «за отправлением японцев за границу в Пермской губернии желтолицых (корейцев и китайцев) осталось с вновь прибывшими в течение сентября – всего 131 человек: Пермь – 68, Оханск – 42, Соликамск – 12, Камышлов – 9. 5 октября прибыли еще 127 человек, все водворены в Перми»²¹.

Позднее данные о численности китайцев и корейцев ежемесячно уточнялись, но общая цифра держалась в пределах 300–500²², из которых примерно треть составляли китайцы. Возможно, эта цифра не кажется впечатляющей, но для Перми того периода, с населением 70 000 человек²³, это было существенно, особенно с учетом того, что пленные проживали компактно и вызывали постоянный интерес местного населения.

Информацию о социальном составе водворенных китайцев содержат «Требовательные арестантские ведомости»²⁴. Все 27 китайцев, сведения о которых отражены в документах, были мужчинами, двое из них – холостыми. Средний возраст холостых – 20–25 лет, женатых – 38–43 года. Среди занятий упомянуты чернорабочие (17), столяр (1), циркачи (4), акробаты (5).

Подозрения водворенных в шпионаже себя не оправдали. Когда возникла необходимость проверить, не являются ли «пленники» шпионами, уездные исправники заверили губернатора, что «все желтолицые ведут себя одобрительно и каких-либо отношений, могущих дать повод подозревать их в шпионаже, не замечается»²⁵. Из этих данных видно, что в «плен» попадали обычные рабочие-«отходники» или торговцы (30 мая 1905 г. о своем незаконном аресте писали губернатору китайские подданные купцы Тай Сичи, Тянь Шипо, Ли Ванкуй, оказавшиеся в городах российского Дальнего Востока на начало войны)²⁶.

Китайцы быстро смогли адаптироваться в принимающей среде. Так, один из них, по имени Сань Досань, 1 сентября 1904 г. обратился к губернатору с просьбой об открытии китайского театра для представлений на Дровяной площади в г. Перми. Помощь в организации ему должен был оказать специально нанятый им крестьянин Федор Рудаков. Свою труппу Сань Досань описал следующим образом: «...труппа наша пользовалась большим успехом в Чите, Иркутске и Томске и что в представлениях наших, кроме физико-магических, гимнастико-акробатических и жонглериально-балансирующих упражнений, ничего возмутительно-го не имеется»²⁷. Этот случай занятия «пленников» цирковым делом не был единственным. Когда Сань Досань попросил разрешения отправиться с представлениями в другие города губернии, пермский полицмейстер отказал ему, так как «в названных городах уже находились акробаты китайцы»²⁸. Известно также о цирковой труппе китайца Ван Лифрая, который за год успел объездить с представлениями Мотовилиху, Кунгур, Нытву, Лысьву и Добрянку²⁹. Свою группу циркачей собрал китаец Лю Цей (хотя в «Требовательных ведомостях» он числился как «чернорабочий»).

14 октября 1904 г. он обратился к губернатору с просьбой о поездке на ярмарку в с. Частые «на предмет открытия в то время русско-китайского театра». Причем ему также оказывал помощь русский крестьянин из Осы Кузьма Головин³⁰. Позже, 22 октября 1904 г., Лю Цей обратился к губернатору с аналогичной просьбой, но уже о поездке в Екатеринбург. Через неделю китайцы Ван Юсаюсу и Фу Хуньча просили «разрешить... переезд в город Екатеринбург для участия в русско-китайском театре, открываемом в Екатеринбурге единокордцем Лю Цей и др.»³¹.

Об одной из групп китайских циркачей 6 апреля 1905 г. писали «Пермские губернские ведомости»: «Некоторые из проживающих у нас в Перми китайцев зарабатывают деньги показыванием фокусов, – сообщалось в газете. – Взрослого китайца обыкновенно сопровождает китаец-мальчуган, который проделывает на особой скамейке различные гимнастические упражнения. После этого номера, называемого на цирковом языке «человеком-змеей», из особого сосуда извлекаются китайцем настоящие змеи, вывезенные им с родины. С ними он проделывает различные номера своего репертуара. Змеи не пользуются у зрителей успехом, так как обыватель труслив и не привык видеть подобное существо в комнатной обстановке»³². Данные факты свидетельствуют, что китайские цирковые группы довольно быстро начали пользоваться спросом у местного населения.

Находясь в течение лета в крупных городах, китайцы также легко могли найти себе заработки на полевых работах, однако с приближением зимы стало очевидно, что предлагаемое им государственное содержание (для большинства 9 коп. в сутки без квартиры) не могло быть удовлетворительным. Об этой проблеме в своем отчете впервые упомянул оханский уездный исправник 30 августа 1904 г.: «...заработки желтолицых крайне неопределенны и разнообразны и обслуживаются они требованием на каждый день... Предполагаю, что прекращение полевых работ в скором времени вызовет необходимость выдавать кормовые всем желтолицым, равно озаботиться обеспечением их квартирой и теплой одеждой ввиду приближения зимнего времени»³³. Получая ог-

ромное количество ходатайств от пленных по этому поводу, пермский губернатор проявил о них заботу: всем уездным исправникам было направлено распоряжение в течение 25–26 октября 1904 г. раздать корейцам и китайцам шапки, полушубки, валеные сапоги, женщинам – женские шубы, на что из правительственного кредита были выделены необходимые средства³⁴. А 13 ноября 1904 г. А. П. Наумов лично писал земскому начальнику второго участка Соликамского уезда, что «ввиду полученного мною по телеграфу ходатайства проживающих в с. Усолье китайцев – дать им работу, так как они испытывают холод и нужду»³⁵.

Однако выделяемых средств все равно было недостаточно. В поисках работы китайцы и корейцы согласны были отправиться на заводы в качестве чернорабочих. Упомянутый выше Лю Цей, видимо, не имея работы в качестве циркача зимой, обратился к губернатору с просьбой разрешить ему и еще 23 китайцам подрядиться работать в зимнее время на железную дорогу³⁶. Другие китайцы также легко устраивались на работу, отказываясь от нее только в крайних случаях³⁷.

В целом, жившие в годы русско-японской войны в Пермской губернии китайцы смогли адаптироваться в системе трудовых отношений и заняли в ней определенную нишу – устраиваемые даже китайцами-непрофессионалами цирковые представления пользовались у местных жителей большой популярностью.

Что касается политики местных властей в отношении китайцев, то она не была однозначной. С одной стороны, администрация пыталась войти в тяжелое положение водворенных и помогала им, а с другой, исполняя установки центральных властей, жестко их контролировала.

Так, с января 1905 г., ввиду начавшейся в России революции, допускаемое ранее передвижение китайцев по губернии было строжайше запрещено, просьбы об устройстве на работу вдали от мест вселения не удовлетворялись. Опасаясь диверсий, Департамент полиции МВД запретил водворенным устраиваться на железную дорогу: «...желтолицые не только не должны быть допускаемы к работам на железнодорожном пути, но их не следует и

селить вблизи железной дороги»³⁸. В этой связи на поданное ранее прошение об устройстве на работу упоминавшийся выше китаец Лю Цей получил отказ. Исключения для передвижений делались только в отдельных случаях.

Для того чтобы отбыть в другой город, китайцы должны были отправить персональное прошение на имя губернатора, а он уже принимал решение о разрешении. Если оно давалось, водворенные должны были отмечаться в месте отбытия и месте прибытия, а местные власти – отправлять отчет об этом полиции. Так, к разрешению группе китайских акробатов Ван Лифрай, Фу Шунтай, Ван Шаз и Ян Куй отправиться в Нижний Тагил с цирковыми представлениями губернатор приписал: «...о выбытии названных лиц в означенный завод сообщить в канцелярию и уведомить местного уездного начальника... Самим же отъезжающим выше поименованным китайцам внушить, что по прибытию в Нижнетагильский завод они прежде всего должны явиться к местному полицейскому чиновнику»³⁹. На что екатеринбургский полицмейстер ответил: «Для установления за ними надзора полиции мною сообщено местному уездному исправнику сего числа»⁴⁰.

В большинстве же случаев на просьбу о передвижении ответ губернатором давался один и тот же: «...объявить, что ходатайство их мною оставлено без удовлетворения»⁴¹. Характерно, что большинство ходатайств и отказов на них было подано в мае–июне, когда в России, и в частности в Перми, шла революция⁴². Доходило даже до того, что исправники отказывали китайцам в их прошениях, не дожидаясь ответа губернатора. Так, соликамский уездный исправник М. Д. Плахов 15 июня 1905 г. по поводу просьбы пяти китайцев о выезде в Пермь для поисков работы писал губернатору следующее: «Имея в виду, что по аналогичным прошениям других желтолицых со стороны Вашего превосходительства последовал отказ – ходатайство указанных китайцев мною отклонено»⁴³.

Кроме места для водворения, Пермская губерния была еще и конечным пунктом для всех китайцев, японцев и корейцев, пытавшихся выехать на родину с запада России, в том числе тех, кто

не имел к войне отношения – например, купцов, занимавшихся в России торговлей. Их арест, как правило, происходил по следующей схеме: всех пытавшихся уехать в Китай останавливали в Омске или Иркутске, а оттуда отправляли на водворение в Пермскую губернию. Попытки оказавшихся на Урале китайцев восстановить свои права властями пресекались. Так, 30 мая 1905 г. китайские подданные купцы Тай Сичи, Тянь Шипо, Ли Ванкуй обратились в канцелярию со следующим письмом: «Окончив торговлю шелковыми материями в Москве и получив разрешение московской полиции, выехали на свою родину. В Иркутске мы были без всякой вины отправлены сюда, в Пермь... В Москве у нас организована своя торговля, и поэтому мы находим, что арест нас и отправка сюда были незаконными». Ответ губернатора на их ходатайство о выезде был стандартным – отказ⁴⁴. На попытки котласского уездного исправника добиться выезда упомянутых китайцев из Перми (поскольку они занимались торговлей и в Котласе), пермский губернатор ответил: «разрешение выезда китайских подданных не зависит от губернаторской власти и ходатайством такого порядка надлежит обращаться к МВД»⁴⁵. И подобная история была не единственной⁴⁶.

Отношение же местного населения к водворенным было в целом доброжелательным. Жители губернии с большим интересом наблюдали за ними, особенно в первые месяцы их пребывания. «Пермские губернские ведомости» неоднократно отмечали, что «враждебности к «желтолицым» со стороны населения нет»⁴⁷. Единственное, что стесняло пленников, – любопытство местных жителей, никогда еще так близко не сталкивавшихся с таким большим количеством иностранцев. «Конечно, обыватели города относятся к этим редким гостям с превеликим любопытством, но благоразумие все-таки требует, чтобы не надоедать «мирным пленникам» своим любопытством», – писали через несколько дней после прибытия первой партии «Пермские губернские ведомости»⁴⁸.

Были и единичные случаи конфликтов. Китайцы Юлан Су и Лю Минцзы 5 мая 1905 г. обратились в канцелярию губернатора

со следующей жалобой: «Живя в городе Перми, мы нередко подвергаемся оскорблениям со стороны пьяных или хотя и трезвых, но грубых людей, которые не только ругают нас, но иногда бросают в нас камнями, толкают нас и даже бьют»⁴⁹. Следующий серьезный конфликт произошел в Соликамске. К полицейскому надзирателю города Соликамска 14 сентября 1905 г. явились водворенные в городе китайцы Фу Дуцзинь, Фу Дулин и мальчик Му Ань и заявили, что около их квартиры первому из них, Фу Дуцзиню, какой-то неизвестный человек нанес побои. На голове у Фу Дуцзиня были заметны незначительные раны. По результатам расследования оказалось, что побои китайцу нанес местный крестьянин Михаил Семенович Зебзеев. В своем отчете соликамский надзиратель указал, что когда Зебзеев возвращался домой с малолетней дочерью, ему навстречу выбежал пьяный китаец и стал махать перед ним палкой и оскорблять его. Тогда Зебзеев не выдержал, выхватил у китайца палку и стал его избивать⁵⁰. В конце отчета исправник поспешил заверить губернатора, что «описанный случай... не может быть назван следствием какого-либо враждебного отношения к нему [Фу Дуцзиню. – М. К.] местного населения, как китайцу»⁵¹.

Однако, несмотря на единичные случаи конфликтов, можно признать, что откровенной враждебности к водворенным «желтолицым» местное население не испытывало. С течением времени китайцы все более уживались в новой среде. Однако начавшиеся в середине лета 1905 г. мирные переговоры остановили процессы их интеграции на территории Пермской губернии. Последняя партия арестованных прибыла в Пермь 31 июля 1905 г.⁵² После подписания Портсмутского мира пребывание китайцев и корейцев в Пермской губернии не было необходимо⁵³. Уже 11 августа 1905 г. пермский губернатор отвечал на ходатайство МИД: «...китайцы высланы в Пермь с Дальнего Востока распоряжением военного начальства, причин высылки и сведений не имею, препятствий высылки их с моей стороны нет»⁵⁴.

Фактически пребывание китайцев на Среднем Урале в годы русско-японской войны не является характерным для всей стра-

ны и не может рассматриваться в качестве отдельной иммиграционной волны. Однако именно этот период можно считать первым опытом межкультурного общения местного сообщества с большим количеством китайцев. Период 1904–1905 годов также демонстрирует модели адаптации, характерные для китайцев в России начала XX в.

После того как закончилась русско-японская война, численность китайцев как в России, так и в Пермской губернии снизилась. В этот период живущие в России китайцы, как правило, занимались торговлей в различных городах. Так, «Пермские губернские ведомости» в августе 1906 г. сообщали о нескольких китайцах, которые предлагали посетителям Черного рынка [ныне – Сквер уральских добровольцев г. Перми. – М. К.] услуги по очистке зубов: «Многие из публики соглашались на эту операцию, каковая... производилась посредством инструмента, похожего на тамбурную вязальную иглу. Операции производились весьма быстро и ловко»⁵⁵. Скорее всего, эти китайцы являлись заезжими купцами.

В дальнейшем «китайский вопрос» в Пермской губернии возник только накануне Первой мировой войны. По инициативе нового губернатора И. Ф. Кошко в середине 1913 г. была проведена проверка живущих здесь китайцев, поскольку, по его мнению, в 1913 г. в Пермской губернии стал замечен «большой наплыв желтолицых». В этой связи губернатор обратился к каждому из уездных исправников с циркуляром, в котором требовал «совершенно секретно, тактично и крайне осторожно выяснить в отношении всех находящихся в вверенном Вам районе желтолицых, с какой целью они в данной местности появились, чем занимаются, на какие средства существуют, с кем ведут знакомство или вообще какие-либо сношения, не держат ли каких-либо отлучек, куда и с какой целью, не получают ли какой-либо корреспонденции, обращают ли на себя внимание ... установить за ними для выяснения всего этого тщательное, но, безусловно, конспиративное наблюдение»⁵⁶.

На данный запрос сохранились только ответы пермского полицмейстера (возможно, других не было), который сообщил, что в Перми живет китаец Туд-за, привезенный в Пермь после боксерского восстания и работающий в пивной лавке⁵⁷. Еще один китаец, Фан Дэлин, был задержан на рынке за незаконную торговлю. «По лично проведенной мною проверке на указанном толчке (Сенной площади) подданным Линь показывается панорама, в которой, как обнаружено, имеется три двойных картины. В каждой из них одна верхняя обыкновенная, а другая, нижняя, действительно порнографического содержания», – сообщал в рапорте пермский уездный исправник⁵⁸. Позднее Фан Дэлин был арестован и отправлен в Китай без права дальнейшего возвращения.

В целом в период 1905–1913 годов сохранилось только несколько единичных упоминаний о китайцах. Однако нужно подчеркнуть, что в 1913 г. власти уже стали обращать внимание на китайцев, поскольку в это время их численность в Российской империи снова начала увеличиваться.

1.2. КИТАЙЦЫ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К моменту начала Первой мировой войны позиция правительства в «китайском вопросе» была ориентирована на сдерживание иммиграции, особенно в пределах Дальнего Востока. При чем главным инициатором ограничений выступали сами власти региона.

По инициативе генерал-губернатора Приамурского П. Ф. Унтербергера 12 июля 1908 г. Совет Министров принял постановление «О предоставлении военным губернаторам Приморской, Амурской и Забайкальской областей, а также о. Сахалина права непосредственно применять правила об удалении иностранцев за границу». Новый закон позволял местным губернаторам своей властью выселять иностранных подданных и был, в первую очередь, направлен против китайцев и корейцев⁵⁹. Сле-

дующий закон, ограничивающий возможности въезда китайцев, был принят 21 июня 1910 г. Закон «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» запрещал наем китайцев на государственные предприятия и сдачу им земли в аренду на Дальнем Востоке. Но, даже несмотря на этот запрет, китайцы во втором десятилетии XX в. начали активно привлекаться на предприятия, находившиеся вне районов ограничений. А. П. Петров указывает, что китайцы до Первой мировой войны трудились в Саратовской губернии (6000 чел.), в Харьковской губернии (2000 чел.), Витебской губернии (1000 чел.) и т. д.⁶⁰

В мае 1914 г. директор Горного департамента В. И. Арандаренко писал окружному инженеру Пермского горного округа А. А. Иванову, что в «настоящий момент стали известны случаи поездок специальных агентов в Китай с целью вербовки рабочих для внутренней работы в России. Движение это все более и более разрастается, и приходится опасаться, что эмиграция китайцев, если только не встретит на своем пути препятствий, достигнет громадных размеров»⁶¹.

Однако привлекать для работ китайцев разрешали не всем. В 1913 г. правительство, например, отказало в привлечении китайцев правлению Богословских заводов, сообщая на запрос, что «выписки из Маньчжурии китайцев не может быть осуществлено, как противоречащее политике правительства, направленной к ограничению наплыва желтой расы»⁶².

В апреле 1914 г. Департамент общих дел начал переписку с заинтересованными министерствами по поводу издания общего для всех китайцев в России «иммиграционного законопроекта». Департамент полиции МВД в своем ответном письме указывал, что в стране наблюдается рост ходатайств от региональных властей о высылке за пределы империи китайских подданных. В этой связи Департамент просил при выработке законопроекта «предусмотреть также меры, которые следовало бы принять для воспрепятствования иммиграции иностранцев с Востока в преде-

лы европейской России, не ограничиваясь одними лишь дальневосточными окраинами»⁶³. Позже министр внутренних дел Н. А. Маклаков обращался к председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину с просьбой «возбудить в Совете Министров вопрос о воспрещении найма рабочих китайцев и корейцев для работ на какие бы то ни было фабричные и промышленные предприятия»⁶⁴.

У Министерства иностранных дел, также задействованном в решении данного вопроса, четкой позиции не было: ведомство просто указывало, что необходимо как можно скорей снабдить «нашу полицию более определенными инструментами касательно выдворения китайских граждан из пределов империи»⁶⁵. Новый Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти, когда стали известны факты массового прибытия китайцев в Россию, в своей переписке с Советом Министров решительно протестовал против ввоза китайцев. «Китайская эмиграция, высасывающая государственные и народные средства, – писал он, – ничего кроме вреда не приносит... что же касается политической стороны вопроса, то, будучи непоколебимо стойкими в своей национальной культуре, не теряя духовной связи со своей родиной, оставаясь на чужой стороне верными сынами своего отечества и не чувствуя поэтому решительно никакой потребности ассимилироваться с окружающим его населением, китайцы и с этой стороны являются элементом прямо враждебным»⁶⁶.

В целом, чиновники признавали нежелательность присутствия китайцев на территории страны, но при этом на некоторые частные запросы о разрешении труда китайцев из экономических соображений давались положительные ответы⁶⁷.

1.2.1. Обстоятельства приезда и численность китайцев на Среднем Урале в годы Первой мировой войны

После начала Первой мировой войны потребность в продукции уральских заводов, обслуживавших нужды фронта, резко увеличилась. При этом многие неквалифицированные рабочие с

уральских заводов были призваны на фронт. Из-за начавшейся мобилизации на предприятиях Пермской губернии обнаружился дефицит рабочих рук. По подсчетам историка А. П. Танеева, в 1915 г. из 135,6 тыс. рабочих Урала по собственному желанию и по призыву на воинскую службу убыло 81,8 тыс. человек⁶⁸. В первые месяцы войны недостаток частично покрывался за счет труда женщин, детей и военнопленных. Однако когда стало очевидно, что этого недостаточно, заводчики стали искать возможности привлечения рабочей силы из-за рубежа, и в первую очередь, – из соседнего Китая.

Частичное разрешение ввоза китайцев в страну из-за начала войны дало властям Пермской губернии основания повторно обратиться в Департамент полиции МВД. В апреле 1915 г. пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский по просьбе управляющего Абамелек-Лазаревских заводов в Пермской губернии Н. Н. Курманова обратился в ведомство с телеграммой, в которой просил «не отказать в возможной поддержке возбужденного углепромышленниками ходатайства [о привлечении китайцев. – М. К.]»⁶⁹. На последовавший запрос Департамента полиции Министерство торговли и промышленности ответило, что «действующим законом пользование китайскими рабочими на Урале не возбраняется»⁷⁰. В результате на телеграмму М. А. Лозина-Лозинского 26 мая 1915 г. из Департамента полиции пришел положительный ответ⁷¹. Позднее Н. Н. Курманов в ответном письме сообщал губернатору, что «лишь с помощью китайских рабочих можно надеяться исполнить наши обязательства по поставкам каменного угля, как казенным, так и частным учреждениям; русских рабочих найти в настоящее время невозможно»⁷².

После положительного ответа на ходатайство копеей С. С. Абамелек-Лазарева с соответствующими запросами о найме китайцев в Департамент полиции обратились правления Общества Кыштымских горных заводов (12 августа 1915 г. на 500 человек) и Богословского горного округа (28 августа 1915 г. на 500 человек). Таким образом, к лету 1915 г. был запущен механизм по привлечению китайцев для работ на уральских заводах.

Наймом китайцев для заводов Урала занималось «Восточно-Иркутское мукомольное товарищество» братьев Г. Б. и Д. Е. Дризиных. Судя по донесению Императорского Российского генерального консульства в Харбине от 31 августа 1915 г., идею заняться организацией труда китайцев братьям Дризиным предложил один из сотрудников местной газеты «Новости жизни» Н. Л. Каплан. Собирая по поручению редактора газеты «Харбинский вестник» сведения и статистические данные о переменах в промышленности в первые три месяца 1915 г., он обнаружил, что промышленность испытывает большой недостаток в рабочих. Это обстоятельство навело его на мысль о привлечении рабочих из Китая. «Идея эта распространилась по городу, и появился целый ряд предприятий, желающих заняться поставкой китайских рабочих», – говорится в донесении⁷³. Сам Каплан предложил сотрудничество двум крупным пайщикам АО «Восточно-Иркутское мукомольное товарищество» братьям Г. Б. и Д. Е. Дризиным, поскольку их компания имела свои склады в Харбине, Чите, Хабаровске, Благовещенске и в ряде других крупных российских городов, а также на станциях Маньчжурия, Чаньчунь, Мукден, Гирин, Аньдун. Соответственно, у них уже имелась необходимая инфраструктура для перевозки китайцев. После того как было получено соответствующее разрешение, именно Н. Л. Каплан стал их представителем в Екатеринбурге⁷⁴.

В упомянутом донесении Императорского Российского генерального консульства содержится информация и о механизмах найма китайцев. Обычно они вербовались в районах Маньчжурии, Мукдена, Инкоу и Чифу. Находящиеся в этих городах конторы Дризиных заключали с подрядчиками-китайцами договоры об образовании артелей рабочих (от 18 до 45 лет). Когда артель была сформирована, она переправлялась в города Харбин или Инкоу, где размещалась в специально для этого построенных «китайских постоянных дворах». Уже оттуда партиями по 200–250 человек китайцы направлялись в бараки в пригороде Харбина Модяогу (1 барак в среднем – на 1200 человек). Китайцы перед отправкой в Россию подвергались тщательному медосмотру, по-

сле него все рабочие, оказавшиеся негодными, отправлялись домой за счет фирмы. Прошедшие медосмотр регистрировались: фиксировались сведения о месте рождения, возрасте, семейном положении и имеющейся профессии. Зарегистрированные рабочие снабжались паспортами, выдававшимися Цицикарским бюро (г. Цицикар – один из пограничных пунктов Маньчжурии), после чего в сопровождении своих «старшинок» (своего рода контролеров, надзирателей) и переводчика отправлялись к месту назначения поездами партиями в 350–500 человек. Для дальнейшего снабжения рабочих съестными припасами и оказания им содействия в пути у Дризиных имелись агентства в Иркутске, Ачинске, Омске, Тайге, Екатеринбурге, которые служили распределительными пунктами. Отсюда рабочие направлялись непосредственно на заводы. Организация всего дела потребовала от Дризиных первоначальных вложений в размере 12 000 рублей⁷⁵.

С августа 1915 г. первые партии китайцев по 250–300 человек стали прибывать на предприятия Среднего Урала. Всего за годы войны китайцы были привлечены на Княгининские, Половинские и Нижнегубахинские копи завода князя Абамелек-Лазарева; на Чусовской завод Камского акционерного общества, в курени «Широковка», «Мутный», «Кумачиху»; на Верх-Исетский завод; Верх-Тагильское лесничество; Соймановские промыслы; Нижне-Уфалейский завод Акционерного общества (АО) Сергинско-уфалейских заводов; на химический завод АО Шайтанских горных заводов, в АО «Лысьвенский горный округ» наследников графа П. П. Шувалова; на Кыштымские горные заводы; на Нижне-Тагильские чугунно-литейные и медеплавильные заводы; в АО Алапаевского горного округа; на заводы Богословского Горно-Заводского общества⁷⁶.

Точную численность всех китайцев, работавших на Урале в годы Первой мировой войны, невозможно установить по нескольким причинам: число китайцев постоянно менялось в связи с тем, что регулярно прибывали новые партии, а предыдущие по истечении сроков контрактов выезжали; организовать системный подсчет китайцев губернатору не удалось, поскольку единого ор-

гана, куда бы стекалась вся отчетная информация о численности китайцев, не было.

Следует добавить, что на уровне всей страны Особое межведомственное совещание, созданное на основании «Правил о найме и перевозке рабочих желтой расы» от 27 сентября 1916 г., постановило в октябре 1916 г. «просить все заинтересованные ведомства представить хотя бы приблизительные сведения о количестве китайских рабочих, в найме коих для ведомственных работ явится надобность в течение 1917 г.» (то есть до этого времени точных сведений о количестве китайцев не было даже у российского правительства)⁷⁷.

Однако в архивах Урала сохранились некоторые данные о количестве китайцев на отдельных территориях губернии, большинство из которых относится к концу 1916 – началу 1917 г.

Если верить данным переписки заводов с канцелярией губернатора, то в декабре 1916 г. в АО Верх-Исетских заводов было зарегистрировано 840 китайцев (из них на Белореченском руднике – 108, Калатинском руднике – 232, Карпущинском руднике – 55, Егорьинской каменноугольной копи – 49, Режевском лесничестве – 28, Сылвенском лесничестве – 20, Уткинском лесничестве – 100, Верхне-Тагильском лесничестве – 81)⁷⁸.

В Кизеловском горном округе за период с 1914 по 1916 г. трудилось 5 331 китайцев (при том, что из Харбина было отправлено 6 692 китайца, 1 361 сбежали по пути следования)⁷⁹. К концу 1916 г. в округе работало 2 610 человек, из них: на Княжеской копи – 206, на Княгининской – 79, на Коршуновской – 142, на Половинской – 535, на Нижне-Губахинской – 120, на Верхне-Губахинской – 1 327, при заводе – 70, при лесничестве – 131⁸⁰.

В Богословском горном округе на 1 ноября 1917 г. трудилось 2 079 китайцев, в том числе на Надеждинском заводе – 1 260 китайцев (также 1 041 кореец), на Богословской железной дороге – 278, на Ауэрбахских коях – 101, на Пражских коях – 52, на Самсоновских коях – 114, на Богословских

каменноугольных копях – 322, на механическом заводе – 826⁸¹. Кроме этого, известно, что крупные партии китайцев трудились на Нижне-Тагильских и Алапаевских заводах⁸².

Таким образом, общую численность китайцев на Среднем Урале к началу 1917 г. можно оценить в интервале 8–10 тыс. человек. Эта цифра представляется наиболее реальной, поскольку подтверждается документами. Прибывавшие на Урал китайцы получали личные номера. Крайний номер, который удалось обнаружить в архивах, – 9 260⁸³. Необходимо отметить, что исследователи данного периода, оценивая численность китайцев на Среднем Урале в 1916 – начале 1917 г., называют те же цифры⁸⁴.

Несмотря на обширную географию присутствия, доля китайцев в общей массе рабочих, по подсчетам историка А. П. Таяева, была не выше 4%⁸⁵. Однако на некоторых промышленных объектах (Губахинские и Кизеловские копи, Алапаевский и Богословский заводы), где работало до нескольких тысяч китайцев, их роль была весьма существенна.

В конце 1915 г. губернатор Пермской губернии М. А. Лозина-Лозинский подвел первые итоги работы китайцев на Урале в своем ежегодном отчете. Во-первых, он отметил целесообразность привлечения китайцев. В связи с войной, по его словам, доставка рабочих из центральных районов России обходилась дорого и занимала длительное время, тогда как «в соседнем Китае массы разорившихся крестьян не находили себе занятия и голодали... Они приезжали без семей, были нетребовательны к условиям труда и быта, в выборе работы... тем более что цена китайских пришельцев была ниже, чем у русских рабочих»⁸⁶. При этом первоначальный опыт губернатор отметил как неудачный. По его мнению, главная причина неудач заключалась в политике самих промышленников, которые «ставили набрать нужное количество людей, не считаясь ни с непригодностью их к данной работе, не с их наклонностями»⁸⁷.

Когда закончились первые контракты, перед местной властью встала задача организации вывоза китайских рабочих. В частности, исполняющий должность губернатора Пермской губер-

нии А. В. Степанов 12 октября 1916 г. выпустил циркуляр, в котором обязал полицеймейстеров, уездных и горных исправников следить, «чтобы на родину отправка их [китайцев – *М.К.*] производилась партиями, причем они должны быть снабжены билетами на проезд по железной дороге до места назначения, точно также на счет означенных предприятий лиц относится и питание отправленных рабочих, а равно и оказание им врачебной помощи во время пути»⁸⁸. Выезжавшие китайцы получали специальное удостоверение, с которым имели право беспрепятственно пересечь границу⁸⁹. Кроме этого при отправке им выдавалось: а) больному – заработная плата, 1 рубль на дорогу и белого хлеба (на 15 суток) 1 пуд и билет до ст. Маньчжурия; б) рассчитавшемуся – заработная плата, 6 рублей деньгами на пропитание в дороге. Причем специальной одежды при отправке не выдавалось, китайцы отправлялись в выдаваемой им Конторой в счет платы одежде: полушубках, стеганых пиджаках, улах, шароварах, рубашках, сапогах и пр.⁹⁰

Таким образом, к концу 1916 г. губернским властям удалось наладить эффективные механизмы работы с китайцами, существующая нормативная база была усовершенствована и приведена в соответствие с имперским законодательством, наладились отношения между администрациями заводов и подрядчиками в организации труда рабочих. Для более эффективного учета вновь прибывающих на Урал рабочих из Китая в январе 1917 г. на станции Екатеринбург 1 Переселенческим управлением был открыт «китайский пункт», который располагался за зданием старого вокзала и размещался в трех приспособленных для этого вагонов. «На пункте есть аптечка, кухня, канцелярия и проч... выдается теплая одежда», – сообщала газета «Зауральский край»⁹¹.

Очевидно, что планов отказываться от найма китайцев в конце 1916 – начале 1917 г. не было, что могло привести только к дальнейшему увеличению численности китайцев. Так, 23 февраля 1917 г., в день начала Февральской революции, горный техник Верх-Исетского горного округа А. Н. Захарченко просил МИД о выдаче заграничного паспорта «для поездки в пределы Китая и

Японской империи для найма китайских и японских рабочих для предприятий Верх-Исетского округа»⁹². Как говорилось в выданной ему правлением заводов записке, «недостаток рабочих рук на предприятиях Верх-Исетского горного округа, работающих на государственную оборону, вынуждает заводууправление немедленно послать на Восток горного техника А. Н. Захарченко и мещанина города Ишима М. Б. Динамбурга – для найма китайских рабочих в количестве 1 500 человек». Их предлагалось доставить на Урал в течение апреля–мая 1917 г.⁹³ После того как контора ВИЗа заключила договор с подрядчиком, китайцы были отправлены из Харбина в Екатеринбург. А 8 января 1917 г. хабаровская газета «Далекая окраина» сообщала, что Пекинское правительство «разрешило вербовку 3 000 «кули» для уральских рудников»⁹⁴.

Последние партии китайцев прибыли на Урал в конце 1917 г. Документально подтверждено, что 1 июля на Верх-Исетский завод (ВИЗ) прибыла партия в 224 человека, а 20 августа 1917 г. – 237⁹⁵. Самый поздний из сохранившихся документов – список китайцев, прибывших на Ауэрбахский рудник. Документ датирован 6 ноября 1917 г.⁹⁶

Скорее всего, к зиме 1917 г. процесс найма китайцев уже остановился, поскольку администрации заводов, по причине политических изменений в стране, уже не стремились к найму новых рабочих, а наоборот, предпринимали меры к эвакуации тех, кто еще работал. Так, контора Ивановской шахты 11 декабря 1917 г. обращалась в Главное управление ВИЗа, сообщая, что «при настоящем недостатке продовольствия и решении закрыть работы шахты Ивановской было бы осторожнее китайцев не задерживать и предоставить им выехать на родину»⁹⁷.

В целом, как свидетельствуют источники, большинство китайцев покинули страну в начале 1917 г. По данным советского исследователя А. А. Аникста, к 1 сентября 1916 г. на заводах Урала (Чусовском, Пашийском, Верхне-Кыштымском, Кизеловском, Богословском, Нижне-Уфалейском и Половинских коях) было 11 419 китайцев, а к 1 апреля 1917 г. – уже 971⁹⁸.

Оставшиеся на Среднем Урале китайцы либо вступили в Красную Армию, либо осели в горных городах, промышляя мелкой торговлей или занимаясь преступной деятельностью. В Губахе 13 сентября 1917 г. были арестованы и препровождены в распоряжение управления копей 74 китайца, которые «не работали, занимались изготовлением кумышки, игрой в карты и обременяли копи в снабжении населения продовольствием»⁹⁹.

1.2.2. Законодательство и политика местных властей в отношении китайцев

Постоянно увеличивающееся количество китайцев на Среднем Урале требовало от местных властей нормативно-правового регулирования их деятельности. Причем сделали это в Пермской губернии даже раньше, чем на уровне всей империи¹⁰⁰.

Циркуляр начальника губернии, касавшийся разрешения ввоза китайцев на Урал, вышел 15 сентября 1915 г. В документе губернатор М. А. Лозина-Лозинский, ссылаясь на принятые ранее МВД и МИД решения, объявлял, что «признано необходимым временно, впредь до особого распоряжения, допустить беспрепятственный пропуск в пределы Империи тех китайских подданных, а также корейцев, кои приглашены на работы в наших металлургических либо каменноугольных предприятиях»¹⁰¹. Этот циркуляр был первым документом, нормативно регулировавшим труд китайцев на Урале.

Однако регистрация прибывающих в губернию китайцев была затруднена с первых дней их приезда. Многие из них приезжали без паспортов либо с подложными паспортами, что осложняло контрольные мероприятия. Уже 12 сентября 1915 г., фактически сразу после прибытия первых китайцев на Урал, вице-губернатор Пермской губернии Н. Н. Максимов писал соликамскому уездному исправнику М. Д. Плахову, что «имеющиеся на паспортах китайцев фотографические карточки не всегда похожи на лиц, кои выдают себя за владельцев паспортов»¹⁰². Это действительно было так. Один из участников Гражданской войны, китаец Лю Фу, например, следующим образом описывал

процедуру получения паспорта перед поездкой в Россию: «В июне 1916 г. я покинул прииски и прибыл в Благовещенск. Там как раз русский подрядчик вербовал китайских рабочих на работу в Иркутск, обещал ежемесячный заработок в 45 рублей и в случае сдачи заграничного паспорта – 30 копеек в день на питание. За три лян я купил старый паспорт, чтобы зарегистрироваться. Паспорт этот был на имя Лю Фу. С тех пор я и превратился из Лю Юйцина в Лю Фу»¹⁰³.

Таким образом, на местах установить личности китайцев не представлялось возможным с самого их приезда. Были проблемы и с учетом численности. В рапорте М. Д. Плахова от 27 сентября 1915 г., в частности, сообщается: «...всего рабочих китайцев на копях Кизеловского округа оказалось 2 579 человек. Из них на 2 513 человек китайцев имеются паспорта и лица их с фотографическими карточками схожи. А на 66 человек, поименованных в списке, паспортов не имеется. После проверки при конторе Кизеловского завода оказалось еще свободных паспортов на 304 человека»¹⁰⁴. Можно предположить, что аналогичная ситуация складывалась и в других местностях. По сообщению правления Бело-рецкого завода, например, большая часть китайцев прибыла к ним вообще без документов. «Заводоуправление выдало китайцам номера, но организация фирмы Дризин [подрядчика. – М. К.] видимо настолько хромала, что китайцы бросали эти номера и тем делали почти невозможным учет каждого рабочего», – говорится в письме управления губернатору¹⁰⁵.

Чтобы хоть как-то решить проблему, губернатор 21 октября 1915 г. потребовал от всех уездных исправников провести тщательную проверку паспортов у всех работающих на горных заводах китайцев, сравнить приложенные к паспортам фотографии с владельцами паспортов, а о результатах проверки сообщить в виде поименного списка всех китайских рабочих. Дополнительно к этому он просил сообщить «заключены ли о найме рабочих-китайцев договора и на каких приблизительно условиях, а если договоров еще не заключено, то по каким причинам, откуда прибыли рабочие-китайцы, при посредничестве каких commissione-

ров или подрядчиков они выписаны, не наблюдается ли какого недовольства среди китайских рабочих, чем именно и не было ли у заводууправлений с ними каких-нибудь недоразумений, в утвердительном случае на какой почве»¹⁰⁶. В дальнейшем губернатор требовал регулярных отчетов от уездных властей.

Когда стало очевидно, что количество китайцев будет увеличиваться, а контролировать их на общих основаниях практически невозможно, губернатор издал от 26 октября 1915 г. «Обязательное постановление», в котором были оговорены условия допущения китайцев и корейцев для работ на предприятиях Урала. Документ, в частности, требовал от заводчан не принимать на работы китайцев или корейцев, не имеющих национальных паспортов; наем должен был производиться только на условиях, изложенных в расчетных рабочих книжках Пермского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия. Такие книжки каждый китаец должен был получить в течение семи дней после начала работ. Постановление запрещало переход китайцев с одного завода на другой. Ответственного за исполнение данного постановления назначено не было, но за нарушение данных правил устанавливался штраф в размере до 3 000 рублей¹⁰⁷.

Эти правила были только первой попыткой регламентировать труд китайцев. Более детальный документ был принят 10 декабря 1915 г., когда губернатор подписал Обязательное постановление «Об условиях допущения китайцев, корейцев и персов на работы в промышленных, горнозаводских и иных предприятиях, куренные и по заготовке лесных материалов, а также и по найму у частных лиц в пределах Пермской губернии»¹⁰⁸. В отличие от предыдущего постановления, данный документ был дополнен отдельным блоком правил для самих рабочих-китайцев, а другие разделы были расширены и дополнены. Так, в пункт о необходимости национальных паспортов было внесено требование о том, что паспорта должны снабжаться визой русских консульских установлений, кроме паспорта еще требовалось медицинское свидетельство о годности к работам.

Документом запрещался ввоз китайцев через посредников и без особого разрешения. В связи с тем, что многие китайцы, как

оказалось позже, не владели заявленными специальностями, новое постановление требовало от подрядчика «доставить предприятию рабочих тех именно специальностей, на поставку коих было принято обязательство». В случае несоблюдения этих требований подрядчик должен был за свой счет вывезти китайцев обратно из России в Китай.

Отдельным блоком документ содержал и ряд требований для заводов, нанимавших китайцев. Заведующие предприятиями, а также и частные лица, принимающие на работу или для услуг китайцев, корейцев и персов, обязаны были не позже чем в суточный срок со дня их прибытия доставить местной полицейской власти сведения об их числе, а по требованию полиции – предъявить их документы, а также сообщить все касающиеся китайцев сведения (документы администрации заводов должны были хранить у себя). Кроме этого, завод обязан был содержать переводчиков «свободно объясняющихся на русском и родном языке рабочих», из расчета не менее одного переводчика на 100 рабочих. Также администрациям заводов вменялось в обязанность содержать достаточное число стражников «для хранения среди них [китайцев – М. К.] порядка и спокойствия, а равно для их окарауливания и предупреждения побегов, как на месте работ, так и при перевозке сих рабочих» (состав и количество стражи, по согласованию с администрацией завода, утверждал начальник местной полиции). На территории завода следовало также организовать помещение для заключения под стражу провинившихся рабочих.

Самим китайцам запрещалось самовольное уклонение от работ, отлучки и досрочное предъявление требований об изменении условий договора. Также китайцам было строжайше запрещено «праздное шатание из одного места в другое и всякие отлучки из местности, где они находятся на работе, без получения от предприятия, подрядчика или поставщика отпускного билета, с указанием места, времени и цели поездки». С момента вступления Обязательного постановления от 10 декабря 1915 г. в силу, действие постановления 26 октября 1915 г. отменялось.

Контроль за исполнением Обязательного постановления от 10 декабря 1915 г. был возложен на вице-губернатора Н. Н. Максимова. В начале января 1916 г. он отправился с поездкой по заводам Урала с контрольной проверкой. Его рапорт, переданный губернатору 13 января 1916 г., свидетельствует о том, что на многих предприятиях Обязательное постановление не исполнялось. В частности, в Кыштымском заводе было обнаружено нарушение условий оплаты подрядчиком (Дризиным), не было должного количества переводчиков; на Нижне-Уфалейском заводе вместо дроворубов были выписаны углекопы, также не было должного количества переводчиков; на Пышминско-Ключевском и Калатинском рудниках Верх-Исетского Акционерного Горного общества многие из китайцев не имели паспортов. На Шайтанском заводе Акционерного Общества Шайтанских горных заводов Н. Н. Максимов нашел полное незнание Обязательного постановления¹⁰⁹.

На уровне империи вопрос о китайцах был рассмотрен на Особых совещаниях 15 января и 4 февраля 1916 г. По итогам этих встреч Совет Министров решил ввоз китайцев не ограничивать, но жестко контролировать, а также с одобрения императора Николая II поручил министру земледелия (его ведомству в тот момент принадлежал Переселенческий комитет) образовать в структуре министерства «Особое, из представителей заинтересованных ведомств, совещание для обсуждения вопроса об условиях применения в империи труда рабочих желтой расы»¹¹⁰. Такой орган министром был создан, и в начале марта 1916 г. проект мер для упорядочения труда «желтолицых» был готов. В Особом журнале от 15 марта 1916 г. «Об условиях применения в империи труда рабочих желтой расы» были изложены основные положения документа, который после подписания императором 4 апреля 1916 г. был опубликован в виде постановления «Об условиях применения в Империи труда рабочих желтой расы». Документ состоял из десяти пунктов и по большей части касался легализации существующего порядка ввоза китайцев на работы в Российскую империю, а также его упорядочения. Ввоз китайцев после вступления документа в силу разрешался только партиям во главе с ответственным

лицом (при этом все национальные паспорта должны были сдаваться в обмен на одно проходное свидетельство для всей партии сразу), ответственность за наем была возложена на Справочные бюро по рабочему вопросу во Владивостоке и Хабаровске. Передвигаться по территории России партии могли только поездными составами в сопровождении специальных агентов Бюро, а плату за перевозку и питание китайцев осуществляло Переселенческое управление. С момента прибытия китайцы передавались лицу, нанявшему их, переход китайцев на другие предприятия разрешался только с особого разрешения Переселенческого управления. Это правило распространялось и на отъезд китайцев на Родину.

Правила устанавливали район, где разрешался труд китайцев, – от оз. Байкал на востоке до правого берега Волги на Западе. На этой территории труд запрещался в районе двадцатипятиверстной полосы по обе стороны Сибирской магистрали и Троицкой железной дороги. Однако при этом оговаривалось, что разрешение труда китайцев в других районах возможно с разрешения министров военного, внутренних дел и путей сообщения¹¹¹.

После принятия Правил от 4 апреля 1916 г. соответствующие изменения были внесены и в Обязательное постановление, изданное 10 декабря 1915 г. в Пермской губернии¹¹².

Уже через несколько месяцев после вступления Правил от 4 апреля 1916 г. в силу стало очевидно, что их реализация наталкивается на ряд сложностей. Судя по архивным материалам, к концу 1916 г. в Россию въехало уже более 50 тысяч китайцев¹¹³. На такое количество Правила не были рассчитаны. Справочные бюро по рабочему вопросу в городах Владивостоке и Хабаровске, например, не справлялись с наплывом желающих получить разрешение, что приводило к скученности и недовольству как со стороны подрядчиков, так и со стороны самих китайцев¹¹⁴. В дополнение к этому отдельные предприятия высказались за расширение в особом порядке территории распространения труда китайцев за Волгу: о желании использовать труд китайцев на своих каменноугольных копях, в частности, сообщал Совет съезда горнопромышленников юга России¹¹⁵.

На совещании Совета Министров, прошедшем 14 июня 1916 г., был рассмотрен вопрос о механизмах внесения изменений в Правила от 4 апреля 1916 г. На заседании было принято решение вновь создать при министерстве земледелия междуведомственное совещание с привлечением к участию в нем представителей всех заинтересованных ведомств, которое и должно было разработать пакет поправок на рассмотрение Совета Министров¹¹⁶.

В ходе работы междуведомственной комиссии рассматривались вопросы о расширении географических границ применения «желтого труда», обязательстве нанимать дополнительную стражу за счет предприятий, передаче вопросов о найме китайцев в распоряжение начальника Главного штаба, перепоручении организации найма рабочих китайцев и корейцев от Справочных бюро к управлению Общества КВЖД, а также ряд технических вопросов¹¹⁷.

Проект изменений 6 сентября рассмотрел Совет Министров, а 27 сентября 1916 г. императором были утверждены новые Правила о найме и перевозке лиц желтой расы¹¹⁸.

Согласно новой редакции организация найма «желтолицых» была передана из ведения Справочных бюро в сферу управления Китайской Восточной Железной дороги (о том, что теперь вся перевозка китайцев возложена на управление КВЖД Управление по Уральскому району председателя Заводского совещания сообщило всем предприятиям Уральского района в отдельном циркуляре¹¹⁹); труд «желтых рабочих» разрешался во всех местностях империи к западу от оз. Байкал, за исключением района военных действий (правда, к этому пункту давалось примечание о том, что в районах боевых действий труд все-таки возможен, но лишь с разрешения начальника штаба Верховного главнокомандующего, а Департамент полиции МВД в своем циркуляре от 19 октября 1916 г. требовал от губернаторов и градоначальников не афишировать данный пункт из «дипломатических соображений»). Также Правила в новой редакции требовали от общественных и частных предприятий, использующих труд китайцев или корейцев, организовать за свой счет надзор за рабочими – из расчета 1

стражника на 50 человек. Организации, нанимающие китайцев или корейцев, также имели право вносить залог за рабочих не деньгами, а удостоверениями министерства, гарантирующего своевременный взнос средств данным предприятием. Минимальный срок найма «лиц желтой расы» для работ в России был увеличен с 6 до 9 месяцев.

В новом документе содержался ряд требований по перевозке китайцев. Во главе каждой партии рабочих должно было стоять ответственное лицо, известное консульским учреждениям или управлению КВЖД, о времени отправки китайцев из Харбина должны были извещаться заранее; каждый поезд должен был отправляться до станции Маньчжурия в сопровождении агента КВЖД, а оттуда до станции места назначения – агентом Переселенческого управления. Разрешение всех дальнейших вопросов, возникающих при применении Правил, было возложено на Межведомственное совещание под председательством товарища председателя правления Общества КВЖД, в составе представителей верховного начальника санитарной и эвакуационной части и ведомств: военного, финансов, земледелия, внутренних дел, путей сообщения, торговли и промышленности и государственного контроля. В остальном новые Правила совпадали с редакцией 4 апреля 1916 г.¹²⁰ В ноябре по инициативе КВЖД было создано Особое бюро для «руководства и наблюдения за всеми операциями найма, доставки и передвижения рабочих в пределах КВЖД». Помимо Бюро в Харбине предполагалось создать отдельный сборный пункт, куда свозились бы для окончательного освидетельствования все нанятые для работ в России китайцы¹²¹.

Один из важных вопросов, которые решались в правительстве в связи с привлечением в российскую экономику рабочей силы из Китая в 1916 г., касался состояния здоровья китайцев: власти все-речь опасались возможных эпидемий, которые могли завезти китайские рабочие. С этой целью по соглашению с министром финансов, внутренних дел и военного, а также с одобрения верховного начальника санитарной и эвакуационной части весной 1916 г.

при содействии управления КВЖД в г. Харбине началось оборудование врачебно-пропускного пункта для наблюдения за отправляемыми в Россию китайскими рабочими. Здесь китайцы должны были подвергнуться принудительному медицинскому осмотру с мытьем в бане и дезинфекцией белья¹²². На станции Маньчжурия был также устроен санитарно-наблюдательный пункт. Под него приспособили барак общей площадью 60 кв. саженей. В состав пункта входили больница, отхожие места, водогрейки и летний водопровод¹²³. В России, в Челябинском и Иркутском пунктах, китайцы еще раз поголовно мылись в бане и прививались, больных или заболевших в пути отправляли обратно¹²⁴.

О том, как проводился набор китайцев после издания Правил 27 сентября 1917 г. на Среднем Урале, свидетельствует переписка администрации Пышминско-Ключевского медного рудника, принадлежавшего Верх-Исетским заводам. Руководство рудника начало переписку с Министерством промышленности и торговли о закупке еще 1 500 рабочих в начале 1917 г. Уже 7 февраля из Министерства пришел положительный ответ¹²⁵. После этого, согласно новым Правилам, представители завода обратились с аналогичной просьбой в управление КВЖД, на которое теперь была возложена организация ввоза рабочих китайцев в Российскую империю. В КВЖД заводчанам сообщили, что руководство дороги непосредственно не будет заниматься организацией найма китайцев и что этим занимаются подрядчики¹²⁶. Один из харбинских подрядчиков, А. Захарченко, на которого вышли заводчане, сообщил в управление, что доставка одного китайца обойдется ВИЗу в 157 рублей (113 – доставка, 24 – одежда, 10 – аванс, 10 – паспорт)¹²⁷.

В целом, судя по сохранившейся системе нормотворчества, Россия оказалась не готова к принятию большого количества китайцев. Издаваемые законы не успевали за реальным развитием событий – они создавались и редактировались исходя из текущей ситуации.

1.2.3. Условия труда и сферы деятельности китайцев на Среднем Урале в годы Первой мировой войны

Сведения о том, на каких условиях китайцы трудились на Среднем Урале, содержатся в договорах администраций заводов с китайцами. В фондах ГАСО и ГАПК отложилось несколько таких договоров.

Самый ранний из обнаруженных документов – договор Д. Е. Дризина с конторой Кизеловского завода о поставке китайских рабочих на каменноугольные копи, заключенный за несколько месяцев до прибытия первых партий китайцев¹²⁸. Согласно документу контора Дризина в результате устных переговоров обязалась доставить 2 000 китайцев (600 – в Кизел, 900 – в Губаху, 500 – на Половинку). Указанная контора, к тому же, брала на себя обязательства по обеспечению питания на время доставки китайцев, с тем условием, что все средства будут в дальнейшем заводом возвращены. За доставку одного китайца контора запрашивала 50 рублей 95 копеек. Договор заключался на 1 год – в срок до ноября 1916 г. До этого времени китайцам предоставлялась работа за поденную плату: подземным рабочим – по 70 копеек и поверхностным – по 60 копеек за рабочий день (12 часов при 1,5 часа на обед), помещение в казармах, каменный уголь на отопление и бесплатное питание. Договор предусматривал 7-дневную рабочую неделю с условием 15 выходных в праздничные дни. В том случае, если рабочие не соответствовали требованиям, то средства, затраченные на них, Дризиным возвращались, а наем новых работников контора Кизеловских копей могла организовать через другого подрядчика¹²⁹.

Это был первый из заключенных на Урале договоров. Позднее, в декабре 1915 г., управляющий Кизеловским горным округом В. Н. Грамматчиков в памятной записке окружному инженеру Чердынского горного округа писал, что этот опыт не был удачным, поскольку «благодаря подмене в пути, в числе рабочих оказались больные и некоторый процент рабочих, не только не желавших работать, но не желавших дать возможность орга-

низовать работу остальных. Благодаря этому работала лишь часть китайцев, работала в большинстве случаев не важно»¹³⁰. После заключения договора, по его словам, администрация завода вынуждена была пойти на пересмотр самой системы трудовых отношений и поручила организацию труда взять на себя другим подрядчикам, с которыми по этому поводу заключила отдельный договор. Кроме этого, плату было решено осуществлять не по-денно, а сдельно – за фактически произведенный продукт.

В дальнейшем многие из заводчиков также решили перейти на сдельную плату. Расследуя причины оставления работ китайцами в некоторых заводах губернии, пристав шестого стана Екатеринбург писал губернатору, что «китайцам желательно производить работу по-денно по 60 копеек в день на всем готовом (пища, одежда), но работа их оказалась непродуктивна, так что при по-денной работе они каждый день не орабатывали всех расходов на их содержание»¹³¹. Поэтому, по его словам, китайцам и было предложено перейти на сдельную плату. Об этих же причинах перевода говорится в докладной записке лесничего Усьвинской дачи Нижне-Тагильского округа П. Миншина в Лесное управление округа о работе китайцев на Кизеловских каменноугольных копиях¹³².

Комментируя переход на сдельные работы, сначала в Кизеле, а потом на большинстве предприятий губернии, М. А. Лозина-Лозинский отмечал, что данная мера была единственно возможной, потому что «на работах были примеры отказа китайцев от работ при сдельной плате только потому, что в данный день они уже выработали необходимое для содержания 20 копеек на человека, и больше работать не желают»¹³³. Такое поведение, по мнению губернатора, не соответствовало стремлениям промышленников, желающих исполнить государственный заказ.

Договор с новыми условиями был подписан 20 октября 1915 г. между управляющим Кизеловским округом В. Н. Грамматчиковым и подрядчиками Ти Юсином и Б. А. Крыловым¹³⁴. На его основании можно проследить эволюцию трудовых отношений уральских заводов с китайцами.

Документ во многом дублировал положения контракта с конторой Дризиных. Существенным его отличием был тот факт, что добычу угля в копиях подрядчики брали на себя, для чего должны были «содержать достаточное количество так называемых старшинок (старост), переводчиков и китайских штейгеров [охранников, надзирателей. – М. К.], наблюдать за рабочими и работами, производя таковую во всем согласно техническим условиям и установленному порядку и правилам и под руководством заведующих копиями»¹³⁵. Для наблюдения за порядком среди китайцев на работе и в бараках подрядчики имели право держать китайских надсмотрщиков, снабженных нагрудными знаками, которым контора копей обязана была оказывать «возможное содействие» по указанию подрядчиков. Все недоразумения с китайскими рабочими должны были решаться исключительно администрацией копей и подрядчиками, один из которых всегда должен был находиться на месте¹³⁶. В дальнейшем сдельная плата стала основной формой для заключения договоров.

Следующая группа проанализированных документов по организации труда китайцев относится к периоду после издания Правил от 4 апреля 1916 г. Для анализа использовались договоры заведующего доменным цехом Надеждинского завода И. В. Поносова с подрядчиками Сюй Хунаном и Хо Гожуном о найме китайских рабочих на работы в Богословском округе, между управляющим Нижне-Тагильским и Луньевским округами Б. А. Рулевым и подрядчиком Хо Гожуном, между управителем Пышминско-Ключевского рудника Ф. Я. Романовым и китайскими подрядчиками, а также между АО Верх-Исетских горных и механических заводов и товариществом «Зазунов и Ко»¹³⁷. Эти документы свидетельствуют об эволюции взглядов уральских промышленников на использование труда китайцев.

Во-первых, сами договоры теперь заключались на основании рекомендаций министерства. Так, в Инструкции по найму китайских рабочих, изданной Министерством промышленности и торговли после издания новых Правил, говорится, что для лесных работ рекомендуется установить поденную плату 35 копеек. Для гор-

ных работ представители министерства предлагали устанавливать плату в 85 копеек за подземные работы и 80 копеек за наземные. Не более чем через два месяца прибывавшие рабочие должны были перейти на сдельную плату «по расценкам наземных работ для русских рабочих (1,5 рубля в день)». На питание китайцев рекомендовалось выделить «муку второго сорта, постное масло, соленую рыбу, мясо, соль, кислую капусту, картофель»¹³⁸.

Во-вторых, требования самих договоров стали более жесткими. Появились пункты о возрастном цензе, опыте работы, наказаниях за прогулы, о необходимых объемах работ. Кроме этого, четче были прописаны не только условия доставки и питания китайцев, но и их быт¹³⁹.

В договоре заведующего доменным цехом Надеждинского завода И. В. Поносова с подрядчиками Сюй Хунаном и Хо Гожунном о найме китайских рабочих на работы в Богословском округе, заключенном 15 июня 1916 г., на каждого китайца выплачивался аванс в размере 20 рублей на одежду, обувь и фото. В любой партии на каждые 100 человек должен был находиться переводчик, хорошо знающий по-русски и по-китайски. Договор устанавливал плату уже не за рабочий день, а за кубическую сажень дров – 3 рубля (каждый рабочий в месяц должен был «вырубать» 8,58 рубля). Размер питания остался без изменения (только объем муки крупчатки был увеличен на 10 фунтов – до 1,3 пуда).

Согласно договору управление предоставляло «бесплатное жилое помещение, освещение, дрова для варки пищи, отопления и баню, и все они должны быть гигиенично устроены, одинаковое условие, как для русских рабочих». Было уменьшено рабочее время – до 10,5 часа в день и не менее чем с 26 днями в месяц. Делались скидки и на незнание языка: в том случае, если рабочий нарушал внутренний распорядок по причине незнания языка, то администрация не должна была его арестовывать. Оплата производилась два раза в месяц¹⁴⁰. Следует также отметить, что переход на сдельную плату не был повсеместным. Так, в договоре, заключенном в ноябре 1916 г. между управителем Пышминско-Ключевского рудника Ф. Я. Романовым и китайскими подрядчи-

ками, оговаривалась возможность трудиться и на поденной и на сдельной основе. Помимо платы предусматривались премиальные за исправное исполнение условий договора¹⁴¹.

В договоре, заключенном управляющим Нижне-Тагильским и Луньевским округами Б. А. Рулевым с подрядчиком Хо Гожунном, помимо вышеперечисленного содержались требования возрастного ценза: все китайцы должны были быть «не моложе 20 лет и не старше 40 лет, вполне здоровые и работоспособные». Отдельно прописывались требования соблюдения гигиены как самих рабочих, так и чистоты помещений¹⁴².

Последний из обнаруженных договоров был заключен 5 мая 1917 г. между АО Верх-Исетских горных и механических заводов и товариществом «Зазунов и Ко в Харбине». В документе четко оговаривалось, сколько человек и по каким конкретно специальностям нужно конторе (чернорабочих, слесарей, плотников, кузнецов и т.п.). Поденная плата устанавливалась в размере 1 рубля с учетом бесплатных квартир, отопления и освещения. Прибывающим на горные работы китайцам ставилось условие в течение месяца перейти на сдельную плату. Отдельный пункт касался прогулов – за эти дни китайцы зарплату не получали, а за испорченный инструмент платили из своей зарплаты. Поскольку к этому времени проблема побегов была актуальной, администрация завода оплачивала нанимателю не за количество законтрактованных в Харбине китайцев, а за количество фактически прибывших в Екатеринбург. Отдельным пунктом с завода снималась вся ответственность за судьбу сбежавших китайцев. Кроме этого, договор устанавливал обязанность подрядчика содержать одного переводчика на 20 китайцев, а не на 50, как раньше, что свидетельствует о наличии серьезного языкового барьера¹⁴³.

Таким образом, со временем договоры с китайцами становились более детализированными и жесткими, что свидетельствует о первоначальной неготовности уральских заводчиков работать с китайцами. Возникавшие по ходу работы китайцев проблемы (языковой барьер, личная гигиена рабочих, порядок оплаты и

др.), не имевшие решения, заносились в новые договоры в качестве отдельных пунктов.

Заклученные договоры часто не исполнялись. Так, например, главный бухгалтер Кизеловского горного округа, проверявший исполнение договора администрации Кизеловских копей с подрядчиком Ти Юсином и Крыловым, по договору, заключенному 20 октября 1915 г., докладывал главному управляющему имением, что проверить правильность расчета оплаты оказалось не возможным, «так как в табелях заработка это записано общими суммами и количеством рабочих дней добычи угля, без указания номеров забоев, а в некоторых случаях и без указания рабочих дней»¹⁴⁴. Кроме того, не было общего учета рабочей силы китайцев, что не давало возможности определить стоимость произведенных ими работ. Платы работающим китайцам производились различные: за добычу угля в забоях рассчитывались поденно, по 35, 40 и 55 коп., за вспомогательные и поверхностные работы платы были по 70, 90 копеек и 1 и 1,10 рубля за день. По договору же с Дризиным платы подземным рабочим составляли по 70 копеек, а поверхностным рабочим – по 60 копеек в день. Отсутствовал учет не бывших на работе¹⁴⁵. Были проблемы и с учетом провианта китайцев. «Учета провианта и припасов, потребленных на содержание китайцев, не имеется, продукты эти покупаются главным образом из лавок общества Потребителей, – писал бухгалтер, – по документам, в которых в большинстве случаев указывается лишь сумма стоимости купленного... Отчетность по магазинам еще не составлена и продукты эти на специальную операцию еще не отнесены, что не дает возможности в данное время определить общую по всем копиям стоимость содержания китайцев»¹⁴⁶.

Есть основания полагать, что часть продуктов до китайцев не доходила. Питание часто не доходило до рабочих и по вине самих магазинеров. В мае 1916 г. Н. П. Блументаль писал в контору копей Кизеловского округа о нарушениях, которые он заметил на Княгининских коях: «Отпуск продуктов из китайской лавки, очевидно мало поддается контролю, ибо выдача их производится китайским магазином на руки китайцам поварам той или иной ка-

зармы, причем, разумеется, у них имеется полная возможность войти друг с другом в негласное соглашение на предмет утаивания продуктов в свою пользу. По заявлению одного из зрителей копей, такие случаи действительно имели место»¹⁴⁷. Скорее всего, на остальных копиях механизм раздачи пищи был аналогичным.

Нарушение условий договора подтверждается рядом других источников. Один из рабочих китайцев, Яо Синьчэн, вспоминал, что после всех вычетов, рабочие реально получали 90 копеек в день, что было намного ниже суммы, заявленной в контракте¹⁴⁸. Ссылаясь на отчет государственной комиссии по расследованию положения рабочих на Урале, исследователи отмечают: «Им не платили жалования, ограничиваясь выдачей продуктов, и притом в гораздо меньшем размере, чем это было обусловлено контрактами, а если платили, то размер и срок выплаты заработка устанавливались самые произвольные, ограничиваясь иногда выдачей 3–5 р. за несколько месяцев»¹⁴⁹.

Отдельно следует сказать и о качестве работы китайцев. Судя по высказываниям заводчан, труд китайцев часто не соответствовал условиям договора (квалификация, производительность труда и т.д.), что, в свою очередь, побуждало администрации заводов нарушать договоренность об оплате.

В ноябре контора Кизеловских заводов сообщила уполномоченному по Уральскому району председателя Особого совещания по обороне государства П. И. Егорову, что труд среднего китайца составляет 40% труда вольных, что являлось «практически самым низким показателем среди других категорий рабочих»¹⁵⁰. В частности, было отмечено, что китайцы часто прогуливают смены и в среднем ежедневно выходит на работы только одна треть всех китайцев, а «средняя производительность их, подсчитанная на общее число подземных и поверхностных работ, в 2,5 раза ниже производительности нормального русского рабочего, ибо выражается она лишь двадцатью пудами угля на одного человека такого состава рабочих, вместо приведенных выше пятидесяти пудов»¹⁵¹. Лениность китайцев отметил и Н. П. Блументаль в своем докладе на заводском совещании Уполобороны летом 1916 г.:

«В забоях они более сидят, чем работают, крепление забоев считают чуть ли не излишним делом... Привыкли работать непостоянно, а как бы заменяя друг друга, для чего их всегда должно быть на 50% больше, чем то требуется условиями работы, китайцы делают массу прогулов, а понуждение к правильному выходу на работы считают за притеснение»¹⁵².

По информации руководства Белорецкого завода, после прибытия китайцев «очень скоро стало очевидным, что фирма Д. Е. Дризина доставила нам не только не дисциплинированную массу рабочих, но и в большинстве неработоспособных или не желающих работать. По отзывам заводских отделов и цехов китайцы дали максимум 50% трудоспособности»¹⁵³. А екатеринбургский уездный исправник, комментируя первый опыт работы с китайцами, в своем письме сообщал губернатору, что «большинство же оказалось сбродом, не имеющим понятия о назначаемой им работе; в слесари присланы такие, которые никогда не видели слесарного станка, дроворубы, не имеющие понятия об обращении с пилой»¹⁵⁴.

После восстания китайцев на Половинских копях¹⁵⁵ пристав шестого стана екатеринбургского уезда сообщил уездному исправнику, что занимающаяся наймом китайцев фирма «Д. И. Дризин», принимала их «исходя из расспросов самих китайцев не для рубки деревьев, а для каменноугольных работ», из чего пристав делал вывод, что фирма «заключая с заводом условие, извлекала только свою выгоду» и советовал разузнать, не является ли эта организация «провокацией со стороны немцев»¹⁵⁶. А соликамский уездный исправник М. Д. Плахов, занимавшийся в 1915 г. расследованием обстоятельств прибытия китайцев на Урал, в связи с ноябрьскими беспорядками на Половинских копях, рапортовал 7 ноября 1916 г. в канцелярию губернатора, что «командированный заводоуправлением принимать от Дризина рабочих Потоцкий все время пьянствовал, подписывал все, что ему приносили, соглашался на все условия и принимал таких рабочих, каких предлагали, и своими кутежами стоил Дризину около 11 000 рублей – понятно, что и товар получился соответствующим приемщику»¹⁵⁷.

В итоге низкое качество выполняемых китайцами работ стало в конце 1915 г. причиной разбирательства между заводами и подрядчиками в лице конторы Дризиных. На сделанный запрос от полиции представитель фирмы Дризина в Екатеринбурге Н. Л. Каплан, в свою очередь, обвинил во всем администрации заводов. «Немедленно по прибытии китайских рабочих, к ним были предъявлены требования о переходе на сдельную плату, несмотря на то, что по договору рабочие были наняты на поденную плату... Вполне понятно, что подобное понижение расценок, о котором рабочие не могли знать, вызвало среди них различные волнения», – писал он в своем ответе¹⁵⁸. В этом, по его мнению, содержалась главная причина недовольства китайцев. При этом Н. Л. Каплан указывал, что у других хозяев китайцы работают намного лучше: «И они начали оставлять работу, переходя к частным лицам, которые их не нанимали... Эти же рабочие, которые оставили те заводы и те лесничества, с большим успехом работают во многих предприятиях и лесных дачах, где к рабочим никаких претензий не предъявляют в смысле их пригодности»¹⁵⁹.

Н. Л. Каплан предупреждал, что такая политика заводчиков может привести к нежелательным последствиям. В качестве мер по нормализации ситуации, по словам Каплана, контора Дризиных посылала из Харбина своих специалистов, но «при неблагоприятном отношении заводской администрации, они, конечно, не в силах привести дело к благожелательным результатам». Для поиска виновных Каплан предлагал провести отдельное расследование¹⁶⁰.

После того, как стали известны позиции сторон, губернатор обратился к уполномоченному главноначальствующего Пермской губернии с просьбой провести отдельное расследование. Уполномоченный принял позицию заводчиков и обязал Каплана доставлять китайцев соответствующей квалификации, а беглых содержать и эвакуировать за свой счет. «Фирма Дризина прислала рабочих китайцев на специальные работы, не имеющих понятия об этих работах, а многие китайцы категорически отказывались производить работы на воздухе, как, например, рубка дров, земляные работы и т. п.», – говорилось в его отчете¹⁶¹.

Однако в конце 1916 г. Каплан выехал из Екатеринбурга в неизвестном направлении. О том, как развивалась ситуация в дальнейшем, сведений не сохранилась.

При всех недоразумениях приходится констатировать, что, несмотря на взаимные претензии, стороны продолжали сотрудничать, а численность китайцев только увеличивалась. Известны также факты, когда администрации заводов были и удовлетворены работой китайцев. Так, драгоман¹⁶² М. Сякин 23 июня 1917 г. обратился к администрации Надеждинского завода с просьбой наградить подрядчика Ван Тунвына за то, что привезенные им китайцы успешно работали на заводе более полугода¹⁶³. А управление заводов князя А. С. Абамелек-Лазарева в конце 1916 – начале 1917 г. вело активную переписку с Министерством промышленности и торговли по вопросу «о повышении производительности Кизеловских каменноугольных копей за счет привлечения дополнительной рабочей силы из числа китайцев»¹⁶⁴.

Китайцы также были заинтересованы в продолжении работы, поскольку в самом Китае в это время существовала массовая безработица¹⁶⁵. Получавшие намного меньше российских рабочих китайцы считали свою работу выгодной¹⁶⁶. Известен случай, когда в январе 1916 г. китаец Ван Бао самостоятельно добрался в Россию и попытался примкнуть к партии рабочих, отправленных на Пашийский завод, но был задержан и выслан¹⁶⁷.

Очевидно, что присланные китайцы по своей квалификации не соответствовали запросам заводов, чем вызывали у руководства последних недовольство и, как следствие, нарушение условий договора. Но, поскольку другой альтернативы не существовало, заводчики продолжали запрашивать все новых рабочих. С другой стороны, китайцы были заинтересованы в работе в России даже при условии нарушения их прав, поскольку в самом Китае условия труда были на том же уровне, что и в России, а часто еще хуже. В этой связи, несмотря на все возникшие проблемы, потребность в китайцах и их численность на протяжении 1915–1917 годов постоянно увеличивались.

1.2.4. Конфликтные ситуации в организации труда и проблемы побегов китайцев с заводов Среднего Урала

Отсутствие опыта в совместной работе, жесткая эксплуатация китайского труда и неготовность самих китайцев к тяжелой работе привели к серии бунтов, многие из которых были описаны советскими историками А. П. Таняевым¹⁶⁸, А. В. Дмитриевым¹⁶⁹, Н. А. Поповым¹⁷⁰ и др. А. П. Таняев, например, писал, что китайцы «были более опутаны контрактами, чем военнопленные своим пленением»¹⁷¹. По данным исследователя, только за апрель–март 1916 г. от болезней и издевательств на уральских заводах погибло 250 китайцев¹⁷². Всего с 1914 по 1918 г. на Урале, судя по источникам, произошло не более 15 столкновений китайцев с местными администрациями.

Первые случаи недовольства китайцев были отмечены уже 26 июня 1915 г. на Половинских и Нижнегубахинских копах Кизеловского горного округа. Сначала на Половинке произошла драка между 50 китайцами, которых потом выслали на другую копь. Администрация завода ответила на это расширением штата стражников до 15 человек¹⁷³. Уже 11 августа 1915 г. соликамский уездный исправник М. Д. Плахов отправил губернатору телеграмму с грифом «секретно» следующего содержания: «...из числа прибывших в Кизеловский округ князя Абамелек-Лазарева китайцев одна партия в числе 128 человек, предполагавшаяся к работам на нижнегубахинские копи, несмотря на заключенное условие, на работы с 4 по 6 августа не выходили, находя поденную плату 60–70 коп., при готовом содержании, низкой, требовали увеличения платы до 1 р. 10 коп. Но, когда им было разъяснено несоответствие их требований, они к работам приступили»¹⁷⁴. Буквально через несколько дней с Нижнегубахинских копей выслали пятерых китайцев: четырех – за отказ от работы, одного – за агитацию. «Когда этих пять человек забирали, то толпа требовала их освобождения и успокоилась лишь тогда, когда стражники разогнали ее плетью», – сообщал в своем отчете вице-губернатор Н. Н. Максимов¹⁷⁵.

В дальнейшем отношения с китайцами на копиях только обострялись. 25 августа 1915 г. рабочий Ху Вычжан заставил толпу китайцев идти к начальству и требовать выдачи свеч, угрожая не выйти на работу. Тех, кто его слушается, он обещал убить. В результате на работу не вышло около 300 человек. После переговоров часть китайцев удалось убедить выйти на работу. 1 сентября ночная смена китайцев в числе 100 человек не вышла на работы также из-за невыдачи им конторой бесплатных свеч. Их поддерживала партия в 200 человек, работавшая две предыдущие дневные смены. Китайцам были даны прежние разъяснения – и часть их согласилась работать. 4 сентября Ху Вычжан был заключен на три месяца в тюрьму, серьезного конфликта удалось избежать¹⁷⁶. Тем не менее, уже этот конфликт показывает, что среди китайцев была группа недовольных, которая хотела навязать соотечественникам свое влияние.

На Верхнегубахинских копиях 28 сентября 1915 г. шесть китайцев смогли собрать вокруг себя толпу соотечественников в 600 человек и предъявить администрации требование о возврате удержанных с каждого из них по 5 рублей в обеспечение залога, согласно контракту. Толпа избивала своих старшинок, разбила стекла в конторе. «Ходатайствую подвергнуть данных китайцев сроком на три месяца каждого... дальнейшее нахождение означенных китайцев на копиях является нежелательным»¹⁷⁷, – писал 12 октября 1915 г. губернатору соликамский уездный исправник. Позднее арестованные китайцы были высланы из страны.

Следующий конфликт произошел 18 октября того же года на медном руднике Верх-Исетского завода – произошла ссора, а затем драка между работающими там китайцами, причем одному из них, Хуа Тыхоу, были нанесены ножевые ранения. Когда местные стражники задержали всех участников стычки и начали проводить расследование, то «толпа китайцев в триста человек, вооружившись чем попало, стягами, лопатами и камнями, напала на помещение, пытаясь отбить арестованных»¹⁷⁸. Бунт удалось подавить силами всех имеющихся стражников. Однако при этом по-

следние использовали холодное оружие и нанесли ранения некоторым из участников бунта.

12 ноября 1915 г. на Соймановских промыслах Кыштымского Акционерного общества партия из 200 дроворубов, разбившись на группы, ушла по нескольким направлениям, пробиваясь к железнодорожной линии. Поссорившись в пути, китайцы одной из групп нанесли ножевое ранение своему старшинке. Через сутки, как следует из рапорта екатеринбургского уездного исправника, было «чинами полиции остановлено в разных местах до 150 китайцев... Остальные 50 человек ушли по направлению к Екатеринбургу». Причина их недовольства – несправедливый расчет за проделанную работу со стороны администрации заводов¹⁷⁹. В тот же день китайцы-дроворубы, работающие в Нижне-Уфалейском заводе, в количестве 74 человек прекратили работу и явились в заводскую контору, потребовав паспортов и расчета. Позже 69 из них ушли в направлении станции Верхний Уфалей. На следующий день работу оставили и остальные китайцы¹⁸⁰.

В ноябре же произошло крупнейшее в 1915 г. волнение китайцев – на Половинских коях Кизеловского горного округа. Проблемы здесь, как говорилось выше, начались сразу после появления на коях китайцев. Массовые разногласия китайцев с администрацией начались в августе 1915 г. из-за того, что администрация якобы не выдавала китайцам свеч для подземных работ. Однако, по сведениям заводской администрации, она и не должна была этого делать, поскольку стоимость свечей вычиталась из заработка, согласно договору. В первое время, когда китайцам выдали свечи, «они, как любители иллюминации, и, по-видимому, не понимая в чем дело, развлекались зажиганием свечей в казармах, огоньками», – сообщается в рапорте уездного исправника на имя губернатора¹⁸¹. В результате выданные свечи быстро закончились, и китайцы были вынуждены брать их у заводоуправления в долг, что и вызвало недовольство и бунты.

4 ноября на коях толпа китайцев убила стражника-китайца и одного переводчика, а другого переводчика ранила. Только после того как были схвачены убийцы и причастные к убийству, рабочие

китайцы начали давать показания. На это серьезное происшествие администрация ответила увольнением 20 подозреваемых.

Однако успокоить китайцев не удалось. 7 ноября восстала уже толпа в 74 человека. На следующий день было установлено, что в убийстве принимали участие еще 13 китайцев, которые, как сообщал соликамский уездный исправник, «выламывали двери в казармах, присутствовали при убийстве и являлись, следовательно, участниками этого преступления»¹⁸². В результате допроса, проведенного руководством копей, выяснилось, что изначально среди китайцев были особые лица – хунхузы, которые и организовали бунт. Хунхузами в начале XX в. называли организованные преступные группы китайцев, промышлявших грабежами и насилием¹⁸³.

После ареста хунхузов определенное брожение в среде китайцев на Половинке продолжилось. 10 ноября 1915 г. М. Д. Плахов докладывал, что «китайские подданные в числе тридцати человек вели агитацию среди углекопов на Половинских коях князя Абамелек-Лазарева с целью прекратить работу и что дальнейшее пребывание их на означенных коях угрожает общественной безопасности и правильному течению работ по добыче каменного угля»¹⁸⁴. В тот же день, по словам исправника, «на Княжеских коях восемь человек китайцев проводили насилие среди администрации и агитировали среди рабочих»¹⁸⁵.

Для пресечения развития конфликта было принято решение передать дело на рассмотрение командующему войсками Казанского военного округа. В своем письме к командующему от 12 января 1916 г. губернатор подчеркивал, что «в интересах поддержания на каменноугольных коях порядка и спокойствия необходимы строгие и быстрые репрессии по отношению к нарушителям порядка, особенно китайских подданных»¹⁸⁶. Губернатор рассчитывал на публичную смертную казнь¹⁸⁷, но итоговое наказание из-за задержек и долгих разбирательств было весьма лояльным. Военно-окружной суд, разбиравший 12 октября 1916 г. это дело, постановил, что «из 19 обвиняемых 13 оправдано, 4 человека, а именно: Ван Водин, Ван Гозюн, Ли Фашин и Чжао Хойсин – присуждены в каторжные работы на 15 лет каждый и двое обви-

няемых, Сюй Динзюн и Чжан Юйтин, приговорены к смертной казни через повешение»¹⁸⁸. Позднее смертная казнь им была заменена на каторжные работы на 20 лет, остальным осужденным срок был уменьшен с 15 до 10 лет¹⁸⁹.

Ситуация, складывающаяся на Кизеловских копиях, рассматривалась на заседании Междуведомственного совещания Правительства Российской империи в декабре 1916 г. Из отчета о восстании следует, что главной причиной недовольства были сами китайские подрядчики, после удаления которых с копей ситуация нормализовалась. «Доказательством улучшегося положения китайцев на Кизеловских копиях могут служить поступившие от них адреса, в коих китайские рабочие благодарят за проявленные к ним заботы», – говорится в отчете Министерства торговли и промышленности¹⁹⁰.

Следующий крупный бунт китайцев произошел в январе 1916 г. на Белорецком заводе. 23 января 1916 г. все китайцы завода не вышли на работы. Недовольные своим положением, они побили представителя конторы Дризина, своего старшинку и переводчика. В отчете о бунте администрации указывалось на плохую организацию китайцев, низкую производительность их труда и отсутствие хороших переводчиков. Таким образом, говорилось в документе, «необходимо применение к китайцам наиболее строгих мер, иначе трудно быть гарантированными от прекращения работ китайцами, следствием чего может даже быть задержка производства»¹⁹¹.

В феврале 1916 г. волнение китайцев было отмечено также на Кыштымских каменноугольных копиях Екатеринбургского горного округа. 23 февраля 1916 г. ни один из 130 работавших на копиях китайцев не вышел на работу. Управляющему копиями А. Секачеву китайцы сообщили, что причина их недовольства в том, «что на днях был случай грубого обращения одного из десятников с одним из китайских рабочих и потому, что наблюдались случаи неправильной отметки десятниками проведенного за работою рабочего времени»¹⁹². После непродолжительных переговоров китайцев удалось убедить выйти на работу, а 25 февраля уже все китайцы работали.

Последнее из крупных восстаний 1916 г., упомянутое в источниках, произошло в районе Алапаевска в мае 1916 г. О нем, как следует из документов, узнали не сразу. Верхотурский уездный исправник Г. И. Рупинский, в административном подчинении которого находился Алапаевск, сначала даже не сообщил о бунте губернатору. Однако информация о событиях 26–28 мая дошла до центральных властей, и они потребовали от местных доложить о происшедшем¹⁹³. Из присланного отчета стало известно, что восстание в Алапаевске началось 26 мая, на лесорубке у ст. Мугай, в пяти верстах от Алапаевска. Недовольство китайцев было вызвано тем, что накануне управляющим по доставке заводоуправлению китайцев, Жен Фученом, был уволен состоявший при них заведующий работами Ли Олинь, уличенный в мошенничестве и воровстве отпускаемого на довольствие китайцев провианта. На место бунта выехал местный пристав И. Буров с двумя стражниками, с собой они взяли Жен Фучена и служащего заводоуправления, заведующего судебным столом Женина.

Когда Буров приехал на станцию, на площади около остановки поезда находилась толпа китайцев в 200–300 человек, «встречавших поезд в возбужденном состоянии, вооруженных топорами, которыми рубят дрова, и палками до двух аршин длиною и вершок шириною»¹⁹⁴. Пристав Буров вышел из поезда к толпе китайцев и стал их успокаивать, требовать разойтись, причем предложил избрать несколько человек для переговоров. Китайцы требовали вернуть переводчика, «причем это было их единственное требование и больше они никаких претензий, требований и жалоб не предъявляли»¹⁹⁵.

Пристав пообещал разобраться в конфликте и вернуть Ли Олиня. Китайцы стали медленно расходиться, но, когда пристав направился к поезду, он заметил, что они вновь стали собираться. Жен Фучен, который в это время сидел в поезде и не показывался китайцам, посоветовал приставу арестовать главарей собрания, иначе толпа не разойдется. И. Буров решил отправиться на ближайшую станцию за подкреплением. Однако к 27 мая ему удалось найти на ближайшей станции Яковлевой только трех стражни-

ков, после чего Буров принял решение отправиться на арест ночью, когда все спят. 27 мая, поздно вечером, поезд снова прибыл на ст. Мугай. Прибывшим удалось проехать незамеченными. Начальник отряда стражников Карпов и еще восемь человек отправились в одну из казарм, где было больше всего китайцев. Для принуждения не желавших выходить с чердака стражники сорвали одну тесину с крыши казармы и вывели оттуда китайцев, предположительно организаторов недовольств. Отобрав у них топоры и палки, стражники посадили китайцев в казарму. Далее ситуация стала выходить из-под контроля. «В это время из других казарм появились с криком в большей части вооруженные топорами и палками китайцы и двинулись к стражникам, которые направились к поезду. Из толпы китайцев один ударил урядника Карпова по голове, после чего Карпов выстрелил, а затем стали стрелять и стражники, вооруженные револьверами»¹⁹⁶. В результате непродолжительного противостояния двое китайцев были убиты, трое тяжело ранены, еще несколько получили легкие ранения. Из стражников часть убежала в лес, а часть во главе с Карповым последовала к поезду. Один из стражников, по фамилии Ячменев, был ранен. Некоторое время его несли на руках, но после он попросил, чтобы его оставили в лесу.

Поезд, когда туда прибежал Карпов, сразу же тронулся, однако через некоторое время он был остановлен китайцами. Укрывавшиеся в поезде стражники вырвались из вагона и убежали в лес. Тем не менее, китайцам удалось захватить пристава Бурова и одного служащего заводоуправления. Их они посадили под стражу и держали в казармах около суток. Необходимо отметить в данном случае и положение Жен Фучена, которого в первую очередь и хотели схватить китайцы. Как следует из отчета Г. И. Рупинского, «захватив Бурова и Женина, толпа китайцев стала обыскивать оба паровоза, разыскивая Жен Фучена, причем угрожая поездной бригаде, требовала выдачи такового, а также и стражников, но Жен Фучен успел скрыться в лес и остался невредим, между тем все озлобление китайцев было исключительно против него за увольнение Ли Олиня»¹⁹⁷. На этом восстание ки-

тайцев завершилось. Утром 27 мая из Алапаевска прибыл поезд околоточного надзирателя Иванова с пятнадцатью стражниками, вооруженными винтовками. Китайцы не оказали прибывшим сопротивления. Всего арестовано было 80 человек, часть которых еще некоторое время скрывалась в лесу.

Убежавшие в лес стражники позже нашлись, без вести пропал только Ячменев, оставленный в лесу. Об этом бунте писала газета «Уральская жизнь»¹⁹⁸. Губернатор поручил разобраться в деле окружной прокуратуре.

В своем отчете губернатору 14 июня 1916 г. прокурор писал, что данное дело должно относиться к военной подсудности и что ответственность за происшедшее должен нести пристав И. Буров. По его мнению, пристав, отправляясь из Алапаевского завода в глухую, ненаселенную лесную местность, находящуюся в 45 верстах от завода, для прекращения волнения среди 400 китайцев рабочих, «недостаточно серьезно представлял себе серьезность положения и ответственность стоявшей пред ним задачи. Он приглашал своих знакомых поехать на место беспорядков как на пикник»¹⁹⁹. Уже после первого столкновения с китайцами, полагал прокурор, пристав должен был понять, что имеющимися у него силами бунт остановить не удастся, но, тем не менее, пристав вернулся на место беспорядков, взяв с собой всего двух стражников и одного урядника. Дальнейшие действия отряда, выразившиеся в попытке арестовать ночью главных агитаторов, также подверглись критике прокурора за излишнее применение силы: «Действия этого отряда, выразившиеся в срывании безо всякой в том надобности крыши с казармы и нанесении покорно спускавшимся с чердака казармы китайцам ударов нагайками, при наличии в отряде полицейской стражи всего лишь семерых, плохо притом вооруженных человек, были мало целесообразны и вызвали появление большой расsvирепевшей толпы из мирно до того спавших в других казармах китайцев»²⁰⁰. Таким образом, было указано, что основной причиной перехода обычного конфликта в бунт была необдуманная деятельность тех, кто следил за порядком в этом районе. Здесь же прокурор упоминает о другом

бунте, не отраженном в источниках, где подобные меры себя оправдали. В апреле 1916 г., по его словам, на 12 версте от станции Мугай урядник Карпов с отрядом стражников «оцепил ночью барак китайцев и наказал их нагайками, после этого волнения среди китайцев прекратились»²⁰¹.

Расследуя преступление, власти вновь столкнулись с трудностями учета китайцев, которые и раньше затрудняли им работу. «Китайцы, по задержании их, – говорится в отчете прокурора, – не переписывались, и все задержанные в разных местах и при различных обстоятельствах смешивались между собой. Благодаря этому, сегодня нет возможности выяснить, где, когда и при каких обстоятельствах какие китайцы были арестованы, и потому для дела совершенно пропадают наиболее ценные и веские улики, заключающиеся в месте, времени и обстоятельствах задержания. В распоряжении следственной власти для установления участников беспорядков остается одна мера – опознание китайцев свидетелями и потерпевшими. Однако опознание китайцев русскими свидетелями очень затруднено тем, что, с точки зрения русского человека, все китайцы друг на друга похожи, «на одно лицо»²⁰².

В результате из арестованных первоначально 238 человек опознать удалось только 31 китайца. Прокурор выразил сомнения, стоит ли начинать дело при столь слабых уликах, тем более отдавать его из общей подсудности в военно-окружной суд, где требования к уликам были намного строже. В то же время товарищ министра внутренних дел А. В. Степанов 6 июня 1916 г. писал губернатору М. А. Лозина-Лозинскому о том, что данное дело нужно как можно скорей закончить²⁰³. По этому поводу между губернатором и чиновником министерства завязалась долгая переписка. В одном из своих писем губернатор, между прочим, писал, что «вынес окончательное убеждение о неосмотрительных, крайне рискованных и вообще неправильных действий в сем деле пристава Бурова, не представлявшего себе серьезности и ответственности поставленной перед ним задачи»²⁰⁴.

В результате губернатору удалось убедить центр в необходимости передачи дела Казанской судебной палате, которое было

заслушано в г. Екатеринбурге 26–29 октября 1916 г. К сожалению, решение, принятое по этому делу, не отражено в источниках.

Менее значительные случаи проявления недовольства китайцев продолжались до 1917 г. В сентябре 1916 г. у работающих в Морозовском лесничестве китайцев были отобраны карты, трое из них за непослушание лесничим были переведены в другой район работ, на что остальные китайцы в числе 50 человек высказали недовольство и оставили работу, требуя возвратить к ним переведенных товарищей. Настроение оставивших работу китайцев было крайне возбужденное. 4 сентября 1917 г. пристав Надеждинского завода через переводчика разъяснил им, что азартные игры в карты ни под каким видом не могут быть допущены, что рабочие не имеют права вмешиваться в распоряжения местной администрации и что всякое с их стороны насилие будет строго караться. «Китайцы принесли извинения, и настроение их приняло мирный характер», – говорится в итоговом рапорте²⁰⁵.

3 сентября 1917 г. работающие в строительном и мартеновском цехах в Надеждинском заводе китайцы общей численностью 80 человек, не получив расчета за август, отказались работать, заявив, что пока им не выдадут расчета, они работать не будут, кроме того, предъявили требование установить ежемесячно семь нерабочих дней. Только при появлении вооруженной полицейской силы китайцы от всех своих требований отказались и немедленно приступили к работе. А после того как им объяснили, что деньги будут выданы им через несколько дней, а устанавливать себе выходные они самостоятельно не могут, китайцы успокоились²⁰⁶.

Последний из серьезных конфликтов состоялся в январе 1917 г. 16 января китайцы Надеждинского лесничества в количестве 400 человек вышли по направлению к Надеждинскому заводу. Пытавшихся остановить их стражников и переводчиков они побили. Узнав об этом, пристав Надеждинского завода Соловьев отправил навстречу китайцам отряд из 24 конных стражников. При встрече с ними китайцы остановились и вступили в переговоры. Рабочие просили улучшить им пищу, назначить плату за жжение сучьев и понизить вычеты за порчу лесорубных инструментов. После того

как их требования пообещали удовлетворить, китайцы вернулись на работы. Хотя дальнейшее расследование причин недовольства китайцев временно исполняющим должность Верхотурского уездного исправника показало, что «много китайских барачков не получают ни керосина, ни свечей для освещения и некоторых положенных по условию продуктов продовольствия; служащие же, которые заведуют отпуском продовольствия и предметов освещения, уверяют, что они все материалы выдают исправно, доказывая свою невиновность письменными документами»²⁰⁷. При этом чиновник усомнился в порядочности служащих, полагая, что китайцы ведут себя более честно. Тем не менее, после конфликта, по его словам, «настроение китайцев приняло довольно мирный характер, и они все приступили к работам»²⁰⁸.

Анализ каждого из конфликтов показывает, что китайцы в целом были удовлетворены условиями работы, и конфликты редко имели «революционную окраску». Неумение администрации работать с китайцами и нежелание последних жить по установленным правилам чаще становились причинами разногласий и дальнейших конфликтов.

Отдельно необходимо сказать и о наказаниях для китайцев. Они, как и меры для усиления контроля, часто не были эффективными. Дело в том, что привычные меры наказания и устрашения (порки, заключение в тюрьму) не производили на китайцев ожидаемого эффекта. «Применение к ним Обязательного постановления за самовольное оставление работ, – говорится в одном из рапортов главноначальствующего по губернии к губернатору, – цели не достигло, а получилось обратное действие, так как китайцы при водворении их в тюрьмы нашли их настолько хорошо обставленными, что старались поставить в такие условия, чтобы их подвергли тюремному заключению»²⁰⁹. Вице-губернатор Н. Н. Максимов в сентябре 1915 г. в своем докладе губернатору также указывал на странное отношение китайцев к тюрьме: «Китайцы не только не боятся русской тюрьмы, но она им даже нравится. Кормят в тюрьме, с точки зрения китайца, роскошно, в тюрьме тепло, необыкновенно для китайца чисто, и работать не надо»²¹⁰. Этот же факт от-

метили и администрации заводов на совещании горнопромышленников летом 1916 г. В протоколе указывается, что «какой-либо иной род наказания, в виде, например, содержания китайцев в русской тюрьме, отнюдь не достигает в смысле карательном какой-либо цели, так как первые очутившиеся в тюрьме после упомянутого бунта китайцы прислали прочим рабочим записку в виде приглашения и их туда же, – здесь, дескать, работать не заставляют и кормят бесплатно»²¹¹.

Поэтому в отношении китайцев власти предпочитали разовые меры физического принуждения к труду, который часто и являлся главным наказанием для китайцев. Так, в конце 1915 г. лесничий Усьвинской дачи Нижнетагильского округа П. Миншин, ссылаясь на Кизеловский завод, сообщал в Лесное управление округа, что «первое время производились китайцами кражи, но последнее время прекратились, причем приходилось их сажать в кутузку и пороть нагайками. Несколько раз приходилось по вызову конторы выезжать на копи в Кизеле, Половинке и Губахе, и после каждой порки китайцев результаты получились удовлетворительные»²¹².

Следует также отметить, что политику местных властей в отношении китайцев все-таки нельзя считать однозначно репрессивной. Часто в разборе конфликтов губернатор принимал позицию пострадавших рабочих. Специально для контроля за соблюдением прав китайцев в 1916 г. в Пермской губернии была учреждена должность драгомана. Им стал М. Сякин, которому был поручен «надзор и непосредственное сношение с работающими в округе рабочими китайцами»²¹³. К драгоману следовало обращаться для выяснения всех «сомнительных» вопросов, вызывая на места работ телефонограммами²¹⁴.

В феврале 1917 г., например, драгоман М. Сякин обнаружил на Ауэрбахском руднике Богословского горного округа факты несправедливого обращения с китайцами со стороны местного штейгера А. С. Иванова. «Сортировка руды установлена самая строгая, – сообщал в рапорте губернатору М. Сякин, – и самый ничтожный процент руды в пустой породе и пустой породы в руде карается штрафом бесплатной подачи двух вагонеток, если по-

падает крепкий забой и рабочий не может подать в смену более 3 вагонеток, то ему пишется 1/2 смены и он лишается премии, обязательный выход 26 дней»²¹⁵. Некоторых китайцев Иванов доводил до умопомешательства. В начале китайцы за плохую сортировку руды подвергались нескольким дням ареста, а лучший рабочий китаец Цуй Синь за отправление собственной надобности (страдал расстройством желудка) на месте работ был посажен на 7 дней. Доверенный подрядчика, переводчик Ли Гой, пробовавший за него заступиться, был арестован и продержан в камере 9 часов. После расследования штейгер А. С. Иванов был взят под стражу, а управление завода получило выговор.

Сам губернатор М. А. Лозина-Лозинский тоже был противником использования силы в любом случае. Известно, что он дал негативную оценку действиям верхотурского уездного исправника в подавлении Алапаевского бунта. В своем письме к Г. И. Рупинскому от 8 июля 1916 г. он писал, что обнаружил факты нанесения побоев китайцами не только как мер к обеспечению порядка, но и как способа заставить их трудиться более интенсивно. «Полицейская стража по закону не может принимать никакого участия в делах подобного рода. Роль стражи – предупреждение и прекращение беспорядков, караульная и конвойная служба. Принятие же участия в побуждении к работе репрессивными мерами должно ронять стражу, как в собственных глазах, так и в глазах населения», – заключал губернатор²¹⁶.

Таким образом, можно заключить, что случаи несправедливого отношения к китайцам действительно имели место быть, но они не могут считаться показательными для всей губернской политики. Их причина – в поведении отдельных личностей.

В 1916 г. власти губернии столкнулись с еще одной формой неповиновения – побегами: многие китайцы, не желая работать или попасть в тюрьму, просто убегали с копей. После того как были зафиксированы первые случаи побегов китайцев, в особенности с Кизеловских копей, губернатор потребовал от местных властей усилить меры контроля, поскольку существующие его не устраивали. В своем ответном письме на рапорт соликамского

уездного исправника М. Д. Плахова о побегах китайцев он, в частности, писал: «Как они бежали при наличности всех принятых мер? Или эти меры недостаточны, или их не исполняли на практике? Кто виноват в непринятии мер и бездействии?»²¹⁷. О том, какие меры в результате принимались, свидетельствует переписка соликамского уездного исправника и кизеловского пристава И. Зайко об ужесточении мер контроля за китайцами, работающими на заводах князя Абамелек-Лазарева. В марте 1916 г., как следует из письма пристава, дополнительные посты из сторожей и переводчиков были оставлены на ст. Губаха и в Чусовском заводе, круглосуточные посты появились на границах Соликамского и Пермского уездов, а общее количество сторожей в округе было увеличено с 24 до 55. Но сам же пристав отметил, что «4 июля было заседание всех заведующих копиями, на котором... пришли к выводу, что все меры приняты, а побегι продолжаются»²¹⁸. Также пристав подчеркнул, что в данный момент существует возможность поставить сторожей практически на любом участке копей, но, поскольку все сторожа были китайцами, надеяться на них, по мнению пристава, было нельзя. «Меры охраны сторожами китайцев, а тем более еще китайцами, безусловно, недостаточны», – заключил в своем рапорте И. Зайко²¹⁹.

Аналогичная ситуация складывалась и в других территориях. Так, соликамский уездный исправник М. Д. Плахов в начале 1916 г. сообщал губернатору о побеге с Кизеловских копей четырех китайцев, а 24 мая оттуда же сбежало уже 64 рабочих²²⁰.

В марте 1916 г. уполномоченный главноначальствующего по охране в Екатеринбургском и Верхотурском уездах писал губернатору, что «после побега первых 10 китайцев... был поставлен караул на дорогах, ведущих с рудника в г. Екатеринбург. Это не дало никаких результатов, так как китайцы, работая разбросанно в разных местах, бегут по лесным тропкам, а то и без тропок, пробираются лесом днем и ночью, не только по направлению г. Екатеринбурга, но и в другие стороны... а также приказано исполнительным чиновникам проверять всех китайцев, работающих партиями и по одиночке на мельницах, хуторах, мелких приисках и т.п.»²²¹

Серьезность проблемы побегов подтверждается и изданием отдельных нормативных актов для решения данной проблемы. Через день после издания 1 мая 1916 г. дополнений к Обязательному постановлению от 10 декабря 1915 г. губернатор выпустил циркуляр полицмейстерам, уездным и горным исправникам с предписанием не допускать отлучек китайцев и корейцев с предприятий. В документе, кроме указания на необходимость соблюдения п. 14 Обязательного постановления (об «обязательном ежедневном контроле за китайцами») говорится, что «чинам полиции надлежит установить постоянное неослабное наблюдение за исполнением приведенных требований и этим путем предотвратить всякую возможность для китайцев и корейцев удаляться с места работы для собирания сведений, могущих представлять интерес для неприятельской военной разведки»²²². Реагируя на это решение, 3 мая 1916 г. верхотурский уездный исправник Г. И. Рупинский приказал всем чинам полиции «усилить наблюдение за китайцами, иметь самую тщательную разведку об их деятельности и роде занятий... не позволять им шататься из одного места в другое и в отношении каждого вновь прибывшего китайца сейчас же устанавливать, откуда и зачем именно он прибыл... произвести обыски у всех китайцев и периодически эти обыски повторять»²²³.

К середине 1916 г. сведения о побегах китайцев с заводов Урала дошли до китайского посла в Петрограде. В августе 1916 г. на Кизеловских копиях побывал уполномоченный китайского посланника в Российской империи Лу Вун. Целью его визита было ознакомление с бытом рабочих китайцев на копиях. По результатам проверки Лу Вун убедительно рекомендовал отправить на родину больных китайцев, что ему было обещано В. Н. Грамматчиковым²²⁴.

Однако проблема не исчезла – побеги только усиливались. К концу 1916 г. количество сбежавших с уральских заводов китайцев превысило несколько сотен человек²²⁵.

В октябре 1916 г. верховный начальник Санитарно-эвакуационной части принц А. П. Ольденбургский, находясь в поездке по Сибири, обратил внимание на «обратное движение желтых рабочих без денег, теплой одежды и частью без пищи»²²⁶. Принц

Ольденбургский указывал, что эти китайцы «представляют опасность в санитарном отношении и вызывают сомнения встречных эшелонов»²²⁷. Посчитав ситуацию ненормальной, принц поручил разобраться с ней министру торговли и промышленности В. Н. Шаховскому²²⁸. Последний предписал уполномоченному по Уральскому району председателя Особого совещания по обороне государства П. И. Егорову провести проверки условий труда и быта китайцев на Кизеловских угольных копиях. Комиссия по обследованию быта китайцев прибыла на копи в ноябре 1916 г. Ее выводы отражены в телеграмме окружного инженера Чердынского горного округа Н. П. Блументаля, в которой сообщалось, что «обратное движение китайцев последнего времени объясняется окончанием 15 октября контракта с подрядчиками и возвращением на родину не пожелавших оставаться работать в Кизеле»²²⁹.

О том, как складывалась ситуация с побегами в конце 1916 г. – начале 1917 г., данных практически не сохранилось. Скорее всего, она уже просто не контролировалась. Последнее свидетельство, которое удалось обнаружить, – рапорт пермского полицмейстера губернатору, в котором сообщалось, что «в последнее время в Перми появилось много китайцев со своими специальными товарами, которые они назойливо продают, настойчиво навязывают всем и каждому, для чего ходят по дворам и приникают в квартиры, зорко и внимательно ко всему присматриваясь и прислушиваясь... среди местных торговцев, конкурентами которых несомненно являются китайцы, наводнившие Пермь своими товарами, слышатся жалобы... и, конечно, весьма возможны на этой почве нежелательные инциденты, которые могут закончиться открытыми беспорядками, вернее, толчком, началом для них»²³⁰. В Губахе 13 сентября 1917 г. были арестованы и препровождены в распоряжение управления копей 74 китайца, которые «не работали, занимались изготовлением кумышки, игрой в карты и обременяли копи в снабжении населения продовольствием»²³¹. Можно предположить, что эти китайцы появились в городах как раз после побега с работ и промышляли мелкой торговлей.

К концу 1917 г. проблема побегов так и осталась нерешенной.

1.2.5. Быт китайских рабочих на Урале в годы Первой мировой войны

В ноябре 1916 г., после обращения в Министерство промышленности и торговли китайского посланника Лу Вуна о нарушении прав китайских рабочих, на Средний Урал была направлена специальная комиссия, целью которой было выяснить, в каких условиях трудятся китайцы и насколько эти условия приемлемы. Выводы и отчеты членов комиссии, а также отдельные высказывания и наблюдения представителей местной администрации позволяют реконструировать условия быта и повседневный образ жизни китайцев (занятия, одежда, питание и др.).

Первое, что поразило представителей российской администрации в работе с китайцами, – их специфическое отношение к здоровью и личной гигиене. Вообще на проблемы санитарного состояния живущих в России китайцев неоднократно обращалось внимание практически во всех регионах. Так, пытаясь обосновать необходимость запрета на ввоз китайцев в Россию, приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти в апреле 1914 г. сообщал в Департамент полиции МВД, что живущие в империи китайцы являются «источником всевозможных инфекционных болезней, разносимых ими, так как не только их жилища, но они сами, при отсутствии у них самых элементарных понятий о санитарных требованиях, являются в полном смысле слова очагами всевозможных болезней»²³². В ноябре 1915 г. вятский губернатор обращался к правительству с просьбой разъяснить, как ему поступать с больными китайцами, следовавшими в Европейскую Россию и остановленными на территории Вятской губернии по причине обнаружения инфекций²³³. Несколько случаев, подтверждающих этот тезис, было зафиксировано и в Пермской губернии. Так, в результате своей работы комиссия по обследованию быта китайцев особо отметила неудовлетворительное санитарное состояние, причиной которого были сами китайцы – многие из них уже приезжали больными, остальные пренебрегали элементарными требованиями гигиены, в результате чего также быстро заболели.

Об этом в своем рапорте на имя уполномоченного по Уральскому району председателя Особого совещания по обороне государства П. И. Егорова сообщал окружной инженер Чердынского горного округа Н. П. Блументаль. По его сведениям, уже по приезде часть доставленных в Кизел осенью 1915 г. китайцев непосредственно оказались «явно больными-хрониками и с заразными болезнями... непригодность значительного количества остальных выяснилась постепенно уже впоследствии»²³⁴. В Докладной записке лесничего Усьвинской дачи Нижнетагильского округа П. Миншина в Лесное управление округа сообщается, что среди арестованных после небольшого бунта китайцев при проверке «очень много оказалось больных сифилисом и другими болезнями, хотя в свидетельствах консульства в Харбине они значились здоровыми»²³⁵. О необходимости установить за китайцами строгий санитарный надзор в ноябре 1916 г. писал управляющему Верх-Исетскими заводами окружной инженер Южно-Верхотурского горного округа, когда на Клещевских углевыжигательных копиях было найдено восемь китайцев «с различными, а главным образом, кожными заболеваниями»²³⁶.

При этом администрации заводов (в первую очередь, Кизеловских копей, подвергшихся наибольшей критике) выделяли средства на квалифицированное стационарное лечение. В Кизеловском округе существовали больницы: в Кизеле – на 65 кроватей, с хирургическим отделением, операционной и рентгеновским кабинетом; на Половинских и Губахинских копиях – приемные покои на 12 и 5 кроватей соответственно. А в конце 1916 г. администрация Кизеловских копей планировала строить в Губахе больницу на 40 кроватей, с дальнейшим расширением до 60 кроватей. Что касается медицинского персонала копей, то он состоял из двух врачей (терапевта и хирурга), пяти фельдшеров, двух фельдшериц, одной фельдшерской ученицы, трех сестер милосердия, одного помощника провизора и четырех аптекарских учеников. Медицинская помощь китайцам оказывалась наравне с русскими²³⁷. В марте 1916 г. Н. П. Блументаль принимал меры по борьбе с цингой среди китайцев. Когда болезнь начала

распространяться, он разослал на места циркуляр, в котором рекомендовал сделать так, чтоб «медицинский надзор за рабочими на копиях был, возможно, более усиленным, и чтобы заболевшим цингой отнюдь не разрешалось оставаться в своих помещениях без соответственного лечения»²³⁸. Благодаря предпринятым мерам эпидемию удалось остановить.

Анализируя заболеваемость китайцев в сравнении с другими категориями рабочих (русских, военнопленных и наемников из Средней Азии), Н. П. Блументаль отметил, что из 1043 лечившихся в больницах в 1915 г. 579 были китайцами, соответственно, и заболеваемость китайцев была в среднем выше, чем у других категорий рабочих – 19,3% против 13,2%²³⁹. В своем отчете окружной инженер подробно проанализировал численность и видовую структуру заболеваний (см. таблицу).

Таблица 1.1

**Заболеваемость китайцев на Кизеловских копиях
(по видам болезней)***

Род заболеваний	Кол-во
Травматические	134
Нарывы, фурункулы	65
Катары дыхательных путей	60
Кожные болезни	13
Грипп, заушница	60
Ревматизм	26
Нервные болезни	5
Болезни зева	31
Болезни глаз	44
Болезни половых путей	6
Болезни кишок	43
Малокровие	13
Паразиты	14
Цинга	19
Другие болезни	46

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 49.

Столь высокий уровень заболеваемости, по мнению Н. П. Блументаля, был обусловлен несколькими причинами: «заболеваемость китайцев, сравнительно с остальными национальностями, объясняется, во-первых, непривычкой к климату; во-вторых, неосторожностью (нередко вспотевший, разгоряченный китаец идет распахнувшись зимой против ветра и смеется, когда ему указывают запахнуться); в-третьих, изменение питания, в том числе отсутствие их обычного напитка ханьшина или сули (маньчжурской водки) и острых приправ, здесь недоступных. Китайцы весьма неразборчивы и неопрятны в пище (едят сырые грибы, травы); в-четвертых, непривычка к работе и детски легкомысленное отношение к ней вызвали ушибы, переломы, засорение глаз и проч. В-пятых, чрезвычайно сильно влияет нечистоплотность китайцев, которая чрезвычайно осложняет все поранения, мозоли и нарывы, а так как очень часто китайцы не обращаются своевременно к помощи, то нередки случаи заражения крови со смертельным исходом; в-шестых, некоторые, желая не работать, а быть на больничном содержании, вызывали заболевания намеренно; наконец, в-седьмых, часть китайцев приезжали уже заболевшими»²⁴⁰.

Эти заключения подтверждаются фактами. Например, после описанного выше Алапаевского восстания китайцы пытались помочь залечить рану взятому в плен приставу И. Бурову, но неудачно, поскольку «некоторые китайцы, оказывая ему по-своему помощь, засыпали раны мукой, чем последние загрязнили, и нельзя было раны сшить, а, напротив, края ран было необходимо врачу обрезать»²⁴¹. Аналогичное отношение к легким ранениям отметил в своем рапорте и Н. П. Блументаль: «Благодаря той же нечистоплотности китайцев небольшие царапины, мозоли, поранения, нарывы и чирьи у них нередко влекут за собой серьезные осложнения, вплоть до бывших случаев заражения крови со смертельным исходом»²⁴².

Источники свидетельствуют, что китайцы часто сами не хотели лечиться, даже если были больны. Упомянутой выше комиссией в ноябре 1916 г. при осмотре комнат был обнаружен китаец с больными глазами. После расспросов оказалось, что он всего

один раз был у доктора, «предпочитая лечиться собственными «домашними» средствами, несмотря на то, что в результате применения таковых средств нередко китайцев постигает полная слепота на оба глаза»²⁴³. Также комиссия отметила еще одно свойство в поведении китайцев – симуляцию и умышленное членовредительство: «Характерной чертой для китайских рабочих, как выяснилось, является большая склонность среди них к симуляции болезней и умышленному повреждению органов (всыпание в глаза золы, песку, нюхательного табаку, мелу и пр.; повреждение полового члена перетяжной ниткой, вталкиванием в крайнюю плоть инородных тел: ниток бумаги, ваты)»²⁴⁴.

Таким образом, смертность и заболеваемость китайцев на заводах Урала была значительно выше, чем у других категорий рабочих. Но причина этого явления кроется не только в недостаточном уровне медицинского обслуживания (даже тот минимум, который предлагался, китайцы не всегда использовали), но и в нежелании самих китайцев проходить необходимое медицинское освидетельствование и их пренебрежении к установленным санитарным нормам.

Что касается питания китайцев, то оно оговаривалось в договорах еще при устройстве на работу. Ежемесячно китайцам на одного человека, как правило, полагалось «1 пуд 20 фунтов муки крупчатки 2-го сорта, 6 фунтов постного масла, 8 фунтов кеты или другой соленой рыбы, 2 фунта соли, 8 фунтов проса, морской капусты 8 фунтов или обыкновенной капусты 1 пуд, разных приправ на 80 копеек»²⁴⁵. Упоминания об этих же продуктах встречаются в отчете вице-губернатора Н. Н. Максимова по итогам осмотра Кизеловских копей: «В продовольственном магазине найдено: около 400 пудов кеты, до 250 пудов морской капусты, до 300 пудов замороженной капусты обыкновенной, пудов 60 выписанной из Харбина сушеной рыбы в порошке, перец, лук, чеснок, соя. Достаточный запас муки. Квашеной капусты закуплено в Кунгуре до 6000 пудов»²⁴⁶. На других копиях, в Губахе, вице-губернатор осмотрел магазин для китайцев, в котором обнаружено «520 пудов капусты, рыбы кеты до 600 пудов»²⁴⁷. А в докладной записке лесниче-

го Усввинской дачи Нижне-Тагильского округа П. Миншина в окружное Лесное управление сообщается, что питание китайцев «мясо, рыба соленая, капуста, картофель, крупы, серый хлеб»²⁴⁸.

Китайцы питались не только местными продуктами, некоторые им привозили из Китая. Летом 1916 г. управляющий ВИЗом И. Гаврилов писал в Петроград в Китоперс (ведомство занималось работой с китайцами и персами), что в Екатеринбург нужно доставить «три вагона китайских бобов, вагон бобового масла, три вагона китайского риса»²⁴⁹.

Пищу китайцы готовили сами. Рыбу и овощи варили, из муки готовили национальные хлебцы (*мань тоу*), называемые в России «пампушками»²⁵⁰. О том, как готовили китайцы, сообщается в протоколе осмотра Кизеловских копей вице-губернатором Н. Н. Максимовым (осмотр состоялся 13 ноября 1916 г.). «Во всех казармах, – говорится в протоколе, – мы застали стряпню: варили кету, лапшу, пампушки (китайский хлеб на пару), в тех казармах, где пампушки жарили на постном масле, воздух тяжелый, в других же сносный»²⁵¹. А в одном из барачных инспекторы «застали сильный запах от жаренья китайских пампушек на постном масле»²⁵².

Снабжение рабочих китайцев продуктами питания осуществлялось, как правило, через магазины, располагавшиеся на территории их проживания. Продукты выдавались не всем, а только артельщикам, выбираемым китайцами из своей среды. Кроме необходимых продуктов там предлагался ассортимент разных товаров специально для китайских рабочих (одежда, предметы быта и т.д.). «В лавке продается всякого рода одежда», – сообщал Н. Н. Максимов по итогам проверки барачных в Губахе²⁵³.

Внешний вид китайцев также часто вызывал недоумение местного сообщества. В частности, П. Миншин в своей докладной записке указывал на странности китайцев в выборе одежды: «покупают сапоги, пальто, шапки, штиблеты, галоши, но есть и такие явления, что идет в лаптях, но под зонтом. Большинство на работу приходят под зонтом»²⁵⁴.

Китайцы, работавшие на заводах Урала, как правило, размещались в бараках, каждый из которых вмещал до 100 чело-

век. Комиссия по обследованию их труда отметила, что скученность китайцев в бараках в 1,5–2 раза превышает допустимую норму²⁵⁵. При размещении приоритет отдавался русским рабочим. На Кизеловских коях, например, русские занимали 6 421,09 куб. саж. при 4 835 проживающих, военнопленные – 885,08 куб. саж. при 151, а китайцы – 1 751 куб. саж. при 2 464 проживающих²⁵⁶.

Говоря о плотности заселения бараков, управляющий Кизеловским горным округом В. Н. Грамматчиков отмечал, что «недостаток помещений вызвал значительную скученность, недопустимую в обычное время»²⁵⁷. Но при этом пояснял, что если «нормальный рабочий, считая на подземных рабочих, дает 100 пудов угля в смену, а, считая на всех рабочих, – 50 пудов на смену, настоящий состав рабочих [китайцев. – М. К.] дает лишь 20–25 пудов... Поэтому вопрос о скученности должен был отступить на второй план перед вопросом государственной обороны»²⁵⁸.

Некоторые источники сохранили упоминания о банях для китайцев. Осматривая бараки с китайцами в декабре 1916 г. вице-губернатор Н. Н. Максимов писал о существовании бань, в которых находились огромные деревянные ящики, где китайцы «сидят по несколько человек одновременно, отдельно стоят отхожие места, довольно грязные»²⁵⁹.

Китайцы сушили одежду и питались в одном помещении. «Особой чистотой казармы не отличаются, чего и быть не может, так как в казармах сушатся платья, сапоги, пимы и проч... У всех на нарах подстилки самые разнообразные, у некоторых меховые; на ногах у некоторых сапоги, у других – китайские кеты», – писал Н. Н. Максимов²⁶⁰.

Исследователи отмечают, что китайцы, особенно в начале XX в., вели себя довольно замкнуто и предпочитали вступать в контакты с местной властью только через посредничество других соотечественников, занимающих важные должности (подрядчики, старшинки, переводчики). Существующим законам китайцы предпочитали те неформальные связи, которые были установлены внутри общины. Между китайцами часто создавались тайные

сообщества. Две наиболее распространенные формы таких сообществ – преступные организации хунхузов и тайные «братские» общины, члены которых давали друг другу обещания никогда не предавать друг друга и не ссориться.

В начале XX в. китайцев, объединявшихся с целью разбоя в приграничных с Российской империей районах, называли хунхузами. Администрации губерний часто сталкивались с такими группами, о проблемах с хунхузами у российских властей писали практически все исследователи. «Хунхузы (хунху цзы, буквально – «краснобородые») – китайские разбойники, в значительном числе занимавшиеся грабежами и убийствами как на российском Дальнем Востоке, так и в Маньчжурии», – отмечал в своей монографии А. П. Петров²⁶¹. О борьбе администраций некоторых губерний с хунхузами писал в своей монографии Ф. В. Соловьев²⁶². С хунхузами столкнулись и власти Пермской губернии²⁶³. Как говорилось выше, в ноябре 1915 г. на Половинских коях Кизеловского горного округа произошло одно из крупнейших волнений китайцев. В результате допроса, проведенного руководством копей, выяснилось, что изначально среди китайцев «были лица – хунхузы, которые потому противились подрядчикам, что знали, что при подрядчиках китайцах они рано или поздно будут открыты»²⁶⁴. Как следует из итогового протокола расследования, хунхузы запрещали китайцам работать свыше установленной нормы и надеялись добиться отказа подрядчиков, в случае которого они могли рассчитывать на установление своей власти. «Китайцы были положительно терроризированы этой кучкой хунхузов, – заключает управляющий Кизеловским горным округом В. Н. Грамматчиков, – но сейчас все хорошо»²⁶⁵. Действительно, с исчезновением хунхузов ситуация на коях нормализовалась. На этот же факт в сентябре 1916 г. указывал и вице-губернатор Н. Н. Максимов, докладывая начальнику губернии о ситуации на заводах: «Когда из среды китайцев были изъяты восемнадцать главарей, на коях все пошло нормально»²⁶⁶.

Не исключено, что подобные преступные группы существовали и в других местах работы китайцев на Урале.

Источники сохранили также сведения о взаимосвязях внутри китайских сообществ. Часто там выясняли между собой отношения, не прибегая к помощи администрации. Так, например, 14 октября 1916 г. китаец Ли Юйлин, 22 лет, взял находившийся в комнате топор и трижды ударил им по шее спящего Фун Юангина, нанеся ему смертельные раны. Труп убитого вместе с постелью Ли Юйлин зашил в мешок, вынес его в чулан и затем, приведя все в порядок, ушел на работу, поручив другому китайцу, Пан Хуибину, похоронить свою жертву²⁶⁷. Через несколько дней тело китайца было найдено закопанным недалеко от казарм. В рапорте верхотурского уездного исправника уполномоченному по охране в Екатеринбургском и Верхотурском уездах сообщалось, что Фун Юангин «при переговорах поддерживал сторону подрядчика, благодаря чему рабочие китайцы его возненавидели, и у них зародилась тайная мысль покончить с ним»²⁶⁸. 3 декабря 1916 г. в Пышминско-Ключевском медном руднике китаец Ван Хэлин убил своего напарника Лю Шенмина. Тело он завалил камнями и скрылся, арестовали его только через месяц²⁶⁹.

Таким образом, приезжавшие в Россию и на Урал китайцы часто были связаны с криминальными группировками, с которыми приходилось выяснять отношения местным властям. Кроме этого, китайцы, решая внутренние проблемы, часто сами совершали преступления (в том числе убийства) втайне от местной администрации

Другой формой социальной организации китайцев были тайные «братские» общины. У китайцев начала XX в., проживавших на Дальнем Востоке, существовала традиция писать на бумаге взаимные клятвенные обязательства о братстве, расписываться под ними, подтверждая, таким образом, свою верность братству. «Отправление таких обрядов налагало на члена китайской общины обязательства взаимной выручки, помощи и поддержки во всех случаях жизни. Поэтому каждый китаец видел в своем соотечественнике брата», – пишет Ф. В. Соловьев²⁷⁰. А. Г. Ларин указывает, что «задачи обществ, зафиксированные в уставах, включали в себя взаимную помощь их членов друг другу, улажи-

вание споров между ними, содействие российским властям и полиции, защиту от хунхузов, просветительскую деятельность»²⁷¹.

В феврале 1916 г. губернатор М. А. Лозина-Лозинский писал полицмейстерам, уездным и горным исправникам, что китайцы Екатеринбургского уезда «начали организовывать преступное сообщество для совершения, с наступлением весны, убийств и грабежей, причем примкнувшие к этой шайке китайцы получают от организаторов особую «братскую присягу», воспроизведенную на китайском языке на куске красного сатинета длиной 3 аршина и шириной 6 вершков»²⁷². Чтобы не дать этой группе распространить свое влияние, губернатор требовал принять меры и провести обыски с целью обнаружения подобных сообществ.

Обыски были проведены и дали свои результаты. В ходе обыска 18 марта 1916 г. казарм китайцев на медном руднике Верх-Исетских заводов Екатеринбургского уезда у китайца Сун Вендэ был найден «один патрон динамита и 16 концов красного ситца, записанных китайскими иероглифами. «По объяснению переводчика, – сообщал в рапорте екатеринбургский уездный исправник, – текст надписей на ситце одинаков, называется по-китайски «Катту», то есть клятвенное обещание братства с именами и фамилиями 37 человек, из коих 35 китайцев оказались налицо, а остальные два остались в лесосеке, около станции Ку-синской»²⁷³. Переводчик пояснил, что клятвенное обещание было подписано китайцами в Новый год (20 января 1915 г.), а прибыли они на медный рудник 23 февраля 1916 г. «В чем именно состояло клятвенное обещание между китайцами, неизвестно, так как текста этого обращения не найдено, а по их объяснению – в том, чтобы никогда не ссориться между собой», – сообщал екатеринбургский уездный исправник²⁷⁴.

Еще одно такое общество было обнаружено 26 апреля 1916 г. на кирпичеделательном заводе Внутских: у китайца Чан Хусюна была найдена записка с иероглифами. Переводчик сообщил, что на бумаге имеется клятва «братства», пояснив, что «цель такого братства – поддерживать друг друга во всех затруднительных положениях: болезни, смерти, лишения работы, семейной нужды

и пр. Поддержка выражается материально и нравственно: уход во время болезни, похороны в случае смерти и т. д.»²⁷⁵. В самом тексте пять китайцев – Ли Хивенкину, Чан Юицзы, Мо Юитен, Чан Подай, Тянь Хунхюнь – подписались под молитвой, переведенной буквально следующим образом: «Бог наш, вечный свет, молимся тебе и просим помочь нам, чтобы мы жили дружно, как родные братья, хотя и носим разные фамилии, чтобы сердца наши не изменяли слову «брат», чтобы были счастливы»²⁷⁶. Позже все китайцы были схвачены и арестованы. Других сведений о «братствах» в документах обнаружить не удалось, но вполне возможно, что подобных организаций было больше.

Судя по обнаруженным в ряде архивов документам, китайцы, живя в России, имели определенные ритуальные традиции, что подтверждается, в частности, существованием на Среднем Урале в этот период китайских кладбищ. В договоре заведующего доменным цехом Надеждинского завода И. В. Поносова с подрядчиками Сюй Хунан и Хо Гожун о найме китайских рабочих на работы в Богословском округе, заключенном 15 июня 1916 г., управление отводило отдельное место для погребения рабочих-китайцев и должно было взять на себя обязательства ходатайствовать о разрешении им вывезти останки обратно в Китай. Китайцам гарантировалась бесплатная медицинская помощь и место для погребения в случае смерти²⁷⁷. Кладбища для китайцев были и на территории Пермской губернии. В мае 1916 г. Кизеловская контора князя Абамелек-Лазарева обратилась во Врачебное отделение Пермского Губернского Правления с просьбой о создании кладбища для китайцев. Рассмотрев данное прошение в июне 1916 г., Врачебное отделение дало разрешение «открыть в Кизеловской даче, при проезжей дороге между Кизелом, заводом Усть-Игулом и Александровским заводом, рядом с магометанским кладбищем, новое кладбище для погребения китайцев-рабочих». Площадь предлагаемого конторой участка составляла 2 400 кв. сажен, само кладбище, по мнению санитаров, отвечало всем необходимым требованиям²⁷⁸. В дальнейшем аналогичные кладбища появились и на других территориях. В 1917 г., когда

китайцы начали массово уезжать из России, часть из них обратилась к властям с просьбой об эксгумации своих соотечественников с последующей кремацией и вывозом на родину²⁷⁹. Ответа на обращение получено не было.

Немного информации сохранилось и о повседневных занятиях китайцев в нерабочее время. В заключаемых договорах часто был прописан пункт о выходных днях для китайцев во время их национальных праздников, которые работавшие на заводах Урала китайцы регулярно отмечали. О проведении китайского Нового года в Надеждинском лесничестве в январе 1917 г. губернатору сообщал временно исполняющий обязанности Верхотурского уездного исправника²⁸⁰. В свободное от работы время китайцы либо занимались «праздношатанием», либо играли в азартные игры. Особой популярностью пользовались карты. В сентябре 1916 г. Верхотурский уездный исправник писал губернатору, что среди китайцев, работавших на Надеждинском заводе, очень развита игра в карты на деньги. «Проводя почти все свободное от работы время в игре, вместо того чтобы это время отдыхать, китайцы и корейцы выходят на работу усталыми и работают слишком лениво», – сообщал исправник. После того как карты были отобраны, среди китайцев начались волнения²⁸¹.

Даже попав в чуждую им страну и работая на российских заводах, китайцы сохраняли элементы национальной культуры: готовили национальную пищу, одевались с национальным колоритом.

Как видно, первая массовая иммиграционная волна из Китая в Россию была вызвана бурным экономическим ростом Российской империи и существовавшей в Китае массовой безработицей местного населения. Известно, что труд китайцев активно использовался в начале XX в. по всему миру²⁸². В России поток иммиграции из Китая, ввиду его близости, из политических соображений был ограничен. Однако с началом Первой мировой войны политические ограничения были сняты, и началось активное проникновение китайских рабочих в Россию, нашедшее свое отражение на Среднем Урале. Таким образом, первая иммиграционная волна имела экономические основания.

В годы Первой мировой войны именно Средний Урал с его промышленной спецификой стал одним из крупнейших центров притяжения рабочей силы из Китая. К 1 сентября 1917 г., по данным А. А. Аникста, на предприятиях страны трудилось 67 121 китаец, из которых 11 419 – на предприятиях Среднего Урала (свыше 17%). По количеству китайцев, работающих на предприятиях, Пермская губерния была второй после Приморской, где было зарегистрировано 3 319 человек²⁸³.

Следует также отметить, что массовое знакомство местного населения с китайской культурой началось на Среднем Урале раньше, чем по всей стране, поскольку в годы русско-японской войны Пермская губерния стала одним из мест водворения китайцев, арестованных во время военных действий на территории Маньчжурии. В этом также заключается специфика Среднего Урала как одного из мест притяжения первой миграционной волны из Китая в Россию.

Для большинства китайцев иммиграция носила временный характер, о чем свидетельствуют социально-демографические характеристики и сферы деятельности китайских рабочих. На Средний Урал, как и в Россию, попадало мужское население трудоспособного возраста, как правило, для выполнения временных низкоквалифицированных физических работ. Сроки пребывания были ограничены условиями трудовых договоров. Таким образом, несмотря на большое количество прибывающих на Урал китайцев, их иммиграция была создана искусственно, а условия для оседания отсутствовали. Неудивительно, что с изменением политической ситуации в стране численность китайцев в регионе резко сократилась почти в 10 раз.

Кроме этого, прибывавшие на Урал китайцы привозили с собой национальные традиции и привычки. Они демонстрировали местному населению модели поведения, отличающиеся от стереотипных (устраивали в шахтах фейерверки, гуляли в лаптях под зонтом и т. д.), специфическое отношение к медицине и личной гигиене, готовили пищу по национальным традициям, втайне от местных властей создавали «братства», а для умерших по разным причинам китайцев существовали специальные кладбища.

Адаптация китайцев на Среднем Урале в этот период была затруднена по ряду причин. Во-первых, разность в языках и отсутствие опыта прямых коммуникаций китайцев и местного сообщества делали невозможным лингвистическую адаптацию прибывающих. У них не было возможности овладеть русским языком, все общение велось через переводчиков. Во-вторых, местная власть не пыталась разобраться в особенностях этнического поведения, традициях иммигрантов, реагируя на их проявления силовыми методами.

По этим причинам диаспоральные процессы в китайской этнической группе на Среднем Урале в годы Первой мировой войны не могли быть завершены. Но китайцы первой иммиграционной волны создали базу и предпосылки для формирования диаспоры в следующие периоды иммиграции.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 91.

² Один из них был грамотным (умел писать). По религиозной принадлежности эти двое были обозначены лютеранами. Возможно, это ошибка, поскольку уже на следующей странице, где приводится раскладка вероисповеданий в разрезе на отдельные города, ирбитские китайцы отнесены к категории «другие нехристианские исповедания». Китайцы были мужчинами и принадлежали к возрастной категории 40–49 лет. По роду занятий они отнесены к группе «Торговля тканями и предметами одежды». См.: Там же. С. 96–97, 102–103, 110–111.

³ Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989. С. 41.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Правила, которыми Россия намерена руководствоваться во время войны с Японией // Иллюстрированная летопись русско-японской войны. СПб, 1904. С. 47.

⁶ Корейцы в русской школе // Нива. 1905. № 10. С. 191.

⁷ «Водворенными» японцев, китайцев и корейцев называет, например, пермский губернатор в своей переписке с пермским полицмейстером. См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 569. Л. 38.

⁸ Син Хасэгава. Пленники войны. М., 2006. С. 416.

⁹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 24.

¹⁰ В начале XX в. все народы, населявшие Дальний Восток, даже на уровне официального делопроизводства назывались в Российской империи «желтолицыми». См., например, «Сведения о количестве желтолицых, состоящих под надзором полиции в г. Перми к 1 мая 1905 года» // ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 569. Л. 26.

¹¹ Временное положение о военнопленных русско-японской войны // Собрание узаконений и распоряжений правительства, изданных при правительствующем сенате. Отдел 1-й. 1-е полугодие. СПб., 1904. С. 1389–1398.

- ¹² К прибытию пленных японцев // Пермские губернские ведомости. 1904. 2 июня.
- ¹³ Прибытие пленных японцев // Пермские губернские ведомости. 1904. 8 июня.
- ¹⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11а. Л. 160.
- ¹⁵ Там же. Л. 55.
- ¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 55.
- ¹⁷ Там же. Л. 158.
- ¹⁸ Там же. Д. 11. Л. 49; Пленные японцы // Пермские губернские ведомости. 1904. 12 сент.
- ¹⁹ Позднее по мере надобности МВД отправлял новые средства на содержание. См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 99.
- ²⁰ Там же. Д. 10 а. Л. 305.
- ²¹ Там же. Д. 11. Л. 49; Прибывшие корейцы и китайцы // Пермские губернские ведомости. 1904. 7 окт.
- ²² Данные численности см.: ГАПК: Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 158; Д. 11а. Л. 390; Оп. 3. Д. 569. Л. 24; Д. 570. Л. 54–55.
- ²³ *Корчагин П. А.* Губернская столица Пермь. Пермь, 2004. С. 217.
- ²⁴ Сведения сохранились только по 27 китайцам. Реальная численность была выше.
- ²⁵ В данном случае приведен ответ оханского уездного исправника. Аналогичные ответы давали и другие исправники. См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11а. Л. 205, 207, 209.
- ²⁶ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 570. Л. 105.
- ²⁷ Там же. Оп. 5. Д. 10. Л. 162.
- ²⁸ Там же. Л. 161.
- ²⁹ Там же. Д. 11. Л. 39.
- ³⁰ Там же. Л. 85.
- ³¹ Там же. Л. 236.
- ³² Китайские фокусники // Пермские губернские ведомости. 1905. 16 марта.
- ³³ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 168.
- ³⁴ Там же. Д. 11. Л. 154.
- ³⁵ Там же. Д. 11а. Л. 215.
- ³⁶ Там же. Л. 155.
- ³⁷ Там же. Л. 277.
- ³⁸ Там же. Л. 252.
- ³⁹ Там же. Оп. 3. Д. 569. Л. 30–31.
- ⁴⁰ Там же. Л. 33.
- ⁴¹ Там же. Л. 176.
- ⁴² *Корчагин П. А.* Указ. соч. С. 219–220.
- ⁴³ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 570. Л. 27.
- ⁴⁴ Там же. Л. 105.
- ⁴⁵ Там же. Л. 179.
- ⁴⁶ См.: Там же. Л. 43.
- ⁴⁷ Прибытие пленных японцев // Пермские губернские ведомости. 1904. 8 июня.
- ⁴⁸ К пребыванию в Перми пленных японцев // Пермские губернские ведомости. 1904. 13 июня.
- ⁴⁹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 569. Л. 37–38.

⁵⁰ Не исключено, что данное объяснение, данное М. С. Зибзеевым, не соответствовало действительности.

⁵¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 67.

⁵² Там же. Оп. 3. Д. 570. Л. 68.

⁵³ Статья 5 Портсмутского мирного договора гласила: «В возможно скорейший срок по введению в действие настоящего договора все военнопленные будут взаимно возвращены». Скорее всего, это касалось и живших в Пермской губернии китайцев. См.: Портсмутский мирный договор, заключенный между Россией и Японией // Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. М., 2004. С. 522–526.

⁵⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 570. Л. 174.

⁵⁵ Китайцы в Перми // Пермские губернские ведомости. 1905. 26 авг.

⁵⁶ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 117. Л. 4–5.

⁵⁷ Там же. Оп. 3. Д. 619. Л. 1–2.

⁵⁸ Там же. Д. 620. Л. 4.

⁵⁹ Петров А. И. История китайцев в России 1856–1917 годы. СПб, 2003. С. 267.

⁶⁰ Там же. С. 276.

⁶¹ ГАПК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 97. Л. 21.

⁶² Там же. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 3.

⁶³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 105. Л. 3.

⁶⁴ Там же. Д. 159. Л. 26.

⁶⁵ Там же. Д. 105. Л. 15.

⁶⁶ Там же. Д. 56. Л. 2.

⁶⁷ Подр. см.: Каменских М. С. Китайский вопрос в правительстве Российской империи в период Первой мировой войны // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сборник материалов III региональной молодежной конференции. Новосибирск, 2009. С. 173–174.

⁶⁸ Тяняев А. П. Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны // Рабочее движение в годы войны. Свердловск, 1927. С. 26–27.

⁶⁹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 4.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 74. Д. 159. Л. 32.

⁷¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 6.

⁷² Там же. Л. 8.

⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 159. Л. 102–103.

⁷⁴ Об этом сообщалось на Совете Съездов горнопромышленников Урала 23 октября 1915 г. Отметим, что были и другие подрядчики, предлагавшие свои услуги заводчанам. См., например: ГАСО. Ф. 643. Оп. 4. Д. 333. Л. 38–39.

⁷⁵ Петров А. И. Указ соч. С. 583–584; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 159. Л. 103–104 об.

⁷⁶ Подр. о том, какие именно заводы использовали труд китайцев, см.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. Л. 63; ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 18, 25, 30, 32, 34–35, 56, 60; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5628. Л. 2; Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 60–61; Ф. 45. Оп. 1. Д. 1099. Л. 1; Д. 298. Л. 3.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. Л. 63.

⁷⁸ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5628. Л. 2.

⁷⁹ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 60.

⁸⁰ Там же. Л. 60–61.

- ⁸¹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1099. Л. 1, Д. 298. Л. 3.
- ⁸² По данным исследователя Н. А. Попова в мае 1916 г. на лесоразработках Алапаевских горных заводов бастовали 2 600 китайцев. См.: *Попов Н. А.* Китайские пролетарии в гражданской войне // *Китайские добровольцы в боях за советскую Россию (1918–1922)*. М., 1961. С. 8; ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5. Л. 30.
- ⁸³ ГАПК. Ф. 36. Оп. 2. Д. 8. Л. 7–10.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. Л. 62, 155, 176. *Петров А. И.* Указ. соч. С. 199; *Аникст А. А.* Организация распределения рабочей силы в 1920 году. М., 1920. С. 40–43; *Таняев А. П.* Указ. соч. С. 26; *Смирнов С. В.* Китайские и корейские рабочие Урала в годы Первой мировой войны: проблемы взаимоотношений с русскими // *Вторые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений*. Екатеринбург, 1999. С. 146.
- ⁸⁵ *Таняев А. П.* Указ. соч. С. 26.
- ⁸⁶ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
- ⁸⁷ Там же. Л. 7.
- ⁸⁸ ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 292. Л. 6–6 об.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 60–61.
- ⁹¹ «Китайский пункт» // *Зауральский край*. 1917. 18 января.
- ⁹² ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 41. Л. 37.
- ⁹³ Там же. Л. 52.
- ⁹⁴ *Желтый труд* // *Далекая окраина*. 1917. 8 января.
- ⁹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4512. Л. 112, 177.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 298. Л. 3.
- ⁹⁷ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4512. Л. 134.
- ⁹⁸ *Аникст А. А.* Указ. соч. С. 42.
- ⁹⁹ В дальнейшем контора Абамелек-Лазаревских заводов направила этих китайцев в Пермь, а оттуда Пермский губернский комиссар передал их консулу в Петербурге. См.: ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 12. Л. 432.
- ¹⁰⁰ Судя по документам, Пермская губерния первой в России приняла собственный закон о призыве китайцев на работу после начала Первой мировой войны.
- ¹⁰¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1366. Л. 10.
- ¹⁰² Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 35.
- ¹⁰³ *Лю Фу*. Скрепленная кровью // *В боях и походах: воспоминания участников Гражданской войны на Урале*. Свердловск, 1959. С. 508.
- ¹⁰⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 152. Л. 43.
- ¹⁰⁵ Там же. Д. 167. Л. 9.
- ¹⁰⁶ Там же. Оп. 3. Д. 595. Л. 31.
- ¹⁰⁷ ГАСО. Ф. 645. Оп. 4. Д. 333. Л. 40.
- ¹⁰⁸ Пермские губернские ведомости. 1915. 10 декабря; ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 252. Л. 1.
- ¹⁰⁹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 68–70.
- ¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 56. Л. 62–62 об.
- ¹¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 73 а. Д. 301. Л. 142–144;

¹¹² ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 252. Л. 1; Ф. 24. Оп. 32. Д. 4512. Л. 78; ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.

¹¹³ По данным междуведомственной комиссии, на 1 декабря 1916 г. в Россию въехало 50 259 китайцев. См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Д. 26. Ч. 10. Л. 155–156.

¹¹⁴ Об этом в Совет Министров после издания Правил о найме и перевозке рабочих желтой расы сообщал приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. См.: Там же. Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. Л. 3.

¹¹⁵ Совет Съезда горнопромышленников юга России возбуждал ходатайство о привлечении китайцев параллельно с пермским губернатором 1 мая 1915 г., но получил отказ. См.: Там же. Оп. 71. Д. 159. Л. 21.

¹¹⁶ Там же. Оп. 75. Д. 26. Ч. 10. Л. 16–18.

¹¹⁷ Там же. Л. 50–54.

¹¹⁸ Там же. Л. 57–61. Правительственный вестник. 1916. 12 окт.

¹¹⁹ ГАПК. Ф. 209. Оп. 1. Д. 586. Л. 20.

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. Л. 50–54.

¹²¹ Там же. Л. 130 об. – 131.

¹²² Там же. Л. 132.

¹²³ *Петров А. И.* Указ. соч. С. 555.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. Л. 133.

¹²⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4512. Л. 71.

¹²⁶ Там же. Л. 59.

¹²⁷ Там же. Л. 56.

¹²⁸ Точная дата в документах не отражена.

¹²⁹ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 116–117; ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 152. Л. 17–18.

¹³⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 14–15.

¹³¹ Там же. Оп. 3. Д. 595. Л. 36.

¹³² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 333. Л. 28–29 об.

¹³³ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

¹³⁴ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 119–121.

¹³⁵ Там же. Л. 119.

¹³⁶ Там же. Л. 120.

¹³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4512. Л. 81–82 об. Л. 108; Ф. 643. Оп. 4. Д. 333. Л. 46–48 об.

¹³⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4512. Л. 76–77.

¹³⁹ Подр. о содержательной части документов см.: *Каменских М. С.* Организация труда китайцев на Урале в годы Первой мировой войны // Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2009. Ч. 1. С. 277–286.

¹⁴⁰ 38 руб. предполагалось потратить на: проезд от станции Андунсяна до станции Харбин – 15 руб., 2) содержание в пути – 1 руб. 60 коп.; 3) за содержание в Харбине для визировки паспортов и прочего за пять дней – 2 руб.; 4) докторский осмотр – 1 руб.; 5) фотография – 50 коп.; 6) содержание в пути от станции Харбин до станции Надеждинский завод – 6 руб. 40 коп.; 7) паспорт – 12 руб.

¹⁴¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4512. Л. 108.

¹⁴² Там же. Ф. 643. Оп. 4. Д. 333. Л. 46–48 об.

- ¹⁴³ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4512. Л. 81–82 об.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2700. Л. 21.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 103.
- ¹⁴⁸ *Яо Синьчэн*. Как я делил радость и горе с советскими братьями // В боях и походах: воспоминания участников Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959. С. 520.
- ¹⁴⁹ *Таняев А. П.* Указ. соч. С. 8.
- ¹⁵⁰ Другие категории рабочих: военнообязанные – 100%, арестанты – 80%, военнопленные – 30%. См.: ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 35 об.
- ¹⁵¹ Там же. 42–43.
- ¹⁵² Там же. Д. 395. Л. 76.
- ¹⁵³ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 167. Л. 9.
- ¹⁵⁴ Там же. Оп. 3. Д. 595. Л. 35.
- ¹⁵⁵ См. сл. раздел.
- ¹⁵⁶ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 35.
- ¹⁵⁷ Там же. Оп. 5. Д. 154. Л. 6–7.
- ¹⁵⁸ Там же. Оп. 3. Д. 595. Л. 40.
- ¹⁵⁹ Там же. Л. 41.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 42.
- ¹⁶² Драгоман – уполномоченный по правам китайских рабочих.
- ¹⁶³ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 297. Л. 6.
- ¹⁶⁴ Там же. Ф. 111. Оп. 1. Д. 254. Л. 18, 82.
- ¹⁶⁵ Как раз в этот период из-за реформ, последовавших после Синьхайской революции, стали высвобождаться армии рабочих, заинтересованных в труде. См.: *Непомнин О. Е.* История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М., 2005. С. 608–609.
- ¹⁶⁶ *Галлямова Л. И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX вв. Владивосток, 2000. С. 156.
- ¹⁶⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 64.
- ¹⁶⁸ *Таняев А. П.* Указ. соч. С. 26–29.
- ¹⁶⁹ *Дмитриев А. В.* Рабочие угольной промышленности Урала в период империализма (1900–1917) // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1989. С. 65–77.
- ¹⁷⁰ *Попов Н. А.* Китайские пролетарии в Гражданской войне // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). М., 1961. С. 4–34.
- ¹⁷¹ *Таняев А. П.* Указ. соч. С. 8.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 152. Л. 15.
- ¹⁷⁴ Там же. Оп. 3. Д. 595. Л. 12.
- ¹⁷⁵ Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 12.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 48.
- ¹⁷⁸ Там же. Оп. 3. Д. 595. Л. 32.

- ¹⁷⁹ Там же. Л. 32–34.
¹⁸⁰ Там же. Л. 35.
¹⁸¹ Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 11.
¹⁸² Там же. Л. 3–4.
¹⁸³ О хунхузах см. ниже.
¹⁸⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 152. Л. 64.
¹⁸⁵ Там же. Л. 83.
¹⁸⁶ Там же. Д. 167. Л. 25.
¹⁸⁷ Там же. Д. 154. Л. 48.
¹⁸⁸ Там же. Л. 48.
¹⁸⁹ Там же. Л. 54.
¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. Л. 167.
¹⁹¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 167. Л. 9.
¹⁹² Телеграмма управляющему Алапаевским округом // Рабочее движение в годы войны. Свердловск, 1927. С. 171.
¹⁹³ Там же.
¹⁹⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 8.
¹⁹⁵ Там же.
¹⁹⁶ Там же. Л. 9.
¹⁹⁷ Там же. Л. 10.
¹⁹⁸ На сегодняшний день газета не сохранилась, но ее фрагмент из № 122 был прикреплен к делу, как один из материалов. См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 21.
¹⁹⁹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 25.
²⁰⁰ Там же. Л. 25.
²⁰¹ Там же. Л. 26.
²⁰² Там же.
²⁰³ Там же. Л. 33.
²⁰⁴ Там же. Л. 34.
²⁰⁵ ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 301. Л. 114–115.
²⁰⁶ Там же.
²⁰⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 50.
²⁰⁸ Там же. Л. 51.
²⁰⁹ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.
²¹⁰ Там же. Оп. 5. Д. 154. Л. 13.
²¹¹ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 395. Л. 76.
²¹² Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 333. Л. 28–29 об.
²¹³ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 298. Л. 10.
²¹⁴ Там же.
²¹⁵ Там же. Д. 297. Л. 18–19.
²¹⁶ Там же. Ф. 621. Оп. 1. Д. 301. Л. 86 об.
²¹⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 92.
²¹⁸ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 92.
²¹⁹ Там же. Л. 92.
²²⁰ Там же. Л. 95.
²²¹ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 46.

- ²²² ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 292. Л. 6–6 об.
- ²²³ ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 47.
- ²²⁴ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 51, 53.
- ²²⁵ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 44, 93, 96–97 об.; ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 301. Л. 75.
- ²²⁶ ГАРФ Ф. 102. Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. Л. 66.
- ²²⁷ Там же.
- ²²⁸ Подр. см.: *Петров А. И.* Указ. соч. С. 580–581.
- ²²⁹ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 23. Скорее всего, этот ответ не отражал складывающейся в действительности ситуации.
- ²³⁰ ГАПК. Ф. 36. Оп. 2. Д. 8. Л. 205.
- ²³¹ В дальнейшем контора Абамелек-Лазаревских заводов направила этих китайцев в Пермь, а оттуда Пермский губернский комиссар передал их консулу в Петербурге. См.: ГАПК. Ф. 167. Оп. 1. Д. 12. Л. 432.
- ²³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 56. Л. 2.
- ²³³ Там же. Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. Л. 130 об.
- ²³⁴ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 50.
- ²³⁵ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 333. Л. 28–29 об.
- ²³⁶ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 109. Л. 260.
- ²³⁷ О медицинском обслуживании китайцев в своем рапорте верховному начальнику Санитарно-эвакуационной части принцу А. П. Ольденбургскому сообщал управляющий Кизеловским округом В. Н. Грамматчиков. См.: ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 46–50 об.
- ²³⁸ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 100 об.
- ²³⁹ Там же. Л. 49.
- ²⁴⁰ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 100.
- ²⁴¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 4.
- ²⁴² ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 40.
- ²⁴³ Там же. Л. 39.
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 116–117; ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 152. Л. 17–18.
- ²⁴⁶ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 54–54 об.
- ²⁴⁷ Там же. Л. 59.
- ²⁴⁸ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 333. Л. 28.
- ²⁴⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4512. Л. 159.
- ²⁵⁰ О пампушках писали и исследователи других регионов. См.: *Соловьев Ф. В.* Указ. соч. С. 95.
- ²⁵¹ ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 58.
- ²⁵² Там же. Л. 53.
- ²⁵³ Там же. Л. 59.
- ²⁵⁴ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 333. Л. 28.
- ²⁵⁵ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 43.
- ²⁵⁶ Там же. Л. 79 об.
- ²⁵⁷ Там же. Л. 46–50 об.
- ²⁵⁸ Там же.

- ²⁵⁹ Там же. Л. 59.
- ²⁶⁰ Там же.
- ²⁶¹ *Петров А. И.* Указ. соч. С. 351.
- ²⁶² *Соловьев Ф. В.* Указ. соч. С. 7.
- ²⁶³ *Каменских М. С.* Тайные организации китайцев на Урале в годы Первой мировой войны // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы IX Всерос. науч. конф., посвященной 85-летию д-ра ист. наук, проф. А. В. Бакунина. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 204–208.
- ²⁶⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 19.
- ²⁶⁵ Там же.
- ²⁶⁶ Там же. Л. 12.
- ²⁶⁷ ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.
- ²⁶⁸ Там же. Л. 3.
- ²⁶⁹ Там же. Л. 28–29.
- ²⁷⁰ *Соловьев Ф. В.* Указ. соч. С. 98.
- ²⁷¹ *Ларин А. Г.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 57–60.
- ²⁷² ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1. Л. 224.
- ²⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 29. Л. 67; ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 26.
- ²⁷⁴ ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 26.
- ²⁷⁵ Там же. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 109.
- ²⁷⁶ Там же.
- ²⁷⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 4. Д. 333. Л. 46–48 об.
- ²⁷⁸ ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1155. Л. 6–6 об.
- ²⁷⁹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 263. Л. 2–2 об.
- ²⁸⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 50–51.
- ²⁸¹ ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 301. Л. 114–115.
- ²⁸² *Петров А. И.* Указ. соч. С. 265.
- ²⁸³ *Аникст А. А.* Указ. соч. С. 42–43.

Глава II

Китайцы на Среднем Урале

в период с 1918-го по конец 1930-х годов

ГЛАВА II

КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

В ПЕРИОД С 1918-го ПО КОНЕЦ 1930-х ГОДОВ

Период с 1918-го – 1920-х до конца 1930-х годов в истории китайцев в России отличается от предыдущего рядом качественных изменений. Во-первых, изменившийся политический курс требовал к китайцам иного отношения. Теперь и на официальном уровне их воспринимали как равных, а китайские рабочие, ввиду своего происхождения, даже получали льготы от государства.

В указанные годы проживающие в России китайцы участвуют в деятельности разных общественных организаций, поддерживаемых властью, активно привлекаются к развитию кооперативного движения. В стране появляются представители очередной новой волны миграции – торговцы, студенты и т. д.

2.1. ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ КИТАЙЦЕВ

Период 1918–1927 годов в отношениях между РСФСР (СССР) и Китаем можно считать дружественным. Следуя своим интернациональным лозунгам, советское правительство еще в ноябре 1917 г. объявило аннулированными все тайные договоры царской России с другими капиталистическими странами, направленные на закабаление Китая, отказалось от контрибуций, концессий и привилегий, которыми пользовалось царское правительство¹. Положение китайцев в России было одним из важных аспектов в отношениях между двумя государствами.

Наркомат юстиции в марте 1918 г. издал специальное постановление о защите прав китайцев, а Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) 4 декабря 1918 г. обратился с письмом к Всероссийской Чрезвычайной комиссии и всем местным Чрез-

вычайным комиссиям, в котором сообщалось о необходимости защищать интересы китайцев. Все эти меры свидетельствуют о важности «китайского вопроса» для молодого советского правительства².

В этот период китайцы из разных районов страны неоднократно обращались за помощью и к своему, и к советскому правительству³. Наиболее активно здесь проявили себя китайские организации, занимавшиеся репатриацией соотечественников, оставшихся без работы и денег, еще со времен Первой мировой войны. Самая крупная из них – Союз китайских граждан (СКГ), появившаяся в Петрограде в апреле 1917 г. по инициативе ряда обучавшихся в городе китайских студентов. Руководителем Союза был учитель математики в реальном училище Лю Цзежун⁴. Благодаря его и других членов активной деятельности за период 1918–1920 годов границу смогли пересечь свыше 5 тыс. китайцев.

После ряда встреч нового советского руководства с представителями Китая СКГ, а также ряд других, менее крупных организаций китайцев под влиянием большевиков были реорганизованы в Союз китайских рабочих (СКР) во главе с Ляо Сючжао. Об этом сообщала газета «Правда» в декабре 1918 г.: «Совещание постановило выйти из рамок профессионального союза и придать ему характер революционной организации для широкой пропаганды»⁵. СКР занял здание китайского посольства в Петрограде⁶, а для защиты интересов китайских граждан был образован Исполнительный комитет союза, за которым НКВД было признано право представительства китайских интересов в России⁷. Как написала 15 декабря 1918 г. газета «Правда», «присутствовавший на китайских митингах представитель Народного комиссариата по иностранным делам тов. Вознесенский сообщил, что советское правительство готово оказать новому союзу всяческую поддержку и признать за ним все права по охране интересов китайских граждан на территории Советской республики»⁸. После этого сообщения о создании СКР были разосланы на места. В частности, 6 августа 1919 г. Восточный отдел НКВД уведомил Екатеринбургский губком, что СКР «признан советской властью единст-

венным официальным органом китайских граждан, правомочным по защите как личных, так и имущественных интересов всех без исключения граждан Китайской Республики»⁹. На III Всероссийский съезд СКР прибыли представители 60 делегаций, представляющих почти 100 тыс. человек¹⁰.

Важность, которую придавали большевики деятельности СКР по всей стране, подтверждается тем фактом, что устав СКР в июле 1922 г. был опубликован на первой странице «Известий Екатеринбургского исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», центрального печатного органа региона. Сам Устав организации был утвержден распоряжением НКВД от 14 апреля 1922 г. Согласно документу СКР обладал довольно широкими функциями в отношении китайских рабочих: удостоверять подлинность национальных документов китайцев, открывать и содержать общежития, организовывать артели, издавать литературу на русском и китайском языках¹¹. В начале 1920-х годов, когда подданные иностранных государств в массовом порядке проходили перерегистрацию, это было очень важно. О том, что исключением из всех иностранцев являются китайцы, «гражданство которых могут устанавливать китайские союзы», сообщал на места Екатеринбургский губисполком¹².

После закрепления за СКР статуса единственной организации, имеющей право представлять права китайцев, его уполномоченные были направлены во все районы страны. Решением НКВД от 16 октября 1919 г. и решением «всех китайских рабочих г. Екатеринбурга» с 19 ноября 1919 г. начал свою деятельность исполнительный комитет СКР Уральского района¹³. А 22 августа 1920 г. СКР выпустил объявление, в котором сообщалось, что для Уральского района, включавшего в себя Пермскую, Екатеринбургскую, Челябинскую, Вятскую и Уфимскую губернии (с центром в Екатеринбурге), на должность представителя Союза назначен Му Сиян, который на тот момент являлся председателем исполнительного комитета китайских рабочих в городе Екатеринбурге¹⁴.

Специальным мандатом представителю СКР на Урале Му Сияну поручались организация, руководство, контроль и наблюдение над деятельностью всех китайских организаций; общая охрана и защита интересов граждан Китайской Республики; наблюдение за соблюдением трудовых и иных прав китайцев со стороны их работодателей; ведение всех дел, связанных с эвакуацией китайцев (Му Сиян имел право обращаться с требованием транспортных средств для эвакуации китайцев); организация, руководство и наблюдение за деятельностью культурно-просветительских учреждений китайских рабочих в названном районе. Мандат действовал до 31 декабря 1920 г.¹⁵ Документы архивов сохранили информацию лишь об одном общем собрании екатеринбургского отделения СКР, состоявшемся 20 августа 1920 г. На нем присутствовало 140 человек. На заседании обсуждались вопросы об утверждении руководящего состава, проблемы эвакуации китайцев, предложения об открытии в Екатеринбурге школ для китайских рабочих¹⁶. Дальнейшие сведения о решении этих вопросов и деятельности СКР в источниках отсутствуют.

Деятельность СКР была выгодна большевикам в период Гражданской войны, когда реальная власть на местах только устанавливалась и многие вопросы юридического характера не были решены. Подход властей к СКР меняется с 1921 г., после открытия в Москве посольства Китайской Республики и начала регулирования статуса иностранцев в РСФСР. В марте 1921 г. ВЧК направила в Екатеринбург телеграмму о том, что «всякого рода командировочные удостоверения, выдаваемые иностранными правительствами на территории РСФСР без соответствующей визы Наркоминдел или другого советского учреждения, считать недействительными»¹⁷. Это означало, что теперь официальное признание общественные организации иностранцев должны были получать не только у себя на родине, но и в НКВД. Открывшееся в Москве Китайское генеральное консульство опубликовало открытое заявление о статусе китайцев в РСФСР, желающих вернуться на родину, в котором сообщалось: «Все граждане Китайской Республики, желающие вернуться на Родину, обязатель-

но должны представить свои документы, удостоверяющие их личность, с приложением фотографической карточки в Китайское генеральное консульство, для наложения соответствующей визы»¹⁸. Всем желающим остаться в России предлагалось перейти в российское подданство. Выполняя вышеупомянутые и ряд других решений, Екатеринбургский губисполком 3 ноября 1922 г. выпустил постановление «О регистрации граждан иностранного подданства». В документе указывалось, что в связи с существованием официальной делегации Китайской Республики все обязанности по охране и защите китайских граждан передаются от СКР к вышеупомянутой делегации, «ввиду чего СКР остается лишь как орган, занимающийся культурно-просветительской работой и охраной экономических интересов своих членов»¹⁹. По этой причине все документы, выдаваемые СКР китайцам (прежде всего удостоверения для выдачи видов на жительство), признавались недействительными. Жившие в Екатеринбурге китайцы должны были обращаться за видом на жительство в Москву. Последнее решение по национальному вопросу в Екатеринбурге отражено в постановлении губисполкома № 152 от 27 октября 1923 г. об объявлении обязательной перерегистрации иностранцев по всей губернии в период с 1 декабря по 1 января 1924 г.²⁰ Для такого ужесточения контроля над китайцами были свои основания. В стране по-прежнему находилось несколько тысяч китайцев, общая численность которых была неизвестна еще с царских времен.

Помимо взаимодействия с общественными организациями и китайским правительством по вопросам репатриации и статуса китайцев, советское правительство через органы власти на местах также осуществляло национальную политику, частью которой были и китайцы. Известно, что специально для решения проблем национальностей в структуре правительства был создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) – единственный комиссариат, не дублировавший аналогичную структуру в царском правительстве²¹, а принятая 3 ноября 1917 г. в соответствии с интернациональной идеологией большевиков

«Декларация прав народов России» уравнила в правах и статусе (вплоть до отделения) все народности России²². В 1919 г. решением VIII съезда РКП(б) при Организационном отделе международной пропаганды среди народностей Востока было создано несколько секций, работающих с отдельными национальностями, в том числе и китайская секция²³. На местах национальные комитеты и отделы Наркомнац имели разветвленную сеть местных национальных комиссариатов и отделов, организованных при губернских, уездных и городских советах, через которые Наркомнац осуществлял национальную политику. К концу 1918 г. в стране было создано уже более 100 отделов по делам национальностей в 20 губерниях²⁴.

На Урале, как и по всей России, в 1920-е годы советская власть активно сотрудничала с различными национальными меньшинствами (нацмен). С 1918 г. в структуре губкомов, а с 1923 г. – окружкомов существовали агитпропотделы, в которых действовали бюро нацменьшинств. На этот орган фактически возлагались функции по работе среди национальностей²⁵. В составе агитпропотделов создавались секции, объединяющие различные национальные группы. Так, при агитпропе пермского губкома в начале 1920-х годов существовала корейско-китайская секция. По времени создания она была одной из последних, начало ее работы – 8 ноября 1920 г. (в Екатеринбургском губкоме китайско-корейской секции не создавалось). После оргсобрания китайское бюро было утверждено губкомом и «начало продвигать работу, всего было общих собраний около 10, собрания посещались аккуратно»²⁶. К концу года в бюро было зарегистрировано уже 42 кандидата, заполнивших анкеты, многим из китайцев были выданы карточки кандидатов на вступление в РКП(б)²⁷. Как следует из «Доклада о работе корейско-китайской секции за период с 8 ноября 1920 г. по 25 января 1921 г.», на общих собраниях «иногда присутствовал представитель горрайона и зачитывал лекции и знакомил с программой партии, товарищ Магуй [председатель секции. – М. К.] переводил с русского языка по-корейски и по-китайски»²⁸. В отчете за май–июнь 1921 г. китай-

ское бюро информировало о регистрации членов и о том, что оно приступило «к работе по организации ячейки коммунистов и подготовительной работе по открытию курсов ликвидации безграмотности»²⁹.

Работа этой секции, тем не менее, была одной из наименее успешных. Секция не охватывала всех китайцев и даже вызывала некоторое раздражение со стороны большинства из них, живших в Перми. Как следует из упомянутого Доклада, «когда секция начала сильнее разворачивать свою работу и повела борьбу со спекуляцией, то ей начали угрожать [лица] из корейцев и китайцев, которые этим злом занимались»³⁰. Несколько раз недовольные китайцы приходили на собрания секции и пытались разогнать их, особенно угрожая организатору секции Магую. Последний сообщал о происходящем в губком, а среди главных недовольных называл китайца Пуниби, который служил в ЧК в качестве агента. После нескольких стычек на собрания китайцев стали приходиться патрули от ГубЧК, а недовольные больше не появлялись. В дальнейшем руководство Агитпропотдела поручило Магую поймать Пуниби и выяснить причины его недовольства. Для поимки Пуниби Магуй выбрал пять кандидатов на вступление в РКП(б) из числа китайцев, четырех человек от уголовной комиссии и несколько человек из ЧК. 25 ноября 1920 г. они направились в квартиру Пуниби (ул. Пермская, 89) и «начали говорить с ним, что ты нам нужен по делу секции и должен пойти с нами в секцию или ГубЧК, но он тут же начал сопротивляться и не пошел»³¹. Далее, как следует из Доклада, между сторонниками Пуниби и Магуя началась перестрелка. Пуниби застрелили, одного из его сторонников ранили, двоих арестовали и увезли в ГубЧК, остальные разбежались. Магуй приказал разыскивать всех убежавших. 30 ноября один из этих китайцев был задержан на станции Шабуничи. Но там же агенты ЧК арестовали и Магуя. При обыске его квартиры оказалось, что Магуй скрывал у себя несколько винтовок, которыми и расправлялся со своими конкурентами. После ареста Магуя секция прекратила свою работу³². 11 декабря 1920 г. в Перми прошло общее собрание кандидатов, на

котором присутствовало 30 человек, а 9 января 1921 г. еще одно, но его протокол, как следует из упомянутого Доклада (25 октября 1921 г.), «по-русски не написан и в настоящее время секции не существует. Осталось всего кандидатов 4 человека»³³.

При анализе этого эпизода можно предположить, что описанный конфликт мог быть способом выяснения отношений между двумя влиятельными китайцами – Пуниби и Магуем (во всяком случае, оба они занимали важные должности в органах «советской власти, пользовались авторитетом»), каждый из которых имел вооруженных сторонников. Магуй для расправы над конкурентом пошел на сотрудничество с властью. Возможно, по этой причине он и возглавил китайскую секцию. Скорее всего, после того как обнаружилось, что конфликт выходит за рамки национальной политики и оба китайца имеют вооруженные отряды, и было принято решение об их аресте.

На других территориях Среднего Урала, в том числе после 1923 г., кроме несколько отрывочных упоминаний, сведения о китайцах весьма отрывочны. Так, в 1925 г., по данным Свердловского окружкома, на территории округа работало три китайца-коммуниста – Су Синнин (работал переводчиком в окрестностях с 1917 г.), Си Зуян (агент уголовного розыска с 1918 г.) и Су Юлит (чернорабочий химзавода с 1924 г.). Все трое были женаты³⁴. Во второй половине 1920-х годов активизировалась работа с китайцами ВКП(б) на территории Тагильского округа. В 1926 г., как следует из «Краткого отчета о состоянии среди нацмен», в округе проживало 200 китайцев и корейцев и среди них велась активная агитационная работа (еще организованно она велась только среди татаро-башкир). В докладе окружного агитпропа «О задачах массовой работы среди нацмен» указывается: «Особое внимание партийной и профсоюзной организаций, а также парторган от нацмен обратить на работу китайцев и корейцев (учет их настроений через переводчиков, регулярная информация о ходе китайской революции, организация и закрытие школ)»³⁵. Если говорить о конкретных мероприятиях, то в период празднования 10-й годовщины Октябрьской революции китайцам был зачитан доклад на их родном

языке, в школах по ликвидации безграмотности были проведены беседы, а в агитгазете «Металлист» выпущена листовка на китайском языке³⁶. На тот момент в округе проживало девять китайцев – членов ВКП(б)³⁷.

Китайцы также упоминаются в отчетах о работе Верхнекамского окружка ВКП(б). В статистических данных о рабочих нацменах говорится, что из 95 китайцев [цифра соответствует данным переписи 1926 г. – *М. К.*] имеется 18 коммунистов (14 – члены партии, 4 – кандидаты), все происхождением – из крестьян. Все китайцы проживали в г. Кизеле³⁸.

После 1927 г., когда отношения между СССР и Китаем испортились, активно привлекать китайцев к общественной жизни уже никто не стремился, и со второй половины 1920-х годов они были практически незаметны. В 1926 г. Уральский обком отправил в окружкомы данные о населении Урала. В тексте записки сообщалось, что нацмен составляют 10% от населения Уральской области (ок. 5,3 млн человек). Наиболее крупными народами были названы украинцы, белорусы, поляки, евреи, немцы, латыши и литовцы. Китайцы как отдельная группа, с которой нужно вести работу, выделены не были³⁹.

2.2. КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Известно, что решение национального вопроса было важным направлением деятельности большевиков, в том числе позволившим одержать им победу в Гражданской войне. Участие в войне китайцев – один из самых ярких эпизодов истории китайцев в России.

Заручившись поддержкой китайцев в России через внешнеполитические решения и деятельность СКР-СКГ, большевики начали вербовать их в отряды Красной Армии. Первое воинское подразделение из китайцев было создано при поддержке СКР в Москве в декабре 1917 г. Командир батальона Сан Фуян в интер-

вью газете «Красная Армия» рассказал о причинах появления батальона⁴⁰. Несмотря на тенденциозность подхода автора статьи к написанию текста, названные причины вполне могут отражать реальное положение дел: «Возник батальон вскоре после второй социалистической революции, большинство моих товарищей служили рабочими на различных заводах в г. Бендерах, за участие в революции они лишились заработка: буржуи пошли против них, тогда и они пошли против буржуев, вступив в Красную Гвардию». Всего в батальоне было 180 человек⁴¹. Через неделю эта же газета вышла с отдельной публикацией, посвященной формированию китайских воинских подразделений в России. В статье были раскрыты обстоятельства появления первых батальонов, принципы набора в них и численность. Как писал автор, организатор китайских батальонов Сан Фуян, находясь в России во время наступления румын, предложил заседавшему в г. Тирасполе съезду II революционной армии сформировать китайские красные батальоны. «Красные китайские отряды избираются исключительно из бедняков, рабочих и шахтеров... Торговцев, несмотря на их желание, в отряды не принимают», – писали авторы статьи⁴². В Петрограде подразделение из китайцев было создано 29 августа 1918 г.⁴³ Общая численность китайских формирований на тот момент оценивалась в 1 800 человек.

Появление китайских подразделений в рядах Красной Армии шло в русле процесса формирования интернациональных добровольческих подразделений. В середине 1918 г., когда Гражданская война уже шла полным ходом, при Центральной федерации иностранных групп РКП(б) была создана военная комиссия по формированию интернациональных частей Красной Армии. Одним из первых в ее структуре был создан штаб по организации китайских отрядов РСФСР, который разослал своих уполномоченных по всем городам, где существовали компактные группы китайцев. Руководил работой штаба Шен Ченхо, бывший рабочий, вступивший в ряды большевиков в первые дни войны и рекомендовавший себя созданием отрядов в нескольких городах Украины – Одессе, Луганске, Харькове⁴⁴. В структуру штаба во-

шли также и созданные ранее китайские подразделения Москвы и Петербурга.

До конца 1918 г., по воспоминаниям Шен Ченхо, из китайцев были организованы два полка и три батальона в Воронежской губернии, два батальона в Луганске и Харькове, один отряд в Москве, два полка и четыре батальона в Перми, два отряда в Петрограде⁴⁵. Одним из решений VIII Съезда РКП (б), прошедшего в марте 1919 г., стало создание регулярных интернациональных подразделений. 31 марта 1919 г. в Нижнем Новгороде было создано специальное управление по формированию Интернациональной Красной Армии. В этот период количество зачисленных в китайские воинские подразделения Красной Армии увеличилось до нескольких десятков тысяч⁴⁶. Оставшись без работы, китайцы охотно вступали в ряды красноармейцев.

Поскольку по территории Среднего Урала проходил Восточный фронт, многие из китайцев, живших на данной территории, стали участниками боевых действий⁴⁷. Первым еще в марте 1918 г. был создан китайский добровольческий отряд. 28 июля 1918 г. 350 его бойцов были отправлены на фронт⁴⁸. Эти китайцы в составе отряда особого назначения участвовали в подавлении крестьянских мятежей в округе Воткинского завода. Помимо этого бойцы отряда принимали участие в боях в районах селений Частые, Бабки⁴⁹, Ножовка, Крылово, Елпачиха, Барда, Елово Оханского и Осинского уездов Пермской губернии. Под Елово в ходе ожесточенных боев почти весь китайский отряд был уничтожен. На месте этих сражений, на берегу Камы, был поставлен обелиск, надпись на котором гласит: «Здесь похоронены партизаны матросы парохода «Русло», бойцы китайского интернационального батальона, погибшие за власть советов в 1918 году»⁵⁰. Позднее оставшихся бойцов этого подразделения отправили под Вятку, а в ноябре 1918 г. они вошли в переукомплектованный 225-й китайский полк 29-й стрелковой дивизии 3-й армии Восточного фронта.

1-й Крестьянский коммунистический полк «Красных Орлов», одно из крупнейших формирований китайцев, впервые стал

известен осенью 1918 г. в боях под Режем, когда нужно было подавить мятеж перешедшего на сторону белых Волынского полка, удерживавшего участок 18 км Восточного фронта⁵¹. Этот полк не был целиком китайским. В нем сражались представители разных национальностей, в том числе и русские. О появлении первых двух китайцев в подразделении упоминает в своем рассказе «Шанго контрами» П. П. Бажов⁵². В середине осени 1918 г. китайцы «Красных Орлов» также вошли в вышеназванный 225-й китайский полк.

Еще одно формирование из китайцев появилось в 1918 г. в Алапаевске. Командовал им китаец Жен Фучен, участвовавший в подавлении Алапаевского мятежа (см. главу I)⁵³. Личность Жен Фучена заслуживает отдельного внимания. Бывший офицер китайской армии, сотрудник Харбинского консульства, он был образованным человеком, владел английским, русским, японским, индийским, французским языками. Исследователь В. А. Данилов в своей монографии пишет, что Жен Фучен пользовался у соотечественников большим авторитетом и еще до Октябрьской революции установил связи в Алапаевске с большевиком местной организации РСДРП(б) С. А. Павловым. По его сведениям, весной 1918 г. в отряде Жен Фучена было уже до 800 человек⁵⁴. О личности Жен Фучена упоминает в своем рассказе участник Гражданской войны А. Селенгин⁵⁵. Вот как описывает А. Селенгин процесс «назначения» Жен Фучена командующим: «Однажды уездный комитет партии созвал китайцев на митинг... На том митинге присутствовал Жен Фучен. Китайцы просили его быть их командиром, и он согласился»⁵⁶.

Тот факт, что китайцами в войну командовал тот же человек, что не только контролировал их работу до войны, но и принимал участие в подавлении их мятежей, подтверждает тезис, что для китайцев классовый подход не играл первостепенной роли при определении врагов и союзников. Скорее, для китайцев на первом месте был принцип этнической принадлежности. Известен, например, эпизод, когда китайцы, воевавшие на стороне белых,

повстречавшись с численно превосходящими их соотечественниками, перешли на их сторону и продолжили воевать уже в Красной Армии⁵⁷.

Свой первый боевой опыт отряды Жен Фучена получили в октябре 1918 г. в Зауралье. Тогда перед Сводной Уральской дивизией, в которой числился китайский полк, стояла задача выбить противника с недавно занятой станции Верхотурье и овладеть важным стратегическим плацдармом. В приказе начальника сводной Уральской стрелковой дивизии командиру 3-й стрелковой бригады говорится: «Приказываю вам с более налаженными и сохранившимися частями вверенной вам бригады и китайским батальоном [в действительности там был полк, о чем свидетельствуют документы. – М. К.] перейти в решительное наступление, имея ближайшей задачей – занятие ст. и г. Верхотурье с целью отбросить противника к северо-востоку от Верхотурья»⁵⁸. 24 октября 1918 г. дивизия перешла в наступление и начала бои с войсками генерала Гайды. Через пять дней на Верхотурском направлении бойцы китайского полка форсировали р. Актай и перешли в наступление, но конечной цели им достичь не удалось.

В этом бою китайский полк отличился. В донесении начальника сводной Уральской дивизии говорится: «...китайский полк, перейдя р. Актай, выбил противника из двух рядов окопов и отбросил его к Верхотурью... Развить дальнейшее наступление всем не удалось вследствие медленной переброски резервов через мост на Актае, который все время противником держался под артиллерийским огнем. Около 16 часов противник перешел в контратаку со ст. Ляля, благодаря чему молодцы китайцы очутились под угрозой быть отрезанными, вследствие чего им снова пришлось отойти на правый берег р. Актай»⁵⁹. Как следует из приказа начальника дивизии, в боях на Верхотурском направлении китайский полк потерял до 40–50% личного и 70–80% командного состава⁶⁰.

После боев под Верхотурьем Алапаевский полк под командованием Жен Фучена был соединен, как уже говорилось, с китай-

цами 1-го Крестьянского коммунистического полка «Красных Орлов»⁶¹. Немного позже туда же вошел пермский батальон Ли Ханчина. Созданным в результате этого объединения 225-м Китайским интернациональным батальоном командовал Жен Фучен⁶².

Батальон сражался в течение всей осени 1918 г. в районе пунктов Нижний Тагил, Бараничи, Лая, Салда и Выя. Бой под ст. Выя – самая яркая страница участия китайских отрядов в Гражданской войне на Восточном фронте.

• Как известно, на исходе 1918 г. один из белых командиров, А. В. Колчак, развернул крупное наступление на северном участке Восточного фронта, стремясь прорваться через Пермь и Вятку к Котласу на соединение с шедшими с севера войсками интервентов. Главные удары наносились на ст. Выя и деревни Салда и Лая (совр. Свердловская область). Когда полки белогвардейцев начали ожесточенные бои на подступах к ст. Выя, туда были отправлены и китайцы. Жен Фучен командовал левым боевым участком⁶³. После ожесточенных боев белогвардейцам удалось окружить китайцев. Из боя живыми вышло 62 человека. Погиб Жен Фучен⁶⁴. По сведениям К. А. Морзо-Морозова, до 300 китайцев попали в плен, многие из них были расстреляны, а часть белогвардейцы раздели и в товарном вагоне при 35 градусах мороза отправили в тюменскую тюрьму⁶⁵. В дальнейшем под давлением врага красные войска на этом участке отошли на запад. Газета «Коммунар» в декабре 1918 г. вышла с некрологом на смерть Жена Фучена. «Как честный солдат мировой революции, он своей жизнью запечатлел свою преданность великому делу», – было напечатано в некрологе⁶⁶.

После боя под ст. Выя незначительная часть китайцев спаслась и под командованием Лю Ханчина была направлена в Чусовой для формирования. Получив пополнение из китайцев, работавших на строительстве Ляминской железнодорожной ветки, отряд Лю Ханчина в конце первой декады декабря 1918 г. прибыл в Пермь, где был создан батальон под командованием Ля Цзехена. 24–25 декабря 1918 г. батальон вел ожесточенные уличные

бои в районе ст. Пермь II. Часть китайцев попала в плен. Остатки китайского батальона были объединены в роту, пополнены новыми бойцами и вскоре вновь вступили в бой у с. Троица, находящегося на подступах к Перми. Под Троицей китайская рота попала в окружение. В результате на берегу р. Сылвы были расстреляны 263 китайца. В настоящее время в этом населенном пункте установлен мемориальный комплекс в честь расстрелянных китайцев⁶⁷.

Остатки китайцев были направлены в район станций Верецагино и Балезино, поскольку там уже стояла китайская рота в 120 штыков⁶⁸. На их основе предполагалось создать новый китайский батальон. Сведения об этом содержатся в переписке начальника дивизии и начальника управления особых формирований штаба 3-й армии. В своем отношении начальник дивизии, в частности, сообщал: «Прошу вашего разрешения откомандировать китайцев в Балезино в распоряжение командира замполка, где предлагаю создать отдельный китайский батальон. У меня в настоящее время имеются две китайские роты»⁶⁹. В феврале 1919 г. батальон был укомплектован (его численность на тот момент составляла 560 человек) и направлен на ст. Григорьевская, а оттуда пешим порядком – в д. Мокино, где встал в дивизионном резерве⁷⁰. Последние сведения о китайцах, участвовавших в Гражданской войне на Урале, относятся к концу февраля 1919 г., когда большая часть китайского батальона погибла в бою у деревень Платоново и Наумята (ныне территория Карагайского района Пермского края). В дальнейшем на месте братской могилы был установлен памятник⁷¹.

Если говорить о том, как выглядели китайцы, то в письменных источниках они часто изображаются выносливыми, храбрыми и даже жестокими. В сообщении отделения информации и связи политотдела Реввоенсовета Южного фронта о стойкости в бою китайцев-интернационалистов 21-го Московского полка от 15 ноября 1918 г. говорится: «Китайцы дисциплинированы, терпеливы, стойки в бою. Они играют большую роль, своим приме-

ром заражая и требуя устойчивости и храбрости от наших красноармейцев-новобранцев, впервые явившихся на фронт. Китайцы положительно влияют на рядовых красноармейцев: получившие по несколько ранений после легкой перевязки остаются в строю»⁷².

Много упоминаний о китайцах сохранилось в опубликованных источниках личного характера. Так, описывая один из боев, А. Селенгин свидетельствует, что подразделения русских не успевали двигаться за китайцами: «На правом фланге рота китайцев продвигалась решительно и быстро и заняла окраину поселка. Белые отступили, мы же слева отстали. Наши командиры решили отступить. Отстреливаясь, мы организованно отошли. Но китайская рота осталась на своей позиции и вела усиленный огонь»⁷³. Далее А. Селенгин описывает эпизод, когда китайцы на своих плечах вынесли обоз, после того как сломались телеги, на которых он размещался. Такого не решились сделать даже русские: «Нас, уральцев, считают людьми выносливыми. Но тут мы убедились, что китайцы – народ крепкий и неутомимый. Если бы не они, пришлось бы нам большую часть боеприпасов оставить в лесу»⁷⁴. Отменную дисциплину китайцев отмечал и другой участник Гражданской войны Ф. И. Голиков: «У китайцев, как я успел заметить, дисциплина крепкая. Безоговорочно выполняют требование не только батальонного или ротного командира, но и взводного, и отделенного. Сами красноармейцы строго следят за порядком. К нам относятся, как братья. При встречах смеются, хлопают по плечу, жмут руку»⁷⁵. Он же отметил не только дисциплину, но и храбрость китайских солдат: «Видел раненых китайцев. Очень мужественно переносят боль и сражаются до последней возможности. Когда кончаются патроны, с криком «Контрами!» бросаются в штыки»⁷⁶. Об отважном бойце Ли Хунчане писал в своей книге П. И. Недолин. Однажды во время боя отступающие не успели взять его на подводы. «Все уже думали, что он погиб, а он, медленно отступая с пулеметом на спине, продолжал отстреливаться, пока не перебил всех наступавших»⁷⁷.

2.3. КИТАЙЦЫ СРЕДНЕГО УРАЛА

В 1920-Е ГОДЫ

2.3.1. Социально-демографические характеристики и численность китайцев

К 1 апреля 1918 г., по данным А. А. Аникста, на предприятиях страны трудилось 9 873 китайца, из которых 2 213 – на предприятиях Среднего Урала (по количеству китайцев, работающих на предприятиях, Уральская область была второй после Приморской, где было зарегистрировано 3 319 человек)⁷⁸. Таким образом, если учитывать, что по данным Министерства труда к 1 сентября 1917 г. в России работало около 70 тыс. китайцев, можно предположить, что в период с октября 1917 г. по апрель 1918 г. количество работающих на российских заводах китайцев уменьшилось в 5–7 раз. При этом на Урале их численность снизилась в 10 раз. По данным А. А. Аникста, к 1 сентября 1917 г. на заводах Пермской губернии (Чусовском, Пашийском, Верхне-Кыштымском, Кизеловском, Богословском, Нижне-Уфалейском и Половинских коях) работало 11 419 китайцев, а к 1 апреля 1918 г. – только 971⁷⁹.

Сами китайцы оценивали свою численность на Среднем Урале в 1920 г. в 600 человек. Во всяком случае, в фондах Коммунистической партии Китая (КПК) РГАСПИ отложилась информация, что общее количество китайцев в России в 1920 г. составляло 19 940 человек, из которых по 300 жили в Перми и Екатеринбурге⁸⁰.

Кроме архивных документов, восстановить данные о численности китайцев в первое десятилетие советской власти помогают данные переписей 1920-х годов⁸¹. По данным переписи населения 1920 г., в Пермской губернии (в 1919 г. Пермская губерния была разделена на Пермскую и Екатеринбургскую губернии.⁸²) проживало 329 «китайцев, японцев, корейцев и маньчжуров», в Екатеринбургской – 323⁸³, что в принципе не проти-

воречит приведенным выше цифрам. В разрезе на округа, которые были введены в 1923 г., «китайских народностей и китайцев» проживало на Среднем Урале: в Верхне-Камском – 114 человек, в Екатеринбургском – 223, в Кунгурском – 2, в Пермском – 116, в Тагильском – 7, всего – 462 человека.⁸⁴ По данным Всесоюзной городской переписи 1923 г. на Среднем Урале проживало уже 469 «китайцев, японцев, корейцев, маньчжур»: в городах Пермской губернии – 260 (из них 240 – мужчины, 20 – женщины), в Екатеринбургской – 229 (из них 208 – мужчины, 21 – женщины)⁸⁵. Таким образом, к середине 1920-х годов численность китайцев на Среднем Урале, скорее всего, находилась в диапазоне 450–500 человек.

Более полную информацию представляют материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.⁸⁶ Перепись этого года отличается от других качеством собранной информации: участникам задавались вопросы о месте проживания, родном языке, уровне грамотности и другие. В переписи также отражены сведения о гражданах иностранных государств. В общем, на территории Среднего Урала, по данным 1926 г., был записан 291 китаец (265 мужчин и 26 женщин), что составляло около 0,005% от общей численности населения региона (5,3 млн человек).

По характеру расселения в 1926 г. китайцы оставались преимущественно городским населением. Всего в городах проживало более 90% (273 человек – 249 мужчин и 24 женщины), в то время как в сельской местности – менее 10% (18 человек – 16 мужчин и 2 женщины). И в сельской, и в городской местности количество мужчин резко превосходило количество женщин. Самым крупным из округов по численности китайцев был Свердловский, здесь проживало 112 китайцев (из них 97 мужчин и 15 женщин). Вторым по количеству китайского населения был Верхнекамский округ, в котором перепись зафиксировала 99 китайцев (из них 54 мужчины и 4 женщины). Далее следовали Тагильский округ – 46 (них 44 мужчины и 2 женщины), Пермский округ – 33 (из них 28 мужчин и 5 женщин) и Кунгурский, в котором проживал 1 китаец.

Китайцы на Среднем Урале в 1926 г.*

Округ	Всего населения			Родной язык			Грамотность	
	Муж.	Жен.	Общ.	Своего народа (жен.)	Русский (жен.)	Проч. (жен.)	Всего (жен.)	В том числе на языке своего народа (жен.)
Верхнекамский	95	4	99	93(1)	1(3)	1(0)	33(0)	33(0)
Кунгурский	1	0	1	1(0)	0	0	1(0)	1(0)
Пермский	28	5	33	21(1)	7(4)	0	10(0)	8(0)
Тагильский	44	2	46	39(0)	5(2)	0	23(0)	20(0)
Свердловский	97	15	112	85(8)	12(7)	0	37(2)	28(1)
Всего	265	26	291	239(10)	25(16)	1(0)	104(2)	90(1)

* Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

Городское китайское население Среднего Урала в 1926 г.*

Округ	Всего населения			Родной язык			Грамотность	
	Муж.	Жен.	Общ.	Своего народа (жен.)	Русский (жен.)	Проч. (жен.)	Всего (жен.)	В том числе на языке своего народа (жен.)
Верхнекамский	95	4	99	93(1)	1(3)	1(0)	33(0)	33(0)
Кунгурский	1	0	1	1(0)	0	0	1(0)	1(0)
Город Пермь	13	1	14	11(1)	2(0)	0	5(0)	4(0)
Пермский (исключая Пермь)	14	4	18	9(0)	5(4)	0	4(0)	3(0)
Тагильский	38	1	39	34(0)	4(1)	0	19(0)	17(0)
Свердловск	83	14	97	73(8)	10(6)	0	33(2)	24(1)
Свердловский (исключая Свердловск)	5	0	5	5(0)	0	0	3(0)	3(0)
Всего	249	24	273	226(10)	22(14)	1	98(2)	85(1)

* Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

Сельское китайское население Среднего Урала в 1926 г.*

Округ	Всего населения			Родной язык			грамотность	
	Муж.	Жен.	Общ.	Своего народа (жен.)	Русский (жен.)	Проч. (жен.)	Всего (жен.)	В том числе на языке своего народа (жен.)
Верхнекамский	0	0	0	0	0	0	0	0
Кунгурский	0	0	0	0	0	0	0	0
Пермский	1	0	1	1(0)	0	0	1(0)	1(0)
Тагильский	6	1	7	5(0)	1(1)	0	4(0)	3(0)
Свердловский	9	1	10	7(0)	2(1)	0	1(0)	1(0)
Всего	16	2	18	13(0)	3(2)	0	6(0)	5(0)

* Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

Таким образом, на протяжении 1920-х годов численность китайцев на Среднем Урале значительно снизилась – с 2 213 в 1918 г. до 460–470 в 1920–23 годах и до 291 в 1926 г. Как и в досоветский период, основную массу китайцев составляли мужчины. Несмотря на Гражданскую войну и связанные с этим активные внутренние миграции населения, в том числе и китайцев, на территории Среднего Урала сохранились места компактного их проживания – Верхнекамский округ (за счет Кизеловских и Губахинских копей), Пермский округ (административный центр), Свердловский округ (Верх-Исетский завод, экономический центр), Тагильский округ (Богословские и Тагильские заводы). Снижение численности китайцев свидетельствует также о завершении первой волны иммиграции, пик которой пришелся на 1915–1916 годы.

Социальные характеристики китайцев в этот период дополняются рядом сохранившихся архивных материалов – личными делами китайцев – членов кооператива «Китайский рабочий», в фондах которого сохранилось 42 личных дела⁸⁷. Эти данные по-

зволяют проанализировать социокультурный облик китайцев, живших на Урале в середине 1920-х годов.

Таблица 2.4

Возраст китайцев Среднего Урала в 1920-е годы *

До 1885 г.р.	1886–1890 г.р.	1891–1895 г.р.	1896–1900 г.р.	1901–1905 г.р.
20	7	9	6	Нет

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41.

Почти половина китайцев имели год рождения до 1885, т. е. к концу 1920-х годов большинству из них было от 45 до 50 лет. Данных о родившихся после 1900 г. обнаружить не удалось. Это подтверждает, что основная масса китайцев прибыла на Урал в возрасте от 20 до 30 лет. Что касается года прибытия в Россию, то практически все китайцы приехали в Пермь в первые годы Первой мировой войны. Во всех анкетах указан либо 1915, либо 1916 год прибытия.

По социальному положению китайцы были либо рабочими, либо крестьянами. В графе «имущество» у всех китайцев кооператива стоит запись «неимущий».

Таблица 2.5

Социальное положение китайцев Среднего Урала в 1920-е годы*

Крестьяне	Рабочие	Неизвестно ⁸⁸
1	34	1

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41.

Как уже указывалось выше, китайцы вели себя довольно замкнуто и не принимали активного участия в общественной жизни, а на сотрудничество с властью они шли только для решения личных проблем. Этот тезис подтверждается и «партийностью» китайцев. На конец 1920-х годов в партии состояли 5 из 42 человек.

Партийная принадлежность китайцев*

Партийные	Беспартийные	Неизвестно
5	36	1

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41.

Род занятий до Гражданской войны также подтверждает, что большинство китайцев были выходцами с горных заводов или угольных копей Урала. К этой категории принадлежало 25 человек. При этом значительная их часть освоила иные профессии: многие смогли устроиться в других отраслях (транспортная сфера, металлисты и т. д.), безработных среди китайцев не было вообще.

Таблица 2.7

Профессия или род занятий до Гражданской войны*

Профессия	Количество
Чернорабочий	13
Горнорабочий	2
Рабочий на заводе	12
Столяр	3
Рабочий транспортной сферы	3
Шахтер	3
Грузчик	1
Сельское хозяйство	2
Кочегар	1
Не указано	2

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41.

Данные анкет свидетельствуют, что 33% китайцев участвовали в Гражданской войне. Характерно, что о служивших в Белой армии китайцах данных нет. Скорее всего, китайцы вступали преимущественно или только в Красную Армию.

Служба в армии*

Служил в Красной Армии	Служил в Белой армии	Не служил
14	Нет	28

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41.

Таким образом, на основании данных личных дел членов кооператива «Китайский рабочий» можно представить примерный облик китайской этнической группы на Урале в конце 1920-х годов. В этот период на Урале из граждан китайской национальности жили преимущественно мужчины, попавшие на работу в Россию в период Первой мировой войны. В основном они были неграмотными и малоимущими, занимались профессиями, не требующими высокого уровня квалификации. Эти китайцы не принимали участие в общественной жизни. Большинство из них были беспартийными.

2.3.2. Сферы деятельности китайцев на Среднем Урале в 1920-е годы

Проблема репатриации китайских рабочих, с которой столкнулось Временное правительство, после Октябрьского переворота осталась, и новая советская власть вынуждена была ее решать. По аналогии с царским правительством, «китайский вопрос» был передан в 1918 г. Народному комиссариату труда, в структуре которого был создан Отдел Желтого труда. В соответствии с политикой интернационализма и первыми декретами Совета народных комиссаров, Отделом Желтого труда был предпринят целый ряд постановлений об уравнивании «желтых рабочих» с русскими в оплате труда, страховании от увечий, выдаче льготных билетов на проезд, а в Петрограде также оказывалась поддержка «питательным пунктам» для безработных китайцев, возвращающихся на родину⁸⁹. Уже в январе 1918 г. Отделом была создана комиссия по обследованию «желтого труда», которая составила и разослала по регионам специальную анкету. По данным А. А. Аникста, опи-

равшегося на данные этих анкет, основная масса китайцев в 1918 г. продолжала работать на основании старых контрактов: «Желтые рабочие применяются, главным образом, на золотых приисках и каменноугольных копиях и на лесных работах. В некоторых местах, как, например, в Западной Сибири, имеются также мелкие кустари»⁹⁰.

Многие из китайцев, участников Гражданской войны, продолжили работу в органах ВЧК⁹¹. Значительная часть китайцев вернулись на заводы, в которых трудились до войны. «Последние [китайцы. – М. К.] работают большими компаниями по 20–30 человек в предприятии», – говорится в материалах Нижнетагильского окружного совещания работников нацмен за 1928 г.⁹² Жившие в крупных городах китайцы промышляли также мелкой торговлей.

В конце осени 1919 г. Временное управление ВИЗа запросило у Екатеринбургского отдела труда ходатайствовать о доставке из Москвы рабочих-китайцев в количестве 260 человек, в том числе 80 квалифицированных и 180 чернорабочих⁹³. В начале 1920 г. некоторое количество китайских рабочих было получено⁹⁴.

В период нэпа китайцы принимали активное участие в кооперативном движении⁹⁵. В 1925 г. Уробком в своей инструкции окружкам по работе с нацмен указывал: «Ввиду незначительности и слабости кооперативной работы среди национальных меньшинств, а в ряде случаев и совершенного отсутствия кооперации считать очередной задачей вовлечение нацмен в кооперативное движение, применительно к условиям жизни и быта данной народности. Усилить и укрепить существующую кооперативную сеть, работающую среди нацмен, установив особое наблюдение за их работой, ввести разговорный язык, соответствующий национальности, и оказывать соответствующую хозяйственную и организационную помощь этой сети»⁹⁶.

Скорее всего, после этого органы советской власти на местах стали вовлекать представителей национальных меньшинств в кооперативное движение. Китайцы, как видно, откликнулись на данную форму ведения хозяйства. На сегодняшний день документально подтверждается существование как минимум пяти

кооперативных артелей, в которых трудились китайцы: «Красный Восток»⁹⁷, «Восточный рабочий», сельскохозяйственная артель им. Сунь Ятсена, артель им. 10-й годовщины Красной Армии и торгово-производственная кооперативная артель инвалидов «Китайский рабочий». Последняя существовала в Свердловске в 1928–30 годах (ее основу составили 19 выходцев из расформированной артели им. 10-й годовщины Красной Армии), сведения о ней отложились в ГАСО, что позволяет реконструировать процесс ее становления и развития.

К моменту создания в ноябре 1928 г. артель насчитывала 36 человек, преимущественно китайцев. В январе 1929 г. после ряда организационных собраний группа учредителей вложила в общий капитал 3 200 рублей, открыв 36 киосков для розничной торговли. Об этом руководство вновь созданной артели информировало Президиум горсовета⁹⁸. Основная деятельность «Китайского рабочего» – мелкая розничная торговля в киосках «различной бакалеей и табачными изделиями»⁹⁹, в других документах в качестве товаров, продаваемых артелью, называются мыло, консервы, спички, махорка, сигареты марок «Пушка» и «Наша марка»¹⁰⁰. В структуре артели, кроме торговых киосков, значилась прачечная. Документы свидетельствуют, что артель быстро развивалась, со временем в нее вливались другие торговые кооперативы. В июле 1929 г. артель Интруд передала «Китайскому рабочему» несколько киосков с товаром на сумму 11 568 рублей¹⁰¹, а китаец Ли Футян с собственным киоском и капиталом в 400 рублей попросился на службу в артель в сентябре того же года¹⁰². За весь 1929 г. артель открыла мастерскую, зеркальную, кафе-молочную, рассчиталась со всеми предыдущими долгами и кредитами. Общий торговый оборот артели за год составил более 200 000 рублей¹⁰³. В протоколе от 28 января 1930 г. сообщается о планах по приобретению одного табачного киоска на вокзале, одного посудного киоска, двух галантерейных и двух бакалейных киосков и одного киоска со смешанными товарами – всего семи торговых точек¹⁰⁴. Успешная деятельность артели могла быть незаконной. Газета «Уральский рабочий» в апреле 1929 г. сообщала об аресте за уча-

ствие в незаконной покупке папирос председателя артели тов. Василия Газетдинова¹⁰⁵, за что на последнего было заведено уголовное дело¹⁰⁶. В дальнейшем артель обращалась в прокуратуру с просьбой разобраться в законности ареста и точности указанных в статье фактов. «Газетдинов среди нас, китайцев, пользовался авторитетом и иным доверием», – говорилось в коллективном обращении членов артели¹⁰⁷. Судя по тому, что имя Газетдинова исчезло из документов артели «Китайский рабочий» после мая 1929 г., это обращение прокуратура оставила без внимания. В дальнейшем место председателя занял китаец Ли Сифу.

В фондах ПермГАНИ также сохранились документы, подтверждающие, что и китайцы западной части Среднего Урала занимались преимущественно торговлей¹⁰⁸.

Таким образом, оставшиеся жить на Урале в 1920-е годы китайцы показали высокую способность адаптироваться в системе трудовых отношений, а наибольшего успеха им удалось добиться в период нэпа.

2.3.3. Повседневная жизнь, быт и проблемы адаптации китайцев на Урале в конце 1920-х годов

Даже участвуя в интернациональном движении, китайцы сохраняли замкнутость. На это влияло несколько факторов. Во-первых, они не могли адаптироваться в принимающем сообществе, так как не знали языка, а во-вторых, подвергались, особенно после 1927 г., дискриминации по национальному признаку.

Материалы переписи 1926 г. частично позволяют судить об адаптации исходя из сведений о владении языками. По Переписи 1927 г. 41 китаец (14%) указали на русский язык в качестве родного, на китайский – 249 (85,6%), не русский и не китайский – 0,4%. В Верхнекамском округе родной язык как «свой» отметили 96 китайцев (94,9%) и только 4 указали русский язык как родной (4,1%). В Пермском округе на «своем» языке как на родном разговаривали 22 китайца (66,7%), на русском – 11 китайцев (33,3%), в Свердловском округе – 93 (82,3%) и 19 (17,7%) китайцев соответственно. В Тагильском округе «свой» язык родным

признали 39 китайцев (84,8%), русский – 7 китайцев (15,2%)¹⁰⁹. Как видно, подавляющее большинство китайцев назвали китайский язык в качестве родного¹¹⁰.

Таблица 2.9

Уровень владения языком китайцами Среднего Урала*

Округ	Родной язык			Родной язык (%)		
	Своего народа	Русский	Проч.	Своего народа	Русский	Проч.
Верхнекамский	94	4	1	94,9	4,1	1
Кунгурский	1	0	0	100	0	0
Пермский	22	11	0	66,7	33,3	0
Тагильский	39	7	0	84,8	15,2	0
Свердловский	93	19	0	82,3	17,7	0
Всего	249	41	1	85,6	14	0,4

* Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел 1. М., 1928. С. 103–123.

Что касается грамотности (умения писать), то таковыми себя отметили 106 китайцев (104 мужчины, 2 женщины). Притом, что грамотными на языке своего народа, по материалам переписи записан 91 китаец (90 мужчин, 1 женщина). Таким образом, из указавших китайский язык в качестве родного более половины (57%) были неграмотны (149 из 239). В то же время владеющие русским в качестве родного в большинстве были грамотными – 60% от общего количества (15 из 25).

Анкетные данные членов артели «Китайский рабочий» о грамотности в основном совпадают с данными Всесоюзной переписи 1926 г. В «Китайском рабочем» восемь членов имели хоть какое-то образование, остальные 33 были неграмотными. Когда в 1930 г. принималось решение о закрытии китайской кооперативной артели «Китайский рабочий», ее председатель Ли Сифу в протоколе указывал: «...члены артели не знают русского языка, а потому, слившись с русской артелью, им трудно будет работать». Китаец

Ли Ванду был более откровенен: «Мы, китайцы, большинство не умеем читать, писать и говорить по-русски как следует»¹¹¹.

Таблица 2.10

Грамотность китайцев*

Начальное китайское образование	Малограмотный	Неизвестно	Неграмотный
1	7	1	33

* Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел 1. М., 1928. С. 103–123.

Возможно, нежелание или неспособность учить русский язык были связаны с негативным отношением к китайцам на уровне повседневного общения. На факты дискриминации указывали сами китайцы. «Очевидно, все-таки есть антагонизм между русскими и китайцами, так как русские артели получают и продукты и товары, а нам, несмотря на наши просьбы, не дают. УКС [Уралкооперативсоюз. – М. К.] не хочет понять национальную политику», – писал в 1930 г. председатель правления артели «Китайский рабочий» Ли Сифу¹¹². Он также жаловался на нежелание УКС посодействовать в приобретении необходимого оборудования для прачечной.

Перечисленные факторы повлияли на интеграционные процессы в китайской этнической группе в конце 1920-х годов. Центром притяжения после расформирования СКР для них стала артель «Китайский рабочий»¹¹³. Данная организация со второй половины 1920-х годов начинает выступать с инициативами и предложениями, касающимися не только торговли, но и жизни китайцев на Урале. В январе 1930 г. артель просила обследовать всех нуждавшихся китайцев Урала, выделить помещение для проведения среди китайцев культурной работы, открыть школы для китайских детей и обеспечить их площадками, обеспечить китайцев жилищными условиями, а также разработать план по расширению лавочных сетей¹¹⁴. В пустующем детском саду для национальных меньшинств артель просила создать школу ликбе-

за и «красный уголок» для китайских рабочих¹¹⁵. Основными задачами существования артели в этот период были провозглашены: «улучшение быта их [китайцев. – М. К.] жизни и поднятие культурного уровня»¹¹⁶. В перспективе эти процессы могли привести к росту национального самосознания внутри китайской этнической группы, институционализации внутри общины и, как следствие, формированию диаспоры. Однако в этот период, как известно, кооперативное движение уже тормозилось на государственном уровне. В стране шла индустриализация, начиналась коллективизация сельского хозяйства. Деятельность хозяйственных структур, возникших в годы нэпа, приостанавливалась. Естественно, инициативы «Китайского рабочего» уже не могли найти поддержки у местной власти. Видимо, по этой причине и было принято решение о закрытии артели «Китайский рабочий». В итоговом протоколе сообщалось о проблемах с дисциплиной и низкой эффективностью¹¹⁷. Артель была ликвидирована в августе 1930 г. Штат переведен в артель «Производственник»¹¹⁸.

К началу 1930-х годов на Среднем Урале осталось не более 300 китайцев, разобщенно живших со своими (преимущественно русскими) семьями. К этому же времени сведения о китайцах и взаимодействиях с ними властей исчезают из документов и прессы.

2.4. ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЙЦЕВ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В 1930-Е ГОДЫ

О положении китайцев в СССР в 1930-е годы ничего неизвестно. На межгосударственном уровне отношения практически прекратились, жившие в СССР китайцы были предоставлены сами себе: «Они были вовлеченными в процесс радикальной общественной перестройки. Наравне со всеми другими народами страны они прошли через национализацию частной собственности и ликвидацию целых социально-экономических групп, владеющих этой собственностью, через нэп, коллективизацию, индустриализацию»¹¹⁹. Обширный материал для изучения быта ки-

тайцев в этот период представляют документы по истории репрессий. В упомянутой выше литературе репрессии в отношении китайцев не изучались детально. Из всех авторов только В. Г. Дацышен посвящает этому вопросы раздел в монографии. На примере наиболее показательных судебных дел автор делает выводы о характере репрессий против китайцев в Сибири¹²⁰.

Работа с источниками по данному периоду на Урале осложняется тем, что на сегодняшний день многие дела закрыты для исследования (в частности, по периоду 1937–38 годов), а в некоторых архивах отсутствует возможность работать со списками репрессированных¹²¹. Тем не менее, имеющиеся источники – личные дела репрессированных – также могут использоваться для исследования жизни, быта и социокультурного портрета китайцев СССР в 1930-е годы.

Всего в ПермГАНИ отложилось 80 дел на китайцев (из них на двоих китайцев – по два дела, повторные дела при анализе не рассматривались), в ГАСО – 28 дел (два повторяющихся, одно на пять человек, всего, таким образом, проанализированы личные данные 30 китайцев). Эти дела позволяют составить примерное представление о социокультурном облике китайцев данного периода.

Таблица 2.11

Год рождения китайцев в Пермской области*

Год рождения	До 1885 г.	1886-1890 гг.	1891-1895 гг.	1896-1900 гг.	После 1901 г.
Пермская область	19	17	12	16	13
Свердловская область	5	6	8	5	6
Итого	24	23	20	21	19

* Составлено и подсчитано по материалам дел репрессированных китайцев ПермГАНИ и ГААОСО.

Большую часть проживающих китайцев по-прежнему составляли прибывшие в Российскую империю рабочие. Средний возраст немного понизился. Среди рассмотренных дел 19 касались китайцев, родившихся после 1900 г., из них 10 – родившихся после

1905 г. Скорее всего, эти китайцы прибыли в страну либо маленькими детьми, либо уже после установления советской власти.

Большинство китайцев, как и ранее, являлись уроженцами северо-восточных районов Китая. Полный анализ провести сложно, поскольку в некоторых разделах в графе «Место рождения» указан либо населенный пункт без принадлежности к провинции, а кое-где просто указано: «Китай». Из тех дел, где место указано, можно подсчитать: 31 человек – Шаньдун, 4 – Хэбэй, 6 – Харбин, 3 – Пекин, то есть большая часть из указавших место рождения прибыли с северо-востока Китая. Отметим, что «северное» происхождение характерно и для китайцев, пребывавших на Урале (и в России) в другие периоды.

Что касается места жительства, то в Пермской области большинство китайцев в 1930-е годы, как и ранее, проживали в Перми и северных районах Прикамья – Кизеловском, Соликамском и др. В Свердловской области большинство китайцев проживали в областном центре. Кроме Свердловска упоминаются Лая, Первоуральск, Уральский завод тяжелых машин (УЗТМ).

Таблица 2.12

Расселение китайцев в 1930-е годы в Пермской области*

Населенный пункт (район)	Количество человек
Пермь	11
Соликамск	9
Кизеловский район	28
<i>В том числе:</i>	
Половинка	2
Всеволодо-Вильва	1
Губаха (с поселками)	13
Кизел	7
Шахты	5
Ныроб	2
Чусовой (с районом)	3
Красновишерск	2
Чермоз	1

Населенный пункт (район)	Количество человек
Верещагино	1
Лысьва (с районом)	6
Ворошиловский район (Усолье)	3
Кудымкар	2
Частые (с районом)	2
Березники	1
Другие регионы	3
Неизвестно	4
Всего	78

* Составлено и подсчитано по материалам дел репрессированных китайцев ПермГАНИ и ГААОСО.

Таблица 2.13

Расселение китайцев в 1930-е годы в Свердловской области

Населенный пункт (район)	Количество (чел.)
Свердловск	19
Лая	2
Первоуральск	1
УЗТМ	1
Не указано	7
Всего	30

* Составлено и подсчитано по материалам дел репрессированных китайцев ПермГАНИ и ГААОСО.

В разделе о национальной принадлежности все репрессированные как в Свердловской, так и в Пермской областях указали на свою принадлежность к китайской национальности.

Участие китайцев в общественной жизни в этот период уже не было столь активно. В Пермской области среди репрессированных большинство были беспартийными (49 человек), семь имели статус бывших членов ВКП(б), пять – являлись ими. В Свердловской области под репрессии попали практически одни беспартийные китайцы – 25 из 29, и только один был членом партии.

Партийная принадлежность китайцев Пермской области*

	Бывшие члены ВКП(б)	Члены ВКП(б)	Беспартий- ные	Не указано
Пермская область	7	5	49	16
Свердловская область	2	1	26	1
Общее	9	6	75	17

* Составлено и подсчитано по материалам дел репрессированных китайцев ПермГАНИ и ГААОСО.

Социальное положение китайцев было достаточно однородным, большинство из них принадлежали к рабочим и крестьянам.

Таблица 2.15

Социальное положение китайцев Пермской области*

Социальное положение	Пермская область (чел.)	Свердловская область (чел.)	Общее количество (чел.)
Рабочие	39	9	46
Чернорабочие		1	1
Пенсионеры	5		5
Торговцы	5		5
Служащие	5	1	6
Кустари	2		2
Без определен- ного занятия (БОЗ)	2	1	3
Крестьяне	1	16	17
Земледельцы		1	1
Не указано	18		18
Всего	77	29	106

* Составлено и подсчитано по материалам дел репрессированных китайцев ПермГАНИ и ГААОСО.

Образовательный уровень китайцев, в сравнении с 1920-ми годами, повысился. Скорее всего, многие из них в первые годы

советской власти получили «формально» начальное образование. В делах репрессированных Пермской области 20 китайцев обозначены как имеющие начальное образование, а 38 – как не имеющие образования вообще. Один китаец имел образование два класса, у 18 – графа об образовании не заполнена. Из рассмотренных дел китайцев Свердловской области 16 были отмечены как неграмотные, 12 – как малограмотные. Один китаец имел высшее образование. Таким образом, видно, что большинство китайцев по-прежнему были не образованы, но при этом уже более трети (чего не было раньше) имели начальное образование.

Таблица 2.16

**Уровень образования репрессированных китайцев
Пермской области***

Без образования	Начальное образование	Начальное, два класса	Неизвестно
38	20	1	18

* Составлено и подсчитано по материалам дел репрессированных китайцев ПермГАНИ и ГААОСО.

Таблица 2.17

**Уровень образования репрессированных китайцев
Свердловской области***

Неграмотный	Самоучка	Высшее	Малограмотный
16	1	1	12

* Составлено и подсчитано по материалам дел репрессированных китайцев ПермГАНИ и ГААОСО.

Важные сведения содержат данные о профессии и месте работы китайцев. В таблицах 2.18 и 2.19 видно, что подавляющее большинство профессий китайцев связано либо с тяжелым физическим трудом, либо со сферой общественного питания или торговлей, что опять же является характерным для китайцев Среднего Урала.

**Сферы профессиональной деятельности китайцев
в Пермской области***

Место работы или сфера деятельности	Количество человек
Рабочий на предприятии	6
Рабочий на шахте	8
Член артели	6
Кочегар	8
Сторож	1
Кондитер, кулинар	3
Грузчик	2
Чернорабочий	1
Рабочий на железной дороге	1
Фотограф	2
Работник больницы	1
Ассенизатор	2
Пенсионер	7
Заведующий	1
Работник торговли	7
БОЗ	6
Не указано	16

* Составлено и подсчитано по материалам дел репрессированных китайцев ПермГАНИ и ГААОСО.

**Сферы профессиональной деятельности китайцев
в Свердловской области***

Место работы или сфера деятельности	Количество человек
Рабочий	15
Грузчик	2
Чернорабочий	4
Крестьянин	5
Чертежник	1
БОЗ	1
Не указано	2

* Составлено и подсчитано по материалам дел репрессированных китайцев ПермГАНИ и ГААОСО.

Репрессии в отношении китайцев нельзя считать выделяющимися на общем фоне репрессивной политики. Как и по всей стране, китайцы попали под две волны репрессий – 1932–33 и 1937–38 годов, причем последняя волна была наиболее крупной. Небольшая волна репрессий отмечена в период после окончания Великой Отечественной войны.

Таблица 2.20

**Даты возбуждения дел в отношении китайцев
Пермской области***

Годы	1932	1933	1934–36	1937	1938	1939–45	После 1945
Количество арестов	9	2	4	9	53		4

* Составлено и подсчитано по материалам дел репрессированных китайцев ПермГАНИ и ГААОСО.

Таблица 2.21

**Даты возбуждения дел в отношении китайцев
Свердловской области***

Годы	1931	1932	1934–36	1937	1938
Количество арестов	2	1	5	10	11

* Составлено и подсчитано по материалам дел репрессированных китайцев ПермГАНИ и ГААОСО.

Самые распространенные виды обвинений – стандартные для репрессий этого периода в отношении иностранцев: шпионаж, диверсии, контрреволюционная деятельность и антисоветская агитация (ст. 58, ч. 2–6, 9–11 УК)¹²². Собственно китайцев обвиняли также в нелегальном переходе границы, контрабанде валюты и торговле опиумом (ст. 59–12, ст. 1–10, ч. 1 УК). Не исключено, что некоторые из этих обвинений имели под собой реальные основания. О том, как велись дела против китайцев история китайца Ли Синшана, жившего в Перми в 1930-е годы¹²³. Его

обвинили в шпионаже в пользу Японии, в подрывной и диверсионной работе на ряде предприятий.

Анализ дел также показывает, что репрессии не были адресными, одно судебное дело могли завести сразу на несколько китайцев, которые к тому же выступали свидетелями друг против друга. На основании этих показаний составлялся обвинительный приговор¹²⁴.

В Свердловской области под репрессии попадали в основном китайцы, не служившие в Красной Армии в годы Гражданской войны. Из 29 китайцев только один работал на рытье окопов, еще на одного информация не указана. Все остальные отмечены как не служившие. Очевидно, что большинство дел были сфабрикованы, поэтому оценить справедливость обвинений не представляется возможным. В целом, даже если принять во внимание, что численность китайцев в начале 1930-х годов на Среднем Урале составляла 291 человек (данные 1926 г.), то репрессиям подверглись более 40% китайцев Среднего Урала.

Говоря о китайцах на Среднем Урале в 1930-е годы, необходимо упомянуть и о жившем в Свердловске сыне Чан Кайши Цзян Цзинго. О его судьбе написано достаточно много¹²⁵. Он прибыл в СССР для учебы в 1925 г., когда отношения между Гоминьданом и СССР еще были дружескими. В Москве Цзян Цзинго поступил в университет, шефство над ним взяла сестра В. И. Ленина – Анна Елизарова-Ульянова. Позже он окончил Коммунистический университет трудящихся Востока, затем – Военно-политическую академию. После переворота Чан Кайши в 1926 г. Цзян Цзинго фактически стал заложником в СССР. В университете сына Чан Кайши и его друзей стали подвергать травле, их исключили из комсомола, обвиняли в троцкизме и т.д.¹²⁶ В 1927 г. Цзян Цзинго со страниц газет публично отрекся от отца, предавшего СССР¹²⁷. В 1932 г. он был направлен из столицы в Свердловск, работал на Уралмаше помощником начальника механического цеха. За годы жизни в Свердловске Цзян Цзинго [русское имя – Николай Елизаров. – М. К.] был редактором газеты, избирался депутатом Совета Орджоникидзевского района

Свердловска, в 1935 г. женился на русской девушке Фаине Вахревой (китайское имя – Цзян Фанлян), родившей ему в 1936 г. сына. В 1936–37 годах многие из друзей Цзян Цзинго, жившие с ним, подверглись репрессиям. Такими, например, были Чжан Болин (Иван Углев) и Цзян Госюн (Михаил Леонов), по делу которого Цзян Цзинго проходил свидетелем¹²⁸. Интересно проследить их судьбу. Эти два китайца в конце 1930-х годов неоднократно попадали под репрессии и умерли в СССР в годы Великой Отечественной войны¹²⁹.

Поскольку к концу 1930-х годов Цзян Цзинго уже не представлял ценности для СССР (в это время Китай находился под оккупацией Японии), его в 1937 г. обменяли на двух советских разведчиков, схваченных в 1935 г. в Ханькоу¹³⁰. После возвращения в Китай Цзян Цзинго примкнул к антисоветскому лагерю, а в 1949 г. эмигрировал с остатками Гоминьдана на Тайвань. Там он был избран президентом и запомнился как один из самых беспощадных критиков советской власти. При Цзян Цзинго на Тайване начались экономические реформы, определившие вектор в развитии острова.

В результате репрессий в 1930-е годы численность китайцев на Урале, как и в России, значительно снизилась. Многие умерли, часть вернулись на родину¹³¹. При этом обновления китайской этнической группы практически не происходило. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. среди поименованных национальностей остались только корейцы, а оставшиеся китайцы как немногочисленные были отнесены к категории «прочие»¹³². Тем не менее, говорить о полном исчезновении китайцев на Урале в этот период не приходится. Архивные материалы свидетельствуют, что даже к концу 1938 г. в Уральской области жили китайцы-коммунисты. По всей стране китайцев – членов ВКП(б) насчитывалось 577, из которых шесть – в Уральской области (три члена и три кандидата)¹³³. Организованной институционально социальной группы китайцев в рамках регионов конце в 1930-х годов уже не существовало.

Первые годы советской власти и советского строительства (1917–1930-е) явились следующим, вторым этапом существова-

ния китайцев первой миграционной волны. Данный этап характеризуется рядом существенных особенностей, связанных с новыми социально-экономическими, политическими и идеологическими установками советской власти. После 1918 г. изменились как статус китайцев в России (повысился с «второго сорта» до «равного»), так и отношения между Россией и Китаем на межгосударственном уровне. Все это, с одной стороны, открыло возможности для появления в России новых социальных категорий китайцев (студентов, общественных деятелей и т.д.), с другой – расширило спектр возможностей участия в общественной и социально-экономической жизни рабочих и торговцев. В отличие от первого периода, пребывание китайцев в СССР в 1920–30-х годах не планировалось и не регулировалось на государственном уровне, а носило стихийный, естественный характер.

История пребывания китайцев на Среднем Урале в 1920–1930-е годы находится в тесной связи с историей китайцев в СССР. В первые десятилетия советской власти жившие на Среднем Урале китайцы участвовали в деятельности Наркомнаца и общественном национальном движении, в 1917 г. на территории региона действовали местные представительства общероссийских китайских организаций. В Гражданскую войну китайцы Среднего Урала воевали на Восточном фронте.

При схожести происхождения социальный состав китайской этнической группы во второй период пребывания на Среднем Урале серьезно изменился. С точки зрения сфер деятельности, китайцы 1920–30-х годов демонстрировали самые разнообразные модели профессиональной адаптации. В этот период китайцы занимали общественные должности, были военными или работниками ЧК, торговцами, членами кооперативных кустарных и сельскохозяйственных артелей. Кроме этого, многие из них оставались рабочими самых разных промышленных специальностей.

Китайцы по-прежнему представляли собой замкнутую общность, за некоторыми исключениями, оставаясь слабо интегрированной группой в местном сообществе. Существование и адаптация в принимающем сообществе происходили преимущественно

во внутриобщинных группах, лидеры которых выстраивали определенные отношения и связи с «внешним» миром.

Следует также констатировать, что между китайцами и принимающим их сообществом существовала непреодолимая культурная преграда, связанная как с языковым барьером, так и с разностью менталитета и культурных традиций. Как и в начале XX века, в 1920-е годы источники постоянно упоминают о наличии языкового барьера. Большой проблемой для китайцев оставалось владение русским языком. Говорящих на нем китайцев практически не было даже среди тех, кто прожил России (СССР) свыше десяти лет.

Но при этом можно утверждать, что китайцы в этот период намного лучше интегрировались в принимающее сообщество: они работали вместе с русскими, участвовали в культурной и общественной жизни. К концу 1920-х годов в китайской этнической группе Среднего Урала ускорились диаспоральные процессы: появились организации китайцев, вокруг которых собирались их остальные соотечественники. Эти структуры выступали с требованиями создать условия для сохранения и воспроизводства китайцами своей этнической культуры. Таким образом, процесс становления диаспоры уже вступил в завершающую стадию, однако начавшиеся в 1930-е годы репрессии и изменения в политической жизни СССР (прежде всего прекратившиеся с 1927 г. связи с Китаем) его прервали. К концу 1930-х годов китайцы «растворились» в местном населении, и о них практически ничего неизвестно.

¹ Попов Н. А. Участие китайских интернациональных частей в защите Советской республики в период Гражданской войны 1918–1920 гг. // Вопросы истории. 1957. № 10. С. 111–112.

² Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 88–89.

³ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

⁴ См.: Ларин А. Г. Указ. соч. С. 75–80.

⁵ О совещании китайских и корейских рабочих организаций России // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). М., 1961. С. 133.

⁶ Занятие китайского посольства Союзом китайских рабочих // Там же. С. 134.

⁷ О совещании китайских и корейских рабочих организаций России // Там же. С. 133.

⁸ Сообщение газеты «Правда» о совещании китайских и корейских рабочих организаций в России, № 273, 15 дек. 1918 г. // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922). М., 1957. С. 147–148.

⁹ ГАСО. Ф. 511 р. Оп. 1. Д. 16. Л. 21.

¹⁰ III Всероссийский съезд китайских рабочих // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию... С. 139.

¹¹ Устав Союза китайских рабочих в России // Известия Екатеринбургского исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1922. 4 июля.

¹² Архивный отдел администрации Серовского городского округа. Ф. р-150. Оп. 1. Д. 134. Л. 27.

¹³ Уральский рабочий. 1919. 21 нояб.

¹⁴ ГАСО. Ф. 511 р. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 21.

¹⁶ Там же. Л. 20.

¹⁷ Там же. Д. 374. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 11. Для получения гражданства требовались национальный документ, заполненный опросный лист, после этого местные органы власти проверяли желающего на лояльность советской власти. См.: Там же. Л. 22.

¹⁹ Там же. Д. 386. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ См.: *Пескина П. И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность 1917–1918 гг. М., 1950; *Макарова Г. П.* Народный комиссариат по делам национальностей 1917–1923 гг.: исторический очерк. М., 1987.

²² Национальный вопрос и Советская Россия. М., 1919. С. 3.

²³ Из протокола VIII съезда РКП (б) в марте 1919 г. // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию... С. 131.

²⁴ *Пескина П. И.* Указ. соч. С. 61–62.

²⁵ Пермский губернский комитет РКП (б) в составе 15 человек был избран 21 сентября 1919 г. на III губернской партийной конференции. Он подчинялся Уральскому обкому РКП(б). В 1920 г. в его структуре был создан агитационно-распределительный отдел, который в 1921 г. был переименован в агитационно-пропагандистский (Агитпропотдел). Ликвидирован в ноябре 1923 г. в связи с введением окружной системы. В мае 1924 г. решение секретариата окружкома Татбашбюро было ликвидировано, и учреждена должность инструктора агитпропотдела по работе среди нацмен. В феврале 1930 г. ведение национальной политики было передано инструктору по работе с нацмен организационно-инструкторского отдела. См.: Путеводитель по фондам Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области. Пермь, 2001. С. 25; ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 341. Л. 8.

²⁶ ПермГНИ. Ф. 577. Оп. 2. Д. 169. Л. 15.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 9.

²⁹ Там же. Л. 6.

³⁰ Там же. Л. 9.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 276. Л. 126.

³⁵ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 908. Л. 105.

³⁶ Там же. Д. 709. Л. 179, 379.

- ³⁷ Следует отметить, что корейцы в этом отношении проявляли большую активность. В 1926 г. в партии состояло 22 корейца из Тагильского округа, существовала отдельная корейская школа. См.: ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1051. Л. 47, 111.
- ³⁸ ПермГАНИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 166. Л. 1–7.
- ³⁹ См.: ПермГАНИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 209. Л. 15; ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 276. Л. 64.
- ⁴⁰ См. также воспоминания о Сан Фуяне: *Новогрудский Г. С., Дунаевский А. М.* Товарищи китайские бойцы. М., 1959. С. 33.
- ⁴¹ Сообщение в газету «Красная Армия», № 29, 6 июня 1918 г. // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России... С. 84.
- ⁴² Сообщение в газету «Красная Армия», № 35, 13 июня 1918 г. // Там же. С. 89.
- ⁴³ Приказ командующего войсками Петрограда о формировании Петроградского китайского интернационального отряда // Там же. С. 110.
- ⁴⁴ *Попов Н. А.* Они с нами сражались за власть Советов. М., 1959. С. 42.
- ⁴⁵ Там же. С. 42.
- ⁴⁶ Там же. С. 43.
- ⁴⁷ См.: *Каменских М. С.* Участие китайцев в Гражданской войне на Урале: факты и воспоминания // Гражданская война на Востоке России: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 25–26 ноября 2008 г.). Пермь, 2008. С. 133–135.
- ⁴⁸ Приказ войскам III армии № 013 // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию... С. 147.
- ⁴⁹ Описание боя под Частыми и Бабкой см.: *Лю Фу.* Скрепленная кровью // В боях и походах: воспоминания участников Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959. С. 511.
- ⁵⁰ Возможно, в надписи ошибка, поскольку ранее в документах данное подразделение именовалось отрядом. *Попов Н. А.* Китайские пролетарии в Гражданской войне // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию... С. 20.
- ⁵¹ *Попов Н. А.* Они с нами сражались за власть Советов. С. 115–116.
- ⁵² *Бажов П. П.* Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958. С. 108–111.
- ⁵³ Жен Фучен // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 201.
- ⁵⁴ *Данилов В. А.* Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972. С. 61.
- ⁵⁵ *Селенгин А.* Дружба, скрепленная кровью // Урал. 1958. № 2. С. 111.
- ⁵⁶ *Селенгин А.* Указ. соч. С. 113.
- ⁵⁷ Сообщение газеты «Коммунар» о переходе китайских солдат на сторону советских войск, № 59, 18 дек. 1918 г. // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России... С. 149.
- ⁵⁸ Приказ начальника сводной Уральской стрелковой дивизии командиру 3-й стрелковой бригады Вырышеву о переходе частей бригады в наступление для овладения г. Верхотурье, 24 окт. 1918 г. // Там же. С. 360–361.
- ⁵⁹ Донесение начальника сводной Уральской стрелковой дивизии штабу 3-й армии о боевых действиях батальона в районе р. Актай // Там же. С. 361.
- ⁶⁰ Донесение начальника среднего боевого участка Фомина командиру 2-й и 3-й стрелковых бригад о боевых действиях китайских рот за овладение Богословским трактом // Там же. С. 362; О бое под Верхотурьем вспоминал живший в Свердловске в начале 1930-х годов китаец Ли Сифу. См.: ГАСО. Ф. 1200 р. Оп. 2. Д. 53. Л. 2.
- ⁶¹ По сведениям Ф. И. Голикова, отряд Жен Фучена в этот период имел не более 50 человек, но к октябрю 1918 г. вырос до 250. См.: *Голиков Ф. И.* Красные Орлы (из дневников 1918–1920 гг.) М., 1959. С. 77.

- ⁶² Морзо-Морозов К. А. Интернациональные части Красной Армии на Урале в 1918–1919 гг. // На фронте и в тылу: Из истории Гражданской войны и укрепления советской власти на Урале. Пермь, 1959. С. 50.
- ⁶³ Из приказа 3-й стрелковой бригаде о назначении командира китайского полка Жен Фучена начальником левого боевого участка и переводе рот полка в резерв на ст. Выя-Павдинская // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию... С. 165.
- ⁶⁴ Попов Н. А. Китайские пролетарии в гражданской войне Там же. С. 24.
- ⁶⁵ Морзо-Морозов К. А. Указ. соч. С. 50.
- ⁶⁶ О гибели командира китайского полка Жен Фучена // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию... С. 166–167.
- ⁶⁷ В борьбе за общее счастье // Звезда. 1957. 2 авг.
- ⁶⁸ Оперативная сводка штаба 23-й стрелковой дивизии о дислокации частей дивизии и формировании // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию... С. 148.
- ⁶⁹ Отношение начальника дивизии начальнику управления особых формирований при штабе 3-й армии с просьбой прислать китайцев для формирования отдельного китайского батальона // Там же. С. 149.
- ⁷⁰ Заполк наблюдающему за формированием китайского полка начнабдив комбриг Ч. // Там же. С. 151.
- ⁷¹ В борьбе за общее счастье // Звезда. 1957. 2 авг.; В память о китайских добровольцах // Звезда. 1957. 12 сент.
- ⁷² Сообщение отделения информации и связи политотдела Реввоенсовета Южного фронта о стойкости в бою китайцев-интернационалистов 21-го Московского полка, 15 ноября 1918 г. // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России... С. 441.
- ⁷³ Селенгин А. Указ. соч. С. 112.
- ⁷⁴ Там же. С. 113.
- ⁷⁵ Голиков Ф. И. Указ. соч. С. 72–73.
- ⁷⁶ Он же. Указ. соч. С. 74–75.
- ⁷⁷ Недолин П. И. Рейд Блюхера. Уфа, 1984. С. 56–58.
- ⁷⁸ Аникст А. А. Организация распределения рабочей силы в 1920 году. М., 1920. С. 42–43.
- ⁷⁹ Там же. С. 42.
- ⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 121. Л. 12.
- ⁸¹ За этот период были проведены перепись населения 1920 г., Всесоюзная городская перепись 1923 г. и Всесоюзная перепись населения 1926 г.
- ⁸² См.: Справка об изменениях административно-территориального деления // Фонды Государственного архива Пермской области. Краткий справочник. Пермь, 1997. С. 245–247.
- ⁸³ К сожалению, разделения на национальности в материалах переписи не было, однако история прошедшего десятилетия и данные последующих переписей позволяют сделать вывод, что подавляющее большинство из указанных народов составляли китайцы. См.: Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. // Труды ЦСУ. Т. 8. Вып. 5. М., 1924. С. 48, 50.
- ⁸⁴ Национальный состав населения обоего пола по округам Уральской области (по данным переписи 1920 г.) // Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. / Сер. 1. Т. 1. Свердловск, 1925. С. 33.
- ⁸⁵ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. Отдел демографии. Т. 20. Ч. 4. М., 1927. С. 38–39.

⁸⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

⁸⁷ ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41.

⁸⁸ «Неизвестно» – значит в этой графе ничего не написано.

⁸⁹ Аникст А. А. Указ. соч. С. 40–41.

⁹⁰ Там же. С. 41.

⁹¹ О работе в ВЧК и уголовном розыске в г. Свердловске в 1920–1923 годах писал в своей анкете китаец Сун Сичин, живший на набережной Мешкова в доме № 14. См.: ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

⁹² ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1051. Л. 110.

⁹³ ГАСО. Ф. 122 р. Оп. 1. Д. 31. Л. 5–6.

⁹⁴ Там же. Д. 45. Л. 180.

⁹⁵ Ларин А. Г. Указ. соч. С. 126.

⁹⁶ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 276. Л. 64.

⁹⁷ ГАСО. Ф. 1200 р. Оп. 2. Д. 54. Л. 3.

⁹⁸ Там же. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

⁹⁹ Там же. Л. 73.

¹⁰⁰ Там же. Л. 181.

¹⁰¹ Там же. Л. 43.

¹⁰² Там же. Л. 54.

¹⁰³ Там же. Д. 22. Л. 3, 8.

¹⁰⁴ ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 8. Л. 25.

¹⁰⁵ Имя Василия Степановича Газетдинова, скорее всего, было псевдонимом, поскольку в документах неоднократно указывалось, что в артель входили только китайцы.

¹⁰⁶ Раскрыта шайка воров-взломщиков // Уральский рабочий. 1929. 12 апр.

¹⁰⁷ ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 8. Л. 132.

¹⁰⁸ Бортник Л. С. Великие соседи – дружба навек // Федеральный вестник Прикамья. 2006. № 12 (36). С. 35.

¹⁰⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 103–123.

¹¹⁰ Тем не менее, более корректные данные об ассимиляционных процессах возможно было бы представить при наличии сведений о втором родном языке респондентов. К сожалению, этой информации в опубликованных материалах переписи нет.

¹¹¹ ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.

¹¹² Там же.

¹¹³ Некоторые китайцы, бывшие члены СКР, в конце 1920-х годов вступали в «Китайский рабочий». Китайцу Ли Хандяну 26 октября 1929 г. была выдана справка о том, что «действительно у него находятся шкаф-буфет и стенные часы, принадлежащие бывшему СКР, а ныне артели инвалидов «Китайский рабочий». См.: ГАСО. Ф. 171 р. Оп. 1. Д. 16. Л. 596.

¹¹⁴ Там же. Л. 259.

¹¹⁵ Там же. Л. 218.

¹¹⁶ Там же. Л. 548.

¹¹⁷ Там же. Д. 21. Л. 12.

¹¹⁸ Там же. Л. 36.

¹¹⁹ Население России в XX в. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. М., 2000. С. 127.

¹²⁰ Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008. С. 235.

¹²¹ В ГААОСО полные списки репрессированных еще целиком не опубликованы, дела выносятся только по конкретным запросам. В ПермГАНИ существует электронная база по делам репрессированных, что позволяет в короткое время ознакомиться с полным списком репрессированных по заданному признаку (например, по национальности). По этой причине количество проанализированных дел по Пермскому региону значительно превышает количество дел в Свердловском архиве.

¹²² Точную численность разных обвинений установить сложно, поскольку многие китайцы обвинялись по двум и более статьям.

¹²³ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15016. См. также: Бортник Л. С. Великие соседи – дружба на век? Китайцы в Прикамье на историческом фоне XX века // Федеральный вестник Прикамья. № 12 (36), 2006 г. С. 38.

¹²⁴ В Пермской области, например, в январе 1932 г. было арестовано 6 человек, в 1938 г. 34 человека (в том числе 9 человек 11 января, 7 человек – 14 января, 5 человек – 17 января, 4 человека – 22 января, 2 человека – 25 января, в марте 1938 г. – 10 человек, в апреле 1938 г. – 4 человека); в Свердловской области в декабре 1937 г. было арестовано 10 китайцев (у семи дела длились с 14 по 26 декабря), в феврале 1938 г. – 9 человек, в марте 1938 еще двое (см. список литературы).

¹²⁵ См.: Галицкий В. П. Цзян Цзинго: трагедия и триумф сына Чан Кайши. М., 2002; Неизвестный Уралмаш. История и судьбы. Екатеринбург, 2003. С. 227.; Удивительный Екатеринбург. Екатеринбург, 2006. С. 16.

¹²⁶ Один из китайцев, студентов КУТВ, с фамилией Хабаров: «Елизаров уже тогда [в 1927 г. – М. К.] был троцкист». См.: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 312. Л. 13.

¹²⁷ Там же. Л. 2–3, 33–38.

¹²⁸ ГААОСО Д. 18435. Т. 1. Л. 7.

¹²⁹ Об этих двух китайцах см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 252, 269; ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40433, 18435. Т. 1–2.

¹³⁰ Галицкий В. П. Цзян Цзинго: трагедия и триумф сына Чан Кайши. М., 2002; Неизвестный Уралмаш. История и судьбы. Екатеринбург, 2003. С. 227.

¹³¹ Из воспоминаний участника Гражданской войны Лю Юаня известно о китайцах У Вэнфу, Лю Фу, Яо Синчене, приехавших в Россию в 1915–1916 годах и вернувшихся на родину в 1934–35 годах. См.: Лю Юань. Встречи с китайскими добровольцами // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию... С. 71, 77.

¹³² Всесоюзная перепись населения СССР: 1939: Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 334.

¹³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 316. Л. 27. Д. 370. Л. 67 об.

Глава III

Китайцы на Среднем Урале

в эпоху «Большой дружбы»

(начало 1950-х — середина 1960-х годов)

ГЛАВА III

КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

В ЭПОХУ «БОЛЬШОЙ ДРУЖБЫ»

(начало 1950-х – середина 1960-х годов)

Второй этап пребывания китайцев на Урале связан с эпохой «Большой дружбы» – временем тесного внешнеполитического взаимодействия СССР и КНР в начале 1950-х – середине 60-х годов, аккумулировавшим новую миграционную волну.

Дружественные отношения Китая и СССР начались сразу после провозглашения коммунистической Китайской Народной Республики (КНР) 1 октября 1949 г. Именно коммунистов поддерживал СССР в гражданской войне в Китае в 1945–1949 годах. К сотрудничеству с Советским Союзом КНР подталкивали и соседние государства. В декабре 1949 г. страны НАТО и Япония создали специальный Координационный комитет (КОКОМ) по осуществлению контроля и наблюдения за экспортом товаров стратегического назначения в социалистические страны, что ограничило возможности военно-политического развития КНР и подтолкнуло китайское правительство к расширению и укреплению отношений с СССР¹.

Переговоры двух государств, начавшиеся в конце 1949 г. в Москве, закончились подписанием 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе и взаимной помощи, задавшего вектор в развитии хозяйственно-экономического сотрудничества СССР и КНР². Дополнительно к договору в 1950 г. между СССР и КНР были заключены соглашения о почтовой, телеграфной и телефонной связи, о прокате советских фильмов в Китае, о речном судоходстве и др.³ Отношения с Китаем широко транслировались в СССР, в том числе в местных СМИ. «Трудно переоценить все огромное значение всех подписанных документов, закрепляю-

щих исторические связи, обеспечивающих дальнейший рост, глубину и прочность дружбы между народами», – писала о заключенных договорах в 1950 г. пермская (в те годы молотовская) областная газета «Звезда»¹.

СССР оказал Китаю беспрецедентную помощь в развитии промышленности. После установления дипломатических отношений между странами был подписан целый ряд соглашений: 21 марта 1953 г. – о строительстве электростанций, 15 мая 1953 г. – о строительстве и реконструкции 141 промышленного объекта, 12 октября 1954 г. – о строительстве железных дорог⁵. В общей сложности СССР предоставил КНР на льготных условиях кредиты на 1816 млн рублей (по курсу рубля 1961 г.) и оказал техническое содействие в сооружении 200 крупных современных промышленных предприятий и других объектов. «С помощью СССР в Китае за короткое время были созданы авиационная, автомобильная, тракторная, радиоэлектронная и другие современные отрасли промышленности», – писали позже советские ученые⁶. Свою продукцию в КНР направляли практически все передовые промышленные предприятия СССР. Заводы Среднего Урала регулярно обменивались опытом со своими коллегами в Китае. В плане экспортных поставок Уралмаша за 1957 г., например, из 106 наименований оборудования 50 предполагались для отправки в Китай, остальные равномерно распределялись между Индией и странами Восточной Европы⁷.

По данным отдела внешних сношений Совнархоза Свердловской области, к началу 1960-х годов, периоду максимального расцвета советско-китайской дружбы, более 120 заводов Свердловской области посылали в Китай различное оборудование. Среди наиболее крупных поставщиков – Уралмаш (несколько десятков наименований продукции), Уральский трубомоторный завод (паровые трубы), Свердловский завод им. В. В. Воровского (буровые установки и генераторы), Алапаевский станкостроительный завод (токарно-револьверные станки), Новоуткинский за-

вод «Искра» (электросварочное оборудование), Нижнетагильский металлургический комбинат (тонко- и толстолистовая сталь), ВИЗ (электротехнические стали). Современные промышленные центры в Аншане, Ухане и ряде других городов Китая обязаны своему становлению Свердловской области⁸.

Китайское правительство, наряду с выполнением производственных задач, стоявших в начальный период восстановления национальной экономики, приняло решение подготовить квалифицированные технические и административные кадры из числа китайских граждан в учебных заведениях Советского Союза. В свою очередь СССР в начале 1950-х годов после войны и амнистий в ГУЛАГе нуждался в неквалифицированном труде⁹. Таким образом, предпосылки для нового потока иммигрантов из Китая существовали.

В 1950-е – 60-е годы в КНР было командировано более 10 тыс. советских специалистов, а в вузах нашей страны за это же время получили образование более 11 тыс. китайских юношей и девушек. Свыше 10 тыс. китайских инженеров, техников, рабочих прошли практику на советских предприятиях¹⁰. Именно эти несколько десятков тысяч китайцев составили основу второй волны иммиграции китайцев. Данные о численности китайцев в СССР в этот период дают материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. Всего в РСФСР в это время было зафиксировано 19 097 китайцев, из которых 14 343 назвали китайский язык родным¹¹. На Средний Урал в этот период из КНР выехало свыше 1 000 китайских студентов и рабочих. В Пермской области в 1959 г. проживало 1 010 китайцев, в Свердловской – численность была незначительной, учтенной в разделе об этническом составе в графе «прочие национальности».

Таким образом, на Среднем Урале в 1950-е годы проживало около 5,3% всех китайцев СССР. Примерно три четверти из них составляли практиканты, одну четверть – студенты¹².

3.1. КИТАЙСКИЕ СТУДЕНТЫ В ВУЗАХ СРЕДНЕГО УРАЛА

Одним из крупнейших вузов Среднего Урала по подготовке специалистов технического профиля в начале 1950-х годов был Уральский политехнический институт (УПИ). Именно здесь готовили будущих проектировщиков продукции промышленных заводов Урала. К началу «Большой дружбы» в УПИ уже сформировалась система международного образования. Здесь обучались студенты из Индии, Юго-Восточной Азии, африканских и ближневосточных стран. Специально для работы с иностранцами в структуре университета была создана кафедра русского языка как иностранного. Программа была рассчитана на три года, само обучение языку и специальности шло параллельно (хотя первый год изучался только русский язык)¹³. Неудивительно, что именно в этот вуз китайское правительство решило направить своих студентов.

Точная дата прибытия первых китайских студентов в источниках не отражена. Однако косвенные данные позволяют предположить, что это было в 1952 г. Так, первый выпуск китайцев состоялся в 1957 г. (при том, что обучение шло пять лет), а в конце 1954 г. китайский студент Дай Шуньчжи со страниц газеты сообщал о своих достижениях в течение последних двух лет обучения¹⁴.

На учебу в СССР, как правило, направлялись китайцы, уже учившиеся в вузе у себя на родине (на филологическом факультете, с начальными знаниями русского языка) или знакомые в какой-то мере с СССР. Многие также имели техническую специальность. «...девушки из Китая хорошо знали нашу страну и наш город еще до приезда в Советский Союз», – писала в 1959 г. газета «За индустриальные кадры»¹⁵. Китаец Цай Шаои до приезда в СССР окончил среднюю школу и знал несколько слов по-русски¹⁶. Про китайца Чжэн Гуанкуя сообщалось, что до приезда в СССР он уже работал на заводе и несколько лет проучился в политехническом институте в Шаньдуне¹⁷. Лю Шанчен из Сямы-

ня, живя в Китае, получил специальность каменщика¹⁸. Для поступления в советский вуз молодым китайцам, судя по их воспоминаниям, необходимо было сдать экзамен. У абитуриентов приветствовалось также членство в Китайской коммунистической партии (КПК)¹⁹. Этим, наверно, можно объяснить то рвение и прилежание, с которым учились китайцы²⁰.

По своим социальным характеристикам китайские студенты были, как правило, выходцами из простых, часто крестьянских семей. Характеризуя китайца Чжэн Гуанкуя, газета «За индустриальные кадры» назвала его «простым парнем из бедной крестьянской семьи из провинции Шаньдун»²¹. Китаец Цай Шаои, рассказывая о своей биографии, упоминал о том, что является выходцем из крестьянской семьи²². Про еще одного китайца, Лю Шанчена, писали, что в его семье было одиннадцать человек. Чтоб прокормить семью, отец отвел Шанчена работать на стройку, когда ему было еще 12 лет²³. Большинство из прибывавших были мужчинами репродуктивного возраста, не имевшими семей.

Что касается численности китайских студентов, то в источниках сохранились противоречивые сведения. Сами китайские студенты в своих письмах писали об обучившихся за 1953–61 годы трехстах студентах²⁴. Однако по данным музея УПИ (здесь сохранились поименные списки китайских студентов), за 1956–1961 годы обучение в институте прошли 242 китайских студента. В любом случае, численность студентов КНР в УПИ в 1950-е годы колебалась в диапазоне от 200 до 300 человек.

Учившиеся в Свердловске студенты ехали на Урал за образованием, получив которое, они могли вернуться на родину квалифицированными специалистами²⁵. В УПИ китайцы получали образование, прежде всего, по техническим специальностям. Известно, что все они были студентами металлургического, механического и химико-технологического факультетов²⁶.

Во время учебы давали о себе знать желание и способность китайцев долго и упорно трудиться. Эти качества отмечали окружающие их русские преподаватели и студенты: «Работали по 8–9 часов в день... не было ни одного ленивого или нерадивого,

ни одного, кто пожаловался бы на неудобства и трудности», – писала о китайцах в 1958 г. одна из участниц производственной практики Н. Клиншина²⁷. Здесь необходимо отметить, что на ка-никулах китайцы, в отличие от советских студентов, имели воз-можность провести в санаториях не две недели, а все лето. Но они все равно просились на работу, чтоб ни в чем не уступать сверстникам из СССР. Газета «Вечерний Свердловск» в 1959 г. сообщала, что китайцы – «это удивительно трудолюбивый, на-стойчивый и пытливый народ. Их стремление и упорство в уче-бе вызывают только восхищение»²⁸. Н. Клиншина вспоминала, что после полевой практики, когда все студенты перешли на строительство центрального стадиона, ежедневно, в то время как остальные студенты только подтягивались к началу рабочего дня, китайцы уже работали на своих объектах²⁹.

Многие из студентов китайцев позже добились успехов в ос-воении технических специальностей. В 1955 г. высокую оценку получила работа китайца Чжень Хуана «Испарительное охлаж-дение мартеновских печей». Китаец Чжан Гохэн в 1959 г. на ка-федре общей химии химического факультета защитил кандидат-скую диссертацию, получив степень кандидата технических на-ук³⁰. Еще один студент, Ху Цзяяо, в мае 1960 г. защитил канди-датскую диссертацию по технической термодинамике³¹. Позднее он и Цзян Шао в 1959 г. получили благодарность за отличную учебу и участие в общественно-политической жизни³². Цзян Шао, учась в аспирантуре, разработал технологию по увеличению про-изводительности тонколистовых станков путем увеличения числа навитых на барабан слоев намотки. Он также защитил диссерта-цию. Позже специалиста пригласили работать в Пекин³³. Техно-логии, разработанные китайцами, даже внедрялись в производ-ство. В 1958 г. на Челябинском трубопрокатном заводе группа ки-тайских студентов под руководством Чжан Гочжи внесла пред-ложения по совершенствованию способов сварки вагонных дета-лей, и предложения через некоторое время были внедрены в про-изводство³⁴.

УПИ сыграл важную роль не только в судьбе отдельных китайцев, но и в становлении высшего технического образования в КНР. Со второй половины 1950-х годов между УПИ и Северо-Восточным политехническим институтом (СВПИ) Китая были установлены дружеские связи³⁵. «Нам надо шире развернуть работу по научно-техническому содружеству УПИ и СВПИ. Необходимо в самое ближайшее время установить связь между кафедрами, библиотеками, отделами дирекций, студенческими общественными организациями, между отдельными научными работниками и студентами», – ставил задачу зав. кафедрой общей электротехники УПИ Г. Кропачев после поездки в Китай в середине 1950-х годов³⁶.

Очевидно, что китайцы учились с большим упорством и показывали хорошие результаты. Советское техническое образование гарантировало им хорошее трудоустройство на родине.

О том, чем занимались китайские студенты в свободное от учебы время, практически ничего неизвестно³⁷. В источниках сохранились только отдельные упоминания. Все прибывающие китайцы жили в общежитиях. Раздельного проживания «по национальностям» не было. В 1958 г. китаец Гун Цзяньсунь писал, что жил в одной комнате с еще одним китайцем, русским и болгаринном. О совместной жизни с русскими студентами вспоминали и другие китайцы³⁸. Обучение студентов из КНР также велось совместно с советскими сверстниками³⁹. Несмотря на это, никаких упоминаний о конфликтах или случаях недопонимания обнаружить не удалось. Не исключено, что их просто не было. Китайцы чувствовали себя очень комфортно (уровень жизни в Китае был намного ниже), а советские студенты охотно с ними контактировали. Руководство вуза также прилагало максимум усилий к созданию комфортных условий для студентов из КНР. Специально для них в УПИ был создан лекторий, на котором ученые кафедры русского языка профессора В. Д. Садковский, А. А. Попов, В. Я. Зубов, доценты М. М. Штейнберг, К. Н. Соколова знакомили студентов с результатами своих текущих исследований⁴⁰. Для китайцев организовывались экскурсии по стране, каждый из них получал по несколько санаторных путевок в дома отдыха⁴¹.

В сентябре 1956 г. в УПИ прошла спартакиада для китайцев, в которой приняло участие более 100 студентов из КНР⁴², по их же инициативе на кафедре русского языка в ноябре 1956 г. стала выходить стенгазета «Наш второй язык»⁴³. В конкурсах художественной самодеятельности института китаянка Ло Иицяо неоднократно выступала с песней «Без дождя цветы не цветут»⁴⁴. С середины 1950-х – начала 1960-х годов в УПИ существовало китайское землячество⁴⁵. Организация помогала соотечественникам адаптироваться. К сожалению, подробных сведений об ее деятельности не сохранилось.

Жизнь китайских студентов привлекала и главные газеты Свердловска. Газета «Уральский рабочий» в выпуске, посвященном 5-летию создания КНР, в 1954 г. сообщала о том, что в Уральском политехническом институте организуются вечера молодежи. «В них принимают участие китайские студенты, обучающиеся в вузах и техникумах Свердловска», – сообщал автор статьи⁴⁶.

Несмотря на то что большинство из прибывших китайцев были мужчинами, практически ничего неизвестно о межнациональных браках (в соседнем г. Молотове, например, такие были), зато в одном из номеров газеты «За индустриальные кадры» имеется упоминание о свадьбе двух китайцев – Ху Гуанлянь и Чжан Даолян. Поженившись в Свердловске, молодые китайские инженеры с советским образованием были направлены на работу в научно-исследовательский институт тяжелого и горного машиностроения в Мукдене⁴⁷.

В начале октября 1959 г. в УПИ, как и по всей стране, с размахом отметили 10-летие создания КНР. В стенах института китайскими студентами было организовано несколько выставок и концертов⁴⁸. «Актальный зал залит ярким светом. В глубине сцены портреты В. И. Ленина, Мао Цзедунa, государственные флаги. Гостей собралось немало, зал переполнен. Поздравить друзей приехали секретари горкома партии П. В. Помазкин и горкома ВЛКСМ Г. Н. Князев», – так описывала момент праздника газета «За индустриальные кадры»⁴⁹. Когда в середине 1950-х годов первые китайцы стали уезжать на родину, то уральские студен-

ты объявили шефство над заказами китайской промышленности⁵⁰. А руководство Уралмаша по поводу юбилея КНР в 1959 г. даже решило досрочно закрыть все заказы китайской промышленности⁵¹. Эти и многие другие факты свидетельствуют о более чем дружелюбном отношении к китайцам со стороны местного населения.

3.2. КИТАЙСКИЕ РАБОЧИЕ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В 1950-Х – СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГОДОВ

Другая категория китайцев, оказавшихся в этот период в СССР, – рабочие и практиканты на предприятиях. Они жили как в Свердловске, так и в Молотове (в последнем городе их было значительно больше), приезжая в СССР в рамках отдельных межправительственных соглашений. В отличие от студентов китайские практиканты получали практические знания прямо на предприятиях.

Решение о разрешении труда китайцев в СССР было принято в начале 1950-х годов. Его в своих мемуарах подробно описывает Н. С. Хрущев: «...там [в Китае. – М. К.] существовала большая безработица, мы хотели какое-то количество китайских рабочих привлечь для разработки своих богатств в Восточной Сибири»⁵². После первых переговоров Мао Цзедун, представлявший в то время интересы КНР, воспринял такое предложение как оскорбление, поскольку Китай выглядел в данном случае как поставщик неквалифицированной рабочей силы. Вопрос некоторое время не обсуждался, однако через несколько месяцев с инициативой выступила уже китайская сторона. «Раз инициативу проявили китайцы, мы согласились возобновить переговоры и заключили соответствующий договор, который был подписан обеими сторонами», – резюмирует в своих воспоминаниях Н. С. Хрущев⁵³.

В конце 1954 г. в Москве прошла очередная серия переговоров, одним из результатов которых стало постановление Совета

Министров СССР от 17 января 1955 г. № 92-49/с «О наборе в КНР рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР»⁵⁴. В соответствии с этим постановлением и рядом других, подписанных на его основании договоров, китайцам предлагалось прибыть на строительство промышленных объектов в ряд городов СССР, в том числе и на Средний Урал.

О китайских рабочих Свердловска почти ничего неизвестно. Они приезжали, как правило, на стажировку на срок от нескольких месяцев до года. Так, например, с мая 1956 по июнь 1957 г. на Уралмаше работали китайцы Ню Бинюань, Чжан Чженяо, Ма Юдэ, Лян Гуймун; с 29 января 1956 по 30 января 1957 г. там трудились еще 12 китайцев, а с ноября 1956 г. на обучение прибыли еще 40 человек из КНР⁵⁵. Сведений о том, чем конкретно они занимались, в архивах и на предприятии не сохранилось.

В Молотове большая группа китайцев трудилась несколько лет на объектах крупнейшего строительного треста области – Молотовстроя Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности (МСПНП) СССР. В конце 1954 г. управление строительства треста Молотовстрой начало переписку с Москвой о приеме рабочих из КНР. К начальнику стройуправления А. Зингер 15 декабря 1954 г. пришла телеграмма министра А. Вовченко, в которой сообщалось: «Вам выделяется рабочая сила из КНР, которая должна прибыть на строительство в июне-июле 1955 г. в количестве 3000 человек. Для размещения данных рабочих, а также их благоустройства вам надлежит в 8-дневный срок разработать конкретные мероприятия, обеспечивающие прием и размещение указанных рабочих, а также решить все вопросы, связанные с питанием, культбытовым, медицинским, коммунальным обслуживанием и обучением рабочих производственным процессам»⁵⁶. По указанию министра, в мероприятиях по подготовке к приезду китайцев должно было быть предусмотрено: 1) необходимость нового строительства жилых домов и коммунально-бытовых объектов с расчетом и обоснованием объема жилстроительства и месте строительства; 2) приспособление

к переоборудованию существующего жилищного фонда с указанием конкретных объектов, подлежащих реконструкции, и объемов работ; 3) удовлетворение потребности в инвентаре для оборудования жилья и соцкультурных объектов; 4) необходимые капиталовложения на проведение указанных мероприятий с указанием источников покрытия. «Учитывая исключительную серьезность и крайнюю срочность решения указанного вопроса, обязываю вас лично немедленно приступить к выполнению настоящего задания, обеспечить выполнение мероприятий к 25 декабря с. г.», – подчеркивал важность своего поручения министр⁵⁷. Исполком Молотовского областного Совета депутатов трудящихся 2 февраля 1955 г. уведомил Зингера, что «вся работа по подготовке к приему этих рабочих [китайцев. – М. К.] должна быть закончена за месяц до их прибытия»⁵⁸.

После этого планом, подготовленным Главным управлением трудовых резервов г. Молотова, было решено направить в Молотовстрой во втором квартале 1955 г. 4 000 китайских рабочих, из них в мае – 2 050⁵⁹. 21 марта 1955 г. начальнику стройуправления Молотовстроя А. В. Харченко от замминистра МСПНП в телеграмме под грифом «секретно» сообщалось: «...эшелоны с китайскими рабочими для стройуправления МСТ [Молотовстрой. – М. К.] со станции Отпор Забайкальской железной дороги отправляются 10.5.55 – 1 600 человек, 20.5.55 – 450, 25.6.55 – 800, 7.12.55 – 150, 12.7.55 – 750, 19.7.55 – 250... Направьте после соответствующего оформления в КНР 10 работников для приема и сопровождения китайских рабочих от пункта сбора в КНР до места работы в СССР»⁶⁰. Указанные работники должны были прибыть в КНР не позже чем за три недели до отправки эшелона, имея при себе доверенность на право приема и сопровождения китайских рабочих по территории СССР до прибытия в распоряжение оперативной группы Главного управления трудовых резервов при Совмине СССР.

В поселке Балатово (современный Индустриальный район г. Перми), где предполагалось разместить китайцев, в тот момент находились заключенные ГУЛАГа. МСПНП было принято решение эвакуировать «спецконтингент» и улучшить места прожива-

ния для китайцев. Работы начались в первом квартале 1955 г. Уже 1 марта в Балатово прибыла комиссия Главного управления трудовых резервов с целью проверки готовности к принятию рабочих из КНР. В Акте проверки подготовленности управления Молотовстрой к приему китайских рабочих содержится следующая информация: «По состоянию на 1 апреля с. г. спецконтингент (в марте планируется перевести 3 400 спецконтингента) эвакуирован, и фактическое количество мест для китайских рабочих составляет 5 200 чел. <...> На указанных объектах для 2 500 рабочих обеспечен фронт земляных, бетонных, железобетонных и каменных работ»⁶¹. Таким образом, к середине 1955 г. Молотовстрой был готов к принятию нескольких тысяч китайцев.

Однако по неизвестным причинам прибытие партии в четыре тысячи человек было приостановлено. Официальных документов по этому поводу издано не было. Возможные причины этого решения объясняет в своих мемуарах Н. С. Хрущев: «Мы обусловили на первых порах получение 200 тыс. рабочих рук, и китайцы стали приезжать к нам. Однако из бесед, которые мы провели в Пекине, и особенно в связи с их постановкой вопроса о привлечении рабочей силы из Китая в Сибирь, мы поняли, что поступили так зря <...> Сложилось мнение, что Пекин хочет переселить к нам как можно больше людей для оказания помощи в разработке богатств Сибири с тем, чтобы внедриться в экономику Сибири и ассимилировать ее небольшое русское население»⁶².

В апреле 1955 г. ЦК КПК обратился к СССР с просьбой принять на работы только тысячу человек, из которых триста – в Молотовстрой⁶³. В дальнейшем численность планировалось увеличить в два раза. На эту просьбу власти СССР ответили новым постановлением Совета Министров от 26 апреля 1955 г. № 815-488. Начальник управления строительства Молотовстроя А. Харченко получил из министерства 30 апреля 1955 г. телеграмму следующего содержания: «Совет Министров... удовлетворил просьбу ЦК КПК о наборе в 1955 г. группы китайских рабочих в количестве 1 000 человек и предложил набор произвести в течение июня-июля 1955 г. с направлением китайских ра-

бочих на стройки, в т. ч. на строительство Молотовского НПЗ Молотовстрой 300 человек»⁶⁴.

Как показывают воспоминания самих китайцев, на работу в СССР попадали только избранные. Отбор был очень строгим. Учитывалось здоровье, происхождение, образование. Приветствовались служба в армии, членство в КПК и знание китайского языка. Один из практикантов Молотовстроя Вэй Сибин указал, что набирать «самых лучших» дали указание деревенским председателям. Например, из его провинции (Шаньдун) якобы была установка набрать 1 000 человек: «С провинции людей дня три собирали. Я сутки ждал, пока всех соберут». По его словам, «отправляли самых лучших, из простых семей... чтоб были такие люди, надежные»⁶⁵. Наталья Завьялова вспоминает, что ее отца, имеющего школьное образование, взяли сразу: «Он был инвалид войны. Воевал в Корейскую войну. И когда к ним пришли, у него уже и шесть лет образования было, и в армии он послужил. Так что его сразу взяли»⁶⁶.

Отбор прошли не все. «Во-первых, по здоровью проверяли и семейное положение смотрели, кто в семье чем занимается, – отметил в беседе еще один бывший китайский практикант Чжан Ляндын. – У меня отец был коммунист, занимал в деревне пост. Так что по семейным обстоятельствам я хорошо подходил»⁶⁷. О строгости отбора вспомнил другой бывший практикант, Мын Сянлин: «Там все очень строго. У кого родители в тюрьме сидели, те уже за границу не поехали. Все по косточкам перебирали»⁶⁸. По словам Чжан Сифу, из 6 000 шаньдунских китайцев, желающих поехать в СССР, взяли только 300⁶⁹.

Вэй Сибин, прибывший на работы в Молотовстрой в 1955 г., отметил, что ехать пришлось несколько суток. Более тысячи человек поместили в несколько вагонов: «Даже не лежали. Если спали, то по очереди. Ни матрасов, ничего не было. Прямо на досках спали, по очереди. Дней где-то пятнадцать, с остановками. Столовые только на больших станциях были. А так в поезде что поесть, так только консервы были. Кабачки, фасоль, – всё консервы»⁷⁰. Чжан Сифу, еще один рабочий, рассказал, что его отправи-

ли спать в котельное отделение, поскольку он был маленького роста. Иначе бы спать лежа у него не получилось⁷¹. Хотя при этом никто из опрошенных китайцев не сказал, что было тяжело ехать. Все признавали, что условия «доставки» были бесчеловечными. Но желание попасть в СССР было намного выше, о чем свидетельствуют представления китайцев об СССР до приезда в страну. Мын Сянлин об СССР узнал в школе: «Учитель... говорил, что там – Старший брат. Вот учитель говорил, что Старший брат не так, как мы живем. Я удивился: «А как?». Он говорит (я хорошо помню): «У Старшего брата в магазинах продавца нету». Я говорю: «Как нету? Ведь если человек в магазин зайдет, товар возьмет, рассчитаться надо, правильно?» Он говорит, что Старший брат честный. Он возьмет товар, на товаре есть цена. И все. Около кассы там есть место, он деньги положит, сдачу возьмет и уходит. Я спрашиваю: «Как так, ведь можно сдачу меньше положить и больше взять?». Учитель ответил «Старший брат не как мы, мы, которые нечестные». Вот об этом у меня на всю жизнь след остался»⁷². Во время обучения Мын Сянлин носил значок с символикой советско-китайской дружбы. Свое решение ехать в СССР он помнит хорошо: «В 1952 г. школу закончил, в 1953-м я уже в армию пошел... В 1956-м я вернулся из армии, нам говорят: «Кто желает уезжать в Советский Союз помогать Старшему брату строить коммунизм?». Я думаю – хорошо». Мын Сянлин решил поехать в СССР еще и потому, что его отец в годы Первой мировой войны работал в России. «Он говорил, что русские водку пьют очень хорошо, – вспомнил Сянлин. – Если пьяный будет, то стукнет. А так, говорит, хорошо – не обидит. А еще, говорит, там холодно. Ну, он же знает. А мать мне говорит, и сестра говорит, мол, там замерзнешь. Я говорю: поеду, и все!»⁷³. Чжан Ляндын, еще в Китае ставший комсомольцем, рассказал, что за него и других товарищей решение принимала местная комсомольская организация. Но при этом он отметил, что ехать все хотели добровольно: «Тогда считалось, что Советский Союз – брат. Все молодые хотели сюда»⁷⁴. К моменту поездки в СССР ему исполнилось 18 лет, и вместо армии он, как и многие, мечтал поехать в

СССР. Чжан Сифу тоже отметил, что слышал об СССР только хорошее. Жить в Китае тогда было очень тяжело, и уехать на строительство коммунизма к «Большому брату» мечтали все. По словам Чжан Сифу, он до пяти лет не видел хлеба, а чувство сытости впервые испытал уже после приезда в Советский Союз⁷⁵.

Первая партия китайцев в 302 человека прибыла в Молотов 21 июля 1955 г.⁷⁶ «Встречали на вокзале с фургонами, автобусов же тогда не было», – вспомнил день своего приезда Вэй Сибин⁷⁷. С вокзала китайцев отвезли в общежития. По плану, поставленному Управлением трудовых резервов, после прибытия в июле первой партии через год должна была прибыть еще одна. Об этом начальнику Молотовстроя писал заместитель министра строительства предприятий нефтяной промышленности К. В. Смирнов 2 июня 1956 г. Он требовал принять все меры «к подготовке, приему, размещению, трудоустройству китайских рабочих на тех же условиях, на каких стройуправлением Молотовстрой была принята первая группа этих рабочих в июле 1955 г.»⁷⁸

Вторая партия китайцев в 300 человек прибыла в Молотов 5 сентября 1956 г.⁷⁹ В числе приехавших был Мын Сянлин. Вот как он вспоминает день приезда: «А мы приехали – было темно. Нас китайцы и встречали, русских я не помню. Потом – сразу в баню, на улице Ленина, и по домам»⁸⁰. Чжан Ляндын отметил, что с удивлением смотрел из окна машины на ровную дорогу и многоэтажные дома⁸¹. В Китае таких еще не было, не было и такого количества машин.

По прибытии китайцы были размещены в новом, специально построенном бараке (140 человек), 59 человек – в общежитии у китайцев, прибывших в 1955 г., 104, за неимением места, – в клубе пос. Балатово, где велись строительные работы (позже их перевели в новое здание площадью 504 кв. м.)⁸². Таким образом, к концу 1956 г. в г. Молотове проживало 597 китайцев.

Положение и права рабочих китайцев в послевоенном СССР регулировались нормами отдельных соглашений. Как уже говорилось выше, в январе 1955 г. Совет Министров СССР, руководствуясь достигнутыми с КНР договоренностями, издал поста-

новление «О наборе в КНР рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР». Согласно документу организация работ по набору китайских рабочих на территории КНР и направлению их на стройки и предприятия в СССР была возложена на Главное управление трудовых резервов при Совете Министров СССР. Для этого при Главном управлении трудовых резервов было создано Управление по набору китайских рабочих. Также была создана Советско-китайская комиссия по набору китайских рабочих с местопребыванием попеременно в Москве и Пекине. Она занималась собственно наймом и организацией перевозки китайцев⁸³.

Каждый из прибывающих китайцев заключал персональный договор с Молотовстроем. Все договоры были типовыми. Свой сохранившийся договор передал для анализа Вэй Сибин. На его основании можно реконструировать условия труда китайцев в Молотовстрое. Договор составлялся на русском и китайском языках. Срок работ – не менее трех лет с возможностью дальнейшего продления. При заключении договора работник должен был предоставить документы, удостоверяющие личность, и справку о здоровье. Работник, согласно условиям, должен был «честно и добросовестно выполнять порученную работу, оберегать оборудование и выданный инструмент, производственный и бытовой инвентарь, спецодежду, строго соблюдать трудовую дисциплину, соблюдать правила внутреннего распорядка на строительстве или предприятии и в общежитии, выполнять распоряжения администрации, выполнять установленные нормы выработки, добиваться повышения производительности своего труда и поднятия своей квалификации». Со своей стороны, предприятие обязалось выплачивать единовременное безвозвратное пособие на каждого рабочего в размере 20 юаней, оплачивать расходы по переезду с места жительства на место работы, а также стоимость перевозки вещей и продовольствия. Рабочим предоставлялось общежитие с необходимыми бытовыми условиями. В установленные сроки предприятие обязывалось выплачивать заработную плату, обеспечивать работников питанием в столовых

во время рабочего дня, а также «обеспечить рабочего обслуживанием культурно-просветительских, лечебных и социально-бытовых учреждений на общих основаниях с советскими рабочими». По окончании 11 месяцев работы китайцы получали отпуск на один месяц. В том случае, если работник желал провести отпуск на родине, ему давалось право бесплатного проезда. За свой счет каждый рабочий китаец имел право вызвать родных в СССР. Договор также предусматривал ряд льгот. В частности, китайцы получали социальное и пенсионное страхование наравне с советскими рабочими, имели право осуществлять денежные переводы в Китай в размере 10% от заработка. Когда трудовой договор заканчивался, рабочий имел право бесплатного проезда до места жительства, ему разрешалось вывезти приобретенные в СССР вещи, обменять заработанные в СССР деньги на юани. На практике китайцы полностью проработали в Молотове два срока по три года: 1956–1959 и 1960–1962 годы.

Сведения о социально-демографических характеристиках китайцев второй волны весьма отрывочны. Однако, судя по источникам и по воспоминаниям, подавляющее большинство из прибывших были мужчинами, что характерно и для других периодов пребывания китайцев в нашей стране. Женщин было значительно меньше. Их изображения сохранились на фото тех лет, о женщинах среди китайцев вспоминали и участники проведенных опросов⁸⁴. Все прибывшие были молодыми: в возрасте 18–25 лет – 360 человек; от 25–30 – 165 человек; от 30 и старше – 75 человек⁸⁵. «Так молодые все были. 18 лет – самый младший, 22–23, а 30 лет уже не было. Все молодые», – вспоминает Вэй Сибин⁸⁶. «Он, когда приехал, ему было 20 лет уже, – говорит про отца Наталья Завьялова, дочь китаяца Цзи Чжунсяня. – Он уже отслужил в армии»⁸⁷.

Большинство из прибывших в Молотов в 1955–56 годах китайцев вообще не имели образования. Дело в том, что их молодость пришлась на период гражданской войны и японской оккупации. «Мне один год был, у нас японцы появились, а японцы были у нас 12 или 13 лет, в нашем городе. Я в 11 лет уже начал работать, у японцев работал», – сообщил в разговоре Вэй Сибин⁸⁸.

В целом из прибывших среднее образование (10 классов) имел только 1 китаец, 8 классов – 8 человек, начальное образование – 164 человека, неграмотных было 374 человека⁸⁹. Наталья Завьялова вспомнила, что ее отец имел школьное образование: «Он и читал, и писал. Приходили к нему друзья, он им всегда помогал»⁹⁰. Не было проблем и у Чжан Ляндына. На момент поездки он уже умел писать и читать по-китайски, что в те времена было редкостью⁹¹.

«Непривилегированное» социальное положение прибывших китайцев подтверждается и в источниках. «До приезда сюда большинство наших рабочих были учащимися начальных школ, участниками гражданской войны и рабочими сельскохозяйственных кооперативов», – писала в 1959 г. газета «Уральская стройка»⁹². Про китайца Динь Чаоюаня сообщалось, что до приезда в СССР у него была «скромная профессия сапожника»⁹³. Ли Паоюй в 1959 г. вспоминал, что на родине у него не было «ни образования, ни знания»⁹⁴. Цзи Чжунсян и Чжан Сифу также были выходцами из крестьянских семей.

В Молотов все китайцы прибыли из двух провинций – Хэбэй и Шаньдун (расположены на северо-востоке Китая). Делегация из Хэбэя в 1000 человек была разделена между тремя городами – Иркутском, Молотовым и Березниками⁹⁵ (по 300–350 человек), из Шаньдуна же все 300 человек прибыли в Молотов⁹⁶. Вэй Сибин рассказал, что иногда в городе они встречали китайцев, живущих в СССР со времени Первой мировой войны. Но с ними почти не общались, поскольку жили в разных районах и работали в разных местах.

Трудились китайцы, в основном, на стройках. Согласно отчетам в МСПНП период адаптации прибывшие проходили сложно. «В первое время после приезда у китайских рабочих складывались такие мнения, чтобы как-нибудь провести эти три года и скорее вернуться на Родину, и поэтому они безответственно выполняли свои задания», – сообщалось в отчете об их работе за 1955 г.⁹⁷ Однако в дальнейшем китайцы постепенно адаптировались к местным условиям и продолжили работу. Следует отме-

тить, что для этого руководство предприятия предприняло ряд мер. В приказе начальника Молотовского управления строительства МСПНП от 20 октября 1956 г. «О производственном обучении вновь прибывших восточных рабочих строительным профессиям» говорится о необходимости «организовать производственное обучение с восточными рабочими»⁹⁸. За бригадами плотников, штукатуров, каменщиков, бетонщиков на протяжении первых двух месяцев работы были закреплены инструкторы передовых методов труда, которые вели с ними обучение по освоению профессий. В первые три года бригады формировались только из китайцев, на срок второго контракта их уже «раскидывали» по отдельным бригадам. «Каждая бригада с китайцами вместе работали. Так первые три года, потом уже смешались кто куда, а так [до этого. – М. К.] все бригады китайские были», – вспоминает Вэй Сибин⁹⁹.

Для всех китайских рабочих были организованы кружки по изучению русского языка и проведено от трех до четырех занятий. Для лучшего освоения строительных профессий всем китайским рабочим демонстрировали учебные кинофильмы¹⁰⁰. На авторемонтном заводе обучение китайцев по специальному курсу, например, проводил главный инженер Молотовстроя В. И. Нидеккер. «Здесь и технология металлов, и измерительные инструменты, и устройство станков, автомобилей», – писала газета о занятиях инженера с бригадой китайских практикантов¹⁰¹.

Информация, касающаяся непосредственно труда прибывших китайцев, содержится также в Справке о трудоустройстве китайских рабочих, их заработке и производительности труда, находящейся в Трудовых отчетах о работе китайских рабочих за 1956–57 годы¹⁰². Документ не датирован, однако, судя по месту положения в папке и по содержащейся информации, он относится к первым неделям пребывания китайских рабочих в Молотове. В Справке говорится, что по прибытии китайцы были ознакомлены с участками места их работы, прошли вводный инструктаж по технике безопасности (ТБ), были условно протарифицированы для определения размера их заработка. Поскольку прибывшие

не имели никакой строительной специальности, то для лучшего освоения ими профессий кроме бригадиров-инструкторов к бригадам китайцев были прикреплены инструкторы передовых методов труда из бюро техпомощи «ЦНИС СтройНефть»¹⁰³.

Судя по источникам, после работы многие китайцы ходили учиться не только техническим знаниям, но и коммунизму. Для этого специально для них в здании по ул. Нефтяников, 31 был создан красный уголок. Раз в неделю «разъясняющие» занятия здесь вел пропагандист, китаец Чжан Хочен¹⁰⁴. Другим пропагандистом был Дуан Инчи. Всего таких пропагандистов было несколько (Чжан и Дуан – наиболее известные), каждый закреплен за отдельной группой китайцев. В их обязанности входило наблюдение за китайскими практикантами, а также разъяснение в среде китайцев идей коммунизма. Опрошенные восточные рабочие называли своих пропагандистов начальниками, подчеркивая их особый статус. «У нас главных было трое. Дуан Инчи, это наш, хэбэйский. Вот этот – из Шаньдуна, он как приехал, так до конца был. А нашего трое сменяли», – сообщил в беседе Вэй Сибин¹⁰⁵. О шаньдунском агитаторе Чжан Хочене вспоминает Чжан Сифу: «Он был военным, очень организованным. Настоящий патриот. Другой агитатор где-то с девушкой загулял, так его выслали, а наш очень строгий был»¹⁰⁶. Необходимо отметить, что в период наибольшего развития дружеских отношений именно агитаторы выступали на страницах газет от имени всех китайских практикантов¹⁰⁷. По воспоминаниям Вэй Сибины, сначала агитация была активной, всех призывали вступать в партию: «Сначала с этим все носились. И комсорг у нас был сначала, собирал. Потом все, замолкло»¹⁰⁸.

Прибывшие китайцы первоначально были отправлены на строительные и подсобные работы, а параллельно получали профессиональное образование. В соответствии с упомянутым выше постановлением Совета Министров от 17 января 1955 г. на китайских рабочих было распространено трудовое законодательство СССР, «социальное страхование, пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание, культурно-бытовое обслуживание и

организация отдыха, а также все условия оплаты труда, действующие на соответствующих предприятиях и стройках для советских рабочих»¹⁰⁹.

Через месяц после прибытия второй партии китайцев и. о. начальника Молотовстроя А. В. Картунов писал министру МСПНП: «Первый месяц их [второй партии китайцев. – М. К.] работы показал, что приехавшие товарищи очень трудолюбивые и выполняют свои задания на 85–100%, их средний заработок составляет 16–18 руб. в день... Что касается работы восточных рабочих, прибывших в прошлом году, то они уже вполне удовлетворительно освоили строительные профессии»¹¹⁰. По его словам, китайцы получили следующие профессии: плотники 4–5-го разрядов – 30 человек, каменщики 4–5-го разрядов – 110, каменщики 3–4-го разрядов – 60, штукатуры 4–5-го разрядов – 58. «Помимо этого, – продолжал А. В. Картунов, – многие из китайцев изъявили согласие освоить вторые профессии и в данное время учатся на: слесари (16), токари (15), электросварщики (5), кузнецы (2), фрезеровщики (3), вулканизаторщики (2). Всего обучается вторым профессиям с уклоном на металлообработку 40 человек, 45 человек освоили вторые строительные профессии: каменщиков, штукатуров и др.»¹¹¹ В отчете Молотовстроя о работе китайцев за 1955 г. говорится: «Больших успехов добиваются рабочие, которые осваивают специальности в АРЗ и РМЗ, с полной уверенностью добиваются своих целей, несмотря на то, сколько времени им бы ни понадобилось. Не бывает таких случаев, чтобы некоторые из них поздно выходили на работы, а, наоборот, они беспокоятся за то, чтобы всегда была работа. Также не отказываются от любого задания»¹¹². К 1960 г., когда китайцы уже прошли подготовку и из практикантов стали рабочими, газета «Уральская стройка» сообщала, что за четыре года обучения все китайцы овладели строительными специальностями; 158 китайцев обучились работе с механизмами и стали работать трактористами, электросварщиками, автослесарями и мотористами; 184 китайца получили теоретические знания по профессиям трактористов и электросварщиков без отрыва от производства¹¹³.

Местные газеты неоднократно сообщали о китайцах, овладевших тремя и более специальностями и занявших важное место в работе своих бригад, а также о китайских бригадах. Наибольшей известностью пользовалась смешанная российско-китайская коммунистическая бригада Н. И. Гудыменко и Лян И¹¹⁴. Китайские бригады, как и советские коллективы, периодически брали на себя повышенные производственные обязательства по поводу различных праздничных дат¹¹⁵. За хорошую организацию труда в социалистическом соревновании за годы «Большой дружбы» 43 китайских рабочих были удостоены 63 Почетных грамот. Из них было выдано 40 грамот от Молотовстроя и 23 – от горкома ВЛКСМ¹¹⁶. Кроме Почетных грамот, от построюкома Молотовстроя китайские рабочие были награждены аккордеоном.

За все время работы китайцы принимали участие в строительстве нескольких крупных объектов г. Молотова – ТЭЦ-6, нефтеперерабатывающего завода, здания Гознака, улицы Мира, нескольких домов по ул. Качалова¹¹⁷.

Высоким было упорство, с которым трудились восточные рабочие. Отчетные документы в Министерство показывают, что китайцы быстро осваивали специальности и работали с серьезным превышением планов. За полгода пребывания в СССР бригады китайских рабочих Молотовстроя смогли в среднем в 1,5–2 раза повысить производительность. Так, например, бригада каменщиков Ван Изаня с января по август 1956 г. повысила производительность своего труда с 87 до 177%¹¹⁸. «Большинство теперь стабильно имеет такие ежемесячные показатели: 150–200%», – писала о труде китайских рабочих газета «Уральская стройка»¹¹⁹. В другой публикации автор описал увиденный им рабочий день китайцев: «Как бы ни шалила погода, китайские практиканты работали на своем участке, не покладая рук, с тем неиссякаемым энтузиазмом, который присущ китайским коммунистам... Еще не было случая, чтоб кто-то отказался от порученной работы, увильнул»¹²⁰. Сами китайцы тоже подтверждают, что работали упорно. «Так все говорили, что китайцы лучше работают, – вспоминает Вэй Сибин. – Трактор, говорит, все делает. Как тяжелая работа,

так всё китайцев посылали. Все время работали. По две смены. Каждая бригада делилась на две части и по две смены работали. За полночь работали»¹²¹. Чжан Сифу подтвердил, что свободного времени хватало только на сон: уходя в 7 утра, китайские рабочие возвращались в общежитие только к 23 часам. Раньше их могли даже не отпустить. Он говорит, что некоторые китайцы в первые месяцы плакали и хотели домой. Чжан Сифу уговаривал их, напоминая, что они приехали сюда добровольно и должны быть благодарны родине, что послали именно их, поэтому и трудиться должны, несмотря ни на что¹²².

При желании трудиться и своим упорстве, тем не менее, китайцы регулярно демонстрировали нарушение технологических циклов и несоблюдение норм ТБ. На нарушение технологии бригадой Ван Динчу указано в Докладной записке о культурно-бытовых условиях китайцев 1955 г.: «...в бригаде... каменщиков вовсе отсутствовали каменщицкие ящики и раствор доставлялся к рабочим местам из приемного ящика совковыми лопатами на расстояние до 20 метров»¹²³. В той же записке сообщается о нарушении технологического цикла в бригаде китайца Чжан Синя, работа в которой «производится без применения механизмов и ведется с подмостей на козелках»¹²⁴. Показателен и тот факт, что в 1955 г. из всех бригад китайцев потери рабочего времени из-за неподготовленности фронта работ не было только у бригады землекопов Цхин Бои¹²⁵. Среди китайцев широкое распространение имели случаи производственного травматизма, что также свидетельствует о невысоком качестве труда. Всего за период пребывания таких случаев было 32 (с потерей трудоспособности в среднем от 4–8 дней) и один случай со смертельным исходом для двух рабочих: 1 августа 1956 г. Лю Санси и Фын Саюан погибли от неосторожного обращения с кабелем, находящимся под током высокого напряжения¹²⁶. Несколько рабочих в конце 1959 г. погибли во время обвала строящегося дома. Все погибшие на стройках г. Молотова китайцы похоронены на Муллинском кладбище города Перми в общей могиле.

Таким образом, можно заключить, что китайцы работали с большим энтузиазмом и интересом, но при этом нарушали техно-

логические требования, поскольку изначально их квалификация не соответствовала сложности выполняемых работ.

Как и в начале XX в., одной из ключевых проблем для адаптации у китайцев в рассматриваемый период оставался язык. Из источников известно, что прибывшие в 1955 г. китайцы абсолютно не умели говорить по-русски. «На первых порах у практикантов не все идет гладко. Дело в том, что для овладения своей профессией нужно знание русского языка. Приходится одновременно изучать то и другое», – писала в 1957 г. «Уральская стройка»¹²⁷. Сами китайцы со страниц газет тоже писали о проблемах первых дней работы: «На работе с русскими рабочими нельзя было толком объясниться, узнать, как делать это – не знали языка»¹²⁸. В отчете за 1955 г. сообщается, что общее количество учащихся русскому языку «составляет 7 групп, которые будут учиться в 1-м классе. Всего 244 человек. Во 2-м классе – 70 человек»¹²⁹.

Кроме русского языка, неграмотные китайцы изучали и свой родной язык: «Китайский язык будут изучать 172 человека, т. е. пять групп 1-го класса. Во 2-м классе две группы – 63 человека. В 3-м классе одна группа – 35 человек»¹³⁰. Учителей русского языка в г. Молотове было пять человек, учителей китайского языка – четыре человека. «Для изучения русского и китайского языков недостаточно учебников по русскому за 1–3-й класс – 500 экз., китайских учебников за 1–3-й класс – 50 экз.», – сообщалось в отчете о работе китайцев за 1955 г.¹³¹ «На наши 500 человек у нас был один руководитель китаец, и при нем был один переводчик», – сообщал Чжан Ляндын¹³². Известно, что в первое время с китайцами в качестве переводчиков работали русские, знавшие китайский язык, в том числе и те, кто вернулся из эмиграции в Китай в конце 1940-х годов. Сами китайцы во время опросов вспоминали пофамильно трех человек – Юрий Окушенко, Евгений Кривоногов и Аркадий Никольский. «Окушенко, Кривоногов и Никольский. Они тут жили с нами. Юра... в Шанхае на китаянке женился. А потом он услышал, что мы сюда приехали, они все сюда приехали», – рассказал о переводчиках Вэй Сибин. По словам Владимира, племянника Е. Кривоногова, его отец, будучи

служащим железной дороги, эмигрировал в Шанхай вместе с остатками армии Колчака. Там он женился на китайке, выучил китайский язык. После войны ему, как и многим другим, поступило приглашение вернуться на родину. Сначала на Средний Урал перебрался его брат Евгений, а потом он с семьей. Хорошее знание китайского языка помогло Евгению Кривоногову, его друзьям и родственникам найти хорошую работу в Молотовстрое. По словам Владимира Кривоногова, Юрий Окушенко был специалистом-китаеведом еще царского времени¹³³.

В 1956 г. ликвидация неграмотности среди китайских практикантов была обозначена как один из приоритетов. В 1956 г. начальник Молотовстроя сообщал министру, что «многие из прибывших в прошлом году восточных рабочих проявляют большое внимание и изучают русский язык, занимаясь этим предметом при школе взрослых. На строительстве организовано культурное обслуживание восточных рабочих. Так, по плану ими просматриваются китайские кинофильмы, а по радиотрансляции [они могут слушать] передачи на китайском языке»¹³⁴. Для улучшения дальнейшей работы руководство предприятия просило добавить одного или двух переводчиков, прислать китайскую техническую литературу, китайские кинофильмы, по одному или два раза в месяц, китайские музыкальные инструменты. Но и в 1956 г. проблема языка не была решена. В справке «О состоянии бытовых условий и производственных условий работы китайских рабочих по Управлению строительства Молотовстроя МСПНП» за 1956 г. сообщалось: «Изучение техники китайскими рабочими несколько усложнено отсутствием специальных учебников и недостаточной подготовкой имеющих штатных переводчиков»¹³⁵. В этой связи заместитель министра строительства предприятий нефтяной промышленности К. Смирнов потребовал «с 15 ноября 1956 г. начать занятия с китайскими рабочими по ликвидации неграмотности, изучению языка и теоретическим занятиям по профессии»¹³⁶. Сами китайцы тоже подтвердили, что не знали языка, когда приехали. «Сначала было тяжело, – вспоминает Вэй Сибин, – не знаешь, как какой инструмент называется. Руками все показы-

вали. Ходили все, спрашивали: «это как называется, это как называется», все интересно же было»¹³⁷.

Для простоты общения китайцам на работе давали русские имена, созвучные с их китайским именем. «У каждого китайца, работающего с нами, кроме своего, китайского, имени, было и другое – русское. Они называли себя Юрами, Ленями, Сашами, Мишами, Колями», – сообщала в 1963 г. «Уральская стройка»¹³⁸. Мын Сянлин процесс получения «второго имени» описывает следующим образом: «Меня спросили: «Как тебя звать?». – «Никак». – «А по-русски?» – «Тоже никак». – «Ну, тогда Миша будешь»¹³⁹. С тех пор Мын Сянлин получил русское имя, которое закрепилось за ним в дальнейшем.

Преодолеть языковой барьер до уровня бытового общения китайцы смогли только через два-три года. К началу 1960-х годов они уже овладели необходимым языковым минимумом. Газеты этого времени писали, что восточные рабочие уже «неплохо изучили русский язык»¹⁴⁰. Однако, по воспоминаниям китайцев, писать по-русски научились единицы, многие не умели писать и по-китайски. В частности, Вэй Сибин, не научившись писать еще в школе, приехал в СССР. Здесь он научился только говорить¹⁴¹. «Писать не научился. По-китайски умел писать, сейчас уже все забыл. Раньше письма домой писал. Сейчас уже не могу», – отметил Мын Сянлин¹⁴².

В документах, помимо официальных отчетов, содержится информация о быте китайцев Молотовстроя – жилье, пища, занятиях и пр. Как следует из Акта проверки подготовленности управления МСТ МНП к приему китайских рабочих, составленного Главным управлением трудовых резервов при Совете Министров СССР, изначально китайцев предполагалось разместить в реконструированном поселке для заключенных ГУЛАГа (лагерь ОН № 4 и поселок ВОХР в пос. Балатово г. Молотова), в четырнадцати бараках общей площадью 5440 кв. м. После того как численность была снижена, всех прибывших китайцев разместили в шести домах общей площадью 2290 кв. м (3,5 кв. м на одного человека при норме 4,5 кв. м). Все китайцы проживали в комна-

тах по три-четыре человека. Жилые дома находились от места работы на расстоянии от 200 метров до 10 км¹⁴³. Вэй Сибин вспоминает, что квартиры были двух- и трехкомнатные. В каждой комнате по три-четыре человека¹⁴⁴.

Для китайцев к их приезду был подготовлен необходимый инструмент, приспособления и оборудование для ведения строительных работ, а также спецодежда; проведены работы по включению общежитий в общую сеть теплотрассы; все подготовленные к заселению бараки электрифицированы и радиофицированы. Отдельно были построены парикмахерская, прачечная, почта и сангородок¹⁴⁵. О быте китайцев в отчете Молотовстроя в Министерство за 1955 г. говорится: «Комнаты светлые, постельное белье чистое, меняется регулярно, имеются шкафы для хранения верхней одежды, зеркала, репродукторы, скатерти и салфетки на тумбочках, занавески на окнах и др.»¹⁴⁶

Сами китайцы вспоминают, что первоначально их расселили в домах по ул. Нефтяников. Потом, когда стали достраивать улицу Качалова, специально для них был построен большой дом. Жители поселка Балатово называли его «китайский дом», или «китайское общежитие». «У нас даже дом, в котором они жили, называли «китайский дом», и «китайская булочная» была, когда я в школу еще ходила», – вспомнила Наталья Завьялова¹⁴⁷. Когда некоторые из китайцев с семьями стали переезжать в новые квартиры, на их места заселяли русских рабочих, нуждавшихся в жилье. «Около четырехсот молодых строителей и китайских практикантов живет в общежитии на улице Качалова», – сообщала в 1963 г. «Уральская стройка»¹⁴⁸.

При всем положительном отношении к китайцам, принимающие их организации не могли не отметить некоторую их неопытность и проблемы с личной гигиеной. Как только китайцы приехали, все они, согласно условиям договора, были направлены на медицинское освидетельствование. Его результаты были неожиданными для врачей, учитывая, что приезжали лучшие. «После приезда китайских рабочих из КНР имелись больные трахомой, туберкулезом, и почти 100% из них страдали глистами», – со-

общается в Годовом отчете произведенной работы китайских рабочих Молотовстроя за 1955 г.¹⁴⁹ Высокой была и заболеваемость. За период пребывания рабочих через санчасть прошло 307 человек с различными диагнозами. Среди них были случаи заболеваний, требующих операционного вмешательства¹⁵⁰. Были проблемы у китайцев и с личной гигиеной. В Докладной записке 1955 г. о бытовых условиях китайцев в г. Молотове сообщается, что комнаты «содержатся в грязном состоянии, грязное белье и верхняя одежда хранятся на сетках коек под матрацами... спецодежда развешивается на вешалках в коридорах при входе в квартиры... кухонная посуда хранится на разных полках в грязном виде»¹⁵¹.

Обеспечению питанием китайских практикантов местная администрация уделяла особое внимание. Как следует из источников, два первых месяца первая группа рабочих питалась в специальном выделенном зале при столовой № 5 Молотовстроя, где для них готовилась пища в соответствии с национальными запросами. Так, в своем обращении к посольству КНР руководство Молотовстроя в конце 1955 г. просило прислать для китайцев трепанги, арахисовые орехи, соленые овощи, уксус, сою, томат¹⁵². Стоимость дневного питания для китайских рабочих определялась в 10–12 рублей, что, по мнению китайцев, было дорогим, поэтому они перешли на приготовление пищи в своих жилых домах. Прибывшие в 1956 г. также решили готовить самостоятельно. Продуктами питания, промтоварами рабочие обеспечивались через торговую сеть ОРСа строительства. В одном из домов, в котором проживали рабочие из КНР, была также организована торговая точка по продаже продуктов питания специально для китайских рабочих. «Питание у нас было специально для китайцев в магазине, там все продукты были, но мы больше в общежитии ели», – Вэй Сибин подтверждает данные источников¹⁵³. Пищу, по его словам, готовили в общежитии, некоторые даже предпочитали носить приготовленное в домашних условиях питание на работу. Мын Сянлин тоже вспоминает, что после приезда китайцы ели отдельно от всех. Привыкли к местной еде только через два-три года. «Когда приехали на станцию, – вспоминает он, – там

уже все готово. Выходили, нам кулек давали, а там уже яйца, колбаса копченая, сыр. Вот сыр мы вообще не ели, колбасу копченую только немного ели. А потом, через три года, привыкли, только давай». Позже, когда он приехал в Китай, родители были удивлены тем, что их сын ест сырую (соленую) рыбу. «Они говорят: «Как так есть – сырую?» – Я говорю: «Нет, соленую». Они говорят; «Так как не сырую, ее же не варили, не жарили». Я говорю: «Очень вкусно». Про сало родные Сянлина вообще не слышали¹⁵⁴.

Китайская кухня пользовалась успехом и у русских, живших и общавшихся с китайцами. «Отец готовил по-китайски. К нам по 40 человек в гости приходили, и все хотели покушать», – вспоминает Наталья Завьялова. – Когда он готовил, я всегда рядышком стояла и смотрела. Мне всегда нравилось смотреть, как он это все делает, переворачивает. Китайская картошка, китайский фарш, грибы китайские белые, черные и т. д.»¹⁵⁵ Людмила Норина, вспоминая умения своего мужа, говорит о таких экзотических для советского человека блюдах, как редиска с травой и свиным мясом, свиные ножки в сахаре, арбузные корки с мясом и др.¹⁵⁶ По ее словам, все эти блюда пользовались большим успехом у друзей. По воспоминаниям жен китайцев, готовить, особенно праздничные блюда, мужчины предпочитали сами. Людмила Норина вспоминает, как ее муж, например, растягивал по кухне самодельную китайскую лапшу. Специи и приправы китайцы получали из КНР. Когда отношения между странами испортились, жившие в Перми китайцы договаривались с работниками ресторана поезда «Москва – Пекин», который проходил через город. Они привозили им специи и продукты, которые невозможно было купить в СССР¹⁵⁷.

Культурной жизни китайцев в нерабочее время местное руководство уделяло большое внимание. Все китайские рабочие были охвачены профсоюзным членством, при активном участии партийной организации проводилась массово-политическая работа¹⁵⁸. Китайцев активно вовлекали в общественную и культурную жизнь предприятия. Как сообщал в 1956 г. министру начальник Молотовстроя, китайцы «посещают центральный клуб в поселке Балатово и просматривают русские кинофильмы и клубные

постановки, научились танцевать, и в клубе можно видеть русских девушек, танцующих с восточными рабочими, ведут они себя очень корректно... Все они очень видоизменились, каждый из них за один год работы приобрел: костюм, плащ, часы, многие купили велосипеды и другие вещи. Наблюдая и изучая их быт, следует сказать, что живут они строго по своим заработкам, не употребляя спиртные напитки, 60–70% из всех не курят»¹⁵⁹. Специально для китайцев также была утверждена должность инструктора по организационной и культурно-просветительской работе среди китайских рабочих с окладом 1200 рублей¹⁶⁰.

Китайские рабочие принимали активное участие в художественной самодеятельности местного клуба и других кружках. В документах сохранились сведения, что в хоровом кружке Молотовстроя занималось 40 китайцев, в танцевальной группе – 25, в акробатической – 18, в кружке плясок – 13. Отдельно была организована спортивная работа. «В летний период в баскетбольной секции приняло участие 120 человек, волейбольной – 31 человек, легкоатлетической – 88 человек. В период зимы китайцы принимали активное участие в лыжных и конькобежных секциях, в отдельные дни участвовало до 200 человек. Спортивным инвентарем и спортивными площадками в летний период были обеспечены полностью», – сообщалось в записке Молотовстроя о бытовом обслуживании китайских рабочих¹⁶¹. Были специфические для китайцев спортивные занятия. Часто возвращавшиеся с завода домой русские рабочие видели китайских практикантов, с азартом играющих в пинг-понг¹⁶². Для жителей китайцы устраивали костюмированные представления¹⁶³. Китайцы в местном клубе ставили традиционную китайскую оперу, играли на китайских народных инструментах¹⁶⁴. На областном смотре художественной самодеятельности в 1961 г. китайцы треста № 7 показывали «китайский народный танец с палочками»¹⁶⁵. На рубеже 1950–60-х годов, когда отношения СССР и КНР были особенно теплыми, для китайцев совместно с русскими проводились праздничные вечера. С большим размахом было отмечено 10-летие КНР. Об этом событии писали практически все местные газеты¹⁶⁶. Через год с не

меньшей помпой отметили десятую годовщину подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи¹⁶⁷.

Необычная акция прошла для китайцев в Молотовском краеведческом музее 4 апреля 1957 г. В этот день сотрудники учреждения и ветераны Гражданской войны провели публичную лекцию для практикантов Молотовстроя о китайцах, участвовавших в боевых действиях на Урале в годы Гражданской войны¹⁶⁸.

Жившие в Молотовстрое китайцы, по их воспоминаниям, старались отмечать все национальные праздники, как традиционные, так и новые: Праздник весны, Лунный праздник, День Народно-Освободительной армии Китая (1 августа), День основания КНР (1 октября). Вэй Сибин говорит: «Раньше делали концерт, одежды свои надевали, инструменты свои. Начальник даже сам играл на инструментах»¹⁶⁹. Воспоминания сохранились и у детей китайцев. «У меня еще есть фотографии, – вспомнила на одной из бесед Наталья Завьялова. – Раньше китайцы на все демонстрации на ходулях ходили. Для русских это, конечно, было в диковинку, а они свою радость празднику так выражали»¹⁷⁰.

Китайцы, работавшие в г. Молотове, старались соблюдать свои ритуальные традиции, не свойственные местной культуре. Братская могила с китайскими рабочими была уложена по их национальным традициям. «Там могила не такая, как у нас. Вокруг памятника холмики стоят. Под каждым кто-то погребен. У них в Китае так же», – говорит жена Вэй Сибина Светлана Вэй¹⁷¹.

Очевидно, что каких-либо притеснений в культурной жизни китайцы не испытывали. Наоборот, их национальные традиции вызывали интерес и пользовались успехом на торжественных мероприятиях.

Что касается отношений с местным населением, то, судя по отчетам в министерство, конфликтов между китайцами и русскими не было. Во-первых, КНР была внешнеполитическим союзником; во-вторых, руководство Молотовстроя получило задание следить за тем, чтобы труд китайцев был максимально обеспечен. Все это рождало в среде местного населения лояльное и даже уважительное отношение к китайцам. Так, например, когда однажды бригада штукатура Чжоу Фын недополучила часть зар-

платы по ошибке отдела кадров, последовало скорейшее разбирательство, и деньги китайцам были выплачены¹⁷². Всего за время пребывания китайских рабочих в управление поступило четыре жалобы, которые были своевременно разобраны, и недостатки, указанные в жалобах (по необеспечению фронтом работы, материалами и условиями оплаты), устранены¹⁷³.

Китайцы охотно шли на контакт. Через несколько лет пребывания некоторые из китайцев вступили в браки с русскими девушками. В центральном клубе поселка Балатово 30 декабря 1957 г. было, например, сыграно сразу пять свадеб. Брачный союз заключили: китаец Лю Вандэ, моторист, герой и ветеран Корейской войны, и Татьяна Вершинина, комсомолка из Сочи; бетонщик Ян Цзивэнь и разнорабочая Надежда Тонконог; плотник ДОКа Ван Цзимин и работница ЖКХ Анна Седова; бетонщик Лю Сюэфын и плиточница Марта Курганова, токарь АРЗа Гао Чао и фрезеровщица авторемонтного завода Нина Кожина. Следуя китайской традиции, молодожены прицепили на грудь большие красные пионы с алыми лентами. «Этот брак лишний раз свидетельствует о все крепнущей дружбе между двумя великими народами – китайским и русским», – писала «Уральская стройка»¹⁷⁴. Все поженившиеся получили по отдельной комнате в строящихся домах. Эти свадьбы были только первыми из множества других. Так, например, все оставшиеся в дальнейшем в Перми китайцы, принимавшие участие в нашем исследовании, также имели русских жен. Наталья Завьялова вспоминает, что после ряда межнациональных свадеб даже были организованы курсы китайского языка для русских жен китайцев. «На этих занятиях их не только языку учили, про физиологию им объясняли. Почему, например, все китайцы такие маленькие, худенькие. Это мне мама рассказывала», – вспоминает Наталья Завьялова. Через некоторое время в смешанных семьях стали появляться дети. Гао Чао в 1959 г. писал, что в его семье родился сын Саша. О появившихся в смешанных русско-китайских семьях детях писали и «Звезда», и «Уральская стройка»¹⁷⁵. Некоторые китайцы, проработавшие первые три года в Молотове и вернувшиеся после отпуска в 1960 г., обратились с просьбой перевезти на Урал свои семьи и детей. Это

разрешение им было дано. Для детей китайцев при учебном комбинате была открыта специальная школа, где они изучали русский и китайский языки¹⁷⁶.

Однако были и неприятные инциденты. Через год после проживания из Молотова в КНР были высланы два китайца, Чжан Гоцзюнь и Ван Чен, а на границу государственным органам Маньчжурии послана секретная телеграмма с предписанием, «чтобы они выслали своих сотрудников для принятия и отправки их [этих двух китайцев. – М. К.] под народный суд провинции Хэбэй»¹⁷⁷.

В своем письме в министерство от 16 февраля 1956 г. начальник Молотовстроя мотивировал отправку китайцев следующими соображениями: «Чжан Гоцзюнь вел себя недобросовестно, за что имел два общественных выговора на общем собрании китайских рабочих... Из всех принятых мер воспитательного характера рабочий Чжан Гоцзюнь выводов для себя не сделал и продолжал работать по-прежнему плохо. Кроме этого Чжан Гоцзюнь высказывал бранно по отношению к Советскому Союзу и к его людям, [пропагандировал] антидружественные отношения между Китаем и СССР... занимался разложением дисциплины среди китайских рабочих, игнорировал распоряжения и указания бригадиров, мастеров, прорабов и вообще руководства, в том числе и руководителя группы китайских рабочих – заместителя начальника Молотовстроя тов. Сунь»¹⁷⁸. Китайский рабочий Ван Чен, как следует из этого же письма, «высказывал недоверие к нему со стороны советских людей. Во время пребывания в больнице 9.12.55 самовольно ушел из больницы в медицинском [больничном] халате, мотивируя свой уход приходом врача к нему не по его немедленному вызову»¹⁷⁹. Были и менее значительные проступки. Так, китаец Дан Годзун однажды избил комбайнера, некоторые китайцы несколько раз пытались попасть в кинотеатр, не покупая билетов. Отмечены факты несоблюдения порядков общежития¹⁸⁰, но это было по большей части исключением.

В целом, китайцы, по их воспоминаниям, чувствовали себя вполне комфортно, и неприязни со стороны советских граждан не помнят¹⁸¹.

3.3. ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЙЦЕВ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ «БОЛЬШОЙ ДРУЖБЫ»

После того как с начала 1960-х годов в отношениях между СССР и КНР произошло охлаждение¹⁸², закончившееся в конце 1960-х годов политическим кризисом, отношение к китайцам изменилось.

После 1957 г. китайские студенты в УПИ больше не приезжали, последний выпуск специалистов из Китая относится к 1962 г. В 1963 г. газета «За индустриальные кадры» уже ничего не писала о китайских студентах, а 1 октября даже не выпустила традиционное приложение, посвященное годовщине создания КНР¹⁸³. Но уехавшие китайцы сохранили память о месте своей учебы на всю жизнь. Несмотря на политические проблемы, советское образование в Китае очень ценилось. После учебы китайские студенты получали направления в основном на промышленные предприятия, в том числе созданные при советском участии. Так, китаянка Ван Шанлуни в 1960 г. писала в Свердловск, что получила путевку по распределению в Пекин, на предприятие с русскоязычным названием Гипроцветмет¹⁸⁴. Наиболее успешных студентов направляли заниматься наукой. Упомянутые выше китайцы Ху Гуанлянь и Чжан Даолян были направлены на работу в научно-исследовательский институт тяжелого и горного машиностроения в Мукдене¹⁸⁵. Китайцы, получившие образование в советских вузах, играли ключевые роли в становлении китайской науки. «Наш институт совсем новый, создан в 1958 г. И опыта мало, и оборудования нет, но все это постепенно будет», – писала в 1961 г. своему советскому научному руководителю, профессору Е. В. Пальмову, китаянка Чжан Даолян¹⁸⁶. Другая китаянка, Сюэ Ванчин, ему же писала, что на работе у нее «группа пока очень слаба, большинство ее – выпускники техникумов... у нас нет приборов, мы не представляем четко, по какому направлению вести исследования, очень нужна ваша помощь»¹⁸⁷. А сотрудник Фулаэрцзийского завода Ма Дацзунь откровенно писал: «Мы в преимущественном

положении перед инженерами, которые получили образование в Китае, — мы видели в работе те машины, которые еще проектируются»¹⁸⁸. Именно китайские инженеры с советским образованием будут руководить предприятиями в середине 1970-х годов, в период первых экономических реформ в Китае. Так, например, выпускник УПИ Чжан Баочжун стал директором исследовательского института в Фулаэрци. Успеха на родине добивались и другие китайские студенты УПИ¹⁸⁹.

В Перми изменения в отношении к китайцам также можно проследить на примере местной прессы. Если в 1950-е годы регулярно в областной и многотиражных газетах выходили статьи о китайцах, а в годовщины образования КНР газеты выходили со специальными выпусками, то количество материалов, упоминающих китайцев, после 1960 г. резко снизилось и сводилось к формальным поздравлениям по случаю очередной годовщины КНР. Более того, в 1963 г. газета «Уральская стройка» вышла со статьей «Для дружбы нет преград», в которой сообщалось, что один из китайских рабочих, с русским именем Женя, после отпуска привез с собой антисоветскую литературу. Автор публикации обвинял китайское правительство и самих китайских практикантов в предательстве советских ценностей¹⁹⁰.

Летом 1963 г. большинство китайских рабочих вернулись на родину. Точная дата этого события неизвестна, но о «недавнем» отъезде китайцев писали местные газеты в начале октября 1963 г. Формальной причиной отъезда было окончание срока второго трехлетнего договора. На нее указывали и сами китайцы, хотя они же признавали, что главную роль в этом сыграло охлаждение отношений между СССР и КНР. Ненависти к уезжающим не было, все претензии касались политики КПК: «И все это происходило [дружное прощание с китайцами на вокзале. — М. К.] в то время, когда руководители Китайской Народной Республики развернули широкую антисоветскую кампанию»¹⁹¹. В Перми остались жить около 50 китайцев, имеющих русских жен и детей. Некоторые семьи из-за отъезда распались. Чжан Сифу рассказывал, что одного китайца силой заставили отказаться от созданной семьи. Но на вокзале он сбежал из своего вагона и некоторое время прятался у

знакомых, а потом вернулся к родным. Когда об этом стало известно, ему разрешили остаться в СССР¹⁹². С 1964 г. местные газеты о китайцах уже не писали. «Кто остался? Те, кто женился, – отметил Мын Сянлин. – А у нас же тогда «культурная революция» была. Мне старшина говорит, «если с женой поедешь, она не проживет там». Это сейчас там хорошо, а в те времена там такого не было. Вот он нам и говорит: «Трудитесь честно, чтоб не позорить нашу Родину, и растите детей»¹⁹³. Мын Сянлин утверждает, что семьи китайцы оставляли только с взаимного согласия супругов.

Оставшиеся китайцы уже практически не выделялись среди местного населения. Исследователь истории китайцев В. Я. Портяков пишет, что в целом по стране после 1966 г. «какого-либо нового притока граждан КНР на территорию Советского Союза не было свыше полутора десятилетий»¹⁹⁴. Перспектив для дальнейшего укрепления китайской этнической группы, институционального оформления диаспоры после 1960-х годов не возникало.

Судьба оставшихся в Перми китайцев демонстрирует модели их адаптации. Практически все они сохранили свои рабочие места и продолжили трудиться даже по достижении пенсионного возраста. Все оставшиеся завели детей и внуков. Их дети, имея «китайские» антропологические черты (разрез глаз, темные волосы), уже считали себя русскими. Наталья Завьялова рассказывает, что отец пытался учить ее китайскому, но она не хотела, а сейчас жалеет об этом¹⁹⁵. Китайцы старались поддерживать отношения между собой. Светлана Вэй вспомнила, что ее муж регулярно встречался с соотечественниками, особенно с теми, кто был родом из его уезда¹⁹⁶. Вместе они праздновали национальные праздники, ходили на кладбище к памятнику китайцам. На этих встречах китайцы общались на родном языке, иногда поддерживали национальные традиции. Однако за это время практически все связи с Родиной у них были утеряны, возможности съездить в Китай тоже не появлялось. Примечательно, что никто из китайцев так и не принял советское и российское гражданство, хотя для многих это означало серьезные сложности в оформлении любых документов, а также добровольный отказ от ряда льгот. При этом Мын Сян-

лин называет Россию своей родиной, указывает, что уже привык к местному климату и пище¹⁹⁷.

При отсутствии контактов с родиной в этот период имели место контакты китайцев 1950-х годов с теми, кто жил на Среднем Урале в 1920–30-е годы. В 1970-е годы Чжан Сифу со своим другом Лю во время поездки в Кунгур встретились с одним китайцем, который был намного их старше. Он представился друзьям как «дядя Миша», его так и называли. Однажды «дядя Миша» рассказал молодым соотечественникам, что совсем недавно вышел из тюрьмы: он был одним из репрессированных в 1930-е годы¹⁹⁸. На протяжении нескольких лет Чжан Сифу с друзьями встречались с «дядей Мишей»¹⁹⁹.

После отъезда большинства китайцев изменилось и отношение к ним со стороны местного населения. «Сначала было хорошо, потом, конечно, плохо, очень плохо. Было всякое. Относиться плохо стала молодежь. Вот они как-то в кино ходили, там молодые парни шли прямо с палкой, как дали ему [мужу, Сибину. – М. К.] по голове», – отметила в интервью Светлана Вэй. Однажды китайцев, пришедших на могилу своих соотечественников, не пустили на кладбище. Вэй Сибин вспоминает это следующим образом: «В каком году это было – не помню... Боялись, наверно, что китайцы соберутся вместе, получатся какие-то неприятности. Потом я собрался туда идти, мне из милиции звонят, говорят: «Нельзя идти». Почему – непонятно. Нельзя – и все. Раньше ведь много не говорили. Государства спорят, а мы-то в чем виноваты?»²⁰⁰. После отъезда, по воспоминаниям родственников, некоторым китайцам предлагали вступить в партию, чтоб публично потом критиковать политику властей КНР. «Многих уговаривали. Но отец отказался. Так и сказал: «У меня против вас ничего нет, но против своих я тоже не пойду». У него ведь гражданства не было», – рассказала в беседе Наталья Завьялова²⁰¹.

В 1990-е годы, когда РФ и КНР снова стали сближаться, пермские китайцы получили возможность выезжать на Родину. Часть расходов на эти поездки им оплачивало национальное правительство. Ездили они, как правило, несколькими семьями. В Китае пермские китайцы встречались с родными (многие не

виделись по 20 лет), знакомили с семьями, встречались с теми, кто уехал в 1963 г. Наталья Завьялова вспомнила, что уехавшие в те годы китайцы, имея навык работы на советских предприятиях, заняли на родине важные посты: «Вот те китайцы, которые уехали в Китай, они же там очень поднялись. Мы когда с папой ездили в Китай, видели, они же там никто не работает простыми работягами. Ниже мастера никто не работает»²⁰².

Китайские выпускники советских вузов в 1990-е годы сыграли существенную роль в возобновлении контактов между КНР и Россией. Известно, что в тот период в Китае была создана Ассоциация китайцев – выпускников УПИ. Можно предположить, что они же сыграли свою роль в выстраивании отношений между предприятиями КНР и Свердловской области в начале 1990-х годов. Когда в 1990 г. в Екатеринбург приехала первая делегация из Пекина, среди ее членов был председатель Народного Общества дружбы Ли Геншень, проходивший в 1950-е годы практику на предприятиях Свердловска. Не исключено, что еще в Китае он уже знал, к каким российским предприятиям следует обращаться с предложениями о сотрудничестве²⁰³. О китайцах Перми середины XX в. вспоминали СМИ в 2000-е годы²⁰⁴.

Вторая иммиграционная волна китайцев в СССР, как и предыдущая, началась на фоне улучшения отношений между Китаем и СССР, а также в связи с осознанием необходимости сотрудничества. Причинами иммиграции послужили как политические, так и сугубо экономические мотивы.

С одной стороны, обучение китайских студентов и практикантов было политически важно для демонстрации межгосударственной дружбы КНР и СССР. С другой стороны, обе страны, соглашаясь на въезд в СССР нескольких тысяч иммигрантов из КНР, планировали решить экономические проблемы: СССР нуждался в трудовых ресурсах, а китайскому правительству нужны были квалифицированные специалисты для возрождения национальной экономики после продолжительной гражданской войны. При этом, как и в начале XX в., к моменту приезда китайцев в СССР не существовало необходимой для них инфраструктуры, а очень многое достраивалось уже после их прибытия.

Особенность второй волны иммиграции из Китая заключается также в том, что в число иммигрантов попадали лучшие представители китайской нации, прошедшие строгий отбор, чего не было ранее. Сами миграционные потоки четко регулировались обоими государствами, что позволяет точно определять численность китайских иммигрантов как на уровне страны, так и на уровне отдельных регионов.

Учитывая целевое назначение иммиграции этого периода (прежде всего, получение опыта и знаний в технических сферах), Средний Урал вновь стал одним из центров притяжения китайцев. Развитая промышленная инфраструктура, удаленность от границ делали регион удобным местом для принятия иммигрантов для обеих сторон – и для СССР, и для КНР.

По своему социальному облику прибывшие китайские граждане – в основном, мужчины 25–35 лет, как правило, без семьи. Учитывая, что у многих из них еще в Китае сложилось очень высокое мнение о СССР и они мечтали поехать в эту страну, то понятно, что образовавшаяся китайская этническая группа обладала высоким потенциалом для формирования диаспоры.

С профессиональной точки зрения, попавшие на Средний Урал китайцы представляли две конкретные социальные группы: практиканты, занимавшиеся физическим трудом на предприятиях, и студенты, получавшие специальности, связанные с промышленным производством. Жившие на Среднем Урале в эпоху «Большой дружбы» китайцы запомнились своим отношением к труду, желанием хорошо трудиться на производстве и старанием в учебе.

Несмотря на созданные благоприятные условия, китайцы, как и ранее, с трудом адаптировались. Большой проблемой для них оставался русский язык. Как и в предыдущий период, работавшие с китайцами представители местного сообщества жаловались на непонимание, указывали на нехватку переводчиков. Сложности с овладением языком были и у самих китайцев. Культурные различия китайцев прослеживались и на уровне повседневного быта. Приезжая в СССР, они не могли привыкнуть к местным климатическим условиям, предпочитали готовить блю-

да национальной кухни. При этом китайские студенты и практиканты старались поддерживать отношения с соотечественниками, отмечать национальные праздники.

В отличие от предыдущего периода, китайцы второй волны были более открыты и нацелены на контакты с принимающим сообществом. В источниках не сохранилось упоминаний о каких-либо «внутренних» группах в китайской среде, об их нежелании вступать в прямые коммуникации. Следует также подчеркнуть, что китайцы второй волны практически не имели контактов со своими соотечественниками, прибывшими на территорию России в предыдущий период.

В 1950-е годы, в целом, у китайцев, прибывших на Средний Урал, существовали благоприятные условия для формирования диаспоры: была возможность «закрепиться» в принимающем обществе, формировать собственные социальные институты, которые бы выражали позицию всей этнической группы. Однако политические события начала 1960-х годов, связанные с охлаждением отношений между СССР и КНР, прервали эти процессы. Статус и отношение к китайцам изменились, возможности для сохранения и воспроизводства этнической культуры были заужены и сведены к минимуму. Оставшиеся в Перми несколько десятков китайцев могли создать социальные институты внутри диаспоры, но только при условии обновления и пополнения ее новыми членами, чего не могло произойти по политическим причинам. Таким образом, китайской диаспоре, как социальному институту, в 1950–60-е годы в исследуемом регионе вновь не удалось сформироваться.

¹ Усов В. Н. История КНР. Т. 1. 1949–1965 гг.: Учебник. М., 2006. С. 110–111.

² Подр. о договоре см.: Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959. С. 268–269.

³ Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения. М., 1980. С. 48.

⁴ Передовая // Звезда. 1950. 17 февр.

⁵ Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Указ. соч. С. 70.

⁶ Капица М. С. Эскалация вероломства. М., 1970. С. 7. См. также: Филатов Л. В. Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю. 1949–1966 гг. М., 1967.

⁷ Капица М. С. Указ. соч. С. 8–22.

⁸ Братская взаимопомощь // Уральский рабочий. 1959. 1 окт.

⁹ «Огромная убыль мужского населения в России создавала дополнительные перспективы для «мужской» китайской миграции», – писал В. Г. Дацышен. См.: *Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации.* Красноярск, 2008. С. 250.

¹⁰ *Борисов О. Б., Колосков Б. Т.* Указ. соч. С. 49.

¹¹ Всесоюзная перепись населения 1959 г. М., 1963. С. 59.

¹² Всесоюзная перепись населения 1959 г. Пермская область [Электронный ресурс]: Демоскоп-Weekly. URL // [http:// www. demoscope.ru/ weekly/ssp/rus_nac_59. php?reg=54](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=54) (дата обращения: 15.01.2010); Всесоюзная перепись населения 1959 г. Свердловская область [Электронный ресурс]: Демоскоп-Weekly. URL: [http:// www. demoscope.ru/ weekly/ssp/rus_nac_59. php?reg=61](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=61) (дата обращения: 15.01.2010).

¹³ Учатся русскому языку // За индустриальные кадры. 1956. 25 нояб.

¹⁴ Китаец Дань Шуньчжи // То же. 1954. 30 дек.; Слова от всей души // То же. 1957.

3 окт.

¹⁵ Чжоу Хэ! // То же. 1959. 7 марта.

¹⁶ Пять лет в СССР // То же. 1960. 21 мая.

¹⁷ Народный Китай получит настоящего специалиста // То же. 1959. 22 апр.

¹⁸ Студент третьего курса // То же. 1961. 1 июля.

¹⁹ Китаец Ван Цзюнь в 1957 г. описал именно такую процедуру приема. См.: *Китаец Ван Цзюнь* // То же. 1957. 9 мая.

²⁰ *Ларин А. Г.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 154.

²¹ Народный Китай получит настоящего специалиста // За индустриальные кадры. 1959. 22 апр.

²² Пять лет в СССР // То же. 1960. 21 мая.

²³ Студент третьего курса // То же. 1961. 1 июля.

²⁴ Всем советским друзьям // Там же.

²⁵ Китаец Дань Шуньчжи // То же. 1954. 30 дек.

²⁶ Чтоб крепла дружба // То же. 1958. 7 окт.

²⁷ Там же.

²⁸ Всегда поможем // Вечерний Свердловск. 1959. 1 окт.

²⁹ Чтоб крепла дружба // За индустриальные кадры. 1958. 7 окт.

³⁰ Двух мнений не было // То же. 1959. 28 июля.

³¹ Спасибо, друзья // То же. 1960. 21 мая.

³² За учебу, друзья // То же. 1959. 5 окт.

³³ Это родилось в лабораториях // То же. 1961. 13 мая; Китайский брат пишет // То же. 1961. 10 июня.

³⁴ Наша помощь промышленности // То же. 1958. 3 окт.

³⁵ Письмо из Китая // То же. 1957. 6 дек.; Чтоб крепла дружба // То же. 1958. 7 окт.

³⁶ Чтоб крепла дружба // Там же.

³⁷ Многие документы по этому периоду, например переписка УПИ с центральными властями, сегодня засекречены.

³⁸ Самое обыкновенное // За индустриальные кадры. 1957. 3 окт.; С братским чувством // Там же.

³⁹ С братским чувством // То же. 1957. 3 окт.; Радуга дружбы // То же. 1959. 5 окт.

⁴⁰ Ваш праздник – праздник и наш // То же. 1959. 5 окт.

⁴¹ Путешествие по великой стране // То же. 1957. 3 окт.; Слова от всей души // Там же.

- ⁴² Спартакиада китайских студентов // То же. 1956. 15 сент.
- ⁴³ Учатся русскому языку // То же. 1956. 25 нояб.
- ⁴⁴ Ло Иицяо // То же. 21 дек.
- ⁴⁵ Китаец Ван Цзюнь // То же. 1957. 9 мая.
- ⁴⁶ В честь 5-й годовщины КНР // Уральский рабочий. 1954. 1 окт.
- ⁴⁷ Почтовый адрес: Свердловск, УПИ // За индустриальные кадры. 1961. 25 марта.
- ⁴⁸ Радуга дружбы // То же. 1959. 5 окт. Этот выпуск газеты «За индустриальные кадры» целиком был посвящен праздникам в связи с годовщиной КНР.
- ⁴⁹ Радуга дружбы // То же. 1959. 5 окт.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1999. С. 351.
- ⁵³ Там же. С. 352.
- ⁵⁴ На сегодняшний день текст постановления засекречен, хранится в ГАРФ и АВП МИД РФ. Отрывочные сведения о содержании документа также содержатся в фондах ГАПК: Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 12. Л. 2. Копия документа отложилась в некоторых архивах Сибири. Подробное описание документа в своей монографии дает В. Г. Дацышен. См.: Дацышен В. Г. Указ. соч. С. 254–256.
- ⁵⁵ ГАСО. Ф. 1966 р. Оп. 1. Д. 946. Л. 6–7. Все дела по аналогичной тематике за период 1956–1965 гг. уничтожены, как не имеющие научной ценности.
- ⁵⁶ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 12. Л. 1.
- ⁵⁷ Там же. Л. 1.
- ⁵⁸ Там же. Л. 2.
- ⁵⁹ Там же. Д. 17. Л. 18.
- ⁶⁰ Там же. Д. 12. Л. 11.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Хрущев Н. С. Указ соч. С. 353–355.
- ⁶³ Помимо этого китайцы были отправлены в тресты: Казахнефестрой, Таймазнефестрой, Альметьевскнефестрой, Трест № 2, Востокнефестрой. См.: ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 12. Л. 5.
- ⁶⁴ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 12. Л. 28.
- ⁶⁵ Полевые материалы автора (ПМА), 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ⁶⁶ ПМА, 2007; г. Пермь, Наталья Завьялова и Нина Кузнецова.
- ⁶⁷ ПМА, 2007; г. Пермь, Чжан Ляндын.
- ⁶⁸ ПМА, 2007; г. Пермь, Мын Сянлин.
- ⁶⁹ ПМА, 2009; г. Пермь, Чжан Сифу.
- ⁷⁰ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ⁷¹ ПМА, 2009; г. Пермь, Чжан Сифу.
- ⁷² ПМА, 2007; г. Пермь, Мын Сянлин.
- ⁷³ Там же; он же.
- ⁷⁴ Там же; он же.
- ⁷⁵ ПМА, 2009; г. Пермь, Чжан Сифу.
- ⁷⁶ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 78.
- ⁷⁷ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ⁷⁸ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 17. Л. 2.
- ⁷⁹ Там же. Л. 3.
- ⁸⁰ ПМА, 2007; г. Пермь, Мын Сянлин.
- ⁸¹ ПМА, 2007; г. Пермь, Чжан Ляндын.
- ⁸² ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 17. Л. 4.

- ⁸³ Подробней описание документа и других подзаконных актов см.: *Дацышен В. Г.* Указ. соч. С. 254–255.
- ⁸⁴ С удвоенной энергией // Уральская стройка. 1963. 12 марта.
- ⁸⁵ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 17. Л. 4.
- ⁸⁶ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ⁸⁷ ПМА, 2007; г. Пермь, Наталья Завьялова и Нина Кузнецова.
- ⁸⁸ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ⁸⁹ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 201 Л. 255, 297–298; РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 87–93.
- ⁹⁰ ПМА, 2007; г. Пермь, Наталья Завьялова и Нина Кузнецова.
- ⁹¹ ПМА, 2007; г. Пермь, Чжан Ляндын.
- ⁹² Славное десятилетие // Уральская стройка. 1959. 30 сент.
- ⁹³ Родным домом для них стала стройка // То же. 1958. 22 июля.
- ⁹⁴ Ли Паоюй // То же. 1959. 9 окт.
- ⁹⁵ Уже три года работают китайцы в Березниках // Звезда. 1959. 1 окт.
- ⁹⁶ Упоминания населенных пунктов Хэбэя и Шаньдуна, из которых приехали китайцы, см.: Слова, идущие от всего сердца // Уральская стройка. 1959. 30 сент.; Они все из Баодина // Там же.
- ⁹⁷ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 81.
- ⁹⁸ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 201. Л. 257.
- ⁹⁹ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ¹⁰⁰ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 201. Л. 248.
- ¹⁰¹ У китайских практикантов началась теоретическая учеба // Уральская стройка. 1957. 18 янв.
- ¹⁰² ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 201. Л. 297–298.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ За изучением решений съезда // Звезда. 1957. 8 янв.
- ¹⁰⁵ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ¹⁰⁶ Там же; он же.
- ¹⁰⁷ Отмечаю славную 10-летнюю годовщину // Уральская стройка. 1960. 16 февр.
- ¹⁰⁸ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ¹⁰⁹ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 12. Л. 32.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 17. Л. 15.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 81.
- ¹¹³ Славное 11-летие // Уральская стройка. 1960. 30 сент.
- ¹¹⁴ Об успехах китайцев на работе см.: Полным ходом // То же. 1958. 24 янв.; Родным домом для них стала стройка // То же. 1958. 22 июля; Ван Личан // То же. 1960. 15 марта; В борьбу включается участок товарища Баженова // То же. 1960. 17 июня; Цзян Вэй // То же. 1960. 8 июля; Вместе, плечом к плечу // Там же; Люди высокой мечты // То же. 1960. 13 авг.; Славное 11-летие // То же. 1960. 30 сент.; Цзинь Чжаоюань // То же. 1961. 23 февр.; В счет 1962 года // То же. 1961. 5 нояб.; Китайской Народной Республике – 13 лет // То же. 1962. 28 сент.; Высокая выработка // То же. 1962. 29 сент.
- ¹¹⁵ Завтра – 9 лет Китайской Народной Республике // То же. 1958. 30 сент.
- ¹¹⁶ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 82. См. также: В бригаде Яо Кэизина // То же. 1958. 30 сент.; Награды лучшим производственникам // То же. 1959. 30 сент. 1958.
- ¹¹⁷ Они все из Баодина // То же. 1959. 30 сент.
- ¹¹⁸ Подр. об этих показателях см.: РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 61–62, 99–100.
- ¹¹⁹ Славное десятилетие // Уральская стройка. 1959. 30 сент.

- ¹²⁰ Они все из Баодина // Там же.
- ¹²¹ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ¹²² ПМА, 2009; г. Пермь, Чжан Сифу.
- ¹²³ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 719. Л. 255.
- ¹²⁴ Там же. Л. 257.
- ¹²⁵ Там же. Л. 260.
- ¹²⁶ Там же. Д. 720. Л. 85.
- ¹²⁷ У китайских практикантов началась теоретическая учеба // Уральская стройка. 1957. 18 января.
- ¹²⁸ Они все из Баодина // То же. 1959. 30 сентября.
- ¹²⁹ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 90.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² ПМА, 2007; г. Пермь, Чжан Ляндын.
- ¹³³ ПМА, 2009; г. Пермь, Кривоногов Владимир Павлович; См. также: Уральская стройка. 1959. 30 сент.
- ¹³⁴ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 17. Л. 6.
- ¹³⁵ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 90.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ¹³⁸ Для дружбы нет преград // Уральская стройка. 1963. 1 окт.; См. также: Родным домом для них стала стройка // То же. 1958. 22 июля.
- ¹³⁹ ПМА, 2007; г. Пермь, Мын Сянлин.
- ¹⁴⁰ У коллектива нашего треста // Уральская стройка. 1963. 1 окт.
- ¹⁴¹ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ¹⁴² ПМА, 2007; г. Пермь, Мын Сянлин.
- ¹⁴³ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 91.
- ¹⁴⁴ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ¹⁴⁵ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 12. Л. 18.
- ¹⁴⁶ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 719. Л. 246-247.
- ¹⁴⁷ ПМА, 2007; г. Пермь, Наталья Завьялова и Нина Кузнецова.
- ¹⁴⁸ На улице Качалова // Уральская стройка. 1963. 4 мая.
- ¹⁴⁹ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 78.
- ¹⁵⁰ Там же. Л. 91.
- ¹⁵¹ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 719. Л. 247.
- ¹⁵² Там же. Д. 720. Л. 92.
- ¹⁵³ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ¹⁵⁴ ПМА, 2007; г. Пермь, Мын Сянлин.
- ¹⁵⁵ ПМА, 2007; г. Пермь, Наталья Завьялова и Нина Кузнецова.
- ¹⁵⁶ ПМА, 2009; г. Пермь, Норина Людмила Григорьевна.
- ¹⁵⁷ Там же; она же.
- ¹⁵⁸ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 201. Л. 248.
- ¹⁵⁹ Там же. Оп. 2. Д. 17. Л. 6.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 7.
- ¹⁶¹ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 83.
- ¹⁶² Пинг-понг увлекает // Уральская стройка. 1958. 30 сент.
- ¹⁶³ См.: Будем крепить дружбу // Звезда. 1959. 1 окт.; К одной цели // Там же.
- ¹⁶⁴ Китайская опера на клубной сцене // Уральская стройка. 1961. 21 февр.; Вечер дружбы // То же. 1958. 3 окт.
- ¹⁶⁵ На областном смотре // То же. 1961. 21 февр.

- ¹⁶⁶ Вчера праздник // То же. 1959. 2 окт.
- ¹⁶⁷ Вечер великой дружбы // То же. 1960. 16 февр.
- ¹⁶⁸ Это были отважные бойцы // Звезда. 1957. 28 апр.
- ¹⁶⁹ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ¹⁷⁰ ПМА, 2007; г. Пермь, Наталья Завьялова и Нина Кузнецова.
- ¹⁷¹ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ¹⁷² ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 201. Л. 195.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Свадьба // Уральская стройка. 1957. 4 янв.
- ¹⁷⁵ Слова, идущие от всего сердца // Уральская стройка. 1959. 30 сент.; Вчера праздник // То же. 1959. 2 окт.; К одной цели // Звезда. 1959. 1 окт.
- ¹⁷⁶ На второй родине // Уральская стройка. 1960. 15 июля.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 297–289.
- ¹⁷⁸ ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 201. Л. 279–280.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 83.
- ¹⁸¹ Исследователь С. Н. Гончаров пишет, что дружественное отношение к китайцам было характерно для всей страны. См.: *Гончаров С. Н.* Китайцы в России – кто они // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 15.
- ¹⁸² См.: *Усов В. Н.* Указ. соч. С. 181–185; *Капица М. С.* Указ. соч. С. 10–11.
- ¹⁸³ Этот факт также свидетельствует о поменявшемся отношении к китайцам.
- ¹⁸⁴ Письмо из Китая // За индустриальные кадры. 1960. 22 окт.
- ¹⁸⁵ Почтовый адрес: Свердловск, УПИ // За индустриальные кадры. 1961. 25 марта.
- ¹⁸⁶ Там же.
- ¹⁸⁷ Там же.
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ География моего института // Там же.
- ¹⁹⁰ Для дружбы нет границ // Уральская стройка. 1963. 1 окт.
- ¹⁹¹ Верю в китайский народ // Там же.
- ¹⁹² ПМА, 2009; г. Пермь, Чжан Сифу.
- ¹⁹³ ПМА, 2007; г. Пермь, Мын Сянлин.
- ¹⁹⁴ *Портяков В. Я.* Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 42.
- ¹⁹⁵ ПМА, 2007; г. Пермь, Наталья Завьялова и Нина Кузнецова.
- ¹⁹⁶ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ¹⁹⁷ ПМА, 2007; г. Пермь, Мын Сянлин.
- ¹⁹⁸ К сожалению, установить личность этого китайца сегодня невозможно.
- ¹⁹⁹ ПМА, 2009; г. Пермь, Чжан Сифу.
- ²⁰⁰ ПМА, 2007; г. Пермь, Вэй Сибин.
- ²⁰¹ ПМА, 2007; г. Пермь, Наталья Завьялова и Нина Кузнецова.
- ²⁰² Там же; они же.
- ²⁰³ Фотоинформация // Уральский рабочий. 1990. 22 сент.
- ²⁰⁴ Русский с китайцем братья навек // Звезда. 2002. 21 марта.

Глава IV

Китайцы на Среднем Урале

в конце 1980-х — конце 2000-х годов

ГЛАВА IV

КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В КОНЦЕ

1980-х – КОНЦЕ 2000-х ГОДОВ

4.1. НАЧАЛО НОВОЙ ИММИГРАЦИОННОЙ ВОЛНЫ ИЗ КИТАЯ

Потепление в отношениях между СССР и КНР после очередного кризиса началось с начала 1990-х годов. В это время экономические реформы Дэн Сяопина, реализуемые Цзян Цзэминем, начали давать ощутимые результаты: КНР не только научилась полностью обеспечивать себя всем необходимым, но и вышла со своей продукцией на внешние рынки¹. Учитывая, что в СССР в конце 1980-х годов ощущался острый дефицит потребительских товаров, высокий спрос на продукцию из Китая было легко предсказать. В связи с начавшейся перестройкой возникла возможность пересмотреть и политические ограничения для возобновления отношений. Оформление экономического сотрудничества на межгосударственном уровне уже детально изучено². Первоначально основу сближения между СССР и КНР составили межгосударственные договоры и соглашения по частным вопросам (например, касались возобновления поставок грузов по пограничным рекам), а 10 сентября 1986 г. в Пекине был заключен Консульский договор между СССР и КНР, благодаря которому открылись консульства России в Шеньяне и КНР – в Хабаровске. В июне 1988 г. подписано Советско-китайское соглашение об устройстве и развитии торгово-экономических отношений между провинциями, автономными районами и городами КНР, республиками, краями, областями, соответствующими предприятиями и организациями СССР, регулировавшее «различные виды взаимодействия в сфере торговли, привлечения трудовых ресурсов, капиталовложений»³. Фактически этот документ открыл для КНР рынки Советского Союза.

Политические события начала 1990-х годов, связанные с развалом СССР и появлением Российской Федерации, не изменили наметившийся тренд в отношениях между двумя государствами. Во время визита Президента РФ Б. Н. Ельцина в Пекин в декабре 1992 г. была подписана Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой⁴. Документ провозглашал, что «отныне стороны «единодушно считают, что выведение отношений между двумя государствами на новый уровень и их дальнейшее укрепление и развитие отвечают коренным интересам народов обеих стран». Пункт № 16 Декларации был посвящен экономическому сотрудничеству. В частности, в нем говорилось, что стороны «создадут благоприятные условия для торговых связей в рамках межгосударственных соглашений и протоколов и на основе прямых связей между регионами, в том числе приграничными, а также между предприятиями, организациями и предпринимателями». Таким образом, в начале 1990-х годов Россия и КНР признавали, что торговля граждан КНР в России (и наоборот) взаимовыгодна и должна поддерживаться на государственном уровне.

В дальнейшем в 1990-е годы сближение России с КНР продолжилось, укреплялось и сотрудничество на уровне регионов. В 1996 г. власти РФ подписали с КНР Соглашение «О принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики»⁵. Согласно этому документу администрации субъектов РФ могли подписывать отдельные соглашения с местными правительствами КНР, не придавая этим документам статуса международных договоров, что ранее требовало более сложной подготовительной работы. Стороны самостоятельно договаривались об условиях соглашений, не нарушая при этом существующего законодательства своей страны. В том случае, если не удавалось достичь согласия, документ предписывал решать проблемы по дипломатическим каналам. После подписания соглашения стороны ставили об этом в известность ми-

нистерства иностранных дел РФ и КНР. В январе 1999 г. Президент РФ подписал Закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»⁶. В ст. 1 документа четко прописано, что «субъекты Российской Федерации... обладают правом на осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств». По своему содержанию закон в целом совпадает с описанными выше пунктами Соглашения. Этот документ «фактически завершил десятилетний период формирования российско-китайских связей на региональном уровне»⁷. Регионы страны теперь могли вступать в отношения с городами КНР самостоятельно.

Межправительственные соглашения и возобновление отношений между двумя государствами создали предпосылки для новых отношений с Китаем и в Уральском регионе, куда китайцы стали проникать в начале 1990-х годов. Центрами притяжения для них стали крупные города – Екатеринбург, Пермь, Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Первоуральск, Березники и др. Наибольший интерес у китайцев вызывал именно Екатеринбург. Свою роль сыграл и тот факт, что многие из китайцев, получавших в 1950-е годы в г. Свердловске высшее образование, к началу 1990-х годов сделали на родине серьезную карьеру и после открытия границ готовы были начать сотрудничество со свердловскими предприятиями. «Неизвестно почему, но Екатеринбург считается в китайских провинциях городом, весьма благоприятным для прибыльной торговли. Один из задержанных коммерсантов даже сказал в милиции, что слышал об этом по своему местному радио», – писала по этому поводу «Екатеринбургская неделя»⁸.

В Свердловской области местные власти уже в начале 1990-х годов предпринимали максимум усилий к привлечению китайцев. Так, в 1990 г. возобновило свое существование Свердловское отделение Общества советско-китайской дружбы. Его возглавил

преподаватель Уральской государственной сельскохозяйственной академии Василий Васильевич Блюхер, сын бывшего военного советника Сунь Ятсена В. К. Блюхера. А газета «Уральский рабочий» в 1990 г., как и 40 лет назад, в конце сентября вышла с тематическим выпуском, посвященным Китаю⁹. На фоне этих событий 22 апреля 1991 г. между Свердловской областью и Харбином было заключено соглашение об установлении побратимских связей¹⁰. Сами свердловчане впервые отправились в Китай через полтора года: в июле 1992 г. в Харбине несколько дней провела официальная делегация, которую возглавлял заместитель председателя правительства области В. И. Задорожный. В ходе визита предприятия и коммерческие структуры Свердловской области заключили ряд договоров с организациями КНР на 10 млн долларов¹¹. «Китайцы поставляют нам товары народного потребления – промышленные, швейные; продукты питания – тушенку, сахар и т. д. Они готовы поставлять нам зерновые – пшеницу, кукурузу, сою», – обобщил тогда итоги трехлетнего присутствия китайцев на Урале В. И. Задорожный¹². В 1992 г. было заключено соглашение между Центральным универмагом Екатеринбурга и универмагом «Чурин» в Харбине о поставке товаров¹³.

В 1993 г. с пятидневным визитом в Харбин и Пекин на выставку предприятий Свердловской области впервые отправился губернатор региона Э. Э. Россель¹⁴. Руководителя Свердловской области принимали в Китае по президентскому протоколу. Во время визита был подписан Меморандум о всестороннем сотрудничестве между Свердловской областью и Харбином. После визита в Китай Президента России Б. Н. Ельцина в конце 1992 г. Чрезвычайный и Полномочный посол России в Китае И. А. Рогачев назвал поездку Э. Э. Росселя «первой серьезной попыткой отдельной области проникнуть на китайский рынок¹⁵. После того как уральские власти продемонстрировали свою заинтересованность на самом высоком уровне, внимание к Уралу в Китае выросло. Уже в июне в Екатеринбурге прошла торговая ярмарка товаров провинции Цзилинь. Китайцы привезли видеотехнику, ме-

дикаменты, стройматериалы, одежду, обувь и ряд продовольственных товаров. Со своей стороны, они проявили интерес к природным ресурсам – металлам, удобрениям, рыбе, лесу и др. «Неофициально поговаривали, что Урал стал чуть ли не единственным местом, куда китайцы могут сбывать свои своеобразные товары», – писали тогда местные газеты¹⁶.

После 1993 г. отношения между Свердловской областью и КНР (прежде всего, с г. Харбином из китайской провинции Хэйлунцзян) развивались и крепили: заключались соглашения о сотрудничестве в разных сферах, создавались совместные предприятия и т. п. Регионы регулярно обменивались опытом, совершали официальные визиты¹⁷.

Интерес к китайскому капиталу на Среднем Урале в начале 1990-х годов рос довольно быстро. За 1992–1993 годы было зарегистрировано несколько десятков совместных предприятий КНР и Свердловской области¹⁸. Большая часть из них занималась посредничеством в поставке товаров Китая на Урал и вывозе сырья из России. Но были и примеры производственного сотрудничества. В декабре 1992 г. на базе Уральского приборостроительного завода открылось совместное предприятие «Сунгари», ориентированное на производство бытовой электронной техники¹⁹. Это было одно из крупнейших совместных российско-китайских предприятий на Урале. Фактически в начале 1990-х годов Китай помог Свердловской области преодолеть кризис, а ряду предприятий – выжить в условиях начавшейся конверсии²⁰.

С начала 2000-х годов отношения между Свердловской областью и Китаем вышли на качественно новый уровень. Причем взаимодействие касалось не только сферы торговли и производства – происходил обмен опытом по проблемам управления, формирования органов власти, соблюдения прав человека и т. д.²¹ В ноябре 2000 г. между городами Екатеринбург и Гуанчжоу подписан Меморандум о взаимопонимании, мэр Гуанчжоу Ли Шусен пригласил главу Екатеринбурга А. М. Чернецкого посетить его город в любое удобное время. В апреле 2001 г. делегация

из Екатеринбурга побывала в Гуанчжоу, а в июне 2001 г. с ответным визитом в уральской столице побывал мэр Гуанчжоу²². В 2002 г. между Екатеринбургом и Гуанчжоу был подписан меморандум о городах-побратимах²³. К этому следует добавить, что Железнодорожный и Чкаловский районы Екатеринбурга имеют отдельные побратимские связи с двумя районами Гуанчжоу. В 2007 г. между Законодательным собранием Свердловской области и Собранием народных представителей провинции Хэйлунцзян было подписано Соглашение об информационном обмене, согласно которому стороны могли обмениваться законодательными актами и составлять совместные законопроекты²⁴. Последним важным шагом в развитии отношений с Китаем стало открытие в 2009 г. Генерального консульства КНР в Екатеринбурге (ул. Чайковского, 45)²⁵. Это было третье по счету в стране консульство – после Москвы и Санкт-Петербурга, что также подчеркивает значимость Среднего Урала как центра китайской иммиграции в России.

Сегодня Китай остается одним из главных стратегических партнеров Свердловской области: на территории региона работает свыше 100 совместных предприятий, ежегодный товарооборот между Свердловской областью и Китаем колеблется в диапазоне 500 млн долл. В области реализуются проекты между машиностроительными предприятиями Урала и Китая²⁶. Несколько крупных предприятий Среднего Урала создали совместные предприятия с китайскими партнерами²⁷. Об экономической важности сложившихся отношений свидетельствует тот факт, что в июле 2009 г., по итогам саммита Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) в Екатеринбурге, было официально объявлено о готовности КНР инвестировать 1 млрд долларов в экономику Свердловской области²⁸.

По аналогичному со Свердловской областью сценарию в последнее десятилетие XX в. выстраивались отношения с Китаем у Пермской области. Так, в Перми в 1990 г. городские власти установили отношения с китайским городом Шеньян²⁹. В начале

1990-х годов между Пермью и Шеньяном был подписан протокол о намерениях, стороны обменялись визитами официальных делегаций. В рамках договоренностей на обучение в Пермский государственный технический университет были отправлены китайские студенты. Кроме этого, в Перми проходили выставки с участием китайского бизнеса³⁰. В 1992 г. Пермь и Шеньян установили побратимские отношения, а в 1994 г. в Шеньяне состоялась большая выставка промышленных товаров предприятий Прикамья. На официальном уровне отношения между городами Пермь и Шеньян прекратились с 1994 г.

Но сегодня в Пермском крае все еще существуют экономические контакты между отдельными предприятиями Перми и Шеньяна. Одна из направленных тогда в Пермь китайских студенток, Ван Инчао, по-прежнему живет в Перми и имеет свой бизнес, связанный с поставкой фармацевтических товаров из Китая в Россию³¹. По ее словам, в начале 1990-х годов бизнесом было заняться легко. В России практически не существовало конкуренции в выбранной ей сфере: «Я решила попробовать, заключила договор, и у меня получилось заниматься бизнесом. В Перми нашлись партнеры по бизнесу. Я съездила в Китай и наладила поставки»³². С 1994 до 1998 г. ее фирма работала по всей России, но, как и многие другие удачные российско-китайские проекты начала 1990-х годов, закрылась после кризиса 1998 г. Впоследствии деятельность фирмы была восстановлена.

В дальнейшем пермские власти еще несколько раз предпринимали попытки установить «долгосрочные» отношения с отдельными городами Китая³³. В середине 2000-х годов Пермь начала активное сотрудничество с г. Циндао, с которым в 2007 г. был подписан договор о партнерских взаимоотношениях³⁴. В 2009 г. в Пермском крае было принято решение об открытии специального представительства своего региона в Китае.

Как видно, с начала 1990-х по конец первого десятилетия 2000-х годов произошел серьезный рост и укрепление в отношениях между КНР и Россией как на межгосударственном уровне, так и на уровне отдельных регионов.

4.2. ПРОБЛЕМЫ ЧИСЛЕННОСТИ И НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ КИТАЙЦЕВ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ, ПОЛИТИКА МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН КНР

Миграция китайцев в Россию в начале 1990-х годов происходила в принципиально новых условиях. Если раньше их появление на территории России и СССР являлось результатом отдельных межгосударственных соглашений и четко регулировалось, то третья иммиграционная волна возникла стихийно, она стала лишь частью общего притока переселенцев в России начала 1990-х годов, когда страна, не имея опыта работы с массовым въездом иностранцев, «подверглась обвальному, нерегулируемому и практически не уменьшающемуся потоку иммиграции»³⁵.

Начавшиеся дипломатические отношения требовали регулирования статуса китайцев на территории нашей страны. Через несколько месяцев после подписания Совместной декларации об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (18 декабря 1992 г.) правительства РФ и КНР утвердили Соглашение о безвизовых групповых туристских поездках, существенно упростившее процедуру въезда в Россию граждан КНР³⁶. Согласно ст. 2 документа при въезде в Россию гражданину Китая достаточно было предъявить национальный паспорт (при этом для граждан РФ требовалось наличие заграничного и обычного паспортов), а ст. 5 Соглашения гласила, что «члены туристических групп, сформированных туристическими организациями одного государства, могут совершать поездки по территории другого государства по действительным проездным документам без виз, въезжая и выезжая группами через пограничные пункты пропуска, открытые для двустороннего и международного пассажирского сообщения». Для таких поездок был установлен срок один месяц.

За небольшой период времени стало очевидно, что открытие границы, ввиду увеличивавшейся численности китайских имми-

грантов, может привести к нежелательным последствиям. «Не подготовленные к приему столь значительной массы иностранцев, административные и правоохранительные органы скоро оказались не в состоянии ни контролировать их, ни даже вести учет», – отмечает А. Г. Ларин³⁷. Нелегальная иммиграция китайцев в тот период стала повседневным явлением во всех крупных регионах России. По данным В. Л. Ларина, если в 1991 г. границу пересекло чуть более 40 тыс. китайцев, то в 1992 г. эта цифра увеличилась до 200 тыс., а в 1993 г. границу пересекли уже свыше 750 тыс. граждан КНР³⁸. В 1994 г. впервые был налажен учет и появились первые официальные данные, по которым численность китайцев в стране составила 20 301 человек³⁹. Уже в начальный период четко обозначились и географические приоритеты размещения китайских мигрантов в России: Дальний Восток, Восточная Сибирь, Москва и Московская область⁴⁰.

Остановить начавшийся поток миграции было невозможно ввиду экономических причин. В газетах провинции Хэйлунцзян того времени писали, что китайцам удавалось вначале выменивать «три грузовика с картошкой на грузовик с качественной стальной арматурой или же десять грузовиков с кукурузой на новенький пятитонный КАМаз»⁴¹. О возрастающем количестве китайцев в 1993 г. писала газета «Вечерний Екатеринбург»: «Не имея визы на приобретение билетов и, соответственно, права ездить по России, китайские коробейники, тем не менее, оккупируют поезда, идущие в сторону европейской части России, и беспрепятственно рассасываются на просторах нашей необъятной Родины»⁴².

К концу 1993 г. практически во всех крупных городах появились «китайские рынки», а индивидуальные торговцы составили основу облика новой волны китайской иммиграции в нашу страну. По Екатеринбургу во второй половине 1990-х годов ходили разговоры о том, какими путями пробираются китайцы в регионы России. «Проникают они на Урал довольно просто, – сообщала в 1997 г. «Екатеринбургская неделя», – отдельные приграничные участки рубежа Россия – Китай прозрачны, там можно находиться и без виз. Оттуда они и едут в глубь нашей страны»⁴³. Существовали и

другие пути. «...сейчас надвигается и другая угроза с азиатского континента – беспрепятственное проникновение преимущественно граждан Китая и Вьетнама напрямую на территорию Свердловской области, – писал «Вечерний Екатеринбург. – Здесь одна из лазеек – фиктивные браки. Имея на руках оформленные в соответствии с законом паспорта, граждане дальнего азиатского зарубежья заключают фиктивные браки с коренными жительницами Урала и сразу начинают обустриваться»⁴⁴.

Власти уральских областей в 1990-е годы неоднократно принимали меры в отношении регулирования численности иммигрантов из КНР. В 1994 г. в Свердловской области был принят закон «О порядке регистрации иностранных граждан на территории Свердловской области»⁴⁵. Закон вводил в силу такие понятия, как «постоянно» и «временно пребывающие иностранные граждане», регламентировал порядок регистрации для иностранных граждан и граждан СНГ. Документ обязывал всех пребывающих в регион иностранцев регистрироваться независимо от места предыдущей регистрации, описывал порядок регистрации, утверждал список иностранцев, для которых была предусмотрена упрощенная процедура регистрации. Во многом закон повторял Положение о привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы от 16 декабря 1993 г. Тем не менее, действие этого закона не было рассчитано на большое количество китайцев. Местные СМИ в это время писали о массовой нелегальной миграции. «Проверки, рейды, облавы, контроль, который осуществляют компетентные органы, свидетельствуют, что значительная часть граждан, прибывших из Китая, Монголии и Вьетнама, проживает в Екатеринбурге без документов или с поддельными паспортами», – писала в 1997 г. газета «Вечерний Екатеринбург»⁴⁶. На факты нелегальной иммиграции указывала и близкая к власти «Областная газета»: «Многие из них [китайцев. – М. К.] проживают на Урале незаконно и, судя по всему, меньше таковых не становится, несмотря на регулярно осуществляемые работниками ОВИРа мероприятия по их выявлению и выдворению»⁴⁷. А газета «Екатеринбургская неделя» в октябре

1997 г. заключила: «Вообще, наплыв незаконных торговцев из Юго-Восточной Азии сам по себе – большая проблема. Сегодня он вне какого-либо контроля, никак не регулируется»⁴⁸.

В 1997 г., когда нелегальная миграция стала уже реальной проблемой, правительство Свердловской области на заседании Законодательного собрания заслушало отчет об исполнении принятого в 1994 г. закона. Даже официальные данные показывают, что ситуация с пребыванием иностранцев расценивалась, как весьма сложная. За три года в Свердловской области, судя по отчету, было зарегистрировано 27 638 иностранных граждан, прибывших из дальнего зарубежья (большинство – из КНР), и более 47 тыс. – из ближнего зарубежья. Исполняя закон, паспортно-визовая служба ГУВД Свердловской области совместно с другими подразделениями провела 2 141 профилактическое мероприятие с целью выявления иностранных граждан, уклоняющихся от регистрации и нарушающих другие правила пребывания в Российской Федерации. Такие мероприятия проведены в г. Екатеринбурге на рынках, в том числе на «Таганском ряду», в местах компактного проживания китайцев, а также в городах Каменск-Уральском, Первоуральске, Нижнем Тагиле. В ходе этих проверок 18 757 иностранных граждан привлечены к административной ответственности. За грубые нарушения законодательства на 803 человек оформлены документы для выдворения их за пределы Российской Федерации (причем 18 человек – под конвоем). «Вместе с тем существующая система въезда в страну не дает возможности получать информацию о пересечении границы иностранными гражданами, а поэтому не осуществляется действенный контроль за соблюдением срока регистрации», – говорилось в отчете⁴⁹. Комментируя этот закон через три года после его принятия, местные СМИ отмечали: «Законодатели не предполагали, что некоторое время спустя широчайший размах приобретет незаконная миграция в Россию граждан азиатских стран: Китая, Вьетнама, Монголии. Особенно – Китая»⁵⁰.

О том, что опасения местных законодателей в большей степени касались китайцев, свидетельствует еще один факт. В 1997 г.

на сентябрьском заседании Свердловского областного правительства рассматривался проект документа «О порядке регистрации граждан из стран Юго-Восточной Азии, находящихся на территории Свердловской области». Суть документа сводилась к тому, что для успешного контроля за китайцами на территории области необходимо создать своеобразную резервацию, или «чайнатаун» (от англ. chinatown – «китайский квартал»). Сами китайцы, по словам разработчиков документа, были не против выделения им специального места. Газеты поторопились написать, что «чайнатауну в Екатеринбурге быть»⁵¹. Однако первоначальный документ был сильно раскритикован и отправлен на доработку, а конкретных решений по этому вопросу в дальнейшем не предпринималось. В России, как известно, практика создания чайна-таунов в 1990-е годы не прижилась⁵².

В 1998 г. на заседании областного правительства Свердловской области рассматривался вопрос об ужесточении визового режима для граждан КНР. В своем докладе В. А. Исаков, начальник управления паспортно-визовой службы УВД Свердловской области, сообщил, что за 1997 г. в Свердловскую область прибыло около 4 000 китайцев. Из них 2 225 привлекались к ответственности за административные нарушения, а 450 были высланы из России в Китай до истечения срока визы⁵³.

В Пермской области проблема «нелегальных» китайцев в 1990-е годы также попала в поле зрения местных властей. Аналогично Свердловской области, здесь в 1994 г. был принят закон о прибывающих в регион иностранцах⁵⁴. А в 1997 г. губернатор Пермской области Г. В. Игумнов подписал постановление «Об упорядочении пребывания на территории Пермской области граждан Социалистической Республики Вьетнам и Китайской Народной Республики»⁵⁵. Документ разрешал Управлению внутренних дел Пермской области по ходатайству юридических и физических лиц временную (до 12 месяцев) регистрацию на территории области граждан КНР, имеющих подтверждение на право трудовой деятельности, выданное миграционной службой Пермской области. Все регистрируемые должны были иметь разреше-

ние Федеральной миграционной службы. Для принятия решения о продлении действия разрешения миграционной службе Пермской области вменялось не менее одного раза в год совместно с заинтересованными органами государственной власти осуществлять проверку деятельности фирм, организаций любой формы собственности, привлекающих для трудовой деятельности граждан стран Юго-Восточной Азии. Фактически документ руководствовался нормами существующих федеральных законов. Однако сам факт его принятия именно в 1997 г. свидетельствует, что проблема законной регистрации граждан КНР действительно существовала.

К концу 1990-х годов на Среднем Урале, как и во всей стране, возникла реальная угроза неконтролируемой нелегальной иммиграции из КНР. Однако кризис 1998 г., резко снизивший покупательную способность граждан России, подорвал и экономическую основу для «челночной» торговли. Сыграли свою роль и профилактические мероприятия местных властей, взявшихся в 1996–1997 годах за решение проблем нелегальной иммиграции. По оценкам исследователей, в конце 1990-х годов численность китайской диаспоры в России стабилизировалась⁵⁶. Во многом это можно объяснить экономическими факторами: региональный рынок к тому времени принял необходимое количество товара (и его «поставщиков»), и увеличение численности прибывающих китайцев было уже экономически нецелесообразно.

Сведения об увеличении количества китайцев в 1990-е годы именно на Среднем Урале (особенно в Свердловской области), при всей условности, демонстрируют материалы переписей. По итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г., количество китайцев на территории России составило 5 197 человек, а во всем бывшем СССР – 11,3 тыс.⁵⁷ Перепись населения России 2002 г. определила численность китайцев в стране уже 34 577 человек, т. е. произошло увеличение в 6,7 раза⁵⁸.

На Среднем Урале в 1990-е годы также отмечено увеличение численности китайцев. В Свердловской области, по материалам переписи 2002 г., численность китайцев составила 2 435 человек

против 86 в 1989 г.⁵⁹ В Пермской области в 1989 г. проживало 89 китайцев, а в 2002 – 86⁶⁰. Как видно, в Свердловской области, главном «центре» китайской иммиграции на Средний Урал, количество китайцев увеличилось в 35,8 раза, что значительно выше, чем в среднем по России⁶¹. Эти данные свидетельствуют о высоком потенциале Среднего Урала как одного из центров формирования китайского сообщества России.

Таблица 4.1

**Численность китайцев на Среднем Урале и в России
по данным переписей 1989 и 2002 гг.***

Год	Пермская обл.	Свердловская обл.	РФ
1989	89	68	5197
2002	86	2435	34577
Рост (в разы)	0,99	35,8	6,7

* Составлено и подсчитано по: Труд и занятость в Свердловской области, 2005: Статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2006; Труд и занятость в Свердловской области, 2008: Статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2009.

Уникальность Среднего Урала на современном этапе демонстрируют сравнительные данные изменения доли постоянно проживающих китайцев в общей численности населения отдельных регионов России (см. таблицу 4.2). Средняя доля китайцев в общей численности населения в регионах Уральского федерального округа выше, чем в Приволжском федеральном округе. В центральных регионах, согласно данным переписей, не произошло существенного изменения доли китайцев в общей численности населения регионов (в среднем в 2–3 раза). Прирост количества китайских иммигрантов обеспечен за счет сибирских и дальневосточных регионов. На этом фоне особо выделяется Свердловская область, где наблюдается самое высокое в стране увеличение численности доли китайцев в структуре населения – в 35,8 раза за 13 лет (в Приморском крае – в 26,5). При этом в Пермской области доля китайцев в общей массе населения в 1989 г. была самой высо-

кой среди регионов Поволжья, Урала и Юга России. Даже эти косвенные данные свидетельствуют о том, что Средний Урал интересен китайцам и является одним из ключевых центров притяжения китайской иммиграции в России на современном этапе.

Таблица 4.2

**Численность китайцев в регионах России
по данным переписей 1989 и 2002 г.***

Субъект РФ	Общая численность населения, чел., 1989 г.	Численность китайцев, чел., 1989 г.	В % от общей численности	Общая численность населения, чел., 2002 г.	Численность китайцев, чел., 2002 г.	В % от общей численности	2002 г. по отношению к 1989 г.
РФ	147 021 869	5 197	0,004	145 166 731	34 577	0,024	6
Приволжский федеральный округ							
Республика Башкортостан	3 943 113	34	0,0009	4 104 336	96	0,0023	2,6
Республика Марий Эл	749 332	1	0,0001	727 979	2	0,0001	1
Республика Мордовия	963 504	6	0,0006	888 766	12	0,0013	2,2
Республика Татарстан	3 641 742	25	0,0007	3 779 265	81	0,0021	3
Удмуртская Республика	1 605 663	8	0,0005	1 570 316	18	0,0011	2,2
Чувашская Республика	1 338 023	3	0,0002	1 313 754	6	0,0005	2,5
Кировская область	1 694 008	14	0,0008	1 503 529	11	0,0007	0,9
Нижегородская область	3 719 614	16	0,0004	3 524 028	68	0,0019	4,8
Оренбургская область	2 170 692	27	0,0012	2 179 551	33	0,0015	1,3
Пензенская область	1 504 569	21	0,0013	1 452 941	156	0,0107	8,2
Пермская область	3 091 481	89	0,0029	2 819 421	86	0,0031	1,1
в т. ч. Коми-Пермяцкий АО		89		136076	-	-	
Самарская область	3 262 906	35	0,0011	3 239 737	90	0,0028	2,5
Саратовская область	2 684 471	29	0,0011	2 668 310	32	0,0012	1,1
Ульяновская область	1 396 193	8	0,0006	1 382 811	40	0,0029	4,8
Уральский федеральный округ							
Курганская область	1 103 665	24	0,0022	1 019 532	23	0,0023	1
Свердловская область	4 706 763	68	0,0014	4 486 214	2435	0,0542	38,7
Тюменская область	3 097 657	69	0,0022	3 264 841	75	0,0023	1,1
в т. ч. Ханты-Мансийский АО				1 432 817	30	0,0021	
в т. ч. Ямало-Ненецкий АО				507 006	11	0,0022	
Челябинская область	3 617 752	55	0,0015	3 603 339	192	0,0053	3,5

Субъект РФ	Общая численность населения, чел., 1989 г.	Численность китайцев, чел., 1989 г.	В % от общей численности	Общая численность населения, чел., 2002 г.	Численность китайцев, чел., 2002 г.	В % от общей численности	2002 г. по отношению к 1989 г.
Другие крупные регионы							
Ростовская область	4 292 291	60	0,0014	4 404 013	1147	0,0260	18,6
Волгоградская область	2 592 910	33	0,0013	2 699 223	255	0,0094	7,7
Новосибирская область	2 778 724	129	0,0046	2 692 251	415	0,0154	3,3
Омская область	2 141 909	157	0,0073	2 079 220	306	0,0147	2,1
Красноярский край	3 605 454	554	0,0153	2 966 042	665	0,0224	1,5
Амурская область		200			851		
Иркутская область	2 824 920	472	0,0167	2 581 705	1409	0,0546	3,3
Хабаровский край	1 811 828	784	0,0432	1 436 570	3815	0,2655	6,1
Приморский край	2 256 072	159	0,0070	2 071 210	3840	0,1854	26,5

* Составлено и подсчитано по: Труд и занятость в Свердловской области, 2005: Статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2006; Труд и занятость в Свердловской области, 2008: Статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2009.

В 2000-е годы упрочение связей с Китаем в Свердловской области выступило важным стимулом для укрепления китайской диаспоры. По данным Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области, к концу 2000-х годов выходцы из КНР занимали одно из первых мест по количеству иммигрантов, ежегодно прибывающих в регион.

Таблица 4.3

Численность китайцев, прибывающих в Свердловскую область, в сравнении с другими иммигрантами за 2004-2005 гг.*

Страна	2004	2005	2006	2007	2008
Китай	3505	6299	9787	12 654	16 067
% от общего количества	35,9	23,7	18,5	15,6	14,7
Таджикистан	2364	9538	20 398	30 410	36 457
% от общего количества	24,2%	35,9	38,6%	37,4	33,4

Страна	2004	2005	2006	2007	2008
Узбекистан	955	3263	8259	15 440	24 058
% от общего количества	9,8%	12,3	15,6	19	22
Азербайджан	243	1106	2298	2972	2570
% от общего количества	2,5%	4,2	4,3	3,7	2,4
Киргизия	451	1702	4313	8409	14 436
% от общего количества	4,6%	6,4	8,2	10,4	13,2

* Составлено и подсчитано по: Труд и занятость в Свердловской области, 2005: Статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2006; Труд и занятость в Свердловской области, 2008: Статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2009.

На территории Пермского края количество китайцев значительно ниже. В середине 2000-х годов их численность не превышала 1000 человек (1,5% от общего количества иммигрантов, прибывающих в регион)⁶². По данным проводимых этносоциологических мониторингов, китайская диаспора в Пермском крае является одной из самых малочисленных и неорганизованных⁶³. Необходимо также отметить, что если в Свердловской области власти уже смирились с присутствием большого количества прибывших из КНР и на первый план здесь вышли проблемы сосуществования с китайцами, адаптации их в местное сообщество⁶⁴, то в Пермском крае периодически в публичной сфере, в том числе со ссылкой на представителей органов власти, в 2000-е годы появлялась информация о нежелательности китайской иммиграции и ее возможном ограничении⁶⁵.

Анализ СМИ показывает, что к китайцам, особенно к их появлению, местное население относится с опаской и воспринимает это как попытки экспансии, поскольку, в отличие от государств Кавказа и Средней Азии, Китай обладает почти неисчерпаемым иммиграционным потенциалом. Некоторые, даже уважающие себя издания прогнозируют к началу 2020-х годов увеличение численности китайцев на Урале до 100 тыс. человек, что будет весьма ощутимо⁶⁶. Скорее всего, если в ближайшее время не произойдет

радикальных изменений в отношениях между КНР и РФ, численность китайцев в России и на Урале еще возрастет.

Социальный облик китайцев на Среднем Урале в 1990-х годах довольно однообразен и характерен для всех городов. Преимущественно это мужчины трудоспособного возраста, часто небогатые и без образования, промышлявшие мелкой торговлей. «Многие из этих людей приехали к нам со своими немудрящими товарами из захолустных деревень или с окраин больших городов. Часто они неграмотны, вообще слабо ориентируются», – отмечает свердловская газета «На смену»⁶⁷. Генеральный консул посольства КНР в России Ли Тунзе в ходе своего визита в Екатеринбург, в том числе на «Таганский ряд», так описала облик своих соотечественников: «...это преимущественно мужчины, без жен, без детей, без семей»⁶⁸.

Сведения о возрасте китайских иммигрантов (граждан КНР) представлены также в материалах переписи населения 2002 г. В Свердловской области в трудоспособном возрасте находились до 90% (2 129 человек), в Пермской – до 70% (15 человек)⁶⁹.

Таблица 4.4

Возрастной состав китайцев, граждан КНР, Среднего Урала по материалам Всероссийской переписи населения 2002 г.*

Возраст (лет)	Свердловская область	Пермская область
0–9	5	Нет
10–19	110	1
20–29	665	5
30–39	932	9
40–49	383	2
50–59	50	5
60–69	2	3
Старше 70	Нет	Нет

* Составлено и подсчитано по: Труд и занятость в Свердловской области, 2005: Статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2006; Труд и занятость в Свердловской области, 2008: Статистический сборник. Территориальный орган

Облик китайской диаспоры Среднего Урала стал меняться на рубеже тысячелетий. В это время появились некоторые сдвиги в качественном и профессиональном составе китайской иммиграции в Россию⁷⁰. Кроме привычных торговцев на Урале, были отмечены постоянно проживающие бизнесмены, студенты, сельскохозяйственные рабочие.

4.3. СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЙЦЕВ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В 1990-е – НАЧАЛЕ 2000-х ГОДОВ

Основная сфера деятельности китайцев в России в 1990-е годы – торговля⁷¹. Этот период в истории отношений двух государств китайский исследователь Ван И называет временем «стремительного и часто безудержного роста двустороннего товарообмена»⁷². Если для начала 1990-х годов было характерно открытие совместных предприятий, то во второй половине этого десятилетия основным занятием китайцев стала «челночная» торговля. Ее механизм неоднократно описывался в литературе. В Китае будущий «челнок», как правило, приобретал несколько десятков наименований одежды и обуви, с которыми он в качестве туриста пересекал российскую границу. «Сверхзадача состояла в том, чтобы довести все это до российской столицы в поезде «Москва–Пекин», однако зачастую активное, обносившееся и оголодавшее население сметало все подчистую уже где-нибудь на перронах Иркутска, Красноярска или Новосибирска. Выручка могла в 8–10 раз превысить реальные затраты»⁷³.

Ближе к середине 1990-х годов в Москве и других городах возникли разнообразные китайские контейнерные рынки, или «шанхай», как их тогда называли⁷⁴. Здесь велась «челночная» торговля товарами, доставленными в Россию из Китая. «Вполне естественный в условиях всеобщей нехватки и быстрого обесцени-

вания денег расцвет бартерной торговли, – пишет В. Я. Портяков, – делал Китай почти идеальным партнером: от него можно было получать ходовой ширпотреб и продовольствие (в начале 90-х годов Россия остро нуждалась и в том, и в другом), в обмен поставляя не находящее спроса на внутреннем рынке сырье»⁷⁵. Стихийно возникшие рынки быстро стали не только местом «концентрации», но и своеобразным институтом социализации и адаптации китайских иммигрантов в России»⁷⁶.

В Екатеринбурге китайцы сначала торговали на городском вещевом рынке на ул. Бебеля и рынке по ул. Кунарской. Потом им был выделен участок в районе ст. Сортировочная. Сегодня это один из крупнейших региональных рынков страны – «Таганский ряд». Газета «Вечерний Екатеринбург» писала, что он «особенно пришелся по нраву китайцам»⁷⁷. Кроме рынка, прозвище «китайских» получили даже несколько общежитий Уралмаша – за проживающих в них выходцев из Юго-Восточной Азии: «Еще одним местом массового проживания выходцев из Поднебесной и иже с ними являются общежития Уралмаша, расположенные по периметру промышленного гиганта», – писала в 1997 г. газета «На смену»⁷⁸.

В Перми стихийные китайские рынки стали появляться в 1990–1991 годах. Сначала китайцы торговали на Центральном колхозном рынке, в конце 1990-х годов им был выделен участок земли в микрорайоне Парковом⁷⁹. А. Константинов утверждает, что особо заметны китайцы стали примерно с 1993 г.: «В 1993–94 годах в городе навалилась куча товаров, всякие суррогаты, магнитофоны. Все разваливалось мгновенно. Наши торговать еще не умели. И вот тогда стало заметно китайцев, поскольку они были блестящими организаторами», – отметил А. Константинов⁸⁰. По его словам, китайцы привозили в Пермь ширпотреб, а сами проявляли большой интерес к промышленным и природным ресурсам, которые в то время в СССР практически не ценились.

Спрос на товары из КНР быстро рос, особенно в сегменте «ниже среднего»: «Их феноменально дешевые товары пользуются

постоянным спросом у небогатого в большинстве своем населения, так что уменьшения количества гостей из Азии ждать не приходится»⁸¹. К середине 1990-х годов китайцы прочно заняли свою нишу на региональных рынках. Китайские товары, при не всегда достойном их качестве, отличала низкая цена. По этой причине китайских продавцов Екатеринбурга называли «чрезвычайно популярными», а сделки с ними считали выгодными: «Невысокие и скупаемые, они готовы потакать любым вашим капризам при выборе покупки, смотрят умильно и заискивающе, уговорить их снизить цену не составляет большого труда. Тут вечно крутятся оптовики из разных концов области: для них сделки с китайцами особенно выгодны»⁸². Жители Перми, как и Екатеринбурга, также оценивали в первую очередь дешевизну китайских товаров. «Главное, чем может похвастать любой «китайский рынок», в том числе и пермский, – это цены», – отмечала пермская газета «Звезда»⁸³.

В повседневной жизни многих городов России в 1990-е годы возникло еще одно явление, связанное с открытием границ между КНР и Россией, – стихийная торговля на поездах. Идущие через уральские города поезда «Москва–Пекин», «Москва–Улан-Батор» в моменты прибытия превращались в стихийные рынки. Торговцы, следовавшие в Москву, продавали по демпинговым ценам товары самого разного назначения. Поезда на станциях встречали тысячи людей. Милиция ничего не могла этому противопоставить. «Что может сделать патруль даже в количестве 15–20 человек, когда поезд буквально облеплен сотнями людей», – писала в 1992 г. «Областная газета»⁸⁴. Только на Свердловском отделении железной дороги в 1991 г. было 150 случаев убийств и попаданий под поезд во время прибытия «китайских» поездов. Один из жителей Перми в 1990-е годы так вспоминал это время: «На закате перестройки и заре рынка именно китайцы истомляли удовлетворенных тотальным дефицитом пермяков вожделенным импортом – низкокачественным, но по о-о-чень смешным ценам. Поезд «Пекин–Москва» ждали на Перми II, как колхозники автолавку»⁸⁵. Исследователи

этого периода отмечают, что в 1990-е годы китайские товары народного потребления даже низкого качества в буквальном смысле «спасли» страну – альтернативы им просто не было⁸⁶.

Ко второй половине 1990-х годов такие понятия, как «китайский товар» или «китайская диаспора», уже прочно вошли в повседневный быт России. Особенно отмечалось низкое качество китайского товара⁸⁷. Даже сами китайцы осуждали своих соотечественников за то, что те на долгие годы дискредитировали в России марку «сделано в Китае»⁸⁸. Анализ СМИ показывает, что отношение к китайскому товару на Среднем Урале во второй половине 1990-х годов также было скорее негативным⁸⁹. В указанный период все писавшие о китайцах СМИ регулярно указывали на низкое качество их товара, получаемые сверхприбыли и уклонение от уплаты налогов. «Заваливая прилавки блошиных рынков третьесортной продукцией, китайцы получают из кошельков уральских покупателей крупные суммы российских денег», – писал «Вечерний Екатеринбург». Далее автор называет заработки по 10–20 тыс. долларов в год⁹⁰. В целом к концу 1990-х годов «китайские рынки» стали неотъемлемой частью в жизни российского общества⁹¹.

Что касается китайцев, не работавших на рынке, то их сфера деятельности – это в основном крупные коммерческие фирмы или центры китайской медицины или культуры. Многие из этих китайцев обучались языку еще в 1950-е годы. Так, например, в 1990-е годы в Екатеринбурге жил китаец Ван Шисе, выучивший русский язык в СССР в период «Большой дружбы». В Китае он, по его словам, занимался переводами русской классики, а в годы «культурной революции» вообще уехал в деревню, работал в поле. Когда отношения между КНР и СССР поменялись, он, как знающий русский язык, в качестве коммерческого переводчика приехал в 1990 г. в Екатеринбург и получал хорошую по китайским меркам зарплату⁹².

Китайцы с образованием работали и в центрах традиционной китайской медицины. В Свердловской области уже в 1992 г. дей-

ствовали три центра китайской медицины – в Екатеринбурге, Первоуральске и Краснотурьинске, в перспективе предполагалось открыть еще несколько⁹³. В частности, власти Ирбита в 1995 г. вели переговоры о предоставлении жилья профессору китайской медицины У Пиньжуну⁹⁴. К этому необходимо добавить, что ныне существующее Свердловское отделение Общества российско-китайской дружбы существует на базе Китайского медицинского центра, где работает несколько специалистов-китайцев.

В Перми китайская медицина также «пустила корни». В 1993 г. на работу в город приехал Чжан Вэнпэн, ординант китайской медицины. В начале 1990-х годов он, будучи дипломированным специалистом, приехал в Россию из Пекина, работал в поликлинике традиционной медицины «Интермед» (г. Москва), где вел курсы по аурикулярной диагностике и иглорефлексотерапии. Там же выучил русский язык. В Прикамье он прошел лицензирование. Посетители его медицинского кабинета говорили, что «вокруг этого доктора аура дружелюбия и внимания»⁹⁵. В 1990-е годы в Перми также работала частная клиника иглоукалывания Пан Гобина. Мастера китайской медицины трудятся в городах Среднего Урала и сегодня.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов на Урале начала формироваться еще одна социальная группа – китайские студенты. Сегодня она является одной из самых динамично развивающихся групп китайских иммигрантов⁹⁶. На Среднем Урале студенты из КНР обучаются, в основном, в Свердловской области – в Уральском государственном университете и Уральском государственном техническом университете; в Пермском крае – в Пермском государственном университете и Пермском государственном техническом университете. Сами студенты из КНР предпочитают экономические и филологические специальности⁹⁷.

Помимо коммерческой сферы, китайцы начинают активно проникать в сельское хозяйство. Китайский труд показал свою эффективность на практике при выращивании овощей в тепличных условиях и в прочих сельскохозяйственных сферах. Китайцы

сами строят теплицы, ухаживают за овощами весь период, а выручку от полученной продукции делят с нанимателем. Первая делегация по вопросам открытия сельскохозяйственного производства в области с применением труда китайцев прибыла на Урал в июле 2002 г. Изначально было принято решение о выделении китайцам земель в Артинском районе Свердловской области. Переговоры вели постоянный член Китайского политического консультативного собрания Ван Вени и министр международных и внешнеэкономических связей Свердловской области Ю. В. Осинцев. Тогда китайцам пообещали 5 тыс. гектаров земли⁹⁸. Сотрудничество в этом направлении наиболее активно стало развиваться со второй половины 2000-х годов. Так, в 2006 г. заместитель председателя правительства Свердловской области, министр сельского хозяйства и продовольствия С. В. Чемезов и новый областной министр международных и внешнеэкономических связей В. А. Кокшаров провели рабочую встречу с генеральным консулом Китайской Народной Республики в Екатеринбурге Се Цзиньиню, в ходе которой были обсуждены перспективы развития сотрудничества Свердловской области с КНР в сельском хозяйстве. С. В. Чемезов тогда заявил о возможностях долгосрочной аренды китайцами земли в Свердловской области для ведения сельскохозяйственных работ⁹⁹. В октябре 2006 г. местные газеты уже писали о китайских крестьянах, работающих в районах области¹⁰⁰.

В Пермском крае труд китайцев использовался в 2008 г. на территории Большесосновского, а в 2009 г. – Ординского районов¹⁰¹. В Большесосновском районе местным предпринимателям удалось «закрепиться» и развить данный вид бизнеса. Безусловно, в перспективе практика использования труда китайцев на сельскохозяйственных работах может получить большее развитие.

Таким образом, китайская диаспора сегодня присутствует в различных сферах общественной жизни Среднего Урала (и России), таких как торговля, образование, медицина, сельскохозяйственные работы и др.

4.4. БЫТ, КУЛЬТУРА, ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ КИТАЙЦЕВ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1990-х – НАЧАЛЕ 2000-х ГОДОВ

Бытовая сторона жизни китайцев Среднего Урала в 1990-е годы – одна из самых малоизученных. Основными источниками здесь выступают упоминания сторонних наблюдателей о китайцах в СМИ, данные полевых исследований. Указанные источники позволяют частично осветить такие эпизоды жизни китайцев, как характер проживания; особенности питания; проблемы культурной адаптации; отношения внутри общины, с местным населением и другими национальностями.

Китайцы, осевшие в России в 1990-е годы, вели себя довольно замкнуто. Один из крупнейших исследователей современной истории китайцев в России В. Г. Гельбрас называет китайцев «устойчивыми, хорошо организованными и замкнутыми общностями, спаянными тесными кровнородственными связями, стремящимися к четкому обособлению от принимающего сообщества»¹⁰². Примерно этой же позиции придерживаются и другие исследователи¹⁰³. Средний Урал в этом плане не исключение. Китайцы старались не вступать в контакты с местным населением и вообще не привлекать к себе внимания. Это их свойство отмечалось практически всеми, кто с ними сталкивался. «Они стараются быть как можно незаметнее: из дома на рынок и обратно – вот и вся их жизнь. Среди них не замечено злостных пьяниц или наркоманов, почти ничего неизвестно о том, как они отдыхают и развлекаются»¹⁰⁴. Газета «Вечерние ведомости из Екатеринбурга» писала в 1998 г., что «гости из Поднебесной проблемы предпочитают решать сами, сора из избы выносить не любят. К властям не обращаются»¹⁰⁵. Китайцы не общались даже с соотечественниками предыдущей иммиграционной волны. Все возникающие с правоохранительными органами проблемы они решали через конкретных посредников – владеющих русским языком китайцев¹⁰⁶.

Как и в предыдущие периоды пребывания китайцев в нашей стране, актуальной оставалась проблема санитарного состояния

китайского быта. Один из жителей Екатеринбурга в середине 1990-х годов побывал в «китайском общежитии» Уралмаша: «...желтолицые братья живут в ужасной антисанитарии – в подъездах грязь, в квартирах тараканы... готовили прямо на полу на электроплитках незнакомую пищу»¹⁰⁷. У местных жителей вызывало опасение и состояние района компактного проживания китайцев – «Сортировки», которая к началу 2000-х годов стала местом, ассоциирующимся с преступностью и антисанитарией. «Сортировка – большой общественный сортир, больное место города. Несимпатичное, грязное и, наверно, без преувеличения – опасное», – писала «Областная газета»¹⁰⁸. Придомовая территория мест обитания китайцев также быстро загрязнялась: «Мало того, что посетители да торговцы Таганского ряда предпочитают биотуалетам местные закоулки, постояльцы свое временное жилье тоже не щадят: разбитые подъезды, выбитые окна»¹⁰⁹.

Вопросы санитарного состояния мест проживания китайцев в Екатеринбурге в 1990-е годы были вынуждены решать местные власти. В конце 1990-х годов А. З. Клименко, глава Железнодорожного района Екатеринбурга, сообщал журналистам, что «Таганский ряд» является большой проблемой для властей. Только сумма за перерасход воды в микрорайоне превышала тогда 9 млн рублей, поскольку, по словам А. З. Клименко, «часто в квартире, где прописан один человек, живет по 20 постояльцев»¹¹⁰. В 2002 г. в Екатеринбурге состоялась рабочая встреча начальника городского управления здравоохранения А. И. Прудкова с профессором из КНР Дин Дзитао, руководителем китайского лечебного учреждения, филиал которого планировалось открыть для решения проблемы медицинского обслуживания его соотечественников, временно проживавших в Екатеринбурге (к тому моменту – 20 тыс. человек). Поводом для этой встречи официально была объявлена «потенциальная возможность распространения инфекционных заболеваний, отсутствие полной информации о здоровье приезжих и невозможность полностью контролировать заболеваемость гостей города»¹¹¹. Однако вопрос так и не был решен.

В 2000-е годы с новыми категориями китайцев у местного населения появились и новые поводы для опасения. Так, если в

1990-е годы китайцы ассоциировались с низкокачественными бытовыми товарами, то в 2000-е от их присутствия ожидаются куда более серьезные угрозы: нарушение экологической системы, эпидемии, незаконный захват пустующих земель и т. д. Почти каждый скандал с работающими в регионе китайцами получает широкий общественный резонанс. В 2009 г., например, в СМИ активно освещалась история сельскохозяйственного предприятия «Хун ли». В связи с поступившими обращениями граждан Алапаевская городская прокуратура провела проверку этого предприятия, в ходе которой было установлено, что производимая здесь продукция представляла серьезную угрозу для жизни и здоровья людей¹¹². Когда китайцы появились в Ординском районе Пермского края, то их продукция несколько раз проверялась органами Роспотребнадзора, но никаких нарушений установлено не было. Тем не менее, полевые исследования показывают, что жители относились к производимой продукции с подозрением, и реализовать ее удалось только за пределами района. Большое опасение вызывает также сам факт труда китайцев на российской земле. Даже сезонные работы часто воспринимаются местными жителями как попытка захвата земли¹¹³. В целом из-за серьезных различий в культуре, особенностях поведения и формах быта местное население Среднего Урала на современном этапе по-прежнему воспринимает китайцев с опаской.

Есть свои особенности в выборе места проживания. Поскольку большая часть китайцев прибывала на Средний Урал временно с целью торговли, необходимости покупки жилья у них не было. Живя в России, они преимущественно искали кров недалеко от места торговли: «...квартиры они предпочитают снимать поближе к рынку. Большинство из них живет в пределах пяти ближайших кварталов»¹¹⁴. По этой причине окружающие «китайские» рынки кварталы в крупных городах превратились в места компактного проживания китайцев. В Екатеринбурге большинство китайцев расселились в районе «Новой Сортировки». О степени присутствия китайцев здесь во второй половине 1990-х годов прошлого века свидетельствует следующее высказывание в СМИ: «Обширный

район Новой Сортировки населили торговцы с рынка, который официально называется «Таганский ряд», в народе же рынок прозвали просто «китайским»¹¹⁵. В Перми микрорайон Парковый за находящийся там «китайский» рынок также ассоциируют с китайцами, поселившимися здесь. Квартиры, в которых китайцы жили, как правило, были съемными. Причем снимали одно помещение сразу несколько человек, часто – в пределах десятка: «У себя на родине они привыкли жить по принципу «в тесноте, да не в обиде». У нас китайцы живут точно также – по десять-пятнадцать человек в одной квартире»¹¹⁶. В районе «Таганского ряда» к началу 2000-х годов практически все жилье было сдано китайцам. Даже те, кто продолжали там жить, предпочитали уезжать на лето за город на дачу, а квартиры сдавать китайцам¹¹⁷.

Поскольку жившие на съемных и прочих квартирах китайцы относились к своему жилью как к временному, то и обращались с ним соответствующим образом. После себя они оставляли много мусора и беспорядка: «Через год–полтора китайского нашествия квартирохозяин вынужден делать капитальный ремонт...<...> десять–пятнадцать человек занимают электрическую или газовую плиту в квартире почти круглосуточно»¹¹⁸. Очевидно, что большинство китайцев, не желая «плотно» осесть в России, не заботились об обустройстве своего быта. Их жилищем, как правило, служили съемные комнаты и квартиры, которые использовались одновременно как место для сна и склады для товаров.

Кухня китайцев на Урале мало отличается от привычной им национальной. Многие из них даже после продолжительного проживания в России не смогли привыкнуть к местному образу питания. Китайцы, традиционно мало употребляющие в пищу молочные продукты, отмечают их разнообразие в России. Такие распространенные продукты, как кефир, майонез или творог, они практически не используют¹¹⁹. Соленая рыба (т. е. не жареная и не вареная) воспринимается ими как «сырая». Замороженное сало как продукт питания также не воспринимается¹²⁰.

В 1990-е годы русский язык по-прежнему оставался одной из главных проблем для иммигрантов из КНР. По данным переписи

2002 г., в Свердловской области из 2 435 китайцев русским языком владели 770 человек, в Пермской области – 77 из 86¹²¹. Но, скорее всего, эти данные не вполне соответствуют действительности. Ван Инчао, прожив в Перми более 15 лет, ни разу специально не учила русский язык. Скорее всего, так поступало и большинство ее соотечественников¹²². Китайские студенты отмечают, что «на первых порах плохое знание языка часто приводило к курьезам»¹²³. В личных беседах обнаруживается: даже «хорошо говорящие по-русски» китайцы допускают большое количество ошибок – стилистических, грамматических и фонетических. А большая часть жителей Поднебесной вообще предпочитает не говорить по-русски, ограничиваясь лишь знанием нескольких слов и выражений, необходимых для повседневной работы¹²⁴. Но нередко нет и этого минимума: «Лишь одно мешает успешной торговле – продавцы часто почти не говорят по-русски»¹²⁵. Заместитель председателя правительства Свердловской области В. И. Задорожный в 1992 г. уже после трех лет активных экономических связей назвал отсутствие специалистов-переводчиков главной проблемой, тормозящей развитие отношений Китая с городами Урала¹²⁶. Таким образом, незнание русского языка в период третьей миграционной волны оставалось одним из ключевых факторов, тормозящих адаптацию китайских иммигрантов на Среднем Урале.

Большую часть дня современные китайцы проводят на работе – на рынке или где-то еще. Если появляется свободное время, они собираются вместе и играют в карты или готовят блюда китайской кухни. «Игра с оглушительными выяснениями отношений на китайском языке может длиться до 3–4 часов ночи», – описывал свои наблюдения один из жителей Екатеринбурга, близкий к китайцам¹²⁷. С. Н. Гончаров отмечал, что, возвращаясь с работы, китайцы стремятся, никуда не отклоняясь, добраться до общежития, где «в кругу соплеменников «круто» выпить и поесть по-китайски»¹²⁸. По сведениям, полученным от Ван Инчао, в Перми китайцы микрорайона Парковый в свободное время либо работают, либо в командировке, либо общаются с друзьями¹²⁹. На что-либо еще времени не остается. По этой же причине китайцы

мало вступают в контакты с принимающим сообществом. За рамки этого сценария жизни они выходят только в праздничные дни, когда большими компаниями собираются в ресторанах, играют в кости, обсуждают новости КНР.

Еще одна неотъемлемая часть быта китайских иммигрантов – «связь» с преступным миром¹³⁰. Практически каждый китайский рынок помимо легального руководства в 1990-е годы имел и неформальное, связанное с криминальными группировками. По данным синолога О. Курто, основанным на китайских источниках, до 80% китайского бизнеса в 1990-е годы находилось под влиянием китайских мафиозных «триад»¹³¹.

В Екатеринбурге в конце 1990-х годов всерьез шли разговоры о существовании в городе разветвленной структуры китайской мафии. «Ходят слухи, что завелись в нашей китайской общине тайные общества «триады» – мафия китайская. Милиция не говорит ничего, не знает, видимо», – писали «Вечерние ведомости из Екатеринбурга»¹³². Газета «Вечерний Екатеринбург»: «Среди находящихся у нас китайцев есть свои криминальные группировки, которые занимаются рэккетом, ведут между собой разборки, причем, бывает, изощреннее и круче, чем «наши» ребята. «Обиженные» нелегалы в правоохранительные органы, конечно же, не обращаются»¹³³. Или: «В их кварталах свирепствует самый настоящий террор банд, состоящих из их земляков»¹³⁴.

В 1997 г. огласку получила история одной китайской семьи (имена не назывались). Супруга вместе с мужем приехали в Екатеринбург для торговли, однако по прибытии на них вышла группа корейцев, которые взяли мужа «в плен», спрятав в одном из «китайских общежитий» Уралмаша. У супруги потребовали выкуп в 20 тыс. долларов. Таких денег у женщины не было, и она обратилась в милицию. В итоге Свердловским УОП, РОВД и УВД была проведена операция, в ходе которой было арестовано 56 граждан КНР и Вьетнама, подозреваемых в различных правонарушениях. По словам оперативников, во время задержания китайцы, завидев милицию, «пачками» выпрыгивали с первых и вторых этажей «своих» общежитий и разбегались¹³⁵. Этот, казалось бы, незначи-

тельный эпизод очень четко обозначил уже реально существующую проблему – царящие в китайской среде «уголовные группировки, в основном промышленные сбором «дани» на рынках»¹³⁶.

Слухи о «китайской мафии» Среднего Урала дошли до Пекина. В феврале 1997 г. в Екатеринбург с визитом прибыла генеральный консул Посольства КНР в России Ли Тунзе. О приезде консула местные власти уведомлены не были специально, для того чтоб госпожа Ли могла на месте оценить ситуацию. Первым делом консул поехала на «Таганский ряд», чтобы ознакомиться с жизнью местных китайцев, численность которых к этому времени уже достигла нескольких тысяч человек. Через несколько дней Ли Тунзе прибыла в офис МИДа Свердловской области на ул. Ленина, 41. По итогам встречи госпожа посол дала интервью СМИ, в котором рассказала об итогах своих наблюдений. Первое, на что она обратила внимание, – это отношение к китайцам правоохранительных органов. «Ваши милиционеры при выполнении своих функций вымогают деньги, товары, бьют, насильно удерживают, надевают наручники. Вообще грубо, оскорбительно обращаются с нашими гражданами», – сообщила посол в беседе с журналистами¹³⁷.

На вопросы о «триадах» Ли Тунзе ответила, что никакой мафии нет. По ее словам, в городе существовала китайская община, были отдельные граждане, нарушающие закон, но «китайской мафии» как таковой на Урале нет, как нет и оснований для ее формирования. С китайцами, нарушившими визовый режим, госпожа Ли призвала поступать со всей строгостью закона. Таким образом, доказать или опровергнуть наличие китайской мафии в Екатеринбурге в конце 90-х годов прошлого века довольно сложно. Но сам факт прибытия в город инкогнито генерального консула говорит о том, что обстановка в сфере работы китайцев, вопросы соблюдения их прав (в том числе соотечественниками) в тот период были напряженными.

В Перми, по рассказам сразу нескольких собеседников, появившиеся в начале 1990-х годов китайцы, с их дешевыми товарами, вызывали недовольство других диаспор (в первую очередь кавказских) и долгое время не могли закрепиться в городе. В 1993 г. в го-

роде произошло несколько открытых конфликтов между китайцами, случались поджоги торговых точек, о чем писала газета «Досье 02»¹³⁸. Поскольку в этом городе не было такого большого количества китайцев, как в Екатеринбурге, то прибывшие в Пермь жители Поднебесной начали активно сотрудничать с другими представителями дальневосточных народов – корейцами и вьетнамцами. Рынок на Парковом даже неофициально «принадлежал» корейцам, бывшим гражданам СССР. Но серьезной преступной группировки в Перми не было. А. Константинов, ссылаясь на наблюдения правоохранительных органов того времени, называет китайцев «несколькими разобщенными группами, вынужденными организовываться между собой для совместной защиты»¹³⁹. Пермский исследователь А. А. Борисов, занимавшийся изучением быта китайцев в Перми, также отмечает, что мафии и «авторитетов» у китайцев в столице Прикамья нет¹⁴⁰. В целом необходимо признать, что конкретных данных о существовании организованной преступности у китайцев в 1990-е годы в источниках не зафиксировано.

Отдельно необходимо сказать и о внутреннем мире китайских мигрантов. Являясь носителями своей культуры, они редко решались на смену гражданства. Практически все специалисты отмечают, что, даже приезжая в Россию на продолжительное время и имея возможность получить гражданство, они, как правило, этого не делают. «Даже единичные случаи принятия китайцами российского гражданства не всегда являются желанием китайцев осесть в России навсегда», – отмечает в своей монографии В. Г. Дацышен¹⁴¹. А. Г. Ларин в своем исследовании указывает, что за 1990-е годы во всей России только несколько сот китайцев приняли российское гражданство¹⁴². Нежелание китайцев принять местную культуру подтверждает, что они не намерены оставаться в России постоянно. Большая часть китайской диаспоры – это временные торговцы, имеющие семьи в Китае и приезжающие в Россию только с целью заработка. Китайский иммигрант во втором поколении, В. П. Кривоногов, по этому поводу отметил: «Оседлости никакой у них нет. Сегодня я вот с компаньоном работаю, и нет гарантии, что через месяц он не уедет. И нигде я

его не найду. Они здесь на рынке работают, а не понравилось если, так они уезжают в Свердловск или Киров, без разницы. Тут же собираются, уезжают – и все»¹⁴³.

К началу 2000-х годов первый период пребывания китайцев четвертой волны в России и на Среднем Урале закончился. В. И. Дятлов называет китайцев 1990-х годов «пионерами», задача которых – «закрепиться, занять свою нишу и создать инфраструктуру для второго поколения мигрантов»¹⁴⁴. На смену этим китайцам должны прийти организованные и более открытые мигранты новой волны. Действительно, за десятилетие с небольшим китайцы смогли «закрепиться» на Среднем Урале, что создало *предпосылки для формирования диаспоры*. Центром формирования китайской диаспоры Среднего Урала в начале 2000-х годов был Екатеринбург. Здесь начали свою официальную работу китайское землячество и Лига китайских предпринимателей (Екатеринбург). Целью последней организации объявлено «объединение представителей китайской диаспоры на Урале и активизация сотрудничества между Свердловской областью и КНР»¹⁴⁵.

Рынок «Таганский ряд» в Екатеринбурге в 2000-е годы стал обрастать соответствующей диаспоре инфраструктурой. Большая часть китайцев Екатеринбурга живет и работает в районе близлежащих улиц Минометчиков и Технической (на адресах многих домов по этим улицам снизу приписан перевод на китайский язык). В этом районе работают китайские магазины, где все продукты привезены из Китая и подписаны иероглифами, парикмахерские, рестораны и казино, филиал Уралвнешторгбанка, медпункты с применением традиционной китайской народной медицины. По сообщениям некоторых СМИ, здесь уже давно «существует своя проституция, своя торговля наркотиками, своя ночлежка и даже своя мафия и все другие атрибуты маргинального эмигрантского образа жизни»¹⁴⁶. То есть существует необходимая инфраструктура для осуществления жизнедеятельности в рамках ограниченной территории. Один из китайцев, живущий несколько лет в Екатеринбурге, в личной беседе признался, что, приехав в Россию, очень переживал, что не знает русского языка

и не сможет адаптироваться. Однако очень скоро понял, что опасения были напрасны. Выучить несколько слов помогли соотечественники, а все необходимое для жизни он нашел в пределах рынка. Почти за год жизни в городе он ни разу не выезжал за его пределы. В перспективе этот район «Таганского ряда» может стать первым чайна-таунм Среднего Урала.

Признаком окончания процессов становления китайской диаспоры в Свердловской области является и сплоченность китайцев. В 2000-е годы диаспора несколько раз заявляла о себе как институционально сформированный социальный организм. В июне 2007 г., например, когда в Екатеринбурге проходил 5-й Международный кубок первого Президента России Бориса Ельцина по волейболу, диаспора решила поддержать команду своих соотечественников, принимавших участие в чемпионате, приобретя свыше 5 000 билетов для свердловских китайцев. Об этой акции даже общало китайское информационное агентство «Синьхуа»¹⁴⁷. В 2003 г. представители диаспоры перед телекамерами публично провожали на рейс «Екатеринбург – Урумчи» соотечественников, нарушивших правила пребывания на территории РФ. Проезд в Китай осуществлялся на средства диаспоры. Когда в 2008 г. в провинции КНР Сычуань произошло сильное землетрясение, китайская диаспора Екатеринбурга организовала благотворительную акцию по сбору средств¹⁴⁸. К этому необходимо добавить, что в Екатеринбурге действует китайский клуб (ресторан, казино и ряд административных зданий исключительно для членов диаспоры)¹⁴⁹, с 2007 г. издавалась газета на китайском языке «Ван дун цзоу» («往东走!»), или по-русски «Идем на восток!»¹⁵⁰. Вышеприведенные факты позволяют заключить, что в Екатеринбурге на современном этапе уже существует китайская диаспора.

Признаки институционального оформления китайского общества в начале 2000-х годов прослеживались и в Перми. Здесь с 1998 г. появилась организация «Тяньма». Цели общества изначально были достаточно широки: содействие сотрудничеству между нашими народами, развитие народной дипломатии, международных обменов, объединение всех лиц китайской националь-

ности, постоянно проживавших в Перми, а также имевших вид на жительство; расширение гуманитарных и экономических контактов; правовая, языковая, моральная, материальная помощь членам организации; содействие гармонизации межнациональных отношений и взаимообогащению национальных культур»¹⁵¹. Партнером организации, по словам ее директора Ван Сэня, являлась Международная китайская корпорация по культуре и искусству, совместно с которой был организован визит пермской делегации, включавшей представителей администрации области, в провинцию Чжэцзян (КНР). Но реально эта организация не стала выразителем интересов диаспоры¹⁵². А. А. Борисов считает, что «китайское сообщество Пермской области представляет собой несколько отдельных групп граждан Китая, ведущих в Пермской области особый, специфический образ жизни, практически не пересекаясь между собой»¹⁵³. А «Тяньма» он называет «неким подобием юридической фирмы, оказывающей платные услуги китайцам по оформлению необходимых документов»¹⁵⁴. В начале 2000-х годов в Пермской области действительно не было реально функционирующих организаций китайцев. Сегодня районом постоянного проживания китайцев в Прикамье является микрорайон Парковый в краевом центре. Однако здесь, ввиду малочисленности диаспоры, внутренняя институционализация не является такой развитой. Микрорайон, как правило, является для китайцев только местом работы, жить они могут в других районах. За продуктами местные продавцы ездят в Екатеринбург.

В целом процесс китайской иммиграции на Средний Урал в 1990-е – 2000-е годы мало отличался от общероссийского. Китайцы приезжали с целью торговли, не проявляя желания оставаться в России на постоянное жительство. Однако 20 лет дружественных отношений и постоянных контактов на межгосударственном уровне привели к формированию сначала компактных этнодисперсных групп китайцев по всей России, которые в ряде регионов сформировались в диаспоры. Одной из крупнейших и организованных диаспор сегодня является китайская диаспора Среднего Урала с центром в Екатеринбурге.

4.5. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИТАЙСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ СРЕДНЕГО УРАЛА

Текущее состояние китайской этнодисперсной группы на Среднем Урале отражают данные этносоциологического исследования, проведенного автором в 2008–2010 гг. на территориях Свердловской области и Пермского края.

Учитывая, что на сегодняшний день большая часть китайцев – это работники предпринимательской сферы или студенты (эта группа в последние годы значительно увеличивается и, скорее всего, именно она станет основой для второго поколения китайской иммиграции), объектом исследования стали эти две социальные группы.

Участникам предлагалось заполнить анкету из 107 вопросов, которые условно можно разделить на несколько смысловых блоков: 1) сведения о респондентах; 2) мотивы приезда и их представления о России и Урале; 3) жизнь и работа в России и на Урале; 4) владение языками; 5) отношения с местным населением и органами власти; 6) отношения внутри китайской общины; 7) проблемы адаптации, сохранения и воспроизводства национальной культуры. В опросном листе были как открытые типы вопросов, так и закрытые. Для удобства отвечающих анкета была переведена на китайский язык.

Всего в анкетировании приняло участие 95 человек: 69 (31 – Пермь, 38 – Екатеринбург) предпринимателей и работников рынка¹⁵⁵ (далее – «коммерсантов») и 26 студентов (14 – Пермь, 12 – Екатеринбург).

В исследовании участвовали представители разных возрастов и полов. При этом необходимым условием участия в анкетировании был опыт проживания в России: при заполнении анкеты оговаривалось, что респондент не должен быть «сезонным рабочим», а должен иметь опыт жизни в России не менее 3 лет для «коммерсантов» и не менее 2 лет для студентов. Необходимо отметить, что ответы китайцев из Свердловской области и Пермского края практически не отличались, что свидетельствует, что они находились в схожих социальных условиях¹⁵⁶.

Следует отметить, что у авторов была возможность сравнить полученные ответы по ряду позиций с общероссийскими показателями, поскольку во многом аналогичное исследование проводилось Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2007 г. в нескольких регионах России. Участие в нем приняло 700 человек¹⁵⁷. Кроме этого, по итогам заполнения анкет с рядом респондентов удалось провести глубинные интервью и получить комментарии относительно выбранных ими ответов и ответов их соотечественников.

Несмотря на ряд сложностей¹⁵⁸, возникших в ходе организации анкетирования, его результаты, в целом, можно считать удачными, поскольку проведенная работа является первым межрегиональным исследованием китайской этнической группы Среднего Урала. Полученные данные позволили оценить состояние, взгляды и ценности китайцев, восприятие ими окружающего мира, социальный облик и внутреннюю динамику развития китайской диаспоры Среднего Урала на современном этапе.

Первая группа вопросов касалась личных данных респондента. Как видно из таблицы 4.5, в анкетировании приняли участие китайцы разных возрастов. Большую часть составили китайцы трудоспособного возраста, что характерно для всей диаспоры (в исследовании ВЦИОМ 87% респондентов находились в возрасте 18–44 лет¹⁵⁹). Так, по данным самих респондентов, полученным в ходе личных опросов, большинство китайцев, проживающих сегодня на Среднем Урале, находятся в возрасте от 20 до 40 лет.

Таблица 4.5

Вопрос: Укажите год Вашего рождения (您的出生日斯?)

Возрастная категория	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
До 1970 (%)	27 (39,1%)	-	27 (28,4%)
1971–75 (%)	5 (7,2%)	-	5 (5,3%)
1976–80 (%)	10 (14,5%)	1 (3,8%)	11 (11,5%)
1981–85 (%)	14 (20,3%)	12 (46,2%)	26 (27,4%)
1986–90 (%)	4 (5,8%)	9 (34,6%)	13 (13,7%)
После 1990 (%)	2 (2,9%)	4 (15,4%)	6 (6,3%)
Нет ответа (%)	7 (10,2%)	-	7 (7,4%)

Участие в анкетировании приняли 57 мужчин (60%) и 38 женщин (40%).

Таблица 4.6

Вопрос: Ваш пол? (您的性别)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее	ВЦИОМ
Мужской (%)	39 (56,5%)	18 (69,2%)	57 (60%)	60%
Женский (%)	30 (43,5%)	8 (30,8%)	38 (40%)	40%

Ответы на вопрос о месте рождения подтвердили, что характер потоков китайской иммиграции на Средний Урал в ходе третьей волны не изменился. Как и в предыдущие периоды, большая часть китайцев прибыла в регион из северных и северо-восточных провинций КНР: Хэйлунцзян (35,8%, по данным ВЦИОМ, – 60%), Шаньдун (14,7%), Цзилин (10,5), Хэнань (8,4%) и др.

Таблица 4.7

Вопрос: В какой провинции Китая Вы родились?

(您出生地点 (哪个省) ?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Шаньдун (%)	5 (7,3%)	9 (34,6%)	14 (12,7%)
Хэнань (%)	3 (4,4%)	5 (19,2%)	8 (8,4%)
Хунань (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
Хэйлунцзян (%)	34 (49,3%)	-	34 (35,8%)
Гуандун (%)	-	5 (19,2%)	5 (5,3%)
Цзилин (%)	10 (14,5%)	-	10 (10,5%)
Сычжоу (%)	1 (1,5%)	1 (3,8%)	2 (2,1%)
Цзинань (%)	-	2 (3,8%)	2 (2,1%)
Ляонин (%)	6 (8,7%)	-	6 (6,3%)
Пекин (%)	-	1 (3,8%)	1 (1,1%)
Не корректно ¹⁶⁰ (%)	7 (10,2%)	2 (7,7%)	9 (9,5%)
Не указано (%)	2 (2,9%)	1 (2,8%)	3 (3,2%)

Уровень образования участвовавших в анкетировании китайцев свидетельствует, что на Средний Урал приезжают, как правило, малообразованные китайцы, что также характерно для всех периодов их пребывания в регионе. Университетское образование на момент заполнения имели только 23,2% (среди студентов университетское образование имели 50%), а 42,1% обучались только в школе.

Таблица 4.8

Вопрос: Ваше образование? (您的学历?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Школа (%)	33 (47,8%)	7 (26,9%)	40 (42,1%)
Среднее образование (大专, 专利) (%)	25 (36,2%)	6 (23,1%)	21 (22,1%)
Университет (%)	9 (13,1%)	13 (50%)	22 (23,2%)
Нет образования (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
Нет ответа (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)

Примерно половина прибывающих на Средний Урал китайцев еще не обзавелись семьей и детьми – 48,4%. Но даже те, у кого они есть, в личных беседах указывали, что семья и/или дети проживают постоянно в Китае. У студентов в брачных отношениях состояли двое, у «коммерсантов» 65,2% (более чем у половины есть дети).

Таблица 4.9

Вопрос: Есть ли у Вас семья? (您有没有家人?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Есть супруг (%)	13 (18,8%)	1 (3,8%)	14 (12,7%)
Есть дети (%)	2 (2,9%)	-	2 (2,1%)
Есть супруг и дети (%)	32 (46,4%)	1 (3,8%)	33 (34,7%)
Нет детей и семьи (%)	22 (31,9%)	24 (92,3%)	46 (48,4%)

В последнем вопросе этого блока респондентам предлагалось оценить, постоянно или нет они проживают в России. При этом четкого критерия между «постоянным» и «временным» проживанием названо не было, отвечающие определяли свой статус сами. «Постоянно» проживающими себя назвали 33,7%, а 45,3% отнесли себя к «временно» проживающим. Также среди студентов 19,2% отнесли себя к «постоянно» проживающим. Эти данные свидетельствуют, что большая часть китайцев, живущих на Среднем Урале, воспринимает себя временно проживающими, и это притом, что значительная часть (26,3%) не могут дать четкого ответа на данный вопрос. По данным ВЦИОМ, 69% находящихся в России китайцев живут в стране в среднем менее 5 лет.

Таблица 4.10

Вопрос: Вы приехали в тот населенный пункт, в котором Вы сейчас находитесь, на некоторое время или живете здесь постоянно? (您在现居住地, 是长期还是临时居住?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Постоянно (%)	27 (39,1%)	5 (19,2%)	32 (33,7%)
Временно (%)	29 (42,1%)	14 (53,8%)	43 (45,3%)
Нет ответа (%)	13 (18,8%)	7 (26,9%)	20 (26,3%)

Следующий блок вопросов был посвящен анализу мотивов приезда китайцев Среднего Урала в Россию, а также их представлениям о России до приезда в страну. Сначала респондентам предлагалось ответить, откуда они получали информацию о России во время жизни в Китае. На этот вопрос «коммерсанты» и студенты отвечали по-разному. Первые чаще получали информацию от родных или от друзей (в общем – 76,8%), а вторые – из книг (80,8%), журналов и газет (57,7%). При этом самым популярным для обеих категорий китайцев оказался вариант ответа «по телевизору» – 55,8% (у студентов – 73,1%, у «коммерсантов» – 49,3%). Все варианты ответа сразу указали 8 (10,8%) китайцев (5 «коммерсантов» и 3 студента). Таким образом, можно

заклучить, что еще живя в Китае будущие иммигранты имели достаточно широкий круг источников информации о России.

Таблица 4.11

Вопрос: Откуда Вы получали информацию о России, когда Вы жили в Китае? (在中国您从哪儿听说俄罗斯?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
От родных (%)	31 (44,9%)	12 (46,2%)	43 (45,3%)
От друзей (%)	22 (31,9%)	6 (23,1%)	28 (29,5%)
В школе (%)	22 (31,9%)	18 (69,2%)	40 (42,1%)
Из книг (%)	16 (23,2%)	21 (80,8%)	37 (38,9%)
По телевизору (%)	34 (49,3%)	19 (73,1%)	53 (55,8%)
Из журналов и газет (%)	26 (37,7%)	15 (57,7%)	41 (43,6%)
Нет ответа (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)

Представления современных китайцев Среднего Урала о России видны также из ответа на вопрос, в котором респондентам предлагалось назвать трех самых популярных, по их мнению, «россиян» (俄罗斯人). Как показали ответы, самым известным для современных китайцев является В. В. Путин, на втором месте по популярности – В. И. Ленин, на третьем – И. В. Сталин, на четвертом – Б. Н. Ельцин, а на пятом – А. С. Пушкин. Очевидно, что в большей степени современные китайцы воспринимают Россию через ее политических лидеров XX века.

Таблица 4.12.

Вопрос: Напишите трех самых известных Вам россиян? (请写出最著名的三个俄罗斯人?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
В. В. Путин (%)	27 (39,1%)	17 (65,4%)	44 (46,3%)
В. И. Ленин (%)	28 (40,6%)	8 (30,8%)	36 (38,9%)
И. В. Сталин (%)	17 (24,6%)	4 (15,4%)	21 (22,1%)
Б. Н. Ельцин (%)	7 (10,2%)	6 (19,2%)	13 (13,7%)
А. С. Пушкин (%)	3 (4,4%)	9 (38,5%)	12 (12,6%)

Мотивы приезда в Россию у студентов и «коммерсантов» разные. Для большинства студентов главная причина приезда – получение образования (88,5%), а большая часть «коммерсантов» имеет целью бизнес в России (78,2%). Кроме этого, для ряда приезжающих основной причиной выступают безработица в Китае или родственники, живущие в России.

Таблица 4.13

**Вопрос: Укажите причины,
по которым Вы решили приехать в Россию?
(你决定离开中国的原因?)**

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Бизнес (%)	54 (78,2%)	-	54 (56,8%)
Недовольство властями КНР (%)	-	-	-
Плохая экология в КНР (%)	-	1 (3,8%)	1 (1,1%)
Отсутствие работы (%)	6 (8,7%)	-	6 (6,3%)
Образование в России (%)	1 (1,5%)	23 (88,5%)	24 (25,3%)
Приехал к родным (%)	4 (5,8%)	-	4 (4,2%)
Другое (%)	4 (5,8%)	2 (7,7%)	6 (6,3%)

В следующей группе вопросов этого блока речь шла уже не о России в целом, а о том населенном пункте, в котором находились респонденты на момент заполнения анкеты (Пермь или Екатеринбург). Во-первых, по аналогии с предыдущим вопросом предлагалось указать на источники информации о текущем месте жительства во время жизни в Китае. Самым распространенным вариантом ответа стал – «от родных» (44,2%), на втором месте – «от друзей» (37,9%). Таким образом, если информацию о России китайцы черпают из самых разных источников, то решение о приезде в тот или иной российский город на Среднем Урале они принимают, руководствуясь рекомендациями родных или друзей.

**Вопрос: Откуда Вы получали информацию
о Вашем населенном пункте, когда Вы жили в Китае?**
(您从什么地方知道您的现居住地?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
От родных (%)	36 (52,2%)	6 (23,1%)	42 (44,2%)
От друзей (%)	24 (34,8%)	12 (46,2%)	36 (37,9%)
По телевизору (%)	6 (8,7%)	3 (11,5%)	9 (9,5%)
Узнал, когда приехал (%)	12 (17,4%)	6 (23,1%)	18 (18,9%)
Нет ответа (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)

Далее респондентам необходимо было указать, слышали ли они что-то, живя в Китае, о крупнейших городах Среднего Урала – Перми или Екатеринбурге. Судя по полученным ответам, Екатеринбург является для китайцев более известным, чем Пермь. До приезда в Россию о нем знали 68,4%, а о Перми – 53,7%. При этом если о Екатеринбурге не слышали 15,8% респондентов, то о Перми до приезда ничего не знали 41,1%. В личных беседах китайцы также подтверждали, что Екатеринбург очень известен в Китае, в отличие от Перми.

В рамках данного вопроса предлагалось также ответить, какие еще российские города они знали до приезда в Россию. Москву назвали 54 человека (56,8%), Санкт-Петербург – 20 (21,1%), по 2 человека (2,1%) назвали Новосибирск и Хабаровск, также назывались Иркутск, Уфа. Кроме этого, 5 человек ответили, что знали много городов (很多, 所有) и не стали их перечислять.

Таблица 4.15

**Вопрос: Слышали ли Вы что-то о нижеперечисленных городах,
живя в Китае? (在中国听说没听说, 过以下城市?)**

Екатеринбург (叶卡捷琳堡)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Слышал о Екатеринбурге (%)	49 (71,1%)	16 (61,5%)	65 (68,4%)
Не слышал о Екатеринбурге (%)	7 (10,2%)	8 (30,8%)	15 (15,8%)
Нет ответа (%)	13 (18,8%)	2 (7,7%)	15 (15,8%)

Пермь (彼尔姆)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Слышал о Перми (%)	38 (55,1%)	13 (50%)	51 (53,7%)
Не слышал о Перми (%)	28 (40,6%)	11 (53,8%)	39 (41,1%)
Нет ответа (%)	3 (4,4%)	2 (7,7%)	5 (5,3%)

Мотивы приезда на Средний Урал также отражены в ответах на следующий вопрос. Оказалось, что у 48,4% респондентов есть родственники в Перми или Екатеринбурге. Не было родственников в крупнейших городах Среднего Урала у 46,3% участвовавших в анкетировании китайцев. Характерно, что если для большинства «коммерсантов» (55,1%) наличие родственников являлось важным аргументом для приезда в указанный регион, то для студентов это уже менее значительно (30,8%). Можно заключить, что наличие родственников хоть и является важным фактором иммиграции для китайцев, но отнюдь не главным. Китайцы могут приехать и в город, где у них нет родных и близких.

Таблица 4.16

Вопрос: Есть ли у Вас родные или близкие в Перми или Екатеринбурге? (您在 叶卡捷琳堡/彼尔姆州有没有或亲属?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	38 (55,1%)	8 (30,8%)	46 (48,4%)
Нет (%)	28 (40,6%)	16 (61,5%)	44 (46,3%)
Нет ответа (%)	3 (4,4%)	2 (7,7%)	5 (5,3%)

В следующем вопросе этого блока нужно было указать, когда, по мнению респондентов, китайцы появились на Урале. Большинство (45,3%) на вопрос не ответили (скорее всего, от незнания, поскольку вариант «затрудняюсь ответить» в вопросе не был предусмотрен), а остальные варианты по количеству ответов оказались примерно равны между собой, что также свидетельствует о незнании современными китайцами истории своего народа в том регионе, где проживают. В устных беседах китайцы подтверждали, что в

большинстве ничего не знали о существовании иммигрантов из Китая в более ранние периоды, отмечая при этом, что это им интересно.

Данный факт подтверждает тезис, что китайцы последней иммиграционной «волны» не поддерживают связей с китайцами предыдущих периодов.

Таблица 4.17

Вопрос: Как Вы считаете, в какое время китайцы появились на Урале? (您认为中国人从什么时间开始在乌拉尔地区居住?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
В начале XX в. (%)	9 (13,1%)	6 (23,1%)	15 (15,8%)
Во время Гражданской войны (%)	6 (8,7%)	4 (15,4%)	10 (10,5%)
После 1945 г. (%)	12 (17,4%)	6 (23,1%)	18 (18,9%)
После развала СССР (%)	7 (10,2%)	2 (7,7%)	9 (9,5%)
Нет ответа (%)	35 (50,7%)	8 (30,8%)	43 (45,3%)

В последнем вопросе блока требовалось указать, собирается ли респондент в будущем уезжать из России. Полученные ответы нельзя оценить однозначно, поскольку количество вариантов «Да» и «Нет» оказалось примерно равным: 34,7% и 37,9% соответственно. Еще 22,1% ответили «Да, но потом вернусь». Таким образом, около 50% респондентов в будущем намереваются покинуть Россию, а значит для большинства из них страна не является желаемым местом для постоянного проживания.

Таблица 4.18

Вопрос: Собираетесь ли Вы уезжать из России? (您想不想离开俄罗斯?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	26 (37,7%)	7 (26,9%)	33 (34,7%)
Нет (%)	28 (40,6%)	8 (30,8%)	36 (37,9%)
Да, но потом вернусь (%)	10 (14,5%)	11 (42,3%)	21 (22,1%)
Нет ответа (%)	5 (7,3%)	-	5 (5,3%)

Как видно из ответов на вопросы второго блока, Россия для китайцев выступает лишь как одно из мест для карьеры или заработка. На Средний Урал они чаще всего приезжают к родственникам или по совету друзей с конкретной целью (учеба, бизнес и т.д.). При этом большинство намереваются в будущем покинуть Россию и не воспринимают ее как место для постоянного проживания.

Следующая группа вопросов касалась условий труда и жизни в России. Сначала респондентам предлагалось оценить возможности для ведения успешного бизнеса в России. Большинство ответивших (56,8%) отметили, что серьезных отличий от других стран они не чувствуют, а 24,2% указали, что прибыльным бизнесом в России заниматься невозможно, и только 14,7% посчитали условия России более приемлемыми. Таким образом, для большинства китайцев Россия и Средний Урал не выступают в качестве желаемого места для постоянного жительства.

Таблица 4.19

Вопрос: Возможно ли в современной России заниматься прибыльным бизнесом? (您认为现代俄罗斯的生意状况如何?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	9 (13,1%)	5 (19,2%)	14 (14,7%)
Нет разницы (%)	39 (56,5%)	15 (57,7%)	54 (56,8%)
Невозможно (%)	17 (24,6%)	6 (23,1%)	23 (24,2%)
Нет ответа (%)	4 (5,8%)	-	4 (4,2%)

Мнения отвечавших о том, сложно ли им было найти жилье после приезда в Россию, разделились почти поровну. Вариант «Да» выбрали 46,3%, а вариант «Нет» – 42,1%. Еще 10% ответили «Да», но с оговоркой, что в Китае это сделать проще.

Вопрос: Трудно ли Вам было найти жилье в том населенном пункте, в котором Вы сейчас находитесь?
(您刚来时找房子难不难?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	38 (55,1%)	6 (23,1%)	44 (46,3%)
Нет (%)	27 (39,1%)	13 (50%)	40 (42,1%)
Да, но в Китае проще (%)	2 (2,9%)	6 (23,1%)	8 (8,4%)
Нет ответа (%)	2 (2,9%)	1 (3,8%)	3 (3,2%)

Далее респондентам предлагалось указать, работали ли они на момент заполнения анкеты. Как показали ответы, 56,8% работали (среди «коммерсантов» – 73,9%, студентов – 11,5%), искали работу – 12,7% (6,3% – у «коммерсантов», 23,1% – у студентов). Не работали и не искали работу – 30,5% (среди студентов – 65,4%, «коммерсантов» – 17,4%). Как и можно было предположить, большая часть работающих китайцев – «коммерсанты», но при этом необходимо отметить высокую долю студентов китайцев, готовых работать даже во время учебы. «Коммерсанты» указавшие, что они безработные, скорее всего, имели в виду отсутствие легального заработка. В устных опросах абсолютно все китайцы подтвердили, что неработающих среди них нет вообще.

Таблица 4.21

Вопрос: Работаете ли Вы сейчас? (您现在有没有工作?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	51 (73,9%)	3 (11,5%)	54 (56,8%)
Нет, ищу работу (%)	4 (5,8%)	6 (23,1%)	10 (10,5%)
Не работаю и не ищу работу (%)	12 (17,4%)	17 (65,4%)	29 (30,5%)
Нет ответа (%)	2 (2,9%)	-	2 (2,1%)

Отдельный вопрос касался заработка китайцев. Необходимо отметить, что значительная часть респондентов (20,3%) предпочла на него не отвечать, столько же отметили, что заработка не имеют вообще. Полученные же варианты свидетельствуют, что ежемесяч-

ный заработок китайцев не является высоким. Так, 8,1% имели доход 3–5 тыс. руб., 16,2% – 5–10 тыс. руб., 25,7% – свыше 10 тыс. руб.

Таблица 4.22

Вопрос: Какой у Вас среднемесячный заработок?
(您的收入是多少 (一个月)?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
1000 руб. в месяц (%)	3 (4,4%)	-	3 (4,1%)
1 000–3 000 руб. в месяц (%)	7 (11,6%)	-	7 (5,4%)
3 000–5 000 руб. в месяц (%)	11 (10,4%)	1 (3,8%)	12 (12,6%)
5 000–10 000 руб. в месяц (%)	13 (20,8%)	2 (7,7%)	15 (16,2%)
Больше 10 000 руб. (%)	22 (35,4%)	2 (7,7%)	24 (25,7%)
Нет заработка (%)	4 (4,2%)	13 (50%)	17 (20,3%)
Нет ответа (%)	9 (14,6%)	8 (30,8%)	17 (20,3%)

Ответы на следующие два вопроса отражают сферу занятий респондентов во время жизни в России и до приезда. Для большинства основное занятие связано с бизнесом, что подтверждает тезис о том, что китайцы в России трудятся в основном в коммерческом секторе.

Таблица 4.23

Вопрос: В какой отрасли Вы работаете сейчас? (您做什么工作?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Пенсионер (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
Учащийся, студент (%)	5 (7,3%)	22 (84,6%)	27 (28,4%)
Домохозяйка (%)	-	-	-
Безработный (%)	2 (2,9%)	-	2 (2,1%)
Работаю по найму в промышленности (%)	4 (5,8%)	1 (3,8%)	5 (5,3%)
Работаю по найму в торговле (%)	21 (30,4%)	-	21 (22,1%)
Занимаюсь бизнесом в торговле (%)	27 (56,5%)	-	27 (28,4%)
Занимаюсь бизнесом в промышленности (%)	5 (7,3%)	-	5 (5,3%)
Работаю в социальной сфере (%)	3 (4,4%)	1 (3,8%)	4 (4,2%)
Не работаю, так как возраст не подходит (%)	-	1 (3,8%)	1 (1,1%)
Нет ответа (%)	1 (1,5%)	1 (3,8%)	2 (2,1%)

До приезда в Россию большинство респондентов имели статус учащегося или студента – 51,4% (из студентов – 92,3%). Самый распространенный вариант ответа у «коммерсантов» – «Занимался бизнесом в торговле» (24,6%).

Таблица 4.24

Вопрос: В какой отрасли Вы работали до приезда в Россию?
(来俄罗斯之前, 您做什么工作?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Пенсионер (%)	-	-	-
Учащийся, студент (%)	16 (23,2%)	24 (92,3%)	40 (42,1%)
Домохозяйка (%)	4 (5,8%)	-	4 (4,2%)
Безработный (%)	7 (10,2%)	-	7 (7,4%)
Работал по найму в промышленности (%)	9 (13,1%)	-	9 (9,5%)
Работал по найму в торговле (%)	4 (8,7%)	1 (3,8%)	5 (5,3%)
Занимался бизнесом в торговле (%)	17 (24,6%)	-	17 (17,9%)
Занимался бизнесом в промышленности (%)	3 (4,4%)	-	3 (3,2%)
Работал в социальной сфере (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
Работал в органах власти (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
Работал в силовых структурах (%)	3 (4,4%)	-	3 (3,2%)
Сидел дома, так как был маленьким (%)	3 (4,4%)	-	3 (3,2%)
Нет ответа (%)	1 (1,5%)	1 (3,8%)	2 (2,2%)

В следующей таблице представлены ответы китайцев на вопросы о национальном составе коллектива, в котором они работали или учились на момент участия в анкетировании. У «коммерсантов» самый распространенный вариант ответа «Преимущественно китайцы» – 57,9%, при этом вариант «Китайцев примерно половина» выбрали 15,9%. У студентов наибольшее количество голосов набрал вариант «Преимущественно не китайцы» – 76,9%. Вариант «китайцев нет» указали только 2 студента (4,1%), а работающих без китайцев «коммерсантов» вообще не оказалось. Таким образом, можно заключить,

что живя в России, китайцы в повседневной жизни продолжают контактировать преимущественно с соотечественниками как на учебе, так и на работе.

Таблица 4.25

Вопрос: Каков национальный состав коллектива, в котором Вы работаете или учитесь? (您工作 (学习) 的地方有没有中国人?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Преимущественно китайцы (%)	40 (57,9%)	1 (3,8%)	41 (43,6%)
Китайцев примерно половина (%)	11 (15,9%)	2 (7,7%)	13 (13,7%)
Преимущественно не китайцы (%)	14 (20,3%)	20 (76,9%)	34 (35,8%)
Китайцев нет (%)	-	2 (7,7%)	2 (2,1%)
Я работаю один (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
Нет ответа (%)	3 (4,4%)	1 (3,8%)	4 (4,2%)

Несмотря на описанные выше сложности (поиск квартиры, возможности для работы и т.д.), говоря о преимуществах жизни в России, 48,4% (из «коммерсантов» – 65,2%) респондентов выбрали вариант «Возможность заниматься бизнесом» (60,4%), второй по популярности ответ – «Здесь живут родные» (17,4%). У студентов самыми популярными ответами стали – «Возможность получить образование» (76,9%) и «Хорошая экология» (15,4%).

Таблица 4.26

Вопрос: Какие преимущества Вы ощущаете живя в России? (什么优先的条件使您在俄罗斯居住?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Наличие работы	11 (15,9%)	2 (7,7%)	13 (13,7%)
Возможность заниматься бизнесом (%)	45 (65,2%)	1 (3,8%)	46 (48,4%)
Хорошая экология (%)	2 (2,1%)	4 (15,4%)	6 (6,3%)
Здесь живут родные (%)	12 (17,4%)	1 (3,8%)	13 (13,7%)
Возможность получить образование (%)	-	20 (76,9%)	20 (21,1%)
Нет ответа (%)	7 (10,2%)	3 (11,5%)	10 (10,5%)

В вопросе об основных трудностях жизни в России ответы «коммерсантов» и студентов почти не отличались. Главная проблема для всех – «отношения с правоохранительными органами» (59,5%), вторая по важности проблема – «незнание русского языка» (27,4%), третья – «отношения со «скинхедами» (18,9%). Уже из этих вариантов видно, что китайцы не чувствуют себя в России защищенными ни от местных властей, ни от местного населения. Кроме этого, им не создаются условия для адаптации (преодоление языкового барьера). Следует отметить, что трое респондентов приписали к ответу на этот вопрос в анкете иероглифы – 很多 («очень много»).

Таблица 4.27

Вопрос: Какие основные трудности Вы ощущаете живя в России? (您在俄罗斯遇到的主要问题?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Миграционное законодательство (%)	9 (13,1%)	3 (11,5%)	12 (12,6%)
Экология (%)	9 (13,1%)	6 (23,1%)	15 (15,8%)
Отношения с правоохранительными органами (%)	40 (57,9%)	17 (65,4%)	57 (60%)
Отношения со «скинхедами» (%)	10 (14,5%)	8 (30,8%)	18 (18,9%)
Конкуренция на рынке (%)	13 (18,8%)	2 (7,7%)	15 (15,8%)
Незнание русского языка (%)	17 (24,6%)	9 (34,6%)	26 (27,4%)
Другое (указать) (%)	-	1 (климат) (3,8%)	1 (1,1%)
Нет ответа (%)	5 (7,3%)	4 (15,4%)	9 (9,5%)

Отдельный вопрос касался оценки респондентами миграционного законодательства, поскольку опрос проходил в период очередной миграционной реформы, отчасти ограничивающей права иностранцев в России на работу. Увеличение проблем с поиском работы с 2007 г. отметили 14,7%, но при этом 11,6% указали на положительные сдвиги (в устных беседах респонденты указывали, что в связи с изменениями в миграционном законодательстве стало меньше нелегалов, от которых респонденты также страдали). Большинство же затруднились оценить положительные или отри-

пательные стороны нового закона – 41,1%. Примечательно также, что 25,3% не ответили на данный вопрос. Скорее всего, не отвечали на вопрос те, кто также затруднился на него ответить.

Таблица 4.28

Вопрос: Как Вы оцениваете современное миграционное законодательство в России?
(您认为现代俄罗斯的移民法怎么样?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
С начала 2007 года появились проблемы с работой (%)	11 (15,9%)	3 (11,5%)	14 (14,7%)
С начала 2007 года жить и работать в России стало проще (%)	10 (14,5%)	1 (3,8%)	11 (11,6%)
Пока трудно ответить, потому что еще будут изменения (%)	27 (39,1%)	12 (46,2%)	39 (41,1%)
Никаких изменений не ощущается (%)	5 (7,3%)	2 (7,7%)	7 (7,4%)
Нет ответа (%)	16 (23,2%)	8 (30,8%)	24 (25,3%)

Условия жизни и быта китайцев, судя по ответам, также свидетельствуют о «временном» характере проживания большинства из них на Среднем Урале. Среди «коммерсантов» 59,4% проживали в квартирах, 31,9% – в комнатах. Большая часть студентов (96,6%) жили на момент заполнения анкеты в общежитиях (только один человек – в квартире). Но при этом в личных беседах китайцы указывали, что жилье, чаще всего однокомнатная квартира, у большинства китайцев съемное и обитают в нем сразу по несколько человек.

Таблица 4.29

Вопрос: Имеете ли Вы свое жилье? (现在您有没有住所?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Квартиру (%)	41 (59,4%)	1 (3,8%)	42 (44,2%)
Комнату (%)	22 (31,9%)	-	22 (23,2%)
Дом (%)	-	-	-
Студенческое общежитие (%)	-	25 (96,2%)	25 (26,3%)
Не имею (%)	5 (7,3%)	-	5 (5,3%)
Нет ответа (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)

Сколько именно китайцев в среднем проживали в одной квартире или комнате, видно из следующей таблицы. Большая часть из них жили по 3 (28,9%), 24,3% – по 4–5, третий по популярности ответ (23,2%) – по 2. При этом студенты жили в более комфортных условиях: чаще по 2 (38,5%) человека в комнате. С 20 и более соседями проживали 9,5% респондентов.

Таблица 4.30

Вопрос: Сколько человек проживают в Вашей квартире, комнате, отдельном доме? (您的房子人口多不多?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
1 человек (%)	-	4 (15,4%)	4 (4,2%)
2 человека (%)	12 (14,4%)	10 (38,5%)	22 (23,2%)
3 человека (%)	20 (28,9%)	5 (19,2%)	25 (26,3%)
4–5 человек (%)	22 (31,9%)	1 (3,8%)	23 (24,2%)
6–10 человек (%)	4 (5,8%)	1 (3,8%)	5 (5,3%)
11–20 человек (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
Свыше 20 (%)	6 (8,7%)	2 (7,7%)	8 (8,4%)
Нет ответа (%)	4 (5,8%)	3 (11,5%)	7 (7,4%)

Как показали ответы на вопросы данного блока, жизнь в России не является для них простой, существует масса проблем, связанных с интеграцией в принимающее сообщество. Но при этом китайские иммигранты ощущают преимущества в возможности заработка денег или получения образования.

Следующий смысловой блок анкеты был посвящен одной из самых актуальных для российских китайцев проблем, связанных с интеграцией в принимающее сообщество, – владению русским языком. Известно, что конкурируя на рынке с выходцами с Кавказа или Средней Азии, китайцы часто проигрывают им именно в умении общаться на русском языке.

В целом 63,2% респондентов отметили, что ощущают серьезные трудности во владении русским языком (по данным ВЦИОМ, 42% «плохо говорит и понимает по-русски»), а 25,3% испытывают небольшие трудности. Совсем не ощущают сложностей во владении русским языком 9,5%.

Вопрос: Ощущаете ли Вы трудности во владении русским языком? (您在俄语方面有困难吗?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	45 (65,2%)	15 (57,7%)	60 (63,2%)
Нет (%)	8 (11,6%)	1 (3,8%)	9 (9,5%)
Ощущаю небольшие трудности (%)	14 (20,3%)	10 (38,5%)	24 (25,3%)
Вокруг меня все говорят по-китайски, не нужно (%)	-	-	-
Нет ответа (%)	2 (2,9%)	-	2 (2,1%)

Более половины респондентов начали изучать русский язык только по прибытии в Россию, причем самостоятельно. Такой вариант указали 49,5% ответивших. В школе в Китае начали изучать русский язык 12,6%, самостоятельно в Китае – 6,3%. «Коммерсанты» также изучали русский при помощи друзей на работе (26,1%) или родных (5,8%). Как видно, потребность в изучении русского языка у китайцев есть. Но большинство делают это самостоятельно во время учебы или работы.

Таблица 4.32

Вопрос: Где Вы обучались русскому языку? (您在哪儿学了俄语?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
В Китае в школе (%)	7 (10,2%)	5 (19,2%)	12 (12,6%)
В Китае самостоятельно (%)	6 (8,7%)	1 (3,8%)	6 (6,3%)
В России самостоятельно (%)	29 (42,1%)	18 (69,2%)	47 (49,5%)
В России с друзьями на работе (%)	18 (26,1%)	-	18 (18,9%)
В России с родственниками (%)	4 (5,8%)	-	4 (4,2%)
Нет ответа (%)	5 (7,3%)	2 (7,7%)	7 (7,4%)

На вопрос о том, какой язык является для респондентов родным, 92,6% (91,3% «коммерсантов» и 96,2% студентов) предсказуемо ответили, что китайский, 1 человек назвал родным языком русский, трое – русский и китайской в равной мере.

Вопрос: Какой язык является для Вас родным?
 (如果您选择, 你会选择什么样的语言做为您的母语?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Китайский (%)	63 (91,3%)	25 (96,2%)	88 (92,6%)
Русский (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
Другой (%)	-	-	-
Китайский и русский в равной степени (%)	3 (4,4%)	-	3 (3,2%)
Нет ответа (%)	2 (2,9%)	1 (3,8%)	3 (3,2%)

Притом, что подавляющее большинство считают родным китайский, говорить предпочитают на нем меньшее количество китайских иммигрантов – 84,1% «коммерсантов» и только 53,8% студентов. Однако при этом русский язык предпочтительней китайского выглядит только для одного из студентов (3,8%). Остальные из не выбравших китайский язык, указали на вариант «Другой». Устные опросы показали, что все они имели в виду английский, либо корейский язык. Интересно также, что студенты, которые более, чем «коммерсанты», считают китайский язык родным, в перспективе готовы сменить его на другой чаще, чем коммерсанты.

Таблица 4.34

Вопрос: На каком языке Вы предпочитаете говорить?
 (您喜欢用什么语言说话?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Китайский (%)	58 (84,1%)	14 (53,8%)	72 (75,8%)
Русский (%)	-	1 (3,8%)	1 (1,1%)
Другой (%)	3 (4,4%)	9 (34,6%)	12 (12,6%)
Китайский и русский в равной степени (%)	1 (1,5%)	1 (3,8%)	2 (2,1%)
Нет ответа (%)	7 (10,2%)	1 (3,8%)	8 (8,4%)

В следующем вопросе необходимо было оценить свои знания русского и китайского (владение которым также является для многих проблемой) по пятибалльной шкале по нескольким параметрам (пишу, говорю, понимаю, читаю). Оценки отвечающие ставили себе сами. В итоге, русским все респонденты владеют на уровне 2–3, китайским – на уровне 4–4,5. У студентов средний уровень примерно на 0,5 выше. Сложней всего китайцам писать на русском языке, проще всего – понимать его.

Таблица 4.35

Вопрос: Оцените, как Вы владеете русским и китайским языком «пу тун хуа»? (подчеркнуть одну из цифр в каждой строке)
 您觉得自己的俄语和汉语(普通话)水平怎么样
 (按照自己的情况给自己打一下分数)?

Параметры	Русский язык			Китайский язык (普通话)		
	«Коммерсанты»	Студенты	Общее	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Говорю	2,58	3,19	2,88	4,03	4,61	4,32
Читаю	2,79	3,15	2,87	4,21	4,65	36,6
Пишу	2,67	3,15	2,81	3,96	4,61	4,28
Понимаю	3,05	3,57	3,31	4,3	4,65	4,47

Дома большинство китайцев разговаривают на родном для себя языке – китайском (88,4%), 3 (3,2%) – на русском, 2 (2,1%) – на китайском и на русском.

Таблица 4.36

Вопрос: На каком языке Вы обычно разговариваете в дома?
 (您在家用什么语言说话?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Только на китайском (%)	60 (86,9%)	24 (92,3%)	84 (88,4%)
В основном на русском (%)	3 (4,4%)	-	3 (3,2%)
Одинаково на китайском и на русском (%)	2 (2,9%)	-	2 (2,1%)
Другое (%)	4 (5,8%)	2 (7,7%)	6 (6,3%)
Нет ответа (%)	-	-	-

Вне дома, китайские «коммерсанты» вообще не говорят на русском языке, только на русском и китайском в равной мере (8,7%), либо только на китайском (82,6%). У студентов 50% вне дома общаются на русском и китайском в равной мере, 38% – только на китайском.

Таблица 4.37

Вопрос: На каком языке Вы обычно разговариваете с друзьями? (跟朋友您用什么语言说话?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Только на китайском (%)	57 (82,6%)	10 (38,5%)	67 (70,5%)
В основном на русском (%)	-	3 (11,5%)	3 (3,2%)
На китайском и на русском в равной мере (%)	6 (8,7%)	13 (50%)	19 (20%)
Другое (%)	2 (2,9%)	-	2 (2,1%)
Нет ответа (%)	4 (5,8%)	-	6 (6,3%)

В последнем вопросе блока респондентам предлагалось высказать свое мнение о необходимости обучения детей китайцев в российских школах. Мнения респондентов по этому пункту разделились. Согласились с необходимостью обучения 34,7% (37,7% – у «коммерсантов», 26,9% – у студентов), а 36,8% (33,3% – у «коммерсантов», 46,2% – у студентов) ответили «нет». Важно также, что 27,4% оставили этот вопрос без ответа.

Таблица 4.38

Вопрос: Дети китайцев должны учиться в местных школах? (您的孩子在俄罗斯学校学习吗?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	26 (37,7%)	7 (26,9%)	33 (34,7%)
Нет (%)	23 (33,3%)	12 (46,2%)	35 (36,8%)
Нет, но они хотят (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
Нет ответа (%)	19 (27,5%)	7 (26,9%)	26 (27,4%)

В целом, ответы на вопросы этого блока свидетельствуют, что для большинства китайцев Среднего Урала проблема владения русским языком, как и ранее, является очень серьезной. Больше двух третей считает китайский язык родным и предпочитает на нем разговаривать. При этом значительная часть китайцев (особенно студенты) внутренне готовы в будущем отказаться от китайского языка как основного, но практически никто из китайцев не хочет, чтоб новым языком стал русский. Живя в России, китайцы овладевают минимумом разговорного русского для работы и не стараются получить более глубокие знания. Для студентов, обучающихся в России, образование, которое они получают, чаще оказывается важнее знания русского языка.

Следующий блок вопросов был посвящен отношениям китайцев с местным населением и органами власти. Для начала респондентам предлагалось ответить, с какими ситуациями в отношении к людям разных национальностей (не китайцев) они сталкивались в России. Как показали ответы, наиболее часто респонденты сталкивались с фактами проблем общения, этот вариант выбрали 72,6% ответивших (среди студентов – 80,8%). С ущемлением прав иностранцев сталкивались 29,5% респондентов, с конфликтами между людьми разных национальностей на работе и на улице – по 25,3%. Не сталкивались с подобными ситуациями только 6,3%.

Таким образом, более 2/3 респондентов, живя в России, ощущают напряженное отношение к представителям другой национальности, около трети становились свидетелями конфликтов.

Таблица 4.39

Вопрос: С какими ситуациями в отношениях с другими национальностями Вам приходилось сталкиваться?
(外国人在俄罗斯有什么困难?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
С конфликтами на работе между людьми разных национальностей (%)	22 (31,9%)	2 (7,7%)	24 (25,3%)
Проблемы общения (%)	48 (69,5%)	21 (80,8%)	69 (72,6%)
С ущемлением прав человека (%)	21 (30,4%)	7 (26,9%)	28 (29,5%)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
С напряженными отношениями между соседями разных национальностей (%)	8 (11,6%)	4 (15,4%)	12 (12,6%)
С конфликтами на улице между людьми разных национальностей (%)	14 (20,3%)	10 (38,5%)	24 (25,3%)
Лично не сталкивался (%)	5 (7,3%)	1 (3,8%)	6 (6,3%)
Нет ответа (%)	2 (2,9%)	-	2 (2,1%)

Ответы на следующий вопрос демонстрируют, что китайцы по большей части не выделяют себя из общей массы иностранцев, живущих на Урале. Если факты проблем общения отметили 72,6% респондентов, то эти же проблемы у собственно китайцев подтвердили 71,6%. Факты ущемления прав китайцев отметили 32,6% ответивших (в отношении иностранцев – 29,5%), конфликты на работе – 25,3% (в отношении иностранцев – также), на улице – 27,4% (на два ответа больше, чем в отношении иностранцев в целом).

Таблица 4.40

Вопрос: С какими ситуациями в отношениях китайцев с другими национальностями Вам приходилось сталкиваться?
(中国人在俄罗斯有什么困难?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
С конфликтами на работе (%)	20 (28,9%)	4 (15,4%)	24 (25,3%)
Проблемы общения (%)	47 (68,1%)	21 (80,0%)	68 (71,6%)
С ущемлением прав человека (%)	24 (34,8%)	7 (26,9%)	31 (32,6%)
С напряженными отношениями между соседями разных национальностей (%)	10 (14,5%)	6 (23,1%)	16 (16,8%)
С конфликтами на улице между людьми разных национальностей (%)	17 (24,6%)	9 (34,6%)	26 (27,4%)
Лично не сталкивался (%)	4 (5,8%)	-	4 (4,2%)
Нет ответа (%)	2 (2,9%)	2 (7,7%)	4 (4,2%)

В следующем вопросе респондентам предлагалось оценить, насколько дружелюбно воспринимают их представители других национальностей. Самый распространенный вариант ответа – «Нейтрально», его выбрали 67,4%, а 14,7% указали на вариант «Положительно», что выше варианта «Негативно», который отметили только 9,5%. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство китайцев не чувствуют к себе особого отношения со стороны других национальностей, а многие даже воспринимают его как положительное.

Таблица 4.41

Вопрос: Как, по Вашему мнению, воспринимает китайцев соседнее население других национальностей?

(在俄罗斯的外国人喜欢不喜欢中国人?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Негативно (%)	8 (11,6%)	1 (3,8%)	9 (9,5%)
Нейтрально (%)	44 (63,8%)	20 (76,9%)	64 (67,4%)
Положительно (%)	10 (14,5%)	4 (15,4%)	14 (14,7%)
Нет ответа (%)	7 (10,2%)	1 (3,8%)	8 (8,4%)

Следующая группа вопросов этого блока была посвящена уже непосредственно отношениям китайцев с местным населением в целом.

Сначала респондентам предлагалось оценить характер отношений между КНР и Россией на современном этапе. Позиции отвечающих на этот вопрос разделились почти поровну между вариантами «Дружественно» (52,6%) и «Нейтрально» (43,6%). «Враждебными» отношения назвал только один из «коммерсантов». Таким образом, очевидно, что китайцы, живущие на Среднем Урале, не видят проблем в отношениях КНР и РФ на межгосударственном уровне.

Вопрос: Оцените отношения России и КНР на современном этапе? (中国和俄罗斯的关系现在?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Дружественные (%)	33 (47,8%)	17 (65,4%)	50 (52,6%)
Нейтральные (%)	34 (49,3%)	7 (26,9%)	41 (43,6%)
Враждебные (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
Нет ответа (%)	1 (1,5%)	2 (7,7%)	3 (3,2%)

Примечательно, что оценки восприятия китайцев местным населением немного отличаются от оценок отношения государств. По мнению 51,6% респондентов, местное население воспринимает китайцев «Нейтрально» (по данным ВЦИОМ, вариант «Нейтрально» и «Не совсем доброжелательно» выбрали 61%), вариант «Дружелюбно» выбрали 35,8% (по данным ВЦИОМ – 26%), «враждебным» отношение местных к китайцам назвали 7,4% (по данным ВЦИОМ – 6%). В данном случае можно отметить, что китайцы Среднего Урала не чувствуют неприязни со стороны местного населения, при этом их взгляды схожи с представлениями китайцев о местном населении в других регионах России. Необходимо отметить и тот факт, что отношения между государствами, по мнению респондентов, выглядят более дружелюбными, чем отношение местного населения к китайским иммигрантам.

Таблица 4.43

Вопрос: Оцените отношение к китайцам большинства местного населения? (俄罗斯大部分人和中国人的关系?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Дружественные (%)	19 (27,5%)	15 (57,7%)	34 (35,8%)
Нейтральные (%)	33 (47,8%)	16 (61,5%)	49 (51,6%)
Враждебные (%)	5 (7,3%)	2 (7,7%)	7 (7,4%)
Нет ответа (%)	3 (4,4%)	2 (7,7%)	5 (5,3%)

Интересные данные были почерпнуты из вопроса об отношении самих китайцев к местному населению. Респондентам предлагалось выбрать список «плохих» качеств, которые можно выделить у русского человека (разрешалось несколько вариантов). В результате респондентами были отмечены следующие варианты: 65,3% респондентов выбрали вариант «Пьянство и грубость» (у студентов – 80,8%), 50,5% – «Леность», 20% – «Отсутствие предприимчивости», 17,9% – «Низкий культурный уровень», 11,6% – «Отсутствие чувства собственного достоинства». Только 3 человека указали, что плохих качеств у местного русского населения нет. Очевидно, китайцы видят серьезные недостатки у местного населения. В перспективе это может сформировать у иммигрантов из КНР представления о собственном превосходстве и затруднить ассимиляционные процессы.

Таблица 4.44

Вопрос: Какими плохими качествами на Ваш взгляд обладает местное российское население?

(您认为，俄罗斯人有那些不好的风俗习惯?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Низкий культурный уровень (%)	10 (14,5%)	7 (26,9%)	17 (17,9%)
Леность (%)	34 (49,3%)	14 (53,8%)	48 (50,5%)
Пьянство и грубость (%)	41 (59,4%)	21 (80,8%)	62 (65,3%)
Отсутствие чувства собственного достоинства (%)	9 (13,1%)	2 (7,7%)	11 (11,6%)
Отсутствие предприимчивости (%)	11 (15,9%)	8 (30,8%)	19 (20%)
У местного населения нет плохих качеств (%)	2 (2,9%)	1 (3,8%)	3 (3,2%)
Другое (%)	-	1 (3,3%)	1 (1,1%)
Нет ответа (%)	3 (4,4%)	3 (11,5%)	6 (6,3%)

Следующая часть данного блока была отнесена к проблемам взаимоотношений китайцев с органами местной власти. Для начала респондентам предлагалось ответить, пострадали ли они от действий российских властей. Вариант «Да» выбрали 30,5%, «Нет» – 48,4%. Не оставили ответа на этот вопрос 21,1%.

Вопрос: Пострадали ли Вы от действий российских властей?
(政府有没有给你们造成过损失?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	28 (40,6%)	1 (3,8%)	29 (30,5%)
Нет (%)	27 (39,1%)	19 (73,1%)	46 (48,4%)
Нет ответа (%)	14 (20,3%)	6 (23,1%)	20 (21,1%)

Отношение респондентов к местной власти можно также было оценить в ответах на следующий вопрос, где предлагалось ответить, от действий каких органов власти наиболее пострадали респонденты: 37,9% (43,5% «коммерсантов» и 23,1% студентов) ответивших выбрали вариант «От милиции» (по данным ВЦИОМ, «поборы милиции» являются самой распространенной проблемой для китайцев в России, на ее наличие указали 29%), 12,2% – «От администрации», 5,4% – «От действий суда и прокуратуры». Вариант «Не пострадал» не выбрал ни один из респондентов. Следует также отметить, что 46,3% на вопрос не ответили. Устные опросы показали, что высокий процент отказов отвечать на данный вопрос вызван не непониманием смысла, а личными соображениями респондентов.

Таблица 4.46

Вопрос: От действий каких органов власти Вы пострадали?
(跟那些俄罗斯正式机关有冲突?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
От действий суда и прокуратуры (%)	5 (7,3%)	-	5 (5,3%)
От милиции (%)	3 (43,5%)	6 (23,1%)	36 (37,9%)
Налоговой службы (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
От администрации (%)	6 (8,7%)	3 (11,5%)	9 (9,5%)
Не пострадал (%)	-	-	-
Нет ответа (%)	27 (39,1%)	17 (65,4%)	44 (46,3%)

В следующем вопросе респондентам предлагалось оценить работу уже конкретно правоохранительных органов. Большинство отвечавших в качестве оценки выбрали вариант «Отрицательно» – 45,3%, причем среди студентов процент указавших на этот вариант выше, чем у «коммерсантов» – 53,8% против 42,1%. Вариант «Положительно» выбрали только 12,2% (среди студентов – 3,8%). В личных беседах китайские студенты не раз указывали, что на улицах их часто останавливает милиция, требуя денег за отсутствие документов. Один из студентов приписал к своему ответу «Отрицательно» иероглиф «очень» (很).

Таблица 4.47

Вопрос: Как Вы относитесь к действиям местных правоохранительных органов? (您认为俄罗斯的治安好不好?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Положительно (%)	11 (15,9%)	1 (3,8%)	12 (12,6%)
Отрицательно (%)	29 (42,1%)	14 (53,8%)	43 (45,3%)
Нейтрально (%)	24 (34,8%)	10 (38,5%)	34 (35,8%)
Нет ответа (%)	5 (7,3%)	1 (3,8%)	6 (6,3%)

На вопрос о конфликтах с органами местной власти (имелись в виду административные органы) 81,1% ответили, что «Нет», вариант «Возникают, но редко» выбрали 6,3%, «Возникают часто» – 7,4%. Как видно, подавляющее большинство китайцев не имело конфликтов с органами местной власти. В личных беседах китайцы подтверждали, что стараются по возможности избегать подобных столкновений, независимо от того, кто виноват или прав в данной ситуации.

Таблица 4.48

Вопрос: Возникают ли у Вас конфликты с органами местной власти? (您跟现居住地的政府有没有冲突?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Возникают, но редко (%)	4 (5,8%)	2 (7,7%)	6 (6,3%)
Не возникают (%)	54 (78,2%)	23 (88,5%)	77 (81,1%)
Возникают часто (%)	7 (10,2%)	-	7 (7,4%)
Нет ответа (%)	4 (5,8%)	1 (3,8%)	5 (5,3%)

В следующем вопросе предлагалось оценить, кто виноват в инцидентах с участием китайцев – люди, которые провоцируют, сами китайцы или местные власти, потому что бездействуют. Первые два варианта по количеству ответов практически не различаются: 32,6% указали на местное население в качестве виновников инцидентов, 31,6% посчитали главной причиной самих китайцев. Бездействие властей как главную причину отметили 24,2%. Следует также отметить, что 27 человек (28,4%) предпочли оставить этот вопрос без ответа.

Данные ответы также подтверждают, что китайские иммигранты на Среднем Урале не испытывают особой неприязни со стороны местного населения и органов власти, а треть даже готовы признать, что именно они и их соотечественники становятся причинами различных инцидентов.

Таблица 4.49

Вопрос: Кто виноват в возникновении этих ситуаций?
(谁发生导致了这些事情?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Люди, которые нападают на китайцев (%)	26 (37,7%)	5 (19,2%)	31 (32,6%)
Сами китайцы (%)	22 (31,9%)	8 (30,8%)	30 (31,6%)
Местные власти, потому что не могут контролировать этой ситуации (%)	14 (20,3%)	9 (34,6%)	23 (24,2%)
Нет ответа (%)	19 (27,5%)	8 (30,8%)	27 (28,4%)

Далее следовал открытый вопрос, в котором предлагалось ответить, что нужно сделать, чтоб избежать конфликтов с участием китайцев. Ниже приведены некоторые из полученных ответов:

- «китайцам нужен внутренний контроль, а русским – общественный»;
- «конфликтов невозможно избежать»;
- «учить русский язык и русскую культуру, необходим государственный контроль за безопасностью»;
- «убрать «скинхедов»;

- «сидеть дома и никуда не ходить»;
- «учить язык»;
- «менять взгляды и у русской и у китайской стороны»;
- «прекратить дискриминацию национальностей»;
- «улучшить безопасность»;
- «у вас милиция очень плохая и похожа на хулигана»;
- «исправить русскую милицию, которая требует денег и плохо обращается с китайцами»;
- «надо хорошо проверить армию и милицию, потому что из-за одного человека плохо могут подумать обо всех»;
- «учить русский язык»;
- «государство в России должно защищать иностранцев так же, как это делается в Китае»;
- «учить культуру Китая»;
- «перестать пить спиртное»;
- «честное исполнение существующих законов»;
- «нужно создать китайское общество для защиты китайцев»;
- «необходимо принять новый закон для иностранцев, который их защитит»;
- «написать новые законы»;
- «китайцам надо быть сильнее, защищать себя и требовать соблюдения китайских традиций»;
- «не нужно ничего делать, все бесполезно».

Ответы на вопросы этого блока свидетельствуют, что проблема взаимоотношений с местным населением и органами власти также волнует живущих на Среднем Урале китайцев. По их мнению, конфликты часто происходят от недопонимания, существующего культурного барьера между китайцами и представителями других национальностей в России. При этом проблема не только в местном населении и органах власти, но и в самих китайцах. Много проблем у китайцев возникает при общении с правоохранительными органами.

Следующая группа вопросов в анкете была посвящена непосредственно отношениям внутри китайской этнической группы.

В начале респондентам предлагалось ответить, поддерживают ли они, живя в России, связи с соотечественниками. Как показали ответы, в той или иной мере поддерживали такие связи, в том числе только с родными, – свыше 80% (среди студентов – 84,1%, среди «коммерсантов» – 78,4%). Совсем не поддерживали связей 7,4% (все – «коммерсанты»), хотят поддерживать связи, но не знают с кем – также 7,4% респондентов.

Таблица 4.50

Вопрос: Поддерживаете ли Вы здесь отношения с другими китайцами? (您跟别的中国人有没有交往?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	49 (71,1%)	21 (80,8%)	70 (73,7%)
Нет (%)	7 (10,2%)	-	7 (7,4%)
Только с родными (%)	5 (7,3%)	1 (3,3%)	6 (6,3%)
Хочу, но не знаю, где есть китайцы (%)	4 (5,8%)	3 (11,5%)	7 (7,4%)
Нет ответа (%)	4 (5,8%)	1 (3,8%)	5 (5,3%)

Конфликты в среде китайцев случаются не часто, но большая часть респондентов подтвердила их наличие: 17,9% указали, что конфликты между китайцами происходят часто, 52,6% отметили, что редко, а 22,1% респондентов выбрали вариант «Нет».

Таблица 4.51

Вопрос: Возникают ли у Вас конфликты в своей среде? (中国人之间发生过冲突有没有?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Часто (%)	12 (17,4%)	5 (19,2%)	17 (17,9%)
Редко (%)	38 (55,1%)	12 (46,2%)	50 (52,6%)
Нет (%)	12 (17,4%)	9 (34,6%)	21 (22,1%)
Нет ответа (%)	7 (10,2%)	-	7 (7,4%)

В том случае, если конфликт все-таки произошел, китайцы не всегда предпочитают решать его в своей среде. Об этом свидетельствуют ответы на следующий вопрос: 40% участвовавших в анкетировании указали, что все конфликты решаются внутри общины, а 41,1% отметили, что готовы обращаться к органам власти за помощью.

Таблица 4.52

Вопрос: В случае конфликта Вы обращаетесь к власти или решаете все в своей среде? (如果发生冲突, 你们做什么?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Обращаемся (%)	28 (40,6%)	11 (42,3%)	39 (41,1%)
Решаем в своей среде (%)	26 (37,7%)	12 (46,2%)	38 (40%)
Нет ответа (%)	15 (21,7%)	3 (11,5%)	18 (18,9%)

Отдельная группа вопросов касалась оценок численности китайцев. Об этом аспекте в устных беседах респонденты говорили неохотно, часто затрудняясь назвать даже примерные цифры. Те ответы, которые давались, часто были очень противоречивы. Численность китайцев в Пермском крае большинством оценивалась в диапазоне от нескольких сот до 3 000–5 000 человек. В Свердловской же области называлась цифра в 10 000–20 000 человек. В целом, китайцам Среднего Урала известно, что в Свердловской области численность китайцев в несколько раз превышает их количество в западной части Среднего Урала – Пермском крае.

Не было однозначных оценок и в соотношении китайцев с другими национальностями. Так, большинство респондентов отметили, что китайцы не занимают в их городе первое место среди иммигрантов: так посчитали 48,4%, но при этом 33,7% с этим утверждением не согласились.

Вопрос: Считаете ли Вы, что по количеству мигрантов Китай занимает первое место среди других национальностей в Вашем населенном пункте?

(在你的现居住地比别的外国人中国人多不多?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Нет (%)	37 (53,6%)	9 (34,6%)	46 (48,4%)
Да (%)	24 (34,8%)	8 (30,8%)	32 (33,7%)
Нет ответа (%)	8 (11,6%)	9 (34,6%)	17 (17,9%)

Примечательно, что если речь шла о России в целом, то большинство респондентов, наоборот, были склонны считать китайцев первым по численности иммигрантским сообществом, что подтвердили 42,1%, а 35,8% с таким мнением не согласились.

Таблица 4.54

Вопрос: Считаете ли Вы, что по количеству мигрантов Китай занимает первое место среди других национальностей в России? (在俄罗斯中国人比别的外国人多吗?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Нет (%)	26 (37,7%)	8 (30,8%)	34 (35,8%)
Да (%)	30 (43,5%)	10 (38,5%)	40 (42,1%)
Нет ответа (%)	13 (18,8%)	8 (30,8%)	21 (22,1%)

Если же говорить об оценках динамики численности китайцев в России и на Урале, то они практически совпали. На то, что численность китайцев на Урале в дальнейшем будет снижаться, указали 43,6%, а в России – 48,4%. Возможный рост в пределах Урала спрогнозировали 23,2% респондентов, в пределах России – 25,3%

Примечательно, что если речь шла о России, то среди студентов большая часть – 43,6% – были склонны прогнозировать увеличение численности китайской диаспоры, на дальнейшее ее

снижение указали только 19,2%, в то время как у «коммерсантов» дальнейшее увеличение численности китайцев в России предсказали 17,4%, а уменьшение – 59,4%. Таким образом, в глазах студентов китайская диаспора в России обладает потенциалом для роста (относительно Урала оценки студентов и «коммерсантов» почти одинаковы), «коммерсантам» очевидно дальнейшее снижение численности китайцев.

Таблица 4.55

Вопрос: Будет ли количество китайцев на Урале как-либо изменяться? (中国人住乌拉尔人口会改变怎么样?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Будет увеличиваться (%)	14 (20,3%)	8 (30,8%)	22 (23,2%)
Будет уменьшаться (%)	33 (47,8%)	8 (30,8%)	41 (43,6%)
Останется без изменений (%)	11 (15,9%)	4 (15,4%)	15 (15,8%)
Нет ответа (%)	11 (15,9%)	6 (23,1%)	17 (17,9%)

Таблица 4.56

Вопрос: Будет ли количество китайцев в России как-либо изменяться? (中国人在俄罗斯人口会改变怎么样?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Будет увеличиваться (%)	12 (17,4%)	12 (46,2%)	24 (25,3%)
Будет уменьшаться (%)	41 (59,4%)	5 (19,2%)	46 (48,4%)
Останется без изменений (%)	6 (8,7%)	3 (11,5%)	9 (9,5%)
Нет ответа (%)	10 (14,5%)	6 (23,1%)	16 (16,8%)

Сведения о стремлении к интеграции, коммуникациям с принимающим сообществом отражены в ответах на вопрос об Обществе российско-китайской дружбы. Оказалось, что вступали в контакт с Обществом только 14,7%, что-то слышали о нем – 11,6%, а 20% ответили, что не слышали об Обществе ничего, но им интересна эта тема. Однако большая часть, а именно 23,2% указали, что ничего не слышали об Обществе, им это неинтересно.

Вопрос: Слышали ли что-нибудь об Обществе российско-китайской дружбы? (您听说过彼尔姆中俄友好协会吗?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да и встречался с ними (%)	15 (21,7%)	5 (19,2%)	14 (14,7%)
Слышал, но не знаю, где они (%)	14 (20,3%)	4 (15,4%)	11 (11,6%)
Не слышал, но мне это интересно (%)	13 (18,8%)	10 (38,5%)	19 (20%)
Не слышал и мне это не интересно (%)	19 (27,5%)	4 (15,4%)	22 (23,2%)
Нет ответа (%)	8 (11,6%)	3 (11,5%)	8 (8,4%)

Судя по ответам на вопросы данного блока, китайцы на Урале продолжают оставаться довольно замкнутой группой. Они не любят рассуждать о численности китайцев в регионе, не склонны видеть какие-то механизмы внутренней организации. Возможно, это связано с тем, что на Урале и даже в Екатеринбурге конкретно, большая часть китайцев не поддерживают постоянные отношения друг с другом. Однако изменение социального облика этнической группы (например, увеличение доли студентов) может привести к изменениям и внутри диаспоры.

Последний блок вопросов был посвящен проблемам сохранения китайцами своей национальной культуры.

В первом вопросе респондентам предлагалось оценить, что их роднит со своим народом. Каждый отвечающий мог выбрать несколько ответов. Самый распространенный из вариантов – «Родной язык» – указали 67,4% (у студентов – 80,8%), чуть менее у варианта «Личное желание» – 60%. Далее по количеству ответов варианты расположились следующим образом: «Традиции, обряды, которые я соблюдаю» – 44,2%, «Внешний вид» – 35,8%, «Одежда» – 33,7%, «Особенности поведения» – 29,5%, «Религиозная принадлежность» и «Родственные связи» – по 24,2%. Очевидно, что для большинства китайцев, живущих за пределами Родины, сохранение идентичности – очень важный вопрос, подкрепляемый, в первую очередь, языком и личным желанием оставаться китайцем.

Вопрос: Что Вас роднит с Вашим народом?
(您跟别的中国人有什么样的共同点?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Родной язык (%)	43 (62,3%)	21 (80,8%)	64 (67,4%)
Родственные связи (%)	17 (24,6%)	7 (26,9%)	23 (24,2%)
Традиции, обряды, которые я соблюдаю (%)	31 (44,9%)	11 (42,3%)	42 (44,2%)
Религиозная принадлежность (%)	20 (28,9%)	3 (11,5%)	23 (24,2%)
Личное желание (%)	42 (60,9%)	15 (57,7%)	57 (60%)
Внешний вид (%)	22 (31,9%)	12 (46,2%)	34 (35,8%)
Одежда (%)	24 (34,8%)	8 (30,8%)	32 (33,7%)
Особенности поведения (%)	20 (28,9%)	8 (30,8%)	28 (29,5%)
Нет ответа (%)	1 (1,5%)	1 (3,8%)	2 (2,1%)

С собой из Китая, как показали ответы, китайцы предпочитают брать одежду (71,6%), книги (55,8%), предметы быта (41,1%), видео, CD и телефоны (36,8%) и пищу (46,3%). Какие-либо предметы, связанные с религиозной деятельностью, берут с собой только 6,3%.

Таблица 4.59

Вопрос: Какие вещи Вы привозите с собой из Китая?
(您来俄罗斯从中国带来了什么东西?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Пища (%)	30 (45,5%)	14 (53,8%)	44 (46,3%)
Книги (%)	35 (50,7%)	18 (69,2%)	53 (55,8%)
Одежда (%)	46 (66,6%)	22 (84,6%)	68 (71,6%)
Предметы быта (%)	21 (30,4%)	18 (69,2%)	39 (41,1%)
Религиозные вещи (%)	4 (5,8%)	2 (7,7%)	6 (6,3%)
Видео, CD, телефоны (%)	19 (27,5%)	16 (61,5%)	35 (36,8%)
Нет ответа (%)	2 (2,9%)	1 (3,8%)	3 (3,2%)

Следующие два вопроса касались религиозной принадлежности респондентов. Большая часть отвечающих – 25,3% – ука-

зала на атеизм как наиболее близкую себе систему взглядов, при этом буддизм как определяющую для себя доктрину выбрали 23,2%. При этом 28,4% затруднились ответить на данный вопрос, что также может свидетельствовать о его малой значимости для респондентов. В устных беседах китайцы подтверждали, что проблемы принадлежности к религии не являются для них актуальными.

Национальная принадлежность человека, по мнению большей части участвовавших в анкетировании китайцев, имеет значение в современном мире. Так ответили 55,8% (студенты – 65,4%, «коммерсанты» – 52,2%), скорее согласны с этим утверждением 23,2%, а скорее не согласны – 11,6%. Интересно, что для студентов, которые, казалось бы, должны обладать более космополитичными взглядами, характерно большее стремление к сохранению национальной идентичности.

Таблица 4.60

**Вопрос: В современном мире
национальность человека имеет значение?
(在现代的条件下民族对于人来说重不重要?)**

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	36 (52,2%)	17 (65,4%)	53 (55,8%)
Скорее да, чем нет (%)	18 (26,1%)	4 (15,4%)	22 (23,2%)
Скорее нет, чем да (%)	8 (11,6%)	3 (11,5%)	11 (11,6%)
Нет (%)	4 (5,8%)	1 (3,8%)	5 (5,3%)
Нет ответа (%)	3 (4,4%)	1 (3,8%)	4 (4,2%)

Ответы на следующий вопрос показали, что большинство китайцев не ощущают, что со времени их приезда на Урал произошла какая-либо деградация их культуры: 37,9% ответили, что никакой деградации они не наблюдают, вариант «Скорее нет, чем да» выбрали 36,8%, а «Скорее да, чем нет» – 3,2%. И только 6,8% отметили, что со времени их приезда на Урал деградация национальной культуры стала заметной.

Вопрос: Как Вы считаете, после того как Вы приехали в Россию, произошла деградация Вашей культуры?
(您来到俄罗斯以后, 您的传统思想是不是改变了?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	4 (5,8%)	3 (11,5%)	7 (7,4%)
Скорее да, чем нет (%)	1 (1,5%)	2 (7,7%)	3 (3,2%)
Скорее нет, чем да (%)	24 (34,8%)	11 (42,3%)	35 (36,8%)
Нет (%)	28 (40,6%)	8 (30,8%)	36 (37,9%)
Нет ответа (%)	12 (17,4%)	2 (7,7%)	14 (14,7%)

Живя в России, китайцы поддерживают связи с Родиной: 82,1% респондентов указали, что поддерживают такую связь, поскольку там проживают их родственники, не поддерживают таких связей 7,4%.

Таблица 4.62

Вопрос: Сохраняются ли у Вас связи с местами прежнего проживания в настоящее время?
(在中国还有没有跟你联系的亲属?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Нет (%)	5 (7,3%)	2 (7,7%)	7 (7,4%)
Да, так как там продолжают жить родственники (%)	55 (79,7%)	23 (88,5%)	78 (82,1%)
Другое (%)	7 (10,2%)	1 (3,8%)	8 (8,4%)
Нет ответа (%)	2 (2,9%)	-	2 (2,1%)

Притом, что большая часть китайцев не ощущают упадка или деградации своей культуры и продолжают четко идентифицировать себя со своей национальностью, они готовы изучать культуру народа, с которым проживают постоянно. В вопросе «*Нужно ли изучать культуру народа, с которым Вы проживаете (если он Вам не родной)?*» 65,3% выбрали вариант «Да», «Скорее да, чем нет» указали 17,9%, а скорее не согласны – только 7,4%. Не со-

гласны изучать культуру народа, с которым живут, 6,3% китайцев, принявших участие в анкетировании.

Таблица 4.63

Вопрос: Нужно ли изучать культуру народа, с которым Вы проживаете (если он Вам не родной)?
(如果您住在外国, 需要不需要学习这个国家的文化?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	44 (63,8%)	18 (69,2%)	62 (65,3%)
Скорее да, чем нет (%)	11 (15,9%)	6 (23,1%)	17 (17,9%)
Скорее нет, чем да (%)	6 (8,7%)	1 (3,8%)	7 (7,4%)
Нет (%)	6 (8,7%)	-	6 (6,3%)
Нет ответа (%)	2 (2,9%)	1 (3,8%)	3 (3,2%)

Ответы на следующий вопрос показали, что китайцы, принимавшие участие в исследовании, не придерживаются консервативных взглядов в отношении семейных традиций. На вопрос об отношении к межнациональным бракам 46,3% выбрали вариант «нейтрально», при этом негативно относящихся к таким бракам больше, чем позитивно настроенных – 23,2% против 20%. Затруднились с ответом 8,4%.

Таблица 4.64

Вопрос: Как Вы относитесь к межнациональным бракам?

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Положительно (%)	11 (15,9%)	8 (30,8%)	19 (20%)
Отрицательно (%)	22 (31,9%)	-	22 (23,2%)
Нейтрально (%)	31 (44,9%)	13 (50%)	44 (46,3%)
Затрудняюсь ответить (%)	5 (7,2%)	3 (11,5%)	8 (8,4%)
Нет ответа (%)	-	2 (7,7%)	2 (2,1%)

В случае межнационального брака детей 66,3% респондентов указали, что отнесутся к этому спокойно, поскольку выбор должны сделать сами дети, а 5,3% даже готовы отнестись к этому по-

ложительно. При этом 18,9% воспримут факт межнационального брака своего ребенка негативно. Следует также отметить, что 15% предпочли не отвечать на этот вопрос¹⁶¹.

Таблица 4.65

Вопрос: Если Ваш ребенок вступит в межнациональный брак, как Вы к этому отнесетесь?

(如果您的孩子与外国人结婚您如何看待?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общес
Положительно (%)	3 (4,4%)	2 (7,7%)	5 (5,3%)
Отрицательно (%)	16 (23,2%)	2 (7,7%)	18 (18,9%)
Он решит сам (%)	45 (65,2%)	18 (69,2%)	63 (66,3%)
Нет ответа (%)	5 (7,3%)	4 (15,4%)	9 (9,5%)

Несмотря на то, что большинство китайцев спокойно воспринимают возможность межнационального брака своих детей, 81,1% респондентов указали в анкете, что считают, что их дети должны помнить и передавать культуру своего народа, живя не на Родине. Скорее согласны с этим утверждением 5,3%, не согласны совсем – 1,1%. При этом также 6,3% указали, что этот вопрос – личное дело их детей.

Таблица 4.66

Вопрос: Считаете ли Вы, что Ваши дети должны помнить и передавать культуру своего народа, живя не на родине?

(如果您的孩子在国外, 您觉得他需要不需要保留着自己的中国文化?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	58 (84,1%)	19 (73,1%)	77 (81,1%)
Скорее да, чем нет (%)	3 (4,4%)	2 (7,7%)	5 (5,3%)
Скорее нет, чем да (%)	-	-	-
Нет (%)	1 (1,5%)	-	1 (1,1%)
Они решат сами (%)	3 (4,4%)	3 (11,5%)	6 (6,3%)
Нет ответа (%)	4 (5,8%)	2 (7,7%)	6 (6,3%)

Подавляющая часть китайцев Среднего Урала, принявших участие в анкетировании, считают, что в современном мире необходимо сохранять культуру своего народа. Так посчитали 75,8% (73,9% «коммерсантов» и 80,8% студентов). Вариант «Скорее да, чем нет» выбрали 8,4%, «Скорее нет, чем да» – 7,4%, и только 5,4% указали, что культуру своего народа в современном мире сохранять не нужно.

Таблица 4.67

**Вопрос: Как Вы считаете, в современном мире нужно
сохранять культуру своего народа?**

(您认为，民族文化在现代的条件下需要不需要要保存?)

Варианты	«Коммерсанты»	Студенты	Общее
Да (%)	51 (73,9%)	21 (80,8%)	72 (75,8%)
Скорее да, чем нет (%)	6 (8,7%)	2 (7,7%)	8 (8,4%)
Скорее нет, чем да (%)	5 (7,3%)	2 (7,7%)	7 (7,4%)
Нет (%)	4 (5,8%)	-	4 (4,2%)
Нет ответа (%)	3 (4,4%)	1 (3,8%)	4 (4,2%)

Проведенное анкетирование позволяет сделать ряд выводов о социокультурном облике китайской этнической группы Среднего Урала на современном этапе, а также о тех процессах, которые в ней происходят.

Исследование подтвердило, что по своему облику современные китайцы практически не отличаются от своих соотечественников предыдущих иммиграционных «волн», что позволяет заключить о закономерностях социальных характеристик иммигрантов из Китая для Среднего Урала в XX в.

Ответы о различных сторонах жизни и России и Урала, в целом, оказались схожи, что подтверждает, что для большинства китайцев Средний Урал не является специфическим регионом России.

Очевидно также, что для китайцев Россия и Урал не являются особо желаемым местом для иммиграции. От жизни в России иммигранты из Китая не ощущают особых преимуществ и при-

езжают сюда либо к родным и близким, либо с целью заработка. Большинство не воспринимают себя «постоянными» жителями России и в дальнейшем планируют покинуть страну.

Живя в России, китайцы ощущают массу общих для иммигрантов проблем, связанных с интеграцией в местное сообщество, отношениями с местным населением и органами власти. Причем интеграция затруднена, в том числе, и по причине личного нежелания к ней китайских иммигрантов. Они продолжают ощущать себя китайцами (причем, более молодое поколение студентов даже больше), общаться на родном языке, соблюдать национальные традиции и обычаи. Этническая принадлежность играет для китайцев большую роль, при этом они практически не соотносят себя с местным сообществом.

Проведенное исследование подтвердило наличие внешних признаков китайской диаспоры на Среднем Урале. Дальнейшая ее эволюция, скорее всего, будет связана с институциональным укреплением. Однако необходимо отметить, пополнение диаспоры происходит за счет иммигрантов, прибывающих в Россию на время для ведения бизнеса или получения образования. По этой причине в перспективе под влиянием ряда возможных факторов (изменение миграционного законодательства, рост уровня жизни в Китае) диаспора может вступить в стадию стагнации. Окончательное укрепление диаспоры возможно только при появлении китайцев, готовых на постоянное жительство в России.

¹ Усов В. Н. История КНР. Т. 2. 1966–2004 гг. М., 2006. С. 569–573.

² Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). М., 2005. С. 62–80.

³ Там же. С. 64.

⁴ Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 18 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]: PRAVOTEKA.RU. URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/104/51626.html>. (дата обращения: 15.01.2010).

⁵ О принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики: Соглашение между Правительством Рос. Федерации и Правительством Китайской Народной Республики от 10 ноября 1997 г. [Электронный ресурс] // ALTAINTER.INFO: Официальный сайт Международного координационного совета

«Наш общий дом – Алтай. URL: http://www.altaiinter.info/legislation/971110_ru-cn/ (дата обращения: 15.01.2010).

⁶ О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: Федеративный закон Российской Федерации от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ: принят Госдумой Федер. Собрания РФ 2 декабря 1998 г. // Российская газета. 1999. 16 янв.

⁷ Ларин В. Л. Указ. соч. С. 69.

⁸ Чисто азиатская жестокость // Екатеринбургская неделя. 1997. 31 окт.

⁹ Китай: знакомый и неведомый // Уральский рабочий. 1990. 22 сент.

¹⁰ Международные и внешнеэкономические связи Свердловской области 1991–2001 гг. Свердловск, 2002. С. 25.

¹¹ Мост дружбы // Областная газета. 1992. 10 июля.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Деловой визит в КНР // То же. 1993. 12 марта.

¹⁵ Китай становится ближе // Там же.

¹⁶ Опять китайцы пришли // Областная газета. 1993. 8 июня.

¹⁷ Этапы сотрудничества // Уральский федеральный округ. 2006. № 10. С. 28–29.

¹⁸ И это только официальные данные. См. Постановления правительства Свердловской области в «Областной газете»: 1992. 20 мая, 8 июля, 26 авг., 24 нояб., 23 дек., 25 дек.; 1993. 19 янв., 2 апр., 12 апр., 29 июня. По Пермской области таких сведений обнаружить не удалось.

¹⁹ В добрый путь, «Сунгари» // Областная газета. 1992. 23 дек.

²⁰ Мурташина К. Г., Хими́на С. А. Торгово-экономическое сотрудничество Свердловской области и Китайской Народной Республики в 1992–2005 // Уральское востоковедение. 2007. Вып. 2. С. 65.

²¹ «Нихао» по-китайски значит: здравствуйте! // Областная газета. 2005. 4 окт.

²² Подр. об истории взаимоотношений см.: С визитом в Гуанчжоу // Вечерний Екатеринбург. 2002. 23 мая; Пылесосы в обмен на станки // Деловой квартал. 2001. № 20. С. 13.

²³ В Екатеринбурге – как дома // Уральский рабочий. 2003. 9 окт.; Протоколы, меморандумы о сотрудничестве Екатеринбурга с зарубежными городами [Электронный ресурс]: Официальный сайт администрации города Екатеринбурга. URL: <http://www.ekburg.ru/administration/administration-gorod/4/8/31/> (дата обращения: 25.10.2010).

²⁴ Китайская грамота // Капитал. 2006. 7 июля.

²⁵ Формально консул пребывает в Екатеринбурге с 2004 г. Однако официальное открытие консульства как юридического адреса состоялось в 2009 г. Действие Консульства распространяется на такие крупные регионы, как Новосибирская область, Красноярский край. См.: База дружбы // Областная газета. 2009. 26 сент.; Се Цзиньни. Будем работать вместе // Уральский федеральный округ. 2006. № 10. С. 56.

²⁶ Средний Урал – Китай: работа на будущее // Областная газета. 2008. 16 мая.

²⁷ «ФинПромСтрой» создал СП с китайскими строителями // Деловой квартал. 2007. № 36. С. 14–15; «Презент» будет продавать сувениры вместе с китайцами // То же. № 22. С. 20; См. также: Мурташина К. Г., Хими́на С. А. Указ. соч. С. 66–67.

²⁸ На всем понятном языке // Областная газета. 2009. 11 июля.

- ²⁹ К сожалению, на сегодняшний день все отношения прекращены, а официальных документов по этому периоду в архиве не отложилось. Все материалы составлены на основе СМИ и воспоминаниях.
- ³⁰ Пермь – Шеньян: продолжение контактов // Звезда. 1990. 28 июня.
- ³¹ Восточная Вера // Компаньон Magazine. 2008. № 27. С. 26.
- ³² Там же.
- ³³ После Шеньяна в конце 1990-х годов администрация Перми начала сотрудничество с китайским городом Цзинань (пров. Шаньдун). Велась переговоры о прямом авиасообщении между Пермью и КНР, открытии крупнейшего в Западно-Уральском регионе филиала торговой компании «Тянь Шань». Но переговоры так и остались на бумаге. При этом следует отметить, что в 2002 г. в Пермь все-таки прибыла группа китайских студентов из Цзинани.
- ³⁴ Международное сотрудничество Перми [Электронный ресурс]: Официальный сайт администрации города Перми. URL: <http://www.gorodperm.ru/info/about/Brothers/> (дата обращения: 29.11.2010).
- ³⁵ Красинец Е. С., Кубышкин Е. С., Тюрканова Е. В. Нелегальная миграция в Россию. М., 2000. С. 6.
- ³⁶ Соглашение действовало до 2000 г. См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристских поездках [Электронный ресурс]: TRAVEL.RU. URL: <http://archive.travel.ru/china/4625.html> (дата обращения: 25.01.2010).
- ³⁷ Ларин А. Г. Указ. соч. С. 156.
- ³⁸ Там же. С. 43.
- ³⁹ По обоюдному согласию экспертов, эта цифра не отражает реального положения дел.
- ⁴⁰ Портяков В. Я. Указ. соч. С. 42.
- ⁴¹ Гончаров С. Н. Указ. соч. С. 18.
- ⁴² Китайцев очень много. И на Урале // Вечерний Екатеринбург. 1997. 18 сент.
- ⁴³ Чисто азиатская жестокость // Екатеринбургская неделя. 1997. 31 окт.
- ⁴⁴ Китайцев очень много... // Вечерний Екатеринбург. 1997. 18 сент.
- ⁴⁵ О порядке регистрации иностранных граждан на территории Свердловской области: Закон Свердловской области от 24 ноября 1994 г. № 9-ОЗ // Областная газета. 1994. 7 дек.
- ⁴⁶ Китайцев очень много... // Вечерний Екатеринбург. 1997. 18 сент.
- ⁴⁷ Вымогатели задержаны. «Азиатская проблема» остается // Областная газета. 1997. 13 февр.
- ⁴⁸ Чисто азиатская жестокость // Екатеринбургская неделя. 1997. 31 окт.
- ⁴⁹ Об исполнении областного закона «О порядке регистрации иностранных граждан на территории Свердловской области»: Постановление председателя Областной Думы Свердловской области от 9 июля 1997 г. № 378 // Областная газета. 1997. 23 июля.
- ⁵⁰ Китайцев очень много... // Вечерний Екатеринбург. 1997. 18 сент.
- ⁵¹ Первый «чайна-таун» на Урале // Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 1998. 9 сент.
- ⁵² Дятлов В. И. Россия: в предчувствии чайнатаунов. Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 7; Курто О. // Чайнатауны в России [Электронный ресурс]: URL: <http://www.russianshanghai.com/articles/china/post1610> (дата обращения: 15.03.2010).

⁵³ Первый «чайна-таун» на Урале // Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 1998. 9 сент.

⁵⁴ О регистрации временно пребывающих на территории Пермской области лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации и постоянно проживающих в странах Содружества Независимых Государств: Закон Пермской области от 23 июня 1994 г. № 31-2 // Бюллетень нормативных актов Законодательного Собрания и постановлений главы администрации Пермской области. 1994. № 2. С. 27–30.

⁵⁵ Об упорядочении пребывания на территории Пермской области граждан Социалистической Республики Вьетнам и Китайской Народной Республики: Постановление губернатора Пермской области от 21 ноября 1997 г. № 414 // Пермские новости. 1997. 21 нояб. С. 9.

⁵⁶ См., напр.: Гончаров С. Н. Указ. соч. С. 22; Ларин А. Г. Указ. соч. С. 166–167.

⁵⁷ См.: Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. Москва: Муравей, 2001. С. 17; Ларин А. Г. Указ. соч. С. 150.

⁵⁸ Всероссийская перепись населения 2002. Т. 3. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2004. С. 1890.

⁵⁹ Общее количество иностранных граждан в Свердловской области по данным переписи 2002 г. – 25 334, таким образом, китайцы составляли 10% от общего количества иностранцев Свердловской области // Национальный состав и владение языками, гражданство населения Свердловской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Стат. сб. Екатеринбург, 2005. С. 13.

⁶⁰ Национальный состав населения Пермской области // Федеральная служба государственной статистики России, Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Пермской области. Пермь, 2005. С. 5–6, 99.

⁶¹ Следует отметить, что переписью были охвачены только граждане России, «временно пребывающих» китайцев, учет которых в начале 2000-х годов не велся, по разным оценкам было в 4–5 раз больше.

⁶² Основной поток иммигрантов в Пермскую область идет из Таджикистана и Узбекистана [Электронный ресурс]: Русская линия: православное информационное агентство. URL: <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=716109> (дата обращения: 15.12.2010).

⁶³ Черных А. В. Китайская диаспора в Прикамье // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2007. № 130. С. 17–18.

⁶⁴ Проблемы занятости китайских иммигрантов, например, решаются с 2002 г. с помощью представителей как органов исполнительной, так и законодательной власти Свердловской области. См.: Китайский синдром // Деловой квартал. 2002. 1 июля.

⁶⁵ В 2005 г. в СМИ были размещены материалы пресс-конференции УФМС по Пермской области, на которой начальник отдела по делам миграции ГУВД Пермской области Виктор Фадеев сообщал, что китайцы представляют угрозу стабильности на рынке рабочей силы, в том числе из-за соседней Свердловской области. Сложно оценить, насколько эти заявления в действительности соответствуют региональной политике, но китайская община в Пермском крае продолжает оставаться одной из самых малочисленных, в отличие от соседних регионов. См.: Основной поток иммигрантов в Пермскую область идет из Таджикистана и Узбекистана [Электронный ресурс]: Русская линия: православное информационное агентство. URL: <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=716109> (дата обращения: 15.12.2010).

⁶⁶ Дума из Поднебесной // Уральский ревизор. 2006. № 10. С. 14.

- ⁶⁷ Занесенные ветром рынка // На смену. 2001. 8 июня.
- ⁶⁸ Китайской мафии в Екатеринбурге нет // Курсив. 1997. № 2. С. 42.
- ⁶⁹ Национальный состав и владение языками... Т. 4. Кн. 2. С. 2000, 2012.
- ⁷⁰ *Портяков В. Я.* Указ. соч. С. 43.
- ⁷¹ Большинство современных российских и западных ученых склоняются к мнению, что китайцы «исторически» предрасположены к торговле. См.: Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики. Иркутск, 2009. С. 116–117.
- ⁷² *Ван И.* Приграничное экономическое сотрудничество между Россией и Китаем: Автореф. дис. ... канд. эк. наук. М., 2009. С. 13.
- ⁷³ *Гончаров С. Н.* Указ. соч. С. 19
- ⁷⁴ Трансграничные миграции и принимающее сообщество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009. С. 250.
- ⁷⁵ *Портяков В. Я.* Указ. соч. С. 44.
- ⁷⁶ Трансграничные миграции и принимающее сообщество. С. 254.
- ⁷⁷ Китайцев очень много... // Вечерний Екатеринбург. 1997. 18 сент.
- ⁷⁸ Занесенные ветром рынка // На смену. 2001. 8 июня.
- ⁷⁹ «Шанхай» на Парковом // Звезда. 2004. 2 дек.
- ⁸⁰ ПМА, 2009; г. Пермь. Аркадий Константинов.
- ⁸¹ Занесенные ветром рынка // На смену. 2001. 8 июня.
- ⁸² Чисто азиатская жестокость // Екатеринбургская неделя. 1997. 31 окт.
- ⁸³ «Шанхай» на Парковом // Звезда. 2004. 2 дек.
- ⁸⁴ Кошмар по расписанию, или Пекинский скорый // Областная газета. 1992. 4 нояб.
- ⁸⁵ Пермь и «шанхаец» – братья навек // Досье 02. 2003. 10 окт.
- ⁸⁶ *Гончаров С. Н.* Указ. соч. С. 19.
- ⁸⁷ *Лукин А. В.* Указ. соч. С. 334.
- ⁸⁸ *Гончаров С. Н.* Указ. соч. С. 19.
- ⁸⁹ Чисто азиатская жестокость // Екатеринбургская неделя. 1997. 31 окт.; Китайцев очень много... // Вечерний Екатеринбург. 1997. 18 сент.
- ⁹⁰ Китайцев очень много... // Вечерний Екатеринбург. 1997. 18 сент.
- ⁹¹ Трансграничные миграции и принимающее сообщество... С. 255.
- ⁹² Язык до ручки доведет // Областная газета. 1993. 16 июня.
- ⁹³ Мост дружбы // То же. 1992. 10 июля.
- ⁹⁴ Архив г. Ирбита. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 62.
- ⁹⁵ Китайский доктор // Пермские новости. 2000. 4–10 февр.; Спокойный город // Досье 02. 2004. 24 дек.
- ⁹⁶ Первые студенты прибыли еще в начале 1990-х, однако массовым это явление стало только к началу 2000-х годов.
- ⁹⁷ *Каменских М. С.* Эффективность обучения иностранных студентов в России и их конкурентоспособность на рынке труда // Актуальные проблемы философии, социологии и политологии, экономики и психологии. Пермь, 2005. С. 122–125.
- ⁹⁸ Китайцы перебираются на Урал // Подробности. 2002. 9 авг.
- ⁹⁹ Китайцы дошли до Урала // Независимая газета. 2006. 2 авг.
- ¹⁰⁰ «Тоньзи, нихао» // Областная газета. 2006. 18 окт.
- ¹⁰¹ Китай-город в перспективной деревне // Профсоюзный курьер. 2008. 16 окт.; Жизнь – чешуя // Профсоюзный курьер. 2009. 24 июня; Заработал – получи // Комсомольская правда. Пермь. 2009. 13 нояб.

¹⁰² Гельбрас В. Г. Национальная безопасность России: вызов китайской миграции // Миграция и безопасность России // М., 2000. С. 214.

¹⁰³ С. Н. Гончаров утверждает, что одна из причин негативного отношения к китайцам как раз заключается в их отрешенности, нежелании интегрироваться в принимающее сообщество. См.: Гончаров С. Н. Указ. соч. С. 14. См. также: Дятлов В. И. Новая китайская диаспора Сибири как вызов национальной безопасности России // Восток. 1999. № 1. С. 118.

¹⁰⁴ Чисто азиатская жестокость // Екатеринбургская неделя. 1997. 31 окт.

¹⁰⁵ Китайцы в Екатеринбурге // Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 1998. 9 сент.

¹⁰⁶ ПИМА, 2009; г. Пермь. Аркадий Константинов.

¹⁰⁷ Занесенные ветром рынка // На смену. 2001. 8 июня.

¹⁰⁸ Китайская провинция в Екатеринбурге // Областная газета. 2001. 28 сент.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Китайская больница в Екатеринбурге // Вечерний Екатеринбург. 2002. 9 авг.

¹¹² Китайцы выращивали в Свердловской области опасные овощи [Электронный ресурс] // URL: http://www.oodvrs.ru/article/index.php?id_page=40&id_article=1262 (дата обращения: 10.12.2010).

Уральцы попали на китайскую капусту [Электронный ресурс]: Эксперт-Урал. 2009. URL: <http://www.expert-ural.com/25-0-8364/> (дата обращения: 10.12.2010); Китайцы выращивали в Свердловской области опасные овощи [Электронный ресурс]: MIR96.RU. URL: <http://www.mir96.ru/news/view/39812> (дата обращения: 10.12.2010); В Свердловской области граждане Китайской Народной Республики выращивали на продажу овощи, опасные для жизни покупателей [Электронный ресурс]: Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/news/news-1073012/print=1> (дата обращения: 10.12.2010).

¹¹³ В Свердловской области русских выселяют из общежитий, а китайцам дают прописку [Электронный ресурс]: Информационное агентство «Новый регион». 2005. URL: <http://www.nr2.ru/ekb/101714.html> (дата обращения: 10.12.2010).

¹¹⁴ Китайцы в Екатеринбурге // Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 1998. 9 сент.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Китайская провинция в Екатеринбурге // Областная газета. 2001. 28 сент.

¹¹⁸ Китайцы в Екатеринбурге // Вечерние ведомости...

¹¹⁹ В Перми согревает душевная теплота людей // Мы – земляки. 2010. № 1–2 (11–12). С. 52.

¹²⁰ Аналогичные продукты были перечислены и китайцами второй волны.

¹²¹ Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 4. Кн. 1. М., 2004. С. 83, 89.

¹²² Восточная Вера // Компаньон Magazine. 2008. № 27. С. 26.

¹²³ В Перми согревает душевная теплота людей // Мы – земляки. 2010. № 1–2 (11–12). С. 51.

¹²⁴ В Перми в середине 1990-х годов были организованы курсы русского языка для китайцев. Первоначально желающих было много. Но, овладев словарным минимумом, необходимым для работы на рынке, китайцы прекращали обучение.

¹²⁵ Чисто азиатская жестокость // Екатеринбургская неделя. 1997. 31 окт.

- ¹²⁶ Мост дружбы // Областная газета. 1992. 10 июля.
- ¹²⁷ Китайцы в Екатеринбурге // Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 1998. 9 сент.
- ¹²⁸ Гончаров С. Н. Указ. соч. С. 21.
- ¹²⁹ Восточная Вера // Компаньон Magazine. 2008. № (27). С. 27.
- ¹³⁰ Данное положение отнюдь не относится ко всем китайцам.
- ¹³¹ Курто О. Чайна-тауны в России [Электронный ресурс] // RUSSIANSHANGHAI.COM: Сайт Русского клуба в Шанхае. 2009. URL: <http://www.russianshanghai.com/articles/china/post1610> (дата обращения: 10.03.2010).
- ¹³² Китайцы в Екатеринбурге // Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 1998. 9 сент.
- ¹³³ Китайцев очень много... // Вечерний Екатеринбург. 1997. 18 сент.
- ¹³⁴ Чисто азиатская жестокость // Екатеринбургская неделя. 1997. 31 окт.
- ¹³⁵ Вымогатели задержаны. «Азиатская проблема» остается // Областная газета. 1997. 13 февр.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Китайской мафии в Екатеринбурге нет // Курсив. 1997. № 2. С. 42.
- ¹³⁸ ПМА, 2009; г. Пермь. Аркадий Константинов.
- ¹³⁹ Там же, он же.
- ¹⁴⁰ Борисов А. А., Василенко Ю. В. Иммиграционные сообщества России: модели интеграции. Екатеринбург, 2007. С. 237.
- ¹⁴¹ Дацышен В. Г. Указ. соч. С. 276.
- ¹⁴² Ларин А. Г. Указ. соч. С. 167.
- ¹⁴³ ПМА, 2009; г. Пермь, Кривоногов Владимир Павлович.
- ¹⁴⁴ Дятлов В. И. Новая китайская диаспора Сибири... С. 118.
- ¹⁴⁵ Китайское землячество на Урале // VIP Консультант. 2002. № 29. С. 8.
- ¹⁴⁶ Чайнатаун по-екатеринбургски [Электронный ресурс]: Деловая газета «Капитал». 2004. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-162206.html (дата обращения: 25.06.2008).
- ¹⁴⁷ Более 5 тыс. билетов выкупила китайская диаспора в Екатеринбурге на матчи розыгрыша Кубка Ельцина по волейболу [Электронный ресурс]: RUSSIAN-CHINA.ORG. 2007. URL: http://russian.china.org.cn/sports/txt/2007-06/27/content_8449086.htm (15.01.2010).
- ¹⁴⁸ Помощь китайцам [Электронный ресурс]: Четвертый канал. 2008. URL: <http://www.channel4.ru/content/200805/16/112.china.html> (дата обращения: 12.10.2010).
- ¹⁴⁹ Сегодня открывается первый в России китайский клуб // [Электронный ресурс]: REGIONS.RU. 2008. URL: <http://www.regions.ru/article/any/id/1545756.html> (дата обращения: 12.10.2010).
- ¹⁵⁰ 29.01.2007 Екатеринбург: новый вид издательского бизнеса – газета для китайцев [Электронный ресурс]: OPENMARKET.RU. 2007. URL: <http://openmarket.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=338246> (дата обращения: 12.10.2010).
- ¹⁵¹ Пермь великая – Пермь многоликая // Буклет в рамках проекта «Молодежь в многонациональных группах: путь к гармонии». Пермь, 2003.
- ¹⁵² На предложение о сотрудничестве в области изучения китайской истории в Прикамье от «Тяньма» был получен отказ. Китайцы, знакомые с деятельностью этой организации, также указывают на исключительно коммерческий характер ее деятельности.

¹⁵³ Борисов А. А., Василенко Ю. В. Указ. соч. С. 23.

¹⁵⁴ Борисов А. А. Иммигрантские общины Пермской области: социальная структура и проблемы адаптации. Пермь, 2005. С. 117.

¹⁵⁵ Именно к этой категории принадлежит сегодня большая часть китайских иммигрантов, согласно другим исследованиям. См.: Ларин А. Г. Китайские коммерсанты в России // Азия и Африка сегодня. 2009. № 4. С. 28.

¹⁵⁶ Также значительная часть за время жизни на Урале уже успели пожить и поработать как в Перми, так и в Екатеринбурге.

¹⁵⁷ В нижеприведенных таблицах данные ВЦИОМ 2007 г., в случае совпадения вопросов, включены в качестве отдельного столбца. В данных ВЦИОМ приведены только проценты, без указания численности отвечавших. См.: Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М: Восточная книга, 2009. С. 28–36.

¹⁵⁸ Оказалось, что значительная часть китайцев (особенно из тех, кто трудится на рынке) не владеет китайским языком настолько, чтоб прочитать вопросы и понять варианты ответов. Очень часто, не понимая вопроса, респонденты его просто пропускали. В некоторых случаях, имея в виду «нет», отвечающие также пропускали вопрос, несмотря на то, что вариант «нет» был в списке возможных ответов. На некоторые вопросы большинство старались просто не отвечать (о зарработке, о численности китайской диаспоры, о конфликтных ситуациях). В этой связи, есть вопросы, ответ на которые не давали до ¼ опрашиваемых. Этот фактор учитывался при анализе репрезентативности тех или иных ответов. Еще одна сложность – сами ответы. Очень часто китайцы отмечали не те варианты, которые реально имели в виду. Так, например, отвечая на вопрос: «На каком языке вы предпочитаете разговаривать в повседневной жизни», респонденты часто отмечали два из предложенных вариантов – «Русский» и «Китайский», и это притом, что был предложен третий вариант: «Русский и китайский в равной степени». В таких случаях для итогового анализа засчитывался последний вариант. Но в целом, нужно отметить, что на большую часть вопросов получены ответы.

¹⁵⁹ Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М: Восточная книга, 2009. С. 29.

¹⁶⁰ Указано название города или нечетко прописан иероглиф.

¹⁶¹ Скорее всего, сюда попали те, кто не имел детей вообще и таким образом посчитал, что вопрос к нему не относится.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XX веке существовал ряд объективных предпосылок для притока иммигрантов из Китая в Россию. Это и наличие продолжительной общей границы, и слабая освоенность обширной территории России, ее потребность в рабочих руках, и перенаселенность в Китае и др. Однако на протяжении XX столетия отношения России (СССР) и Китая несколько раз радикально менялись от крайне дружественных до крайне враждебных, в результате чего иммиграция китайцев в нашу страну приняла прерывистый, или волновой характер. Всего в XX столетии можно выделить три притока иммигрантов (досоветский, советский и постсоветский), каждый из которых напрямую связан с определенным этапом в отношениях между государствами.

Причины китайской иммиграции в Россию были как экономические (недостаток рабочих рук, потребность в продукции), так и чисто политические (необходимость демонстрации дружбы между государствами на мировом уровне).

По продолжительности каждая из иммиграционных волн длилась от 15 до 25 лет. Очередные происходившие на официальном уровне перемены в отношении к китайцам приводили к изменению численности и социокультурного облика китайских иммигрантов.

Каждая из этих волн находила свое выражение в рамках отдельных экономико-географических регионов, каким является Средний Урал. Его традиционно промышленный уклад влиял и на обстоятельства появления здесь китайцев, и на их численность

и территориальное размещение, и на социальный облик. Не случайно наибольших размеров китайская этническая группа Среднего Урала достигла в период Первой мировой войны, а в период «Большой дружбы» именно Урал был выбран в качестве одного из центров размещения китайских рабочих и студентов.

Особый статус китайцев в нашей стране демонстрирует и нормативная база. Иммигранты из Китая никогда не вписывались в общие правила пребывания иностранцев в России: для них эти правила оказывались либо слишком строгими, как в начале XX в., либо простыми, как в начале 1990-х годов. По этой причине с началом каждой иммиграционной волны российские власти всегда вынуждены были принимать специальные законы, касающиеся нахождения китайцев, что подчеркивает их особый статус для нашей территории.

По социальному облику китайскими мигрантами чаще становились мужчины репродуктивного возраста, не имевшие семей, что характерно и для других миграционных сообществ. В качестве особенности, характерной для всех периодов пребывания китайцев на Среднем Урале, можно назвать более низкий для большинства из них уровень жизни до приезда в Россию. Поэтому даже плохо обеспеченное, по местным меркам, существование китайцы воспринимали как весьма комфортное.

Китайцы каждой из иммиграционных волн на Среднем Урале имели ряд как общих, так и специфических черт в своем поведении. Общими для всех китайцев Среднего Урала, независимо от периодов их пребывания в регионе, можно назвать трудолюбие (в первую очередь, упорство в получении результата), специфическое поведение (принимаящее сообщество всегда отмечало особое отношение китайцев к вопросам гигиены, здоровья и медицины, внешнего вида, культуры питания и т. д.). Большой проблемой для китайцев всех трех иммиграционных волн являлось изучение русского языка. Почти несопоставимые отличия в языковых системах (иероглифическое и алфавитное письмо, трудно сопоставимый порядок слов в предложении) и, как правило, низкий уровень образования самих иммигрантов (многие из них

приезжали, даже не умея читать и писать на родном языке), их нежелание овладеть языком принимающего сообщества делали языковую адаптацию китайцев почти невозможной.

Диаспоральный процесс в китайской этнодисперсной группе Среднего Урала в XX в. начинался несколько раз, но из-за «перерывов» между миграционными волнами из КНР в Россию не доходил до логического завершения. А вновь прибывающие китайцы практически не вступали в контакты с представителями предыдущих иммиграционных волн, между ними не возникало преемственности.

Только к началу XXI в. на Среднем Урале за счет иммигрантов последней волны были созданы предпосылки для формирования региональной диаспоры, центром которой стал г. Екатеринбург. Фактически диаспоральный процесс в китайской этнической группе Екатеринбурга завершился к середине первого десятилетия XXI в., о чем свидетельствуют не только наличие постоянного регионального китайского сообщества, но и создание социальных институтов в диаспоре.

Немалую роль в развитии диаспоральных процессов сыграло местное сообщество. Власти Свердловской области пошли по пути активного привлечения и использования китайского труда и капитала, что привело к формированию за сравнительно короткое время крупной, развитой региональной диаспоры, контролировать которую не всегда удастся. При этом ощутим эффект от привлечения инвестиций, поскольку Свердловская область стала известна в КНР. В то же время в западной части Среднего Урала, на территории Пермского края, диаспоральные процессы в китайской этнодисперсной группе еще не завершены.

К концу 2000-х гг. китайская диаспора Среднего Урала имеет существенные перспективы для дальнейшего становления и укрепления на территории региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1.1. Неопубликованные источники

1.1.1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1.1.1.1. Ф. 102. – Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской империи:

– Оп. 71. Д. 56. По вопросу о вреде, причиненном пребыванием китайцев в России;

– Оп. 71. Д. 105. По вопросу о выдворении из России бродячих китайцев-торговцев;

– Оп. 71. Д. 159. Об отмене на время войны распоряжения о недопущении на работы в фабричные и промышленные предприятия китайцев и корейцев, не имеющих национальных визированных паспортов;

– Оп. 73. Ч. 1. Д. 10. Ч. 56. Об облегчении условий пропуска в пределы империи китайцев и корейцев, приглашенных на работы в наших металлургических и каменноугольных предприятиях;

– Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. По вопросу о дальнейшей организации найма и перевозки желтых рабочих в империю;

– Оп. 75. Д. 10. Ч. 32. По вопросу применения правил о пользовании в империи трудом рабочих желтой расы;

– Оп. 75. Д. 29. По возбужденным ходатайствам разных учреждений и лиц о допуске в пределы империи рабочих китайцев, корейцев и персов.

1.1.1.2. Ф. р. 1318. Наркомнац СНК РСФСР:

– Оп. 1. Д. 1267. Переписка ИКНЦ с НКВД о передаче Наркомнац Союза китайских рабочих.

1.1.2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

1.1.2.1. Ф. 17 – Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС):

– Оп. 7. Д. 107. Статистические сводки о численном составе членов партии;

– Оп. 7. Д. 152. Отчетные карточки о составе;

– Оп. 7. Д. 316. Справка и статистические таблицы о составе коммунистов национальностей, не входящих в состав СССР (иностранцев) на 5 марта 1938 г.;

• – Оп. 7. Д. 370. Отчеты о составе парторганизаций (форма № 7);

– Оп. 60. Д. 3. Сведения, анкеты и переписка АППГ ПК РКП (б) с местными партийными организациями об упразднении бюро китайских секций при Исполкомах, об организационных формах агитационно-пропагандистской работы в Пермской губернии, о приеме в университет Я. М. Свердлова, по организационным и другим вопросам.

1.1.2.2. Ф. 495 – Личные дела студентов Коммунистического университета трудящихся Китая (КУТК):

– Оп. 225. Д. 252. Чжан Болин (Иван Углев);

– Оп. 225. Д. 259. Цзян Госюн (Михаил Леонов).

1.1.2.3. Ф. 514 – Коммунистическая партия Китая (КПК):

– Оп. 1. Д. 5. Переписка представителей НКВД советской России с ИККИ, представителями китайского правительства и другими организациями о взаимоотношениях России с Китаем, положении китайских граждан в России и по другим вопросам.

– Оп. 1. Д. 121. Переписка ИККИ и его Восточного отдела с ЦК Компартией Китая по вопросам о положении в Китае, о деятельности партии, об учебе китайцев в СССР и по другим вопросам.

1.1.3. Российский государственный исторический архив (РГИА)

1.1.3.1. Ф. 37 – Горный департамент:

– Оп. 58. Д. 822. Список рабочих китайцев, находящихся при Кыштымских каменноугольных коях;

– Оп. 65. Д. 1775. О найме рабочих-китайцев на угольные копи в России;

– Оп. 65. Д. 1797. О ходатайстве управления Нижне-Тагильского и Луневского округов Демидова о разрешении при-
воза на лесные работы китайцев, японцев и корейцев;

– Оп. 73 а. Д. 301. Дело о применении в Империи труда жел-
той расы – китайцев.

1.1.3.2. Ф. 48 – Совет съездов горнопромышленников Урала:

– Оп. 1. Д. 145. Переписка с Центральным военно-промыш-
ленным комитетом и другими учреждениями по вопросу об ис-
пользовании в военное время труда беженцев, военнопленных и
китайцев.

**1.1.3.3. Ф. 54 – Богословское горнозаводское акционерное
общество:**

– Оп. 1. Д. 282. Дело о применении труда китайских военно-
пленных на заводах и рудниках.

**1.1.3.4. Ф. 391 – Переселенческое управление Министер-
ства земледелия:**

– Оп. 6. Д. 297. Об условиях применения в Империи труда
китайцев и корейцев.

**1.1.3.5. Ф. 395 – Отдел сельской экономики и сельскохо-
зяйственной статистики Министерства земледелия:**

– Оп. 2. Д. 3169. Ходатайство князя Абамелек-Лазарева, вла-
дельца Кизеловских каменноугольных копей, о предоставлении
ему рабочих китайцев.

**1.1.3.6. Ф. 880 – Лазаревы: Еким Лазаревич (1743–1826),
основатель Лазаревского института восточных языков в Моск-
ве; Христофор Екимович (1789–1871), чиновник Министерства
иностраннных дел; попечитель Лазаревского института; Абаме-
лек-Лазаревы, князья: Семен Давыдович (1815–1888), генерал-
майор; Елизавета Христофоровна:**

– Оп. 3. Д. 1878. Устав для китайцев – рабочих угольных ко-
пей и железных рудников Кизеловского горного округа.

1.1.3.7. Ф. 1276 – Совет Министров (1905–1917):

– Оп. 11. Д. 1493. Переписка председателя Совета Минист-
ров с разными лицами: о применении труда рабочих корейцев и
китайцев на каменноугольных и промышленных предприятиях;

– Оп. 20. Д. 105. Об условиях применения труда китайских рабочих в России.

1.1.3.8. Ф. 1405 – Министерство юстиции:

– Оп. 177. Д. 2. О забастовках рабочих-китайцев на 45 версте Алапаевской заводской железной дороги и столкновении их с полицией.

1.1.4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

• 1.1.4.1. Ф. 8837 – Министерство строительства предприятий нефтяной промышленности СССР (Миннефтестрой СССР):

– Оп. 1. Д. 207. Отчет о произведенной работе китайских рабочих на Молотовстрой за 1956 г.;

– Оп. 1. Д. 719. Докладные записки, справки, акты и другие материалы по проверке работы по созданию постоянных работников и сокращения текучести по предприятиям Миннефтестроя СССР;

– Оп. 1. Д. 720. Годовой отчет произведённой работы китайских рабочих;

– Оп. 1. Д. 733. Отчеты, доклады, записки, справки и другие сведения (Молотовстрой);

– Оп. 1. Д. 752. Управление Молотовстрой.

1.1.4.2. Ф. 8897 – Главнефтепецстрой Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности (МСПНП) СССР:

– Оп. 1. Д. 66. Годовой отчет по управлению строительства Молотовстрой за 1954 г.;

– Оп. 1. Д. 91. Отчет Молотовстроя по основной деятельности;

– Оп. 1. Д. 108. Переписка по конъюнктурному обзору, мероприятия и справки по Молотовстрою.

1.1.5. Государственный архив Пермского края (ГАПК)

1.1.5.1. Ф. 36 – Пермское губернское правление Министерства внутренних дел (г. Пермь):

– Оп. 2. Д. 8. Рапорты уездных исправников и полицеймейстеров о китайских подданных, прибывших в Пермскую губернию, списки китайских подданных;

– Оп. 10. Д. 130. Рапорты соликамского уездного исправника о изменениях в личном составе, списки чинов соликамского уездного полицейского управления, список китайских рабочих, прибывших на работу в уезд.

1.1.5.2. Ф. 65 – Канцелярия Пермского губернатора:

– Оп. 1. Д. 62. Отчет пермского губернатора о состоянии губернии за 1914–1915 гг.;

– Оп. 1. Д. 165. Рапорты верхотурского уездного исправника и переписка о побеге рабочих-китайцев с Кизеловских каменно-угольных копей князя Абамелек-Лазарева (22 декабря 1915 г. – 29 декабря 1916 гг.);

– Оп. 1. Д. 1366. Циркуляры пермского губернатора полицеймейстерам, уездным исправникам о мерах по охране государственного порядка и общественного спокойствия в связи с чрезвычайным положением в губернии;

– Оп. 3. Д. 569. Рапорты уездных исправников, прошения и переписка китайских подданных, корейских и японских, находящихся под надзором полиции;

– Оп. 3. Д. 570. Рапорты уездных исправников, списки, прошения и переписка о китайских, корейских и японских подданных, находящихся в Пермской губернии;

– Оп. 3. Д. 595. Рапорты уездных исправников, переписка о китайских и других рабочих, находящихся в Пермской губернии;

– Оп. 3. Д. 620. Дело о задержании и высылке за границу китайского подданного Фан-дэ-лина;

– Оп. 5. Д. 10. Сообщения Пермского губернатора в Министерство внутренних дел, рапорты уездных исправников, прошения и переписка о китайских, корейских и японских подданных, высланных в Пермскую губернию. Т. 1;

– Оп. 5. Д. 10 а. Сообщения пермского губернатора в Министерство внутренних дел, рапорты уездных исправников, прошения и переписка о китайских, корейских и японских подданных, высланных в Пермскую губернию. Т. 2;

– Оп. 5. Д. 11. Сообщения пермского губернатора в Министерство внутренних дел, рапорты уездных исправников, прошения и

переписка о китайских, корейских и японских подданных, высланных в Пермскую губернию. Т. 1;

– Оп. 5. Д. 11 а. Сообщения пермского губернатора в Министерство внутренних дел, рапорты уездных исправников, прошения и переписка о китайских, корейских и японских подданных, высланных в Пермскую губернию. Т. 2;

– Оп. 5. Д. 151. Обязательные постановления пермского губернатора об условиях работы китайских, корейских, персидских рабочих на промышленных предприятиях, рапорты уездных исправников, списки китайских рабочих, переписки о них (10 сентября 1915 г.);

– Оп. 5. Д. 152. Сообщения пермского губернатора в департамент полиции, рапорты уездных исправников, протоколы дознаний и переписка о нарушении обязательных постановлений губернатора китайскими рабочими, находящимися на каменноугольных коях в Кизеловском горном округе (3 сентября 1915 г. – 14 марта 1916 г.);

– Оп. 5. Д. 154. Сообщения пермского губернатора в департамент полиции, рапорты соликамского уездного исправника и переписка с прокурором Пермского окружного суда о волнениях китайских рабочих на Половинских коях (10 ноября 1915 г. – 7 декабря 1916 г.);

– Оп. 5. Д. 155. Рапорты уездных исправников и списки китайских подданных (1 января 1915 г. – 12 ноября 1915 г.);

– Оп. 5. Д. 159. Дело о забастовке китайских рабочих, находящихся на работах в Алапаевском округе, и о нападении их на полицию (28 мая 1915 г. – 8 декабря 1916 г.);

– Оп. 5. Д. 165. Сообщения пермского губернатора в департамент полиции, рапорты уездных исправников и переписка о военнопленных и военнообязанных иностранных подданных (22 января 1916 г. – 8 мая 1917 г.);

– Оп. 5. Д. 167. Переписка с Департаментом полиции, екатеринбургским полицмейстером о забастовке китайских рабочих на Белорецком заводе, о нарушении обязательных постановлений губернатора (14 февраля 1916 г. – 19 февраля 1917 г.);

– Оп. 5. Д. 243. Дело о китайских подданных Ван-лин-цун, Ли-чан-цзы и Чжан-си-ку и о высылке их на родину (6 сентября 1914 г. и 29 июня 1916 г.);

– Оп. 1. Д. 1366. Циркуляры пермского губернатора полицеймейстерам, уездным исправникам о мерах по охране государственного порядка и общественного спокойствия в связи с чрезвычайным положением в губернии.

1.1.5.3. Ф. 142 – Прокурор Пермского окружного суда (г. Пермь):

– Оп. 2. Д. 128. Протокол, постановления и рапорты соликамского уездного исправника по обвинению в нарушении обязательных постановлений китайских рабочих каменноугольных копей Кизеловского угольного бассейна;

1.1.5.4. Ф. 143 – Врачебное отделение Пермского губернского правления (г. Пермь):

– Оп. 1. Д. 1155. Отношение Кизеловской конторы об открытии кладбища для китайцев.

1.1.5.5. Ф. 167 – Пермский губернский комиссар Временного правительства (г. Пермь):

– Оп. 2. Д. 12. Циркуляры губернского комиссара и переписка с уездными комиссарами, исполнительными комитетами Советов рабочих и солдатских депутатов об указаниях и распоряжениях по земельному вопросу, по вырубке леса, аресте лиц и др., списки лиц, находящихся под арестом и следствием, списки китайских рабочих;

– Оп. 2. Д. 28. Рапорты уездных полицейских исправников пермскому губернатору, переписка пермского губернского комиссара с уездными комиссарами о китайских рабочих, находящихся на Мотовилихинском заводе.

– Оп. 2. Д. 41. Паспорта и прошения иностранных подданных пермскому губернскому комиссару о выдаче новых видов на жительство, переписка губернского комиссара с уездными комиссарами.

1.1.5.6. Ф. 209 – Правление акционерного общества «Лысьвенский горный округ наследников графа П. П. Шувалова» (завод Лысьвенский Пермского уезда Пермской губернии):

– Оп. 1. Д. 586. Правила, переписка с заводами округа о привлечении китайских и корейских рабочих для работы на заводах округа.

1.1.5.7. Ф. 214 – Особоуполномоченный по охране Екатеринбургского и Верхотурского уездов Министерства внутренних дел (г. Екатеринбург Пермской губернии):

Оп. 1. Д. 16. Переписка Уполномоченного с Пермским губернатором, военными начальниками, рапорты уездных исправников о распределении военнопленных по заводам, их охране и розыске сбежавших. О хранении китайскими подданными медного рудника взрывчатых материалов.

1.1.5.8. Ф. 229 – Помощник начальника Пермского губернского жандармского управления в Пермском, Соликамском и Чердынском уездах:

– Оп. 2. Д. 26. Циркуляр департамента полиции об установлении наблюдения за китайскими рабочими и списки китайских рабочих, прибывших на работы в Пермскую губернию.

1.1.5.9. Ф. 280 – Главное управление имениями князя С. С. Абамелек-Лазарева (завод Чермозский Соликамского уезда Пермской губернии):

– Оп. 1. Д. 2700. Доклад главного бухгалтера Кизеловского горного округа главноуправляющему имением о найме рабочих-китайцев через фирму Дризина и их использовании;

– Оп. 1. Д. 2487. Об условиях приема на работу на заводы Чермозского правления китайцев, корейцев, персов и т.д. и их использовании.

1.1.5.10. Ф. 1084 р. – Строительно-монтажный трест № 7 Главзападуралстроя Министерства промышленного строительства СССР (г. Пермь):

– Оп. 1. Д. 201. Трудовые отчеты о работе китайских рабочих за 1956–1957 гг.;

– Оп. 2. Д. 12. Переписка управления Молотовстрой по приему рабочих из КНР;

– Оп. 2. Д. 17. Переписка треста Молотовстрой по поводу приезда рабочих из КНР.

1.1.6. Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ)

1.1.6.1. Ф. 156 – Верхне-Камский окружной комитет ВКП (б) Уральской области:

– Оп. 1. Д. 165. Справки и доклады о результатах обслуживания работы среди нацмен. Статистика о составе коммунистов нацменьшинств;

– Оп. 1. Д. 166. Справки и доклады инструкторов о результатах обследования работы среди нацмен. Статотчеты о составе коммунистов нацменьшинств;

– Оп. 1. Д. 249. Отчеты ВКП (б) и резолюции окружных и областных совещаний о работе среди нацмен.

1.1.6.2. Ф. 577 – Пермский губернский комитет РКП (б):

– Оп. 2. Д. 169. Сведения о количестве населения малых народностей в Пермской губернии. Протоколы и доклады о работе немецкой, корейско-китайской секций. Протоколы заседаний президиума «Коми» и общих заседаний всех национальных секций при губкоме партии. Выписки из протокола заседаний Польского бюро.

1.1.6.3. Ф. 641 – Архивные уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учета в ИЦ УВД Пермского облисполкома, 1918–1991 гг.

Оп. 1. Д. 191. Ен Сино; Д. 424. Лю Фучин; Д. 460. Чан Сюи; Д. 681. Ко Чинлу; Д. 684. Жан Дочун; Д. 872. Жен Фушан; Д. 895. Ли Юнфун; Д. 908. Чжан Юхай; Д. 920. Дин Жанзуй; Д. 1024. Дан Хусян; Д. 1036. Ли Шутин; Д. 1118. Ли Учин, Лю Цай; Д. 1206. Чжан Юнсен; Д. 1310. Пред Жанжи (Пей Шаньчжи); Д. 1312. Пе Футян Иван; Д. 1328. Сун Чуха; Д. 1963. Ку Шенлин; Д. 2182. Лю Децен; Д. 2371. Ли Фую; Д. 2372. Ми Дянвен Александр; Д. 2373. Не Сянтай Василий; Д. 2374. Гунн Дян; Д. 2736. Бун Янтун; Д. 3046. Ван Хайшан; Д. 3763. Чи Ютун; Д. 3772. Юн Гоуни; Д.

3893–р. Ли Шуфан; Д. 4088. Ко Фанкун; Д. 5144. Тун Тяньпао (Тун Тенто); Д. 5415. Лю Юнкой Василий Иванович (Югов В. И.); Д. 5415. Югов Василий Иванович; Д. 6975. Мо Чеда Василий; Д. 7013. Зау Янлин; Д. 7231. Буй Василий Иванович; Д. 7321. Ю Зумпин; Д. 7450. Чжоо Хихин; Д. 7576. Ху Дите Василий Иванович; Д. 7580. Шеен Хуален; Д. 7661. Цю Сики; Д. 7661. Юй Дэсюан; Д. 8057. Ли Юшин; Д. 8621. Лю Децен; Д. 8864. Лузин Николай Иванович (Мухинсан Н. И.); Д. 8864. Лю Дэчин (Лю Венчин); Д. 8864. Лю Сеомун (Лю Сезя); Д. 9066. Кин Сари; Д. 9555. Ли Вечжоу; Д. 9568. Ли Сяньван; Д. 9847. Ван Шусуй; Д. 9916. Янфантен Иван; Д. 10010. Хо Дито; Д. 10041. Цан Фаю; Д. 10066. Чан Хунчин; Д. 10074. Чжан Минзай; Д. 10911. Ван Синтян; Д. 13452. Чжаютан Максим Петрович; Д. 13876. Чжан Зиншин; Д. 14281. Цзя Интан; Д. 14679. Вый Тайхин; Д. 15016. Ко Зею (Ко Зою); Д. 15016. Ли Ленчин; Д. 15016. Ли Синшан; Д. 15016. Ли Шантин (Ли Шутин, Ли Шаутин); Д. 15016. Лю Мин; Д. 15016. Мон Сило; Д. 15258. Ге Сынын; Д. 15453. Лю Тунтен Яков; Д. 16884. Гао Ваннен.

1.1.6.4. Ф. 643/2, 3 – Архивные уголовные дела на лиц, реабилитированных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 г. и Закону РСФСР от 18.10.1991:

Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11706. Ян Дочун; Д. 29731. Ван Сюин; Д. 30304. Лузин Николай Иванович (Мухинсан Н. И.); Д. 30700. Цан Кайси Василий Петрович; Д. 31020. Бун Янтун; Д. 31022. Ян Дочун; Д. 31050. Не Сянтай Василий; Д. 31052. Ми Дянвен Александр; Д. 32515. Ма Кунсян Петр; Д. 32658. Сю Фу Александр; Ф. 643/3. Оп. 1. Д. 1448. Ван Канэ; Д. 31055. Ли Фую.

1.1.6.5. Ф – ФСБ:

Д. 31017. Владимир Лицинфан; 31061. Ли Мантун.

1.1.7. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО):

1.1.7.1. Ф. 6 – Екатеринбургский губернский комитет (1918–1923):

– Оп. 1. Д. 276. Протоколы окружного совещания партийных работников нацменьшинств. Сведения и доклады о работе среди нацменьшинств.

1.1.7.2. Ф. 9 – Нижнетагильский округ Уральской области (1923–1930):

– Оп. 1. Д. 709. Отчеты, доклады, инструктивные письма, протоколы общих собраний татаро-башкир и сведения о работе среди нацмен по Тагильскому округу;

– Оп. 1. Д. 908. Протокол окружного совещания нацмен, партийного и комсомольского актива, комсомольских агитаторов, отчет и резолюции татаро-башкирского бюро при ЦК ВКП (б). Отчеты по работе среди нацмен окружкома и районных организаций Нижнетагильского округа;

– Оп. 1. Д. 1051. Протоколы и окружные совещания актива нацмен, совместно с секретариатом цеховых ячеек, партсобрания корейцев, резолюции, доклады, отчеты по работе среди нацмен по Нижнетагильскому округу.

1.1.8. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО)

1.1.8.1. Ф. Р–1 – Управление ФСБ РФ по Свердловской области:

Д. 1399. Дело по обвинению Цзин Читай в преступлении; Д. 1646. Дело по обвинению Пономарева Николая Алексеевича (Чи Киха) в преступлении; Д. 1815. Дело по обвинению Чжан Тиндин в преступлении; Д. 2480. Дело по обвинению Чжо Сенчун в преступлении; Д. 2870. Дело по обвинению Чен Фадай в преступлении; Д. 3045. Дело по обвинению Чжан Гудэ в преступлении; Д. 3055. Дело по обвинению Чжо Ботюнь в преступлении; Д. 3058. Дело по обвинению Чжан Дохо в преступлении; Д. 3113. Дело по обвинению Чжан Юнте в преступлении; Д. 6629. Дело по обвинению Ван Синчан Василия Ивановича в преступлении; Д. 9405. Дело по обвинению Чжен Юнцай в преступлении; Д. 18435. Дело по обвинению Леонова Михаила Яковлевича (Цзян Госюн) в преступлении. Т. 1; Д. 18435. Дело по обвинению Леонова Михаила Яковлевича (Цзян Госюн) в преступлении. Т. 2; Д. 24102.

Дело по обвинению Цзян Лин в преступлении; Д. 24739. Дело по обвинению Ин Куй в преступлении; Д. 27088. Дело по обвинению Ли Хансян в преступлении; Д. 30965. Дело по обвинению Чжан Фунтай в преступлении; Д. 34007. Дело по обвинению Чжао Шутянь в преступлении. Т. 1; Д. 34007. Дело по обвинению Чжао Шутянь в преступлении. Т. 2; Д. 34506. Дело по обвинению Го Фынсян, Кун Сяннын, Чжан Унху, Ян Маогуан, Ян Сиган в преступлении; Д. 40010. Дело по обвинению Ли Хаою в преступлении; Д. 40011. Дело по обвинению Ли Юйпин в преступлении; Д. 40012. Дело по обвинению Ли Сифу в преступлении; Д. 40157. Дело по обвинению Ли Дошан в преступлении; Д. 40335. Дело по обвинению Чжан Боян в преступлении; Д. 40336. Дело по обвинению Чжан Кизюн в преступлении; Д. 40337. Дело по обвинению Чен Сюша в преступлении; Д. 40615. Дело по обвинению Лю Ханчжан в преступлении; Д. 41430. Дело по обвинению Лю Енжу в преступлении; Д. 41433. Дело по обвинению Лю Засин в преступлении; Д. 41435. Дело по обвинению Люй Чансин в преступлении; Д. 42173. Дело по обвинению Ван Стопьян в преступлении; Д. 42177. Дело по обвинению Го Хунбин в преступлении; Д. 42601. Дело по обвинению Ли Финсян в преступлении; Д. 42775. Дело по обвинению Ван Иншон в преступлении; Д. 46601. Дело по обвинению Ли Куй в преступлении.

1.1.9. Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

1.1.9.1. Ф. 24 – Уральское горное управление:

– Оп. 1. Д. 5590. Переписка с Пермским губернским правлением, Челябинской таможней и др. о беспошлинном пропуске одежды и вещей для китайских рабочих;

– Оп. 32. Д. 4512. Сведения о рабочих китайцах в Пышминско-Клюцевском медном руднике. 1917 г.

1.1.9.2. Ф. 45 – Богословский горный округ:

– Оп. 1. Д. 252. Обязательные постановления пермского губернатора об условиях приема рабочих китайцев, корейцев, циркуляры управления Богословским горным округом;

- Оп. 1. Д. 263. Циркуляры управления Богословского горного округа, договор с подрядчиком о поставке для Богословского горного округа рабочих;
- Оп. 1. Д. 273. Договор с китайским подрядчиком о найме рабочих китайцев, корейцев;
- Оп. 1. Д. 274. Договор управления Богословским горным округом с китайскими подрядчиками;
- Оп. 1. Д. 297. Договор с китайским подрядчиком о найме рабочих. Списки рабочих китайцев по Надеждинскому заводу;
- Оп. 1. Д. 298. Выписка из договора с китайским подрядчиком на поставку рабочих. Списки рабочих Ауэрбахского рудника;
- Оп. 1. Д. 1033. Списки служащих рабочих, военнопленных, корейцев и китайцев по Никитинскому, Богословскому, Фроловскому медным рудникам на 1 августа 1916 г.;
- Оп. 1. Д. 1099. Списки, сведения о китайских, корейских рабочих, работающих на предприятиях Богословского горного округа;

1.1.9.3. Ф. 53 – Окружной инженер Северо-Екатеринбургского округа.

- Оп. 1. Д. 109. Дело окружного инженера Северо-Екатеринбургского горного округа.

1.1.9.4. Ф. 72 – Главное управление акционерного общества Верх-Исетских горных и механических заводов:

- Оп. 1. Т. 5. Д. 5590. Переписка с Пермским губернским правлением, Челябинской таможней и другими о беспошлинном пропуске одежды, вещей для китайских рабочих;
- Оп. 1. Д. Т. 5. 5628. Сведения о количестве иностранных рабочих, работающих на заводах и рудниках, за декабрь 1916 г.

1.1.9.5. Ф. 73 – Уполномоченный по Уральскому району председателя особого совещания по обороне государства и председатель заводского совещания:

- Оп. 1. Д. 388. Дело по обследованию условий труда завербованных китайцев на копиях и заводах Кизеловского горного округа.

Оп. 1. Д. 395. Рапорты Окружного инженера Чердынского горного округа от 18 и 26 мая 1916 г. о причине побегов с Кизеловских копей китайских рабочих и заявления частных лиц о приеме их на работу в заводское совещание.

1.1.9.6. Ф. 122 р. – Комиссия по делам бывшим красноармейцев, партизан и красногвардейцев при исполнительном комитете Свердловского городского Совета рабочих, крестьян и красноармейцев:

– Оп. 1. Д. 31. Переписка с отделом труда об охране рабочих и служащих.

1.1.9.7. Ф. 171 р. – Торговая производственно-кооперативная артель инвалидов «Китайский рабочий»:

- Оп. 1. Д. 6. Входящие бумаги;
- Оп. 1. Д. 7. Исходящие бумаги;
- Оп. 1. Д. 8. Разные переписки правления «Китайский рабочий»;
- Оп. 1. Д. 16. Исходящие бумаги;
- Оп. 1. Д. 17. Исходящие бумаги;
- Оп. 1. Д. 18. Циркуляры и распоряжения Уралкоопинсоюза;
- Оп. 1. Д. 22. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Лю Кун Вен;
- Оп. 1. Д. 23. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ваш Ша Лан;
- Оп. 1. Д. 24. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ван Фу Жан;
- Оп. 1. Д. 25. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ивана Чен Ю;
- Оп. 1. Д. 26. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ху Сын Си;
- Оп. 1. Д. 28. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ти Сы Жан;
- Оп. 1. Д. 29. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Сун Фу Ми;
- Оп. 1. Д. 30. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Лю Ян Ша;

- Оп. 1. Д. 31. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ли Ян Чин;
- Оп. 1. Д. 32. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Лин Кан Сян;
- Оп. 1. Д. 35. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Жан Бы Ин;
- Оп. 1. Д. 36. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Жан Бы Ян;
- Оп. 1. Д. 37. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Дян Го Мин;
- Оп. 1. Д. 38. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Го Фа Шин;
- Оп. 1. Д. 39. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ян Чу Шан;
- Оп. 1. Д. 40. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ли Тин Юй;
- Оп. 1. Д. 41. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ли Кай Да;
- Оп. 1. Д. 42. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Чжан Ни Зюн;
- Оп. 1. Д. 43. Месячные балансы оборотов по счетам, главная книга оборотной ведомости и списки членов артели.

1.1.9.8. Ф. 181 – Особо уполномоченный по Екатеринбургскому и Верхотурскому уездам:

- Оп. 1. Д. 5. Рапорты екатеринбургского полицмейстера, екатеринбургского и верхотурского уездного исправников о военнопленных и китайских подданных и сведения о военнопленных, бежавших с работы.

1.1.9.9. Ф. 183 – Верхотурский уездный исправник:

- Оп. 1. Д. 72. Циркуляры (копии) пермского губернатора, переписка с полицейскими надзирателями города Верхотурье, с приставом 2-го стана Верхотурского уезда и другими полицмейстерами по дознанию об агитации против войны среди рабочих, о политической благонадежности разных лиц, проживающих в данном уезде, и других вопросах.

1.1.9.10. Ф. 511 р. – Екатеринбургский отдел управления губернией:

- Оп. 1. Д. 49. Анкеты иностранных подданных, проживающих в губернии;
- Оп. 1. Д. 386. Проект обязательного постановления Екатеринбургского губернского исполнительного комитета и копии циркуляров отдела управления губернией о регистрации граждан иностранного подданства.

1.1.9.11. Ф. 529 – Пристав Богословского горного округа:

- Оп. 1. Д. 5. Циркуляры (копии) Пермского губернатора и верхотурского уездного исправника, переписка по околоточным надзирателям Богословского завода и другим полицейским учреждениям, об иностранных подданных, подозреваемых в шпионской деятельности.

1.1.9.12. Ф. 643 – Управление Нижнетагильского и Луньевского горных округов наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато:

- Оп. 4. Д. 333. Дело о найме китайцев. 1915 г.;
- Оп. 4. Д. 333а. Договоры о найме китайцев на работу в лесничество, составленные в октябре 1915 г.

1.1.10. Архивный отдел администрации Серовского городского округа

1.1.10.1. Ф. р-150 – Исполнительный комитет Надеждинского уездно-городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов:

- Оп. 1. Д. 134. Переписка с отделом управления губернией Екатеринбургского исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов.

1.1.11 Архив города Ирбита

1.1.11.1. Ф. 1002 – Администрация МО «Город Ирбит»:

- Оп. 1. Д. 62. Постановление главы администрации г. Ирбита № 756 от 19.10.1995 г. «О предоставлении благоустроенной квартиры профессору медицины У-пинь-жун».

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Делопроизводственные документы и нормативно-правовые акты

1. III Всероссийский съезд китайских рабочих // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922) [Текст]. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – С. 139.

2. Военная телеграмма – Уполобороны Егорову [Текст] // Рабочее движение в годы войны. – Свердловское издание Уралпрофсовета, 1927. – С. 171–172.

3. Временное положение о военнопленных русско-японской войны [Текст] // Собрание узаконений и распоряжений правительства, изданных при правительствующем сенате. Отдел 1-й. 1-е полугодие. – СПб, 1904. – С. 1389–1398.

4. Донесение начальника сводной Уральской стрелковой дивизии штабу III армии о боевых действиях батальона в районе р. Актай [Текст] // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумилов. – М.: Советская Россия, 1957. – С. 361.

5. Донесение начальника среднего боевого участка Фомина командиру 2-й и 3-й стрелковых бригад о боевых действиях китайских рот за овладение Богословским трактом [Текст] // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумилов. – М.: Советская Россия, 1957. – С. 362.

6. Желтый труд на Урале [Текст] // Рабочее движение в годы войны. – Свердловское издание Уралпрофсовета, 1927. – С. 173–174.

7. Занятие китайского посольства Союзом китайских рабочих [Текст] // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – С. 134.

8. Заполк наблюдающему за формированием китайского полка начнабдив комбриг Ч. [Текст] // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – С. 151.

9. Из приказа 3-й стрелковой бригаде о назначении командира китайского полка Жен Фучена начальником левого боевого участ-

ка и переводе рот полка в резерв на станцию Выя-Павдинская [Текст] // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – С. 165.

10. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. IV [Текст] // Труды Центрального статистического управления СССР. Отдел демографии. Т. 20. Ч. 4. – М., 1927. – С. 38–39.

11. О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Текст]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 января 2002 г. № 9-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собрания Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – 28 января. – С. 138–139.

12. О гибели командира китайского полка Жен Фучена [Текст] // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – С. 166–167.

13. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации [Текст]: Федер. закон Рос. Федерации от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собрания Рос. Федерации 2 декабря 1998 г. // Российская газета. – 1999. – 16 января. – С. 13.

14. О порядке регистрации иностранных граждан на территории Свердловской области [Текст]: Закон Свердловской области от 24 ноября 1994 г. № 9-ОЗ // Областная газета. – 1994. – 7 декабря. – С. 4.

15. О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы [Текст]: Указ Президента Рос. Федерации от 16 декабря 1993 г. № 2146 // Российская газета. – 1993. – 30 декабря. – С. 17.

16. О принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России [Текст] // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1992. – 7 сентября. – № 10.

17. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР

и граждан КНР в РФ. Пекин 3 ноября 2000 г. [Текст] // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 7. – С. 43–48.

18. О регистрации временно пребывающих на территории Пермской области лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации и постоянно проживающих в странах Содружества Независимых Государств: Закон Пермской области от 23 июня 1994 г. № 31–2 [Текст] // Бюллетень нормативных актов Законодательного Собрания и постановлений главы администрации Пермской области. – 1994. – № 2. – С. 27–30.

19. Об исполнении областного закона «О порядке регистрации иностранных граждан на территории Свердловской области» [Текст]: Постановление председателя Областной Думы Свердловской области от 9 июля 1997 г. № 378 // Областная газета. – 1997. – 23 июля. – С. 4.

20. Об упорядочении пребывания на территории Пермской области граждан Социалистической Республики Вьетнам и Китайской Народной Республики [Текст]: Постановление губернатора Пермской области от 21 ноября 1997 г. № 414 // Пермские новости. – 1997. – 21 ноября. – С. 9.

21. Оперативная сводка штаба 23-й стрелковой дивизии о дислокации частей дивизии и формировании [Текст] // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – С. 148.

22. Отношение Главного управления акционерного общества Верх-Исетских горных и механических заводов, бывш. Яковлева – Окружному инженеру Северо-Екатеринбургского горного округа [Текст] // Рабочее движение в годы войны. – Свердловское издание Уралпрофсовета, 1927. – С. 168–169.

23. Отношение начальника дивизии начальнику управления особых формирований при штабе III армии с просьбой прислать китайцев для формирования отдельного китайского батальона [Текст] // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – С. 149.

24. Портсмутский мирный договор, заключенный между Россией и Японией [Текст] // Русско-китайские договорно-

правовые акты. 1689–1916 / Под ред. В. С. Мясникова. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – С. 522–526.

25. Правила, которыми Россия намерена руководствоваться во время войны с Японией [Текст] // Иллюстрированная летопись русско-японской войны. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1904. – С. 47–49.

26. Приказ войскам III армии № 013 [Текст] // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – С. 147.

27. Приказ командующего войсками Петрограда о формировании петроградского китайского интернационального отряда [Текст] // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумилов. – М.: Советская Россия, 1957. – С. 110.

28. Приказ начальника сводной Уральской стрелковой дивизии Васильева командиру 3-й стрелковой бригады Вырышеву о подготовке наступления на ст. Платина [Текст] // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумилов. – М.: Советская Россия, 1957. – С. 363–364.

29. Приказ начальника сводной Уральской стрелковой дивизии командиру 3-й стрелковой бригады Вырышеву о переходе частей бригады в наступление для овладения г. Верхотурье, 24 октября 1918 г. [Текст] // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумилов. – М.: Советская Россия, 1957. – С. 360–361.

30. Протокол пристава первого стана Челябинского уезда о забастовке китайцев на каменноугольных копях акционерного общества Кыштымских горных заводов [Текст] // Рабочее движение в годы войны. – Свердловское издание Уралпрофсовета, 1927. – С. 170–171.

31. Рапорт временно исполняющего должность верхотурского уездного исправника пермскому губернатору о бунте китайских рабочих, состоящих на работах в Надеждинском лесничестве, в связи с неудовлетворительными условиями труда и плохим

продовольственным обеспечением. 22 января 1917 г. [Текст] // 1917 год в Пермской губернии. Сборник документов. – Пермь: Пушка, 2007. – С. 37–38.

32. Рапорт Окружного инженера Екатеринбургского горного округа Главному начальнику Уральских горных заводов [Текст] // Рабочее движение в годы войны. – Свердловское издание Уралпрофсовета, 1927. – С. 169.

33. Рапорт Окружного Инженера Чердынского горного округа – в Уральское горное управление [Текст] // Рабочее движение в годы войны. – Свердловское издание Уралпрофсовета, 1927. – С. 168.

34. Рапорт Окружного инженера Южно-Верхотурского горного округа – Главному начальнику Уральских горных заводов [Текст] // Рабочее движение в годы войны. – Свердловское издание Уралпрофсовета, 1927. – С. 172–173.

35. Сообщение отделения информации и связи политотдела реввоенсовета Южного фронта о стойкости в бою китайцев-интернационалистов 21-го Московского полка, 15 ноября 1918 г. [Текст] // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумилов. – М.: Советская Россия, 1957. – С. 441.

36. Сообщение. «Коммунар». О переходе китайских солдат на сторону советских войск, № 59. 18 декабря 1918 г. [Текст] // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумилов. – М.: Советская Россия, 1957. – С. 149.

37. Сообщение. «Красная Армия», № 29, 6 июня 1918 г. [Текст] // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумилов. – М.: Советская Россия, 1957. – С. 84.

38. Сообщение. «Красная Армия», № 35, 13 июня 1918 г. [Текст] // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумилов. – М.: Советская Россия, 1957. – С. 89.

39. Сообщение. «Правда». О совещании китайских и корейских рабочих организаций в России, 15 декабря 1918 года, № 273

[Текст] // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумилов. – М.: Советская Россия, 1957. – С. 147–148.

40. Ст. Выя, комбригу 3 тов. Вырышеву. Бисер. 20.11.1918 [Текст] // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – С. 164.

41. Телеграмма – Главному начальнику Уральских горных заводов [Текст] // Рабочее движение в годы войны. – Свердловское издание Уралпрофсовета, 1927. – С. 173.

42. Телеграмма – Министру торговли и промышленности, копия в Горный департамент [Текст] // Рабочее движение в годы войны. – Свердловское издание Уралпрофсовета, 1927. – С. 172.

43. Телеграмма Управляющему Алапаевским Округом [Текст] // Рабочее движение в годы войны. – Свердловское издание Уралпрофсовета, 1927. – С. 171.

44. Устав Союза китайских рабочих в России // Известия Екатеринбургского губернского Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1922. – 4 июля. – С. 1–2.

1.2.2. Статистические материалы

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. [Текст]: Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. – М.: Изд-е ЦСУ Союза ССР, 1928. – С. 106–147.

2. Всесоюзная перепись населения СССР 1939: Уральский регион [Текст] / Сост. В. П. Мотревич. – Екатеринбург, 2002. – 600 с.

3. Национальный состав городского населения Уральской области по данным городской переписи 1923 г. [Текст] // Социальная статистика Урала 1926 г. – Свердловск, 1926. – С. 76.

4. Национальный состав и владение языками, гражданство (Итоги Всероссийской переписи 2002 г.): В 14 т. [Текст] / Федеральная служба государственной статистики; Т. 4. Кн. 1. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – 946 с.

5. Национальный состав и владение языками, гражданство (Итоги Всероссийской переписи 2002 г.): В 14 т. [Текст] / Феде-

ральная служба государственной статистики; Т. 4. Кн. 2. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – 1130 с.

6. Национальный состав населения Пермской области [Текст] // Федеральная служба государственной статистики России, Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Пермской области. – Пермь, 2005. – 157 с.

7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года [Текст]. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. – СПб.: Центр стат. Ком. Министерства внутренних дел, 1904. – 259 с.

8. Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. [Текст] // Труды ЦСУ. Т. 8. Вып. 5. – М., 1924. – С. 48, 50.

9. Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. [Текст] / Сер. 1. Т. 1. / Под ред. В. С. Немчикова, П. Ф. Неволлина. – Свердловск: Изд-во Уральского областного исполнительного комитета, 1925. – 200 с.

10. Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. [Текст]. – М.: Госстатиздат, 1960. – 38 с.

1.2.3. Источники личного происхождения

1. *Голиков Ф. И.* Красные Орлы (из дневников 1918–1920 гг.) [Текст]. – М.: Воениздат, 1959. – 108 с.

2. *Лю Фу.* Скрепленная кровью [Текст] // В боях и походах: воспоминания участников гражданской войны на Урале. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1959. – С. 507–516.

3. *Лю Юнань.* Встречи с китайскими добровольцами [Текст] // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – С. 62–77.

4. *Морзо-Морозов К. А.* Интернациональные части Красной армии на Урале в 1918–1919 гг. // На фронте и в тылу: Из истории гражданской войны и укрепления советской власти на Урале. Сборник статей / Под. ред. К. Н. Андреева. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1959. – С. 42–54.

5. *Селенгин А.* Дружба, скрепленная кровью [Текст] // Урал. – 1958. – № 2. – С. 111–114.

6. *Хрущев Н. С.* Воспоминания [Текст] / Под ред. Малютина А. Ю. – М.: Вагриус, 1999. – 512 с.

7. *Яо Синь-чэн.* Как я делил радость и горе с советскими братьями [Текст] // В боях и походах: воспоминания участников гражданской войны на Урале. – Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1959. – С. 518–524.

‘1.2.4. Периодическая печать

1. База дружбы // Областная газета. – 2009. – 26 сентября.

2. Братская взаимопомощь // Уральский рабочий. – 1959. – 1 октября.

3. Будем крепить дружбу // Звезда. – 1959. – 1 октября.

4. В борьбе за общее счастье // Звезда. – 1957. – 2 августа.

5. В борьбу включается участок товарища Баженова // Уральская стройка. – 1960. – 17 июня.

6. В бригаде Яо Кэцзина // Уральская стройка. – 1958. – 30 сентября.

7. В добрый путь, «Сунгари» // Областная газета. – 1992. – 23 декабря.

8. В Екатеринбурге как дома // Уральский рабочий. – 2003. – 9 октября.

9. В память о китайских добровольцах // Звезда. – 1957. – 12 сентября.

10. В счет 1962 года // Уральская стройка. – 1961. – 5 ноября.

11. В трехстороннем формате // Областная газета. – 2008. – 16 мая.

12. В честь 5-й годовщины КНР // Уральский рабочий. – 1954. – 1 октября.

13. Ван Личан // Уральская стройка. – 1960. – 15 марта.

14. Ваш праздник – праздник и наш // За индустриальные кадры. – 1959. – 5 октября.

15. Верю в китайский народ // Уральская стройка. – 1963. – 1 октября.

16. Вечер великой дружбы // Уральская стройка. – 1960. – 16 февраля.
17. Вечер дружбы // Уральская стройка. – 1958. – 3 октября.
18. Вместе, плечом к плечу // Уральская стройка. – 1960. – 8 июля.
19. Всегда поможем // Вечерний Свердловск. – 1959. – 1 октября.
20. Всем советским друзьям // За индустриальные кадры. – 1961. – 1 июля.
21. Вчера был праздник // Уральская стройка. – 1959. – 2 октября.
22. Вымогатели задержаны. «Азиатская проблема» остается // Областная газета. – 1997. – 13 февраля.
23. Высокая выработка // Уральская стройка. – 1961. – 29 сентября.
24. География моего института // За индустриальные кадры. – 1961. – 25 марта.
25. Двух мнений не было // За индустриальные кадры. – 1959. – 28 июля.
26. Деловой визит в КНР // Областная газета. – 1993. – 12 марта.
27. Для дружбы нет преград // Уральская стройка. – 1963. – 1 октября.
28. Дума из Поднебесной // Уральский ревизор. – 2006. – № 10. – С. 14.
29. Екатеринбург едет в Китай // Главный проспект. – 2001. – 16–22 августа.
30. Жизнь – чешуя // Профсоюзный курьер. – 2009. – 24 июня.
31. Заработал – получи // Комсомольская правда. Пермь. – 2009. – 13 ноября.
32. За изучением решений съезда // Звезда. – 1957. – 8 января.
33. За учебу, друзья // За индустриальные кадры. – 1959. – 5 октября.
34. Завтра – 9 лет Китайской Народной Республике // Уральская стройка. – 1958. – 30 сентября.
35. Занесенные ветром рынка // На смену. – 2001. – 8 июня.

36. К одной цели // Звезда. – 1959. – 1 октября.
37. Китаец Дань Шуньчжи // За индустриальные кадры. – 1954. – 30 декабря.
38. Китай–город в неперспективной деревне // Профсоюзный курьер. – 2008. – 16 октября.
39. Китай становится ближе // Областная газета. – 1993. – 12 марта.
40. Китай: знакомый и неведомый // Уральский рабочий. – 1990. – 22 сентября.
41. Китайская больница в Екатеринбурге // Вечерний Екатеринбург. – 2002. – 9 августа.
42. Китайская грамота // Капитал. – 2006. – 7 июня.
43. Китайская опера на клубной сцене // Уральская стройка. – 1961. – 21 февраля.
44. Китайская провинция в Екатеринбурге // Областная газета. – 2001. – 28 сентября.
45. Китайские фокусники // Пермские губернские ведомости. – 1905. – 16 марта.
46. Китайский брат пишет // За индустриальные кадры. – 1961. – 10 июня.
47. Китайский доктор // Пермские новости. – 2000. – 4–10 февраля.
48. Китайской мафии в Екатеринбурге нет // Курсив. – 1997. – № 2. – С. 42.
49. Китайской Народной Республике – 13 лет // Уральская стройка. – 1962. – 28 сентября.
50. Китайцев очень много. И на Урале // Вечерний Екатеринбург. – 1997. – 18 сентября.
51. Китайцы в Екатеринбурге // Вечерние ведомости из Екатеринбурга. – 1998. – 9 сентября.
52. Китайцы дошли до Урала // Независимая газета. – 2006. – 2 августа.
53. Китайцы на рынках России – это россияне китайской национальности // Уральский рабочий. – 2007. – 30 января.
54. Китайцы перебираются на Урал // Подробности. – 2002. – 9 августа.

55. Корейцы в русской школе // Нива. – 1905. – № 10.
56. Кошмар по расписанию, или Пекинский скорый // Областная газета. – 1992. – 4 ноября.
57. Ли Паоюй // Уральская стройка. – 1959. – 9 октября.
58. Ло Иицяо // За индустриальные кадры. – 1956. – 21 декабря.
59. Мост дружбы // Областная газета. – 1992. – 10 июля.
60. На всем понятном языке // Областная газета. – 2009. – 11 июля.
61. На второй родине // Уральская стройка. – 1960. – 15 июля.
62. На областном смотре // Уральская стройка. – 21 февраля. – 1961.
63. На улице Качалова // Уральская стройка. – 1963. – 4 мая.
64. Награды лучшим производственникам // Уральская стройка. – 1959. – 30 сентября.
65. Народный Китай получит настоящего специалиста // За индустриальные кадры. – 1959. – 22 апреля.
66. Наша помощь промышленности // За индустриальные кадры. – 1958. – 3 октября.
67. «Ни хао» по-китайски значит: здравствуйте! // Областная газета. – 2005. – 4 октября.
68. Новый год – китайцы водят хоровод // Тагильский рабочий. – 2006. – 8 февраля.
69. Они все из Баодина // Уральская стройка. – 1959. – 30 сентября.
70. Опять китайцы пришли // Областная газета. – 1993. – 8 июня.
71. Особенности национального быта по-китайски // Вечерний Екатеринбург. – 2000. – 4 марта.
72. Отмечая славную 10-летнюю годовщину // Уральская стройка. – 1960. – 16 февраля.
73. Первый «чайна-таун» на Урале // Вечерние ведомости из Екатеринбурга. – 1998. – 9 сентября.
74. Первый саммит БРИК состоялся в Екатеринбурге // Областная газета. – 2009. – 18 июня.
75. Передовая // Звезда. – 1950. – 17 февраля.

76. Пермь – Шеньян: продолжение контактов // Звезда. – 1990. – 28 июня.
77. Пермь и «шанхаец» – братья навек // Досье 02. – 2003. – 10 октября.
78. Пинг-понг увлекает // Уральская стройка. – 1958. – 30 сентября.
79. Письмо из Китая // За индустриальные кадры. – 1957. – 6 декабря.
80. Полным ходом // Уральская стройка. – 1958. – 24 января.
81. Почтовый адрес: Свердловск, УПИ // За индустриальные кадры. – 1961. – 25 марта.
82. Профессор Чжао любит картошку и белые грибы // Вечерний Екатеринбург. – 2000. – 4 марта.
83. Путешествие по великой стране // За индустриальные кадры. – 1957. – 3 октября.
84. Пять лет в СССР // За индустриальные кадры. – 1960. – 21 мая.
85. Радуга дружбы // За индустриальные кадры. – 1959. – 5 октября.
86. Раскрыта шайка воров взломщиков // Уральский рабочий. – 1929. – 12 апреля.
87. Революцию на Урале делали китайцы // Уральский рабочий. – 2008. – 13 августа.
88. Родным домом для них стала стройка // Уральская стройка. – 1958. – 22 июля.
89. Рука об руку // Уральский рабочий. – 1959. – 1 октября.
90. Русский с китайцем – братья навек // Вечерний Екатеринбург. – 2000. – 4 марта.
91. Русский с китайцем братья на век // Звезда. – 2002. – 21 марта.
92. С братским чувством // За индустриальные кадры. – 1957. – 3 октября.
93. С визитом в Гуанчжоу // Вечерний Екатеринбург. – 2002. – 23 мая.
94. С удвоенной энергией // Уральская стройка. – 1963. – 12 марта.

95. Салат из подснежников и лягушачьи лапки «Штойбен» // Вечерний Екатеринбург. – 2000. – 4 марта.
96. Самое обыкновенное // За индустриальные кадры. – 1957. – 3 октября.
97. Свадьба // Уральская стройка. – 1957. – 4 января.
98. Сделано в Китае // Уральский рабочий. – 1959. – 1 октября.
99. Славное 11-летие // Уральская стройка. – 1960. – 30 сентября.
100. Славное десятилетие // Уральская стройка. – 1959. – 30 сентября.
101. Слова от всей души // За индустриальные кадры. – 1957. – 3 октября.
102. Слова, идущие от всего сердца // Уральская стройка. – 1959. – 30 сентября.
103. Сообщения // Уральский рабочий. – 1919. – 21 ноября.
104. Спартакиада китайских студентов // За индустриальные кадры. – 1956. – 15 сентября.
105. Спасибо, друзья // За индустриальные кадры. – 1960. – 21 мая.
106. Спокойный город // Досье 02. – 2004. – 24 декабря.
107. Средний Урал – Китай: работа на будущее // Областная газета. – 2008. – 16 мая.
108. Студент третьего курса // За индустриальные кадры. – 1961. – 1 июля.
109. Торжественное заявление китайского народа всему миру // Уральский рабочий. – 1949. – 1 октября.
110. У китайских практикантов началась теоретическая учеба // Уральская стройка. – 1957. – 18 января.
111. У коллектива нашего треста // Уральская стройка. – 1963. – 1 октября.
112. Уже три года работают китайцы в Березниках // Звезда. – 1959. – 1 октября.
113. Учатся русскому языку // За индустриальные кадры. – 1956. – 25 ноября.

114. «ФинПромСтрой» создал СП с китайскими строителями // Деловой квартал. – 2007. – № 36. – С. 14–15.

115. Фотоинформация // Уральский рабочий. – 1990. – 22 сентября.

116. Цзян Вэй // Уральская стройка. – 1960. – 8 июля.

117. Чжоу Хэ! // За индустриальные кадры. – 1959. – 7 марта.

118. Чисто азиатская жестокость // Екатеринбургская неделя. – 1997. – 31 октября.

119. Чтоб крепла дружба // За индустриальные кадры. – 1958. – 7 октября.

120. «Шанхай» на Парковом // Звезда. – 2004. – 2 декабря.

121. Это были отважные бойцы // Звезда. – 1957. – 28 апреля.

122. Это родилось в лабораториях // За индустриальные кадры. – 1961. – 13 мая.

123. Язык до ручки доведет // Областная газета. – 1993. – 16 июня.

1.2.5. Справочные издания

1. Диаспора // Нации и этносы в современном мире. Словарь–справочник. – СПб: Петрополис, 1999. – С. 251.

2. Жен Фучен // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 201.

3. Китайские интернационалисты // Гражданская война и интервенция в СССР. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 264.

4. Справка об изменениях административно-территориального деления // Фонды Государственного архива Пермской области. Краткий справочник. – Пермь, 1997. – С. 245–247.

II. Литература

1. *Castles S.* Migration and Community Formation under Conditions of Globalization [Текст] // International Migration Review. 2002. Vol. 36. No. 4. Host societies and Reception of immigrants: Institutions, Markets and Policies.

2. Административно-политическое строение СССР. Ч. 1. Изменения административно-территориального деления СССР за период с 1917 г. по 1924 г. по материалам НКВД [Текст] / Сост. С. И. Сулькевич. – Ленинград: Известия Северо-западного областного отделения Главной конторы «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1924. – 300 с.

3. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия [Текст]: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2005. – 608 с.

4. *Алексеева Е. В.* Объяснение российской истории с помощью теории модернизации: pro et contra [Текст] // Уральский исторический вестник. – 2001. – № 7. – С. 108–118.

5. *Аникст А. А.* Организация распределения рабочей силы в 1920 году [Текст]. – М.: Агит-изд. отд. Г.К.Т. и Н.К.Т., 1920. – 124 с.

6. *Анисимов А. Н.* Гегемонистские лжетеории на службе антисоветизма [Текст]. – Киев: Политиздат Украины, 1980. – 153 с.

7. *Арсеньев В. К.* Китайцы в Уссурийском крае [Текст] // Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Нансен Ф. В страну будущего. – М.: Крафт+, 2004. – 352 с.

8. *Арутюнов С. А.* Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 74–78.

9. *Бабичев И. И.* Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) [Текст]. – Ташкент, 1959 г. – 260 с.

10. *Бажов П. П.* Бойцы первого призыва. – Свердловск, 1958. – С. 109–112.

11. *Борисов А. А.* Иммигрантские общины Пермской области: социальная структура и проблемы адаптации [Текст] // Политический альманах Прикамья. – Пермь, 2005. – Вып. 5. – С. 130–142.

12. *Борисов А. А., Василенко Ю. В.* Иммиграционные сообщества России: модели интеграции [Текст]. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 273 с.
13. *Борисов О. Б., Колосков Б. Т.* Советско-китайские отношения [Текст]. – М.: Мысль, 1980. – 635 с.
14. *Бортник Л. С.* Великие соседи – дружба навек? Китайцы в Прикамье на историческом фоне XX века [Текст] // *Федеральный вестник Прикамья*. – 2006. – № 12. – С. 34–39.
15. *Бортник Л. С.* Китайцы в Прикамье в XX веке [Текст] // *Федеральная миграционная служба и миграционные процессы в регионах России: история и современность. Материалы Интернет-конференции (май – июнь, 2008)*. – Пермь, 2008. – С. 98–108.
16. *Бушмаков А. В.* Китайские и корейские рабочие в Пермской губернии в годы Первой мировой войны [Текст] // *Федеральная миграционная служба и миграционные процессы в регионах России: история и современность. Материалы Интернет-конференции (май – июнь, 2008 г.)*. – Пермь, 2008. – С. 75–81.
17. *Волегов В.* Харбинские отголоски [Текст] // *Уральский следопыт*. – 2004. – № 6. – С. 50–51.
18. *Восточная Вера* // *Компаньон Magazine*. – 2008. – № 27. – С. 26–27.
19. *Галенович Ю. М.* Россия и Китай в XX веке: Граница [Текст]. – М.: Изограф, 2001. – 336 с.
20. *Галицкий В. П.* Цзян Цзинго: трагедия и триумф сына Чан Кайши [Текст]. – М.: «РАУ-Университет», 2002. – 256 с.
21. *Галлямова Л. И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. [Текст]. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 222 с.
22. *Гельбрас В. Г.* Китайская реальность России [Текст]. – М.: Муравей, 2001. – 320 с.
23. *Гельбрас В. Г.* Миграция, преобразующая Китай [Текст] // *Азия и Африка сегодня*. – 2005. – № 9. – С. 48–55.
24. *Гельбрас В. Г.* Национальная безопасность России: вызов китайской миграции [Текст] // *Миграция и безопасность России*. – М.: Интердиалект, 2000. – 214 с.

25. *Гельбрас В. Г.* Экономическая реформа в КНР. Очерки, наблюдения, размышления [Текст]. – М.: Международные отношения, 1990. – 312 с.
26. *Гончаров С. Н.* Китайцы в России – кто они? [Текст] // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 4. – С. 13–31.
27. *Данилов В. А.* Интернационалисты на Урале и в Сибири [Текст]. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1972. – 152 с.
28. *Дацышен В. Г.* Гастарбайтеры на востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы [Текст] // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара / Под ред. В. И. Дятлова; Англ. пер. О. А. Бакшеевой. – М., Иркутск: Наталис, 2004. С. 49–61.
29. *Дацышен В. Г.* Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории [Текст] // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 5. – С. 99–104.
30. *Дацышен В. Г.* Китайские студенты в Российской империи [Текст] // Вестник Международного Центра Азиатских Исследований. М.–Иркутск, 2002. – № 1. – С. 69–73.
31. *Дацышен В. Г.* Китайский труд на Урале в годы Первой мировой войны [Текст] // Уральское востоковедение: международный альманах. – Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2007. – Вып. 2. – С. 49–59.
32. *Дацышен В. Г.* Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации [Текст]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. – 512 с.
33. *Дацышен В. Г.* Китайцы-земледельцы в Приморье: эпизод длиной в сто лет. [Текст] // Известия Восточного Института, Владивосток. – 2005. – № 9. – С. 70–89.
34. *Дацышен В. Г.* Уссурийские купцы. Судьба китайцев в дореволюционной России [Текст] // Родина. – 1995. – № 7. – С. 54–57.
35. *Дацышен В. Г.* Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX в.) [Текст] // Диаспоры. – 2001. – № 2–3. – С. 36–53.

36. *Дмитриев А. В.* Рабочие угольной промышленности Урала в период империализма (1900–1917) [Текст] // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма: Сб. науч. трудов. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 65–77.

37. *Дятлов В. И.* Новая китайская диаспора Сибири как вызов национальной безопасности России [Текст] // Восток. – 1999. – № 1. – С. 118–129.

38. *Дятлов В. И.* Россия: в предчувствии чайна-таунов [Текст] // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 4. – С. 6–16.

39. *Дятлов В. И.* Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (китайцы и кавказцы в Иркутске) [Текст]. – М.: Наталис, 2000. – 191 с.

40. *Жаров Л. И., Устинов В. Н.* Интернациональные части Красной Армии в боях за власть советов в годы иностранной интервенции и Гражданской войны в СССР [Текст]. – М.: Воениздат, 1960. – 158 с.

41. *Здоровец А. И., Мухин А. А.* Диаспоры и землячества: вопросы влияния [Текст] / Общ. ред. А. А. Мухина. – М.: Алгоритм, 2005. – 208 с.

42. *Иглицкий А. А.* Боевые действия китайского полка Красной Армии в период Гражданской войны [Текст] // Вопросы истории. – 1961. – № 10. – С. 211–213.

43. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики [Текст] / Науч. ред. Н. П. Рыжова. – Иркутск: «Оттиск», 2009. – 264 с.

44. Интернационалисты в боях за власть Советов [Сб. статей] / Ред. Клеванский А. – М.: Мысль, 1965. – 398 с.

45. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов [Сб. статей] / Ред. А. Н. Демченко, Г. В. Шелудько. – М.: Наука, 1967. – 614 с.

46. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть советов на юге и востоке Республики [Сб. статей] / Отв. ред. А. Я. Манусевич – М.: Наука, 1971. – 286 с.

47. История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в Новое время [Текст] / Ред. Г. Вербицкий, автор тома В. М. Хвостов. – М.: Госполитиздат, 1963. – 820 с.

48. История Урала в период капитализма [Текст]. – М.: Наука, 1990. – 504 с.

49. *Калюжная Н. М.* Восстание ихэтуаней (1898–1901) [Текст]. – М.: Наука, 1973. – 208 с.

50. *Каменских М. С.* Бунт китайцев в Алапаевске в мае 1916 г.: восстание пролетариев или конфликты внутри китайской общины [Текст] // Россия и мир в конце XIX – начале XX века: Материалы Всерос. науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Пермь, Перм. гос. ун-т, 5–9 февраля 2009 г.) / Перм. ун-т. – Пермь, 2009. – С. 85–88.

51. *Каменских М. С.* Герой Гражданской войны на Урале Жен Фучен: красный командир и настоящий китаец [Текст] // Россия и мир в конце XIX – начале XX века: Материалы Третьей всерос. науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Пермь, Перм. гос. ун-т, 4–8 февраля 2010 г.) / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – С. 81–84.

52. *Каменских М. С.* Гидроресурсы в системе отношений КНР и России на современном этапе [Текст] // Безопасность Евразии. – 2007. – № 2. – С. 445–447.

53. *Каменских М. С.* К вопросу о китайских рабочих в Прикамье в 50-е годы XX в. [Текст] // III Емельяновские чтения: Миграционные процессы и межнациональные взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 27–29 марта, 2008 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. – С. 44–46.

54. *Каменских М. С.* Китайский вопрос в правительстве Российской империи в период Первой мировой войны [Текст] // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов III региональной молодежной научной конференции. – Новосибирск, 2009. – С. 173–180.

55. *Каменских М. С.* Китайцы, японцы и корейцы, водворенные в Пермскую губернию в годы русско-японской войны [Текст] // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 3. – С. 49–53.

56. *Каменских М. С.* Кооперативная артель «Китайский рабочий» как форма этнокультурной адаптации китайцев Среднего Урала в конце 1920-х гг. [Текст] // Восьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург. 27–28 мая 2010 г. / Под ред. В. В. Запария и С. П. Постникова. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2010. – С. 421–424.

57. *Каменских М. С.* Материалы ГАПО о китайском пролетариате на Урале в 1915–1916 гг. [Текст] // Научно-практическая конференция «Урал в истории России. 1917 год». Тезисы выступлений. – Пермь: Изд-во «Пушка», 2007. – С. 93–97.

58. *Каменских М. С.* О положении военнопленных в Пермской губернии [Текст] // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы VIII Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 27–28 апреля 2007 г.): В 2-х т. – Т. 2. – Екатеринбург: Изд-во: «АМБ», 2007. – С. 327–331.

59. *Каменских М. С.* О причинах волнений китайских рабочих на Урале в период Первой мировой войны [Текст] // Вестник Пермского университета. История. – 2009. – Вып. 1(8). – С. 109–113.

60. *Каменских М. С.* Организация труда китайцев на Урале в годы Первой мировой войны [Текст] // Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации: Сб. науч. ст. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2009. Часть I. – С. 277–286.

61. *Каменских М. С.* Отношение местного населения и власти к китайцам, японцам и корейцам, водворенным на жительство в Пермскую губернию на период русско-японской войны [Текст] // Русский мир. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Историческая память Отечества и

русский мир» (26 июня 2009 г., г. Пермь). – Пермь, 2009. – С. 236–242.

62. *Каменских М. С.* Политика пермских властей в отношении военнопленных китайцев и японцев в 1904–1905 гг. [Текст] // «Смышляевские чтения»: Материалы десятой научно-практической конференции (Пермь, 31 мая 2007 г.). – Пермь, 2007. – С. 88–92.

63. *Каменских М. С.* Применение труда китайских рабочих в послевоенном СССР (на примере Молотовской области) [Текст] // Платоновские чтения: Материалы и доклады XIV Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 14–15 ноября 2008 г.) / Отв. ред. П. С. Кабытов; Федеральное агентство по образованию. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. – С. 47–50.

64. *Каменских М. С.* Совместные гидроресурсы: проблемные стороны в системе отношений КНР и РФ [Текст] // Глобус: Научный студенческий альманах факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. – Вып. I. ФГП МГУ, 2008. – С. 24–28.

65. *Каменских М. С.* Тайные организации китайцев на Урале в годы Первой мировой войны [Текст] // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы IX Всерос. науч. конф., посвящен. 85-летию д.и.н., проф. А.В. Бакунина, Екатеринбург, 8–9 окт. 2009 г.: В 2 т. – Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2009. – Т. 2. С. 204–208.

66. *Каменских М. С.* Термин «диаспора». Проблемы методического осмысления [Текст] // Шаг в историческую науку. Опыт отечественных и зарубежных модернизаций: Материалы научно-практической конференции студентов и аспирантов (Екатеринбург, 19–20 апреля 2007 г.). – Вып. 7. – Екатеринбург: Изд-во «АМБ», 2007. – С. 259–261.

67. *Каменских М. С.* Трудовые миграции в Прикамье в 50-е гг. XX в. (на примере рабочих-строителей из КНР) [Текст] // Федеральная миграционная служба и миграционные процессы в ре-

гионах России: история и современность (материалы Интернет-конференции). – Пермь, 2008. С. 82–89.

68. *Каменских М. С.* Участие китайцев в Гражданской войне на Урале: факты и воспоминания [Текст] // Гражданская война на Востоке России: Материалы Всероссийской научной конференции (Пермь, 25–26 ноября 2008 г.) / Пермский государственный архив новейшей истории. – Пермь, 2008. – С. 133–135.

69. *Каменских М. С.* Эффективность обучения иностранных студентов в России и их конкурентоспособность на рынке труда [Текст] // Актуальные проблемы философии, социологии и политологии, экономики и психологии. – Пермь, 2005. – С. 122–125.

70. *Капица М. С.* Китайско-советские отношения [Текст]. – М.: Госполитиздат, 1958. – 317 с.

71. *Капица М. С.* Эскалация вероломства [Текст]. – М.: Знание, 1970. – 32 с.

72. Китайские интернационалисты [Текст] // Гражданская война и интервенция в СССР. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 264.

73. Китай в мировой и региональной политике: (история и современность) [Текст] / Отв. ред. Яковлев А. Г. – М.: ИДВ, 2002. – 196 с.

74. Китайское землячество на Урале // VIP Консультант. – 2002. – № 29. – С. 8.

75. КНР: Краткий исторический очерк (1949–1979 гг.) [Текст]. – М.: Политиздат, 1980. – 206 с.

76. *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования [Текст]. – М.: Наука, 1987. – 439 с.

77. *Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б.* Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и этнокультурная адаптация) [Текст]. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 272 с.

78. *Корчагин П. А.* Губернская столица Пермь [Текст]. – Пермь, 2004. – 217 с.

79. *Костин Ю. Г.* Два восприятия Октябрьской революции в Китае // Народы Азии и Африки [Текст]. – 1967. – № 5. – С. 76–83.
80. *Красинец Е. С., Кубышкин Е. С., Тюрканова Е. В.* Нелегальная миграция в Россию [Текст]. – М.: Academia, 2000. – 96 с.
81. *Крушанова Л. А.* Китайские рабочие в СССР (1945–1960-е годы) [Текст]. // Россия и АТР. – 2007. – № 3. – С. 118–122.
82. *Кюннер Н. В.* Очерки новейшей политической истории Китая [Текст]. – Владивосток: Книжное дело, 1927. – 404 с.
83. *Лайнгер С. Р.* Из истории китайского эмиграционного движения: сер. XIX – нач. XX в. [Текст]. – М.: Наука, 1992. – 173 с.
84. *Ларин А. Г.* «Китайская экспансия»: мифы и реальность [Текст] // Азия и Африка сегодня. – 2006. – № 3. – С. 2–9.
85. *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. История и современность [Текст]. – М: Восточная книга, 2009. – 512 с.
86. *Ларин А. Г.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк [Текст]. – М.: Муравей, 2003. – 223 с.
87. *Ларин В. Л.* В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков [Текст]. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 423 с.
88. *Ларин В. Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80–е годы XX – начало XXI в.) [Текст]. / В. Л. Ларин. – М.: Восток-Запад, 2005. – 390 с.
89. *Лапшина С. Г.* Кунгур как место ссылки. Сборник краеведческих материалов [Текст] / Автор-сост. С. Т. Лапшина. – 5-е изд-е, перер. и доп. – Пермь.: Издательство Богатырев П. Г., 2009. – 214 с.
90. *Лозанский Э. Д.* Этноты и лоббизм в США [Текст]. – М.: Международные отношения, 2004. – 356 с.
91. *Лукин А. В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках [Текст]. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 598 с.
92. *Макарова Г. П.* Народный комиссариат по делам национальностей в 1917–1923 гг. Исторический очерк [Текст]. – М.: Наука, 1987. – 172 с.

93. Международная жизнь КНР в датах и фактах (хроника событий) [Текст]. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 256 с.

94. Международные и межэкономические связи Свердловской области. 1991–2001. – Екатеринбург, 2001. – 44 с.

95. *Мурташина К. Г., Хими́на С. А.* Торгово-экономическое сотрудничество Свердловской области и Китайской Народной Республики в 1992–2005 гг. [Текст] // Уральское востоковедение: международный альманах. – Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета. – 2007. – Вып. 2. – С. 49–59.

96. *Мясников В. С.* Договорными статьями утвердили: дипломатическая история российско-китайской границы, XVII–XX вв. [Текст]. – М.: РИО Мособлупрполиграфиздата, 1996. – 482 с.

97. Население России в XX в. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. [Текст] – М.: РОССПЭН, 2000. – 334 с.

98. Национальный вопрос и советская Россия [Текст]. – М.: Народный комиссариат по делам национальностей, 1921. – 91 с.

99. Неизвестный Уралмаш. История и судьбы [Текст]. – Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2003. – 227 с.

100. *Недолин П. И.* Рейд Блюхера. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1984. – С. 56–58.

101. *Нестерова Е.* Китайцы на российском Дальнем Востоке: люди и судьбы [Текст]. // Диаспоры. – 2003. – № 2. – С. 6–11.

102. *Новогрудский Г. С., Дунаевский А. М.* По следам Пау. История одного литературного поиска [Текст]. – М.: Воениздат, 1962. – 247 с.

103. *Новогрудский Г. С., Дунаевский А. М.* Товарищи китайские бойцы [Текст]. – М.: Воениздат, 1959. – 200 с.

104. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. [Текст] / Отв. ред. В. В. Алексеев. – М.: Наука, 2000. – 248 с.

105. *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция (1919–1927) [Текст]. – М.: Муравей–Гайд, 2001. – 454 с.

106. Пермь великая – Пермь многоликая // Буклет в рамках проекта «Молодежь в многонациональных группах: путь к гармонии» [Текст]. – Пермь. – 21 с.

107. *Пескина П. И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. [Текст]. – М.: Академия общ. наук при ЦК ВКП (б), 1950. – 154 с.

108. *Петров А. И.* История китайцев в России 1856–1917 годы [Текст]. – Санкт-Петербург: ООО «Береста», 2003. – 960 с.

109. *Петров А. И.* Китайская историография истории китайцев в царской России // Россия и АТР. – 2006. – № 1. – С. 141–155.

110. *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации [Текст]. М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.

111. *Попов Н. А.* Китайские пролетарии в Гражданской войне // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922) [Текст]. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961. – С. 4–34.

112. *Попов Н. А.* Они с нами сражались за власть Советов [Текст]. – М.: Лениздат, 1959. – 195 с.

113. *Попов Н. А.* Участие китайских интернациональных частей в защите Советской республики в период Гражданской войны 1918–1920 гг. [Текст] // Вопросы истории. – 1957. – № 10. – С. 109–123.

114. *Портяков В. Я.* Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги [Текст] // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 3. – С. 39–49.

115. *Портяков В. Я.* Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России [Текст] // Международная жизнь. – 1996. – № 2. – С. 79–86.

116. «Презент» будет продавать сувениры вместе с китайцами [Текст] // Деловой квартал. – 2007. – № 22. – С. 20.

117. Пылесосы в обмен на станки [Текст] // Деловой квартал. – 2001. – № 20. – С. 13.

118. *Пын Мин.* История китайско-советской дружбы [Текст]. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. – 360 с.

119. *Се Цзиньи*. Будем работать вместе // Уральский федеральный округ. – 2006. – № 10. – С. 56.

120. *Син Хасэгава*. Пленники войны [Текст] / Пер. с яп. Каринэ Маранджян. – М.: ИДЭЛ, 2006. – 512 с.

121. *Смирнов С. В.* Китайские и корейские рабочие Урала в годы Первой мировой войны: проблемы взаимоотношений с русскими [Текст] // Вторые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 28–29 апреля 1999 г. – Екатеринбург, 1999. – С. 146–149.

122. *Смирнова Т. Б.* Немцы Сибири: этнические процессы [Текст]. – Омск: ИЦ «Русинко», 2002. – 210 с.

123. *Сладковский М. И.* Знакомство с Китаем и китайцами [Текст]. – М.: Мысль, 1984. – 381 с.

124. *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974) [Текст] / М. И. Сладковский. – М.: Наука, 1977. – 368 с.

125. *Соловьев Ф. В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.) [Текст]. – М.: Наука, 1989. – 127 с.

126. *Спасский А. А.* Третья армия [Текст]. – Пермь: Книжное издательство, 1958. – 152 с.

127. Страницы великой дружбы. Участие китайских добровольцев на фронтах гражданской войны в Советской России (1918–1922) / Д. Д. Лаппо, А. И. Мельчин. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 188 с.

128. *Таняев А. П.* Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны [Текст] // Рабочее движение в годы войны – Свердловск: Свердловское издание Уралпрофсовета, 1927. – С. 5–34.

129. *Тимофеева Н. Н.* Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1926–1938) [Текст] // Народы Азии и Африки. – 1979. – № 5. – С. 56–71.

130. *Титаренко М. Л.* Россия лицом к Азии [Текст] / РАН, Институт Дальнего Востока. – М.: Республика, 1998. – 320 с.

131. *Тишков В. А.* Антропология российских трансформаций // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 3–18.

132. Трансграничные миграции и принимающее сообщество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография [Текст] / Науч. ред. проф. В. И. Дятлов – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 396 с.

133. УГТУ–УПИ: Очерки истории 1920–2005 [Текст] / Под ред. чл.-корр. РАН С. С. Набойченко. – Екатеринбург: Изд-во: АМБ, 2005. – 608 с.

134. Удивительный Екатеринбург [Текст]. – Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2006. – 370 с.

135. *Усов В. Н.* История КНР: В 2 т. [Текст]. Т. 1. 1949–1965. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. – 812 с.

136. *Усов В. Н.* История КНР: В 2 т. [Текст]. Т. 2. 1966–2004. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. – 718 с.

137. *Филатов Л. В.* Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю. 1949–1966 гг. [Текст]. – М.: Наука, 1967. – 167 с.

138. *Ху Сяосюэ.* В Перми согревает душевная теплота людей // Мы – земляки. – 2010. – № 1–2 (11–12). – С. 52–54.

139. *Чемезова Л. А.* Дело корейцев по найму: рабочие Богословского горного округа Пермской губернии 1916–1917 гг. [Текст] // Уральское востоковедение: международный альманах. – Екатеринбург: Издательство Уральского государственного ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 60–66.

140. *Черных А. В.* и др. Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии [Текст] / Колл. авт. СПб.: «Маматов», 2009. – 304 с.

141. *Черных А. В.* Этносоциальные процессы в таджикской диаспоре Пермского края на современном этапе (по материалам этносоциологического исследования) [Текст]. – Пермь: ПОНИЦАА, 2006. – 146 с.

142. *Черных А. В.* Китайская диаспора в Прикамье [Текст] // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2007. – № 130. – С. 17–18.

143. *Шакино И. М.* Об участии интернациональных отрядов в Гражданской войне на Урале [Текст] // Труды Свердловского областного краеведческого музея. – 1962. – № 2. – С. 3–15.

144. *Шумкин Г. Н.* Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны: историография проблемы [Текст] // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы IX Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2009. – Т. 1. – С. 172–177.

145. *Шумкин Г. Н.* Трудовая миграция китайцев на Урал в начале XX в. по материалам официальной переписки канцелярии пермского губернатора [Текст] // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – С. 353–359.

146. *Шумкин Г. Н., Рукосуев Е. Ю.* Политика пермского губернатора в отношении китайской миграции на Урал в начале XX в. [Текст] // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Административно-территориальные реформы в России: к 225-летию учреждения Пермского наместничества». – Пермь, 2006. – С. 193–196.

147. Этапы сотрудничества [Текст] // Уральский федеральный округ. – 2006. – № 10. – С. 28–29.

148. *Ян Хунмэй.* Миграция из Китая и китайская диаспора [Текст] // Международная экономика. – 2005. – № 3. – С. 61–65.

149. *李永昌.* 旅俄华工与十月革命 [Текст] (*Ли Юнчан.* Китайские рабочие в России в период Октябрьской революции) – Шицзячжуан, 1988.

III. Электронные ресурсы

1. Более 5 тыс. билетов выкупила китайская диаспора в Екатеринбурге на матчи розыгрыша Кубка Ельцина по волейболу [Электронный ресурс]: RUSSIAN-CHINA.ORG. 2007. URL: http://russian.china.org.cn/sports/txt/2007-06/27/content_8449086.htm (дата обращения: 12.10.2010).

2. *Бурнусов А. С., Степанов А. В., Стровский Л. Е.* Региональный вектор российско-китайского сотрудничества [Электронный ресурс]: // URAL-YELTSIN: Уральский центр Бориса Ельцина. 2008. URL: <http://www.ural-yeltsin.ru/usefiles/destiny/Burnasov.doc> (дата обращения: 10.03.2010).

3. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Пермская область [Электронный ресурс]: DEMOSCOPE.RU. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=54 (дата обращения: 15.01.2010).

4. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Свердловская область [Электронный ресурс]: DEMOSCOPE.RU. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=61 (дата обращения: 15.01.2010).

5. В Свердловской области граждане Китайской Народной Республики выращивали на продажу овощи, опасные для жизни покупателей [Электронный ресурс]: Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/news/news-1073012/print=1> (дата обращения: 10.12.2010).

6. В Свердловской области русских выселяют из общежитий, а китайцам дают прописку [Электронный ресурс]: Информационное агентство «Новый регион». 2005. URL: <http://www.nr2.ru/ekb/101714.html> (дата обращения: 10.12.2010).

7. *Гельбрас В. Г.* Китайцы в России: сколько их? [Электронный ресурс]: Демоскоп-Weekly. 2001. № 45–46. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/045/rossia01.php#a01> (дата обращения: 10.03.2010).

8. Дятлов В. И. Адаптация мигрантов к современному российскому обществу: стратегия диаспорализации [Электронный ресурс]: Центр миграционных исследований. URL: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg03.php (дата обращения: 10.03.2010).

9. Екатеринбург: новый вид издательского бизнеса – газета для китайцев [Электронный ресурс]: OPENMARKET.RU. 2007. URL: <http://openmarket.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=338246> (дата обращения: 12.10.2010).

10. Каменских М.С. Проблемные стороны в системе отношений КНР и РФ: совместные гидроресурсы [Электронный ресурс] // Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» – М.: Издательство МГУ, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD–ROM).

11. Каменских М. С. Средний Урал как один из центров становления китайской диаспоры в России [Электронный ресурс] // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2010» / Отв. ред. И. А. Алешковский, П. Н. Костылев, А. И. Андреев. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 1 электрон. опт. диск (CD–ROM).

12. Каменских М.С. Характерные черты китайской диаспоры Урала в XX веке в контексте истории китайской диаспоры в России [Электронный ресурс] // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» – М.: Издательство МГУ; СП МЫСЛЬ, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD–ROM).

13. Китайцы выращивали в Свердловской области опасные овощи [Электронный ресурс]. URL: http://www.oodvrs.ru/article/index.php?id_page=40&id_article=1262 (дата обращения: 10.12.2010).

14. Китайцы выращивали в Свердловской области опасные овощи [Электронный ресурс]: MIR96.RU. URL: <http://www.mir96.ru/news/view/39812> (дата обращения: 10.12.2010);

15. *Курто О.* Чайна-тауны в России [Электронный ресурс] // RUSSIANSHANGHAI.COM: Сайт Русского клуба в Шанхае. 2009. URL: <http://www.russianshanghai.com/articles/china/post1610> (дата обращения: 10.03.2010).

16. Международное сотрудничество Перми [Электронный ресурс]: Официальный сайт администрации города Перми. URL: <http://www.gorodperm.ru/info/about/Brothers/> (дата обращения: 29.11.2010).

17. Основной поток иммигрантов в Пермскую область идет из Таджикистана и Узбекистана [Электронный ресурс]: Русская линия: православное информационное агентство. URL: <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=716109> (дата обращения: 15.12.2010).

18. О принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики: Соглашение между Правительством Рос. Федерации и Правительством Китайской Народной Республики от 10 ноября 1997 г. [Электронный ресурс] // ALTAIINTER.INFO: Официальный сайт Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай. URL: http://www.altaiinter.info/legislation/971110_ru-cn/ (дата обращения: 15.01.2010).

19. Помощь китайцам [Электронный ресурс]: Четвертый канал. 2008. URL: <http://www.channel4.ru/content/200805/16/112.china.html> (дата обращения: 12.10.2010).

20. Протоколы, меморандумы о сотрудничестве Екатеринбурга с зарубежными городами [Электронный ресурс]: Официальный сайт администрации города Екатеринбурга. URL: <http://www.ekburg.ru/administration/administration-gorod/4/8/31/> (дата обращения: 25.10.2010).

21. Сегодня открывается первый в России китайский клуб // [Электронный ресурс]: REGIONS.RU. 2008. URL:

<http://www.regions.ru/article/any/id/1545756.html> (дата обращения: 12.10.2010).

22. Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 18 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]: PRAVOTEKA.RU. URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/104/51626.html>. (дата обращения: 15.01.2010).

23. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристских поездках [Электронный ресурс]: TRAVEL.RU. URL: <http://archive.travel.ru/china/4625.html> (дата обращения: 25.01.2010).

24. Уральцы попали на китайскую капусту [Электронный ресурс]: Эксперт-Урал. 2009. URL: <http://www.expert-ural.com/25-0-8364/> (дата обращения: 10.12.2010).

25. Чайнатаун по-екатеринбургски [Электронный ресурс]: Деловая газета «Капитал». 2004. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-162206.html (дата обращения: 25.06.2008).

IV. Диссертации и авторефераты

1. *Башкуева Е. Ю.* Китайские мигранты в Забайкальской области: 1860–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Башкуева Е. Ю. – Улан-Удэ, 2004. – 16 с.

2. *Ван И.* Приграничное экономическое сотрудничество между Россией и Китаем: Автореф. дис. ... канд. эк. наук: 08.00.14 / Ван И. – М., 2009. – 27 с.

3. *Владимирова Д. А.* Проблемы этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия китайцев и русских на российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая: вторая половина XIX – начало XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Владимирова Д. А. – Владивосток, 2005. – 26 с.

4. *Гун Ляньхуа.* Международная трудовая миграция в условиях глобализации: на примере России и Китая: Автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.03 / Гун Ляньхуа. – М., 2008. – 22 с.

5. *Жданова Н. Н.* Развитие приграничного и межрегионального сотрудничества Забайкалья с провинциями КНР в 1950–1980-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Жданова Н. Н. – Иркутск, 2005. – 21 с.

6. *Ли Зизхонг.* Проблемы и перспективы развития отношений РФ и КНР в условиях формирования нового миропорядка: Автореф. дис. ... канд. пол. наук: 23.00.04 / Ли Зизхонг. – СПб, 2009. – 24 с.

7. *Лю Цзайи.* Китайско-российские отношения в 1991–2003 гг.: Политико-дипломатические аспекты: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Лю Цзайи. – М., 2004. – 17 с.

8. *Низенко А. А.* Китайские и корейские граждане в Советской России и их деятельность в 1917–1922 гг.: Проблемы интернациональной солидарности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / 07.00.02 / Низенко А. А. – М., 2004. – 25 с.

9. *Тесленко С. А.* Китайская и корейская миграция на Дальний Восток России и её влияние на социально-экономическое развитие региона: 1860–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тесленко С. А. – Комсомольск-на-Амуре, 2007. – 28 с.

10. *Шармашкеева Н. Ж.* Социокультурная адаптация китайских мигрантов в Бурятии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шармашкеева Н. Ж. – М., 2007. – 18 с.

11. *Ян Хунмэй.* Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к регулированию: Автореф. дис. ... канд. эк. наук: 08.00.14 / Ян Хунмэй. – М., 2008. – 18 с.

V. Полевые материалы автора (ПМА)

Материалы полевых исследований в г. Перми в 2007–2009 гг.

Список информаторов:

1. г. Пермь. Вэй Светлана Петровна, 1945 г.р., Вэй Сибин, 1933 г.р.
2. г. Пермь. Цзи Чжунсян, Завьялова Наталья Чжунсяновна, 1963 г.р., Кузнецова Нина Федоровна, 1949 г.р.
3. г. Пермь. Мын Сянлин, 1935 г.р.
4. г. Пермь. Чжан Ляндын, 1935 г.р.
5. г. Пермь. Чжан Сифу, 1935 г.р., Норина Людмила Григорьевна, 1940 г.р.
6. г. Пермь. Кривоногов Владимир Павлович, 1948 г.р.
7. г. Пермь. Константинов Аркадий Александрович, 1959 г.р.

简述 乌拉尔地区华人史

乌拉尔地区的华人历史大致可以分为三个阶段：苏联之前，苏联时期和苏联之后。

据悉，乌拉尔地区第一批中国人出现于19世纪末。据俄罗斯彼尔姆的人口调查报告显示，有两个自称自己母语是汉语的人在彼尔姆省居住过。关于他们的所作所为，不被人知。

在1904-1905年的俄日战争中，远东把中国，日本和朝鲜的战争俘虏送到彼尔姆。当地人对他们很感兴趣。据当地居民回忆，很多中国人成立了马戏团，报社，因此出版了关于他们事迹的地区性报纸。地区报纸《彼尔姆省公报》对这些马戏团做了报道。彼尔姆档案馆存有5个马戏团的文件。其他中国人也同样容易的找到了在别处修铁路的工作。地方当局援助他们衣服、食物，支付不多的工资。

当战争结束的时候，几乎所有的中国人都走了。但是十年后另外一批中国人来到了这里。

1910年初，俄国经济开始增长，往俄罗斯涌入了很多中国工人《苦力》，他们修建铁路，在煤矿工作。但是他们主要在西伯利亚和远东地区工作。第一次世界大战爆发的时候，俄国国内出现人手短缺的情况。由于这个原因，全俄罗斯，其中包括彼尔姆省开始大规模引进中国工人。

从1915年8月开始，第一批中国人大约500-700人来到了乌拉尔地区。至1916年他们的数量增长到一万人。

中国工人的工作条件非常恶劣。他们每天工作10个小时，几乎没有休息日。今天在乌拉尔档案馆仍存有几个中国人和工厂签

约的合同。合约包括工厂向中国人提供必要的工作岗位和往返路费，生活所需的食物，衣物和住所。工厂专门为中国工人大批采购了中国物品。合同一般一年就到期了，但是大部分的中国人一般选择续签。由于工作条件非常恶劣，所以中国人的不满抗议事件是人尽皆知的。彼尔姆地区最大的一次暴力抗议事件发生在1915年11月。

1917年初，俄罗斯君主立宪制度被废除，俄罗斯内战爆发，中国工人开始加入«红军» (Krasnaya Armiya)。1918年春天在乌拉尔成立了第一个中国志愿军部队。稍后，在乌拉尔地区建立了第一个工农军团«红鹰»和华人军团，其中华人军团隶属于东部方面军第3军第29步兵师。今天在乌拉尔Troitsa村，El ovo村，Karagay 村 和Verhoturye 城市保留有四个中国人的纪念像，为纪念1918年曾有很多中国人在这里打过仗。

战后生还的中国人继续从事在煤矿的工作，他们中的一部分人于1929年成立了«中国工人»合作社。它运作到1930年，档案馆同样存有与它有关的信息。

在斯大林统治期间，很多中国人同所有外国人一样遭到误杀。仅在彼尔姆档案馆就存放着100多个控告中国人搞间谍活动的机密文件。在1941-1945的战争初期，彼尔姆的中国人所剩无几。关于他们的一切，不被人知。

50年代初期中国和苏联之间开始建立起友好关系，彼尔姆重新向来苏联的中国人提供工作岗位。

1954年中国和苏联就中国人将在苏联学习建筑一事达成协议。1955年第一批中国人来到彼尔姆，第二批于1956年九月5日到达彼尔姆。截至1956年底，共有597个中国人在彼尔姆生活。这批中国工人们记得，当他们看到其他老华人的时候感到非常吃惊。

今天在彼尔姆档案馆留有很多关于在彼尔姆的中国人的生活和生活方式的文件，俄罗斯的工人们也记得他们。

居住在这里的中国工人开始学习俄语，他们中有的获得建筑学位证书，有的获得车间技师资格证，有的获得驾驶执照，还有的获得电气技师资格证。

苏联工作法规定，中国人和俄罗斯人享受同等待遇。他们享有社会保障制度，退休金，医疗保障，公费娱乐活动，并且工资同俄罗斯人一样。

中国人记得，当时生活非常舒适。他们很高兴和俄罗斯人交流。并且工作一年以后，在彼尔姆有10对情侣走进了婚姻的殿堂，后来他们的孩子进入彼尔姆的幼儿园上学。中国工人在有些节日上，向俄罗斯人展示中国的京剧。彼尔姆的几个报社对此做了相关报道。

这些中国工人参与了彼尔姆石油冶炼厂，发电厂和和平大街的建设工作。

除此之外，上世纪50年代曾有来自中国的留学生们在乌拉尔地区学习过。他们中大多数人在乌拉尔综合技术学院接受教育（斯维尔德洛夫斯克市）。根据档案显示，在1955-1965年间，有200多人接受了高等教育。他们所有人都获得了技术专业，并且回到祖国之后，国家为他们安排了工作。

在1964年，苏联和中国之间的关系变得复杂起来。差不多所有中国人都回国了。И з 最后一些中国留学生们于1964年底离开了斯维尔德洛夫斯克。他们中只有10个人留了下来，因为他们有了自己的家庭和孩子。据剩下的人回忆，所有回中国的人都找到了很好的工作，因为他们有丰富的工作经验和知识。

今天在彼尔姆还住有几个中国人。

乌拉尔地区华人史的第三个阶段开始于90年代初期，苏联解体以后，俄罗斯开始了经济危机-国内没有居民日常生活用品。因此，中国商人开始进入俄罗斯。在彼尔姆的巴洛克威区渐渐形成了中国市场。一直经营到今天。

所有城市中几乎都在这个时期出现了中国市场。

1990年在叶卡捷琳堡恢复了俄中友好协会的工作。主持工作的是在中国很有名的苏联军人V. Blucher的儿子 - Vasiliy Blucher。彼尔姆于1994年成立了中俄友好协会，主要目的是维持中国和彼尔姆的文化联系，宣扬中国文化，讲授汉语。

大约在这个时期，斯维尔德洛夫斯克省与中国的省，市开始了积极的合作。首先是黑龙江省哈尔滨市。

2000年初第一批中国留学生来到了乌拉尔。今天有中国留学生在乌拉尔国立大学，彼尔姆国立大学和彼尔姆技术大学学习。

最近几年乌拉尔和中国间的关系得到了积极发展：签订新的合同，开设大型公司的办事处。绝非偶然，2009年在叶卡捷琳堡开设了中国驻叶卡领事馆，并举办了上海合作组织最高级会议，而在彼尔姆市发布了汉语版本的彼尔姆行政机构官方网站。

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА I. КИТАЙЦЫ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД С КОНЦА XIX в. – ДО 1918 г.	34
1.1. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XX в.	34
1.2. Китайцы на Урале в годы Первой мировой войны.....	46
1.2.1. Обстоятельства приезда и численность китайцев на Среднем Урале в годы Первой мировой войны.....	48
1.2.2. Законодательство и политика местных властей в отношении китайцев	56
1.2.3. Условия труда и сферы деятельности китайцев на Среднем Урале в годы Первой мировой войны	65
1.2.4. Конфликтные ситуации в организации труда и проблемы побегов китайцев с заводов Среднего Урала.....	75
1.2.5. Быт китайских рабочих на Урале в годы Первой мировой войны	91
ГЛАВА II. КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ПЕРИОД С 1918-го ПО КОНЕЦ 1930-х ГОДОВ	114
2.1. Политика советской власти в отношении китайцев	114
2.2. Китайцы на Среднем Урале в годы Гражданской войны	122
2.3. Китайцы Среднего Урала в 1920-е годы.....	130
2.3.1. Социально-демографические характеристики и численность китайцев	130

2.3.2. Сферы деятельности китайцев на Среднем Урале в 1920-е годы.....	136
2.3.3. Повседневная жизнь, быт и проблемы адаптации китайцев на Урале в конце 1920-х годов.....	139
2.4. Положение китайцев на Среднем Урале в 1930-е годы.....	142
 ГЛАВА III. КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ЭПОХУ «БОЛЬШОЙ ДРУЖБЫ»	
(начало 1950-х – середина 1960-х годов).....	160
3.1. Китайские студенты в вузах Среднего Урала.....	163
3.2. Китайские рабочие на Среднем Урале в 1950-х – середине 1960-х годов.....	168
3.3. Положение китайцев на Среднем Урале после окончания «Большой дружбы».....	193
 ГЛАВА IV. КИТАЙЦЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В КОНЦЕ 1980-х – КОНЦЕ 2000-х ГОДОВ	
4.1. Начало новой иммиграционной волны из Китая.....	206
4.2. Проблемы численности и нелегальной миграции китайцев на Среднем Урале, политика местных властей в отношении граждан КНР.....	213
4.3. Сферы деятельности китайцев на Среднем Урале в 1990-е – начале 2000-х годов.....	224
4.4. Быт, культура, проблемы адаптации китайцев Среднего Урала в 1990-х – начале 2000-х годов.....	230
4.5. Современное состояние китайской этнической группы Среднего Урала.....	241
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	291
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	294
简述. 乌拉尔地区华人史.....	349

Научное издание

Михаил Сергеевич Каменских

**Китайцы на Среднем Урале
в конце XIX – начале XXI в.**

Редактор М. Лебедева

Оформление Л. Шадрина

Корректор И. Контева

Компьютерная верстка Р. Терновский

Фотографии для книги сделаны Д.И. Вайманом, Е.Н. Жулановым, М.С. Каменских, Д.М. Софьиным, А.В. Чащиным, Ян Бей, а также использованы фотоматериалы Государственного архива Пермского края, Государственного архива Свердловской области, Пермского государственного архива новейшей истории, Государственного архива административных органов Свердловской области, МОУДОД «Детско-юношеский центр «Рифей» г. Перми, пресс-службы Главы города Перми, личных архивов Чжан Сифу, Вэй Сибина, Мын Сянпина, семьи Цзи Чжунсяна.

Каменских М.С.

К 18 Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. / М.С. Каменских. Научн. ред. А.В. Черных, Г.Е. Корнилов. – Санкт-Петербург: Издательство «Маматов», 2011. – 352 с., ил.

В монографии на основе не публиковавшихся ранее архивных материалов, материалов периодических изданий и этнографических источников рассматриваются особенности формирования, становления и развития китайской этнической группы на Среднем Урале в конце XIX – начала XXI в. Впервые рассмотрены основные этапы формирования и миграций китайцев на Средний Урал, их численность и расселение, особенности сохранения национальной культуры и адаптации в местном сообществе.

Издание рассчитано на специалистов в области истории и этнографии, будет интересно и широкому кругу читателей, неравнодушных к истории и этнической культуре Китая.

ISBN 978-5-91076-046-6

УДК 94(470.53)

ББК 63.3(235.55)

Подписано в печать 20.05.2011. Формат 60х90/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22+1. Тираж 1000. Заказ № 1123.

Издательство «Маматов»

190068, г. Санкт-Петербург, Вознесенский пр., 55 а,

www.mamatov.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в

ОАО «Издательско-полиграфический комплекс «Звезда»

614990, г. Пермь, ГСП – 131, ул. Дружбы, 34

ISBN 978-5-91076-046-6

9 785910 760466

Проходное свидетельство китайца Ван Хэ,
лицевая сторона, Пермская губерния, 1905 г.
(ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 570. Л. 97)

Проходное свидетельство китайца Ван Хэ,
оборотная сторона, Пермская губерния, 1905 г.
(ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 570. Л. 97 об.)

но грубых людей, которые не только ругают нас, но
иногда бросаются на нас камнями, толкают нас и да-
же бьют. Ссорились с ними и толкали мы с при-
корбенью еще махали кистями, что же касается удара
каменьями и побоев, то они, как угрожающие опасности
нашему здоровью и жизни, вынуждают нас обратиться
к Вашему Превосходительству с покорнейшею
просьбою рассмотреть нас, по территории других горо-
дов Российской Империи, не имеющих истомы, где
мы ранее жили по торговым делам своим, и где
три сестры полицейские свистки, нами мы, в силу
явной опасности, угрожающей нашему здоровью и
жизни, могли бы пользоваться с целью призвать на
помощь полицию, если угрожающая нам опасность не
может быть предотвращена нами иными спосо-
бами.

Мая 5 дня 1905 года 李素海, 梁超, 于中法, 于倫書,

Письмо китайцев
пермскому
губернатору,
г. Пермь, 1905 г.
(ГАПК. Ф. 65.
Оп. 3. Д. 569)

Бойцы китайского батальона, 1918 г. (ГАСО. ФФ. Н. 3495)

Командный состав китайского батальона, 1918 г.
В центре в белом – Жен Фучен (ГАСО. ФФ. Н. 3494)

Мемориал китайцам,
погибшим под с. Троица в 1918 г.,
Пермский край

Мемориальная надпись
на памятнике в Троице

Мемориальная надпись
на памятнике в с. Елово

Памятник китайцам,
погибшим
под Верхотурьем
в 1918 г.,
Свердловская область

Памятник китайцам, погибшим у с. Елово в 1918 г.,
Пермский край

Союз Советских Социалистических Республик.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО ДЛЯ ИНОСТРАНЦА.

Настоящий вид выдан Китайскому пограничнику Лю-Дэ-Чену 8-го июля 1932 г. г. Пермь.

на временное пребывание в г. Перми и действителен на г. Пермь по 8-го июля 1932 г. что подписано и приложено к печати удостоверения.

Выдан г. Пермь 1932 г. г. Пермь.

СВЕДЕНИЯ О ПРЕДЪЯВИТЕЛЕ.

1. Время и место рождения 1890 г. г. Чанчунь
2. Семейное положение Одиночество
3. Основная профессия или должность Пограничник
4. Цель приезда торговая
5. Когда, почему и какими властями СССР выдана посольная виза на 1932 г. в г. Перми с. 48
6. Какие документы послужили основанием к выдаче Визы. Консульский г. Пермь. от 14/7. 32 г. № В.В. 73686
7. При нем находятся дети до 16 лет нет

Вид на жительство
китайца Лю Дэчена,
г. Пермь, 1930-е гг.
(ПермГАНИ. Ф. 641. Оп. 1.
Д. 8864. Л. 142)

Удостоверение красногвардейца
Лузина «Му-хин-са»
Николая Ивановича, г. Пермь,
1930-е гг. (ПермГАНИ. Ф. 641.
Оп. 1. Д. 8864. Л. 82 об. - 83)

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 273.

193 г.

Настоящее удостоверение выдано тов. Лузин «Му-хин-са» Николай Иванович (фамилия, имя и отчество)

в том, что указанный товарищ действительно является красногвардейцем

(указано: кто был, красногвардеец, красный партизан или членом политбюро (партийного) красногвардейца, красного партизана)

И имеет право на пользование льготами, установленными Правительством для быв. красногвардейцев, красных партизан и их семей.

外交部

發給護照事務有

前往 蘇聯 取道

友邦地方文武官員妥為照料遇事襄助

須至護照者

中華民國廿四年 二月 七日

此照限用 全年共拾陸頁

聯應請

姓名 張庭鑑

年齡 廿五

職業 工

籍貫 河北

相片

貼印

花貼

Национальный
паспорт китайца
Чжан Тиндина,
г. Свердловск, 1930-е гг.
(ГААОСО. Ф. Р.-1.
Оп. 1. Д. 1815. Л. 31)

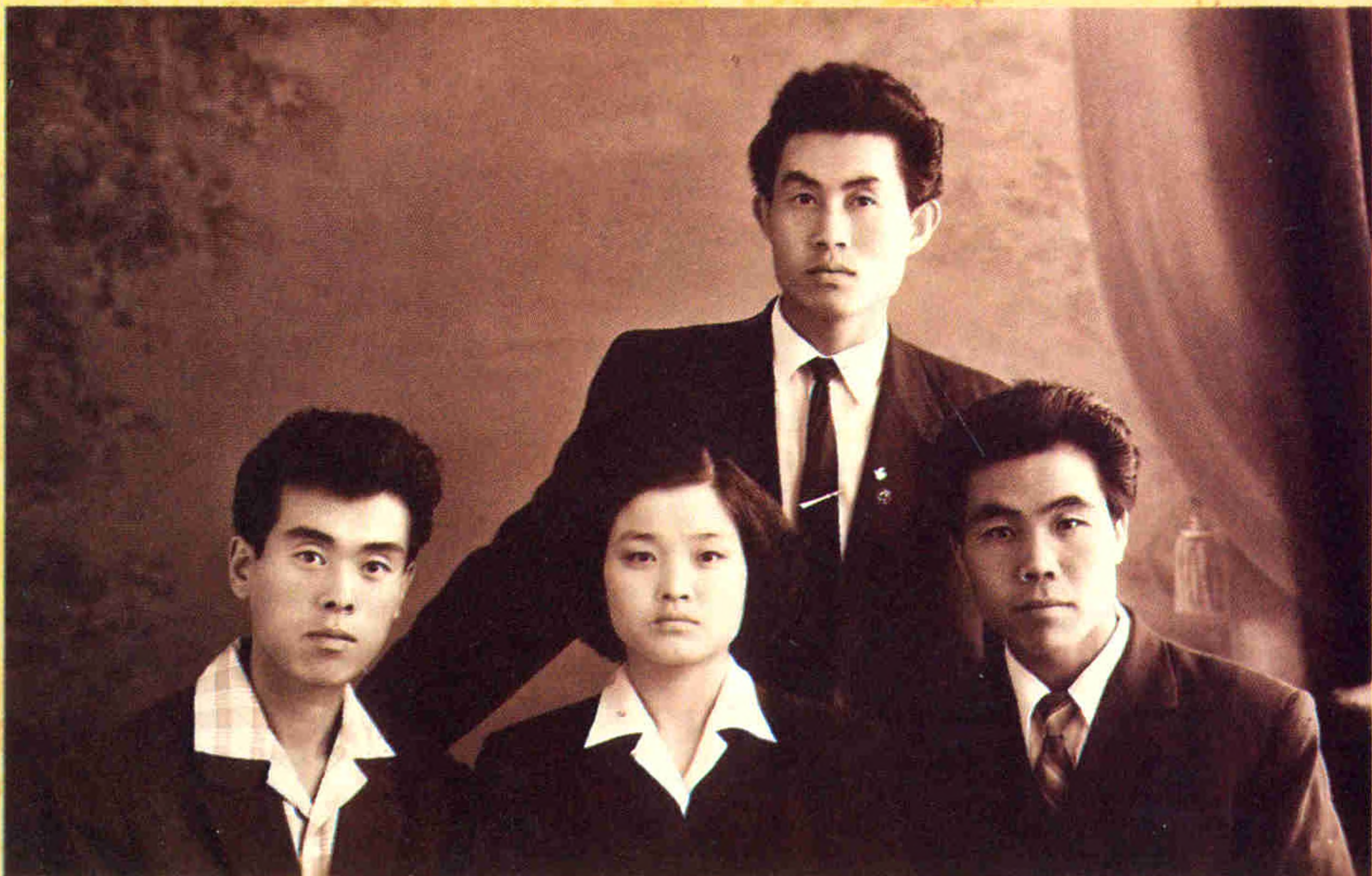
Китайские практиканты на Первоуральском новотрубном заводе,
г. Первоуральск, 1958 г. (ГАСО. ФФ. Н. 5978)

Китайские студенты УПИ на демонстрации по случаю 41-й годовщины Октября.
г. Свердловск, 1958 г. (ГАСО. ФФ. Н. 6990)

Китайские практиканты в первые месяцы после приезда, г. Пермь, 1956 г.

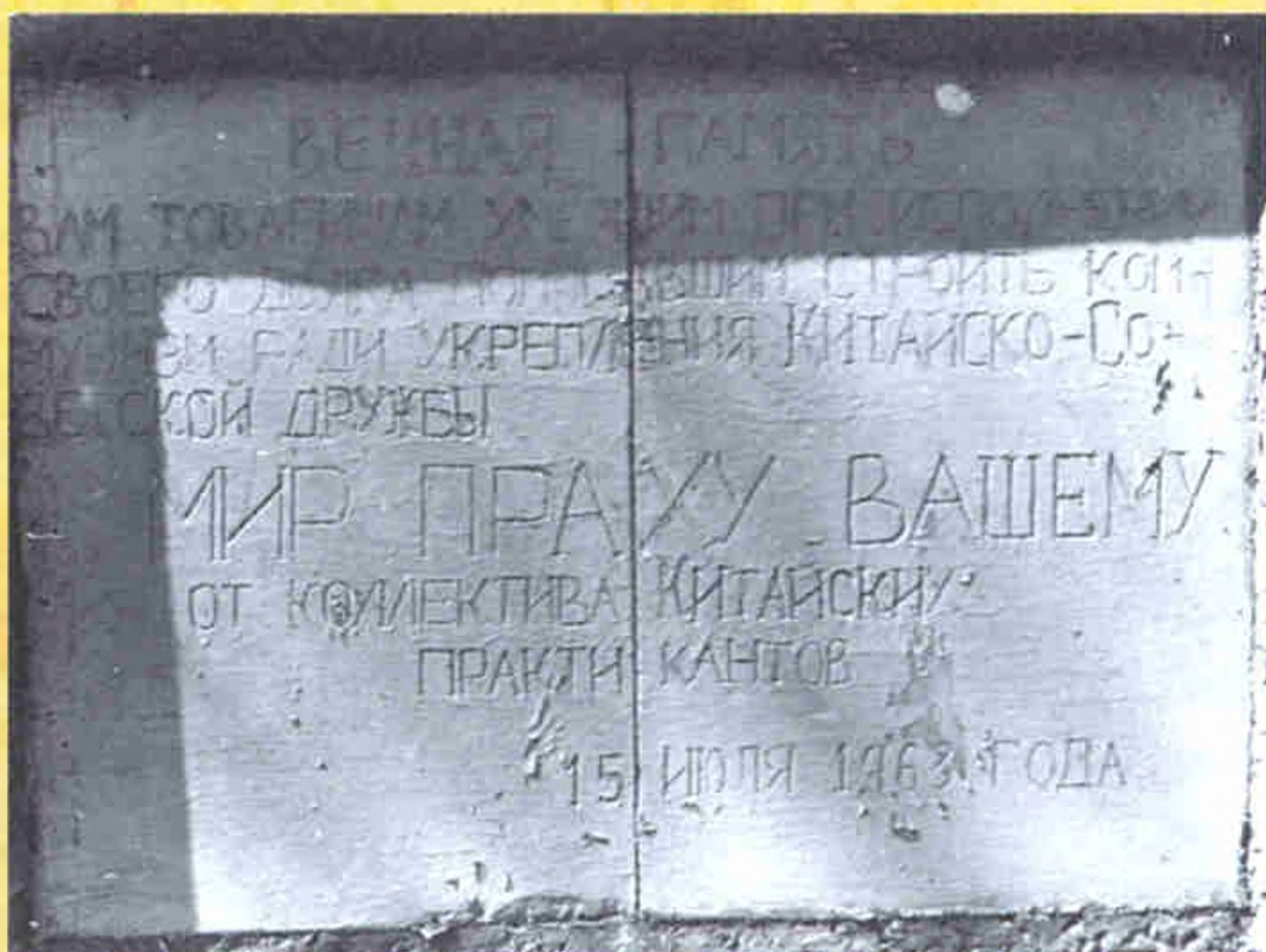
Бригада китайских практикантов Молотовстроя, г. Пермь, 2-я пол. 1950-х гг.
(Фотоколлекция МОУДОД «Детско-юношеский центр «Рифей» г. Перми)

Бригада китайских строителей, г. Пермь, начало 1960-х гг.
(Фотоколлекция МОУДОД «Детско-юношеский центр «Рифей» г. Перми)

Выпуск шоферов- китайских курсантов, г. Пермь, начало 1960-х гг.
(Фотоколлекция МОУДОД «Детско-юношеский центр «Рифей» г. Перми)

«Китайское кладбище» г. Перми
(Фотоколлекция МОУДОД «Детско-юношеский центр «Рифей» г. Перми)

Дети китайцев в детском саду в г. Перми
(Фотоколлекция МОУДОД «Детско-юношеский центр «Рифей» г. Перми)

Делегация китайских строителей в детском саду, г. Пермь
(Фотоколлекция МОУДОД «Детско-юношеский центр «Рифей» г. Перми)

Демонстрация 1 мая 1962 г., г. Пермь
(Фотоколлекция МОУДОД «Детско-юношеский центр «Рифей» г. Перми)

Китайские рабочие с семьями, г. Пермь, 1970-е гг.
(Фотоколлекция МОУДОД «Детско-юношеский центр «Рифей» г. Перми)

Бывшие рабочие Молотовстроя встречают друзей на вокзале, г. Пермь, 1990 г.
(Фотоколлекция МОУДОД «Детско-юношеский центр «Рифей» г. Перми)

Бывший рабочий Молотовстроя
Чжан Сифу с женой, г. Пермь, 2010 г.

Бывший рабочий Молотовстроя
Мын Сянлин с женой, г. Пермь, 2010 г.

Бывший рабочий Молотовстроя
Вэй Сибин с женой, г. Пермь, 2009 г.

Бывший рабочий Молотовстроя
Чжан Ляндын с семьей
(Фотоколлекция МОУДОД
«Детско-юношеский центр «Рифей»
г. Перми)

Бывший рабочий Молотовстроя
Цзи Чжунсян с женой во время
туристической поездки, 1990-е гг.

Визит официальной делегации г. Шеньян в г. Пермь в 1990 г.

Визит официальной делегации г. Циньдао в г. Пермь, 19 июля 2007 г.

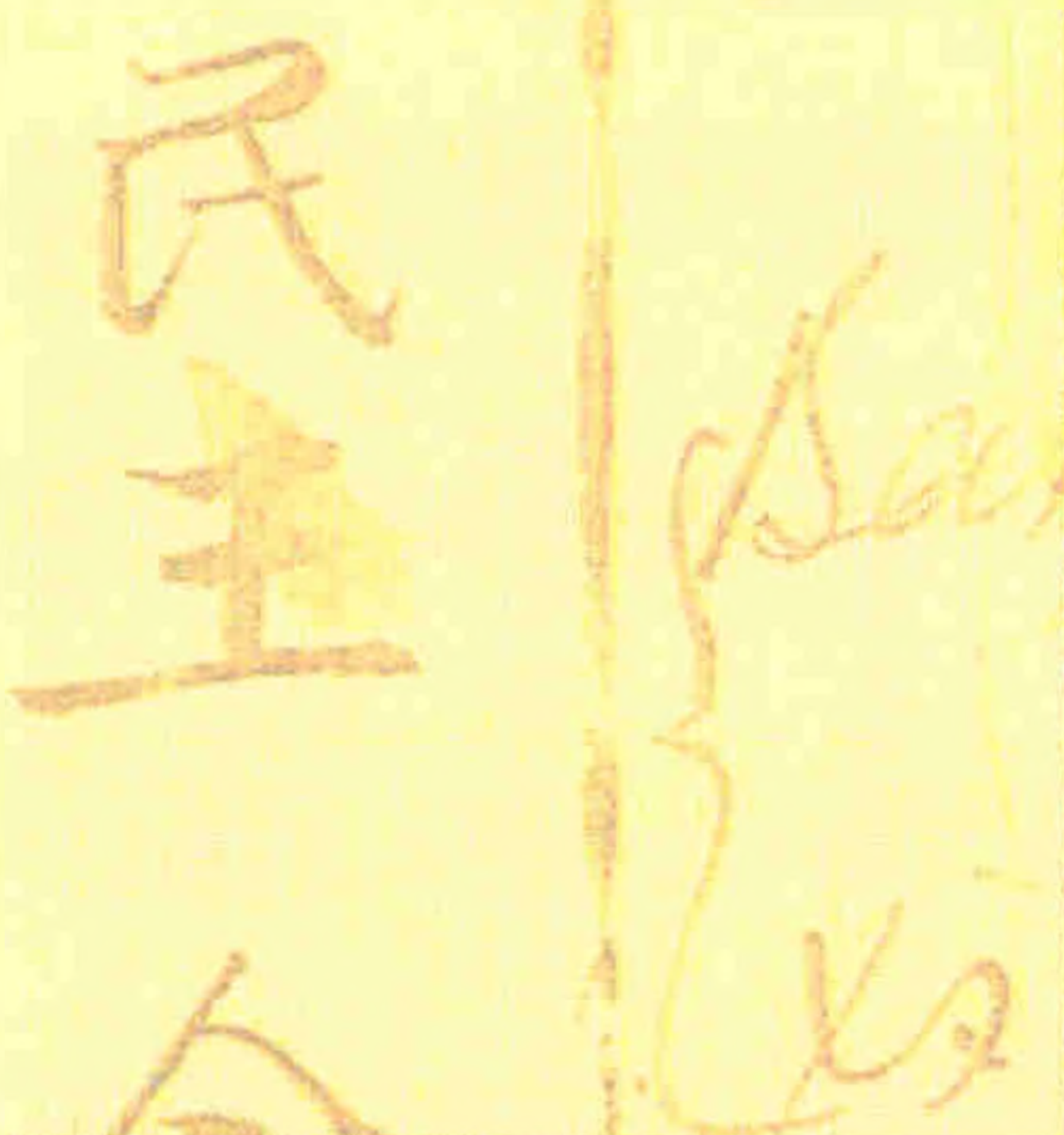
Китайские студенты Пермского государственного университета, г. Пермь, 2010 г.

Китайские студенты Уральского государственного технического университета, г. Екатеринбург, 2008 г.

«Китайский магазин», г. Екатеринбург, 2010 г.

Прилавок
в «китайском магазине»,
г. Екатеринбург, 2010 г.

Празднование 8 Марта китайской общиной, г. Пермь, 2011 г.

